

СВЯТО-РУССКИЕ ВЕДЫ КНИГА КОЛЯДЫ

СВЯТО-РУССКІА
ВѢДЫ
КНИГА КОРАДЫ

2-е издание,
исправленное и дополненное

«Издательство ФАИР»
Москва
2010

УДК 82/821
ББК 63.3(2)41
С24

С24 Свято-Русские Веды. Книга Коляды. — 2-е изд.,
испр. и доп./Воссоздание песен, обработка, переводы
с разных славянских языков и диалектов А. И. Асо-
ва.— М.: «Издательство ФАИР», 2010. — 576 с.: ил.

ISBN 978-5-8183-1301-6

Книга являет собой свод древнейших славянских преданий о Сотворении Мира, о богах и героях белогорской и берендеевской священной традиции. Тексты собраны по славянским устным преданиям, народным книгам. Многие тексты — общие для большинства великих ведических и языческих цивилизаций древности и современного мира.

Для широкого круга читателей.

УДК 82/821
ББК 63.3(2)41

*В книге использованы иллюстрации художников
В. М. Васнецова, К. А. Васильева, А. Клименко.*

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

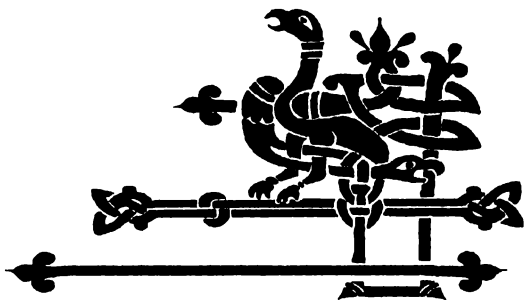
© Асов А. И., 2006
© Серия, оформление.
«Издательство ФАИР», 2010

ISBN 978-5-8183-1301-6

*Прилети, Гамаюн, птица вещая,
Через море раздольное,
Через горы высокие,
Через тёмный лес, через чисто поле.
Ты воспой, Гамаюн, птица вещая,
На белой заре, на крутой горе,
На ракиновом кусточке,
На малиновом пруточке.*

РОЖДЕНИЕ МИРА

Разгулялась непогодушка, туча грозная подымалась. Расшумелись, приклонились дубравушки, всколыхалась в поле ковыль-трава. То летела Гамаюн — птица вещая со восточной со сторонушки, бурю крыльями поднимая. Из-за гор летела высоких, из-за леса летела тёмного, из-под тучи той непогожей.

Сине море она перепархивала, Сарачинское поле перелётывала. Как у реченьки быстрей Смородины, у Бел-горюч Камня Алáтыря во Ирийском саде на яблоне Гамаюн-птица присаживалась. Как садилась она — стала песни петь, распускала перья до Сыро́й Земли.

Как у Камня того, у Алáтыря, собирались-соезжались сорок грозных царей со царевичем, также сорок князей со князевищем, с ними сорок могучих витязей, с ними сорок мудрых волхвов. Собирались-соезжались, вокруг её рядами рассаживались, стали птицу-певицу пытать:

— Птица вещая, птица мудрая, много знаешь ты, много ведаешь... Ты скажи, Гамаюн, спой-поведай нам... Отчего зачался весь Белый Свет? Солнце Красное как зачалось? Месяц светлый и часты звёздочки отчего, скажи, народились? И задули как ветры буйные? Разгорелись как зори ясные?

— Ничего не скрою, что ведаю...

До рождения Света Белого тьмой крошечною был окутан Мир. Был во тьме лишь Род — Прародитель наш. Род — Родник Вселенной, Отец богов.

Был вначале Род заключён в Яйце, был Он семенем непророщенным, был Он почкою нераскрывшейся. Но конец пришёл заточению, Род родил Любовь — Ладу-матушку.

Род разрушил темницу силою Любви, и тогда Любовью мир наполнился.

И родил Он Царство Небесное, а под ним создал Поднебесное. Отделил Океан — море синее от небесных вод твёрдью каменной. Разделил Свет и Тьму, Правду с Кривдою.

Род из уст испустил птицу Матерь Сва, Духом Божьим родил Сварога. Был беремен Он Божьим Словом — Барму породил бормотаньем.

И Корову Земун, и Козу Седунь Он родил во Царстве Своём Святом. И из их сосцов разлилось Молоко по небесному своду синему.

Род родил Седаву-звезду в вышине, а под нею Камень Алатырь. И Алатырем пахталсбивал Молоко и из масла родил Землю-Матушку. Как родилась Мать Сыра Земля, так

ушла она в бездну тёмную, в Океане она схоронилась.

Солнце вышло тогда из лица Его самого
Рода небесного, Прародителя и Отца богов!

Месяц светлый — из груди Его. Звёзды частые — из очей Его. Зори ясные — из бровей Его. Ночи тёмные — да из дум Его. Ветры буйные — из дыхания. Дождь, и снег, и град — то от слёз Его. Гролом с молнией — голос стал Его!

Утверждён в колеснице огненной Гром гремющий — Господень глас. В лодке золотой Солнце Красное. А в ладье серебряной — Месяц.

Родом рождены были для Любви небеса и вся поднебесная. Род — Отец богов, Род и Мать богов, Род — рождён собой и рождается вновь.

Род — все боги и вся поднебесная. Род — что было и то, чему быть суждено, что родилось и то, что рождается.

Род из уст испустил Птицу Матерь Сва, Духом Божьим родил Сваро́га. И четыре главы Род Сваро́гу дал, чтоб осматривал он Вселенную.

Путь Сваро́г стал Солнцу прокладывать по небесному своду синему, чтобы кони-дни мчались по небу, после утра чтоб разгорался день, после вечера — наступала ночь.

И изрёк Сваро́г:

— Будет небо пусть! Пусть двенадцать столпов небеса подпирают! Будут пусть облака в поднебесье, звёзды — ночью тёмной, свет — ясным днём! Пусть ветра исходят из Божьих уст и волнуется море широкое!

Высока́ высота поднебесная, глубока́ глубина океанская, широко́ раздольюшко в мире Божьем...

Над Сваро́гом сияет Солнце, светит Месяц, мерцают звёзды. А под ним Океан расстилается — волны плещут и пеной пенятся. Осмотрел Сварог поднебесье, не увидел лишь Землю-Матушку.

— Где же Мать-Земля? — опечалился.

Тут заметил он — точка малая в Океане-море чернеется. То не точка в море чернеется, это Уточка серая плавает, пеной серою порож-

дѣнная. На одном месте не сидит, не стоит — всё поскакивает и вертится.

— Ты не знаешь ли, где Земля лежит? — стал пытаться Сварог серу Уточку.

— Подо мной Земля, — говорит она, — глубоко в Океане схоронена...

— По велению Рода-батюшки, по хотению по Сварожьему Землю ты добудь из глубин морских!

Ничего не ответила Уточка, в море синее унырнула, целый год в пучине скрывалась. Как год кончился — поднялась со дна.

— Не хватило мне духа-силушки, не доплыла я до Земли чуток. Волосок всего не доплыла я...

Поднялись тогда ветры буйные, расшумелось море синее... Вдунул ветром Род силу в Уточку:

— По велению Рода-батюшки, по хотению по Сварожьему Землю ты добудь из глубин морских!

Ничего не ответила Уточка, в море синее унырнула, на два года в пучине скрылась. Как срок кончился — поднялась со дна.

— Не хватило мне духа-силушки, не доплыла я до Земли чуток. На полволоса не доплыла я...

Расшумелись тут ветры буйные, скрыли небеса тучи тѣмные. Глас Сварожий — Гром небеса потряс, и ударила в Утку молния. И вдохнул Сварог дух и силушку бурей грозною в серу Уточку:

— По велению Рода-батюшки, по хотению по Сварожьему Землю ты добудь из глубин морских!

Утка ничего не ответила, в море синее унырнула, на три года в пучине скрылась. Как срок

кончился — поднялась со дна: в клюве горсть земли принесла она. А с Землёю — маленький камень: Бел-горючий Камень Алатырь.

И отдала Сварогу-батюшке горсть сырой земли сера Уточка, а Алатырь — горючий Камень — всё же тайно сокрыла в клюве.

Взял Сварог землю ту, стал в ладонях мять.

— Землю ты согрей, Красно Солнышко! Остуди её, светлый Месяц! Вы же, ветры буйные, — дуйте! Помогите слепить из земли сырой Землю-Матушку, мать-кормилицу.

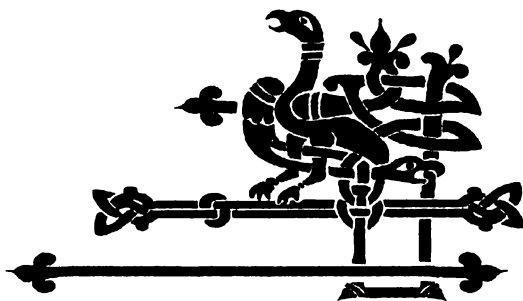
Землю мнёт Сварог — греет Солнышко, Месяц студит и дуют ветры. Ветры сдули Землю с ладони, и упала она в море синее. Обогрело её Солнце Красное — Мать-Земля запеклась сверху корочкой, остудил её Месяц светлый.

И заклил Сварог Землю-Матушку — разрослась тогда Мать Сыра Земля. Тяжелеть стал Камень горючий. Трудно стало тут серой Утке — не удержишь Алатырь в клюве! И она его обронила. Там, где пал Бел-горючий Камень, поднялась гора Алатырская.

Так Сварог сотворил Землю-Матушку. Три подземных свода он в ней учредил, три подземных, пекельных царства. Землю он утвердил на воде, воду ту — на жарком огне, а огонь — на великой тьме, а у той-то тьмы конца-края нет.

А чтоб в море Земля не ушла опять, Род родил под ней Юшу мощного — Змея дивного, многосильного. Тяжела его доля — держать ему годы и века Землю-Матушку.

Так была рождена Мать Сыра Земля. Так на Змее она упокоилась. Если Юша-Змей пошевелится — Мать Сыра Земля поворотится.

БИТВА С ЧЁРНЫМ ЗМЕЕМ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как устроен был поднебесный мир? Родились как силы небесные, как родился Сварожич сияющий? И о силах чёрных поведай нам! И о первой битве Добра со Злом, о победе Правды над Кривдою!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по морюшко, морю синему птица Мать Сва проплывала, перья белые, лебединые в сине морюшко окунала. Не встряхнётся она, не ворохнется...

А как время пришло — встрепенулася, сине морюшко всколыхнулося. Выходила она на крутой бережок, и яички клала в золотой песок — не простые, а золотые, силою святой налитые.

Расколосось яичко златое, что исполнено силой Яви. Из того яйца вылетал Орёл, возносился он к Солнцу Красному. Следом птичья

рать — стая соколов взвилась! Огнепёрые Парог и Финист!

И явилась Стратим сильнокрылая из золотого яйца с ветром буйным. Если птица та встрепенётся — море синее всколыхнётся, в поле травушка уплетётся.

И порхнула за ним Алконост — зоревая птица, рассветная, — та, что яйца кладёт на краю земли в синее море у самого берега. Вслед за нею сладкоголосая птица Сирин, что песнею чудною очаровывает и манит в Ирий светлый.

А затем поднялась в небо синее птица вещая — Гамаюн.

Как на море купалась Уточка, полоскалась на море серая, выходила она на крутой бережок. Встрепенувшись, Уточка вскрикнула:

— Ой ты, морюшко, море синее! Ой ты, матушка — Мать Сыра Земля! Тяжелёшенько мне, тошнёшенько — время мне яички откладывать, что исполнены силой Нави, неподвластные силе Яви.

Стала Уточка класть яички. Не простые яйца — железные, на крутом бережке, в золотом песке.

Тут завывали ветры и грянул гром — и разбилось яичко железное. Явлен был из яйца силой Нави Чёрный Ворон — сын серой Уточки.

Ворон стал над Землёю пролётывать, задевая крылом Землю-Матушку. Там, где Ворон пёрышко выронил, — вознеслись хребты неприступные, а где Землю задел краешком крыла — там Земля на ущелья растрескалась и легли овраги глубокие.

А за Вороном стайей чёрною поднялись птицы, Навью рождённые: птица-лебедь Обида с печальным лицом, а за нею Магуль чернокрылая, что поёт в ночи и дурманит — за собой в царство смерти манит.

Потемнело от птиц Солнце Красное, вороньё над полями заграяло, чёрны лебеди закурлычели, а сычи и совы замычели.

Тут ударил Сварог тяжким молотом по Алáтырю Бел-горючему — и рассыпались искры по небу. Так создал Сварог силы светлые и своё небесное воинство.

И тогда одна искра малая на Сыру Землю-Матушку падала. И от искорки занялась Земля, и взметнулся пожар к небу синему.

И родился тотчас в вихре огненном, в смагсвиле* той очищающей — сам Семаргл-Велес, Сварога сын.

Ярый бог, словно Солнце Красное, озаряет он всю Вселенную. Сам он — Свет, идущий от Солнца. Он и Жар, и Сварожье Пламя! Властелин Огня, Велес Пламенный!

Он Сварожич — Огненный бог! Под Сварожичем — златогривый конь, у того коня — шерсть серебряная. Его знамя — дым, его конь — огонь. Чёрный выжженный след оставляет он, если едет по полю широкому.

И завывали тут ветры буйные, и из вихрясвили явился, силою святою рождён, сам Стрибог — могучий Сварожич.

Он парил над горами, он летал по долам, он выпархивал из-под облака, падал на Землю, вновь от Земли отрывался, раздувая великое пламя!

Подползал к Белу Камешку Чёрный Змей, ударял по Алáтырю молотом. Порассыпались искры чёрные по всему поднебесному царству. Так рождалась сила чёрная — змеи лютые, многоглавые и вся нечисть земная и водная.

* Смага — жертвенное, священное пламя. Свила — святая сила жизни, изначальный вихрь.

Что там в небе шумит, что грозою гремит? Это птицы в небе слетались, это Правда бивалась с Кривдою. Это с силами Нави боролась Явь. Это Жизнь боролась со Смертью.

Стая светлая из-под облака стаю чёрную примечала. Видят: сила чёрная нагнана у того у Камня горячего. С поднебесья вниз с грозным клетотом стали падать они к стаям грающим.

Вот слетел Финист-Сокол на Камешек, на гнездо Чёрного Ворона. Ухватил за правое крылышко — проточилась кровь из-под крылышка. Стал просить тогда Ворон Сокола:

— Тыпусти меня, Ясный Сокол, к воронятам моим на волюшку!

— Я тогда отпущу, как крыло ощиплю, пух и перья развею по ветру!

Как по морюшку, морю синему одинокая Лебедь плавала. Млад сизой Орёл налетел, настиг — и расшиб, убил, растерзал её. Из-под крылышек кровь-рудупустил, распустил её перья по ветру. Мелкий пух пошёл в поднебесье, кости ссыпались в море синее.

Так слетались птицы дивные, бились яростно Правда с Кривдою. Одолеть Кривда Правду хотела, но — Правда Кривду всё ж переспорила. Поднималась Правда на небеса к самому небесному Пращуру. Опускалась Кривда к Сырой Земле. Понесло Кривду по всей Земле, по всему поднебесному царству-мытарству.

В чистом поле, широком раздолье грудь на грудь две силы сходились: со святою силой Сварожич и чудовищный Змей с силой чёрною.

То не огненный вихрь по Земле кружил —
то Сварожич с силой небесною шёл на силуш-
ку Змея лютого!

Стал Сварожич жечь силу чёрную, змей топтать-рубить и копьём колоть, а их головы далеко метать в море синее. Нечисть с нежितью сын Сварога жег, расходясь огнём во все стороны.

Как подъехал он к Змею лютому, Змею Чёрному, многоглавому. У того-то Змея тысяча голов, у того-то Змея тысяча хвостов. У Сварожича — тысяча очей, тысяча зубов огненных.

Завязалася битва грозная, собирались тучи чёрные. И сжигал-палил Змея Чёрного смагою-огнём сын Сварога!

Обратился он в Ясна Сокола, в птицу огнепёрую Рарога — падал Соколом на врага своего.

А Змей лютый сбирал силы чёрные, тьмою мир застилал и тушил-заливал пламя, Вихрем-Стрибогом раздутое.

И от битвы той затряслась Земля, шевельнулся под ней мощный Юша-Змей, море синее всколыхалось, ужаснулась вся подвселенная.

Далеко залетел Ясный Сокол, воронье бия, — к морю синему! Силы тут у него не достало, и померкло тут Солнце Красное, погрузилось в море тёмное. Потеснил Сварожича Чёрный Змей, затопил он мглой Землю-Матушку.

И вознёсся Сварожич на небеса ко Сварогу небесному в кузницу. Полетел за ним лютый Чёрный Змей, он вскричал на всю подвселенную:

— Покорил я всю Землю-Матушку, покорил я всю поднебесную! Был я князем Тьмы — ныне буду я всей Вселенной царь!

В кузне бога Сварога на небесах не огонь горит, не железо шипит — это Велес-Семаргл пляшет во печи.

А Стрибог раздувает его меха, в горне крутит он вихри-свили — разгорается пламя-смага, искры сыплются, будто молнии.

И работа в кузнице спорится. И двенадцать там подмастерий, кузнецов искуснейших *Ребей*, молоточками звонко бьют и Сварогу-отцу со Сварожичем споро плуг булатный куют.

Реби бьют-куют, Змею так рекут:

— Лютый Чёрный Змей, повелитель Тьмы, пролижи скорей три небесных свода, все три двери в кузню небесную! Мы тотчас на язык тебе сядем, станешь ты тогда всей Вселенной царь!

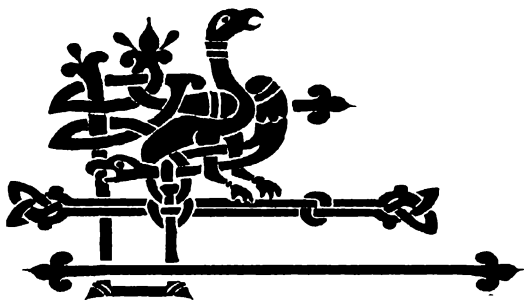
Стал лизать Чёрный Змей двери кузницы. Он лизал-лизал, а тем временем плуг сковали Сварог со Сварожичем. Реби закалили Сварожий плуг и клещи в огне раскалили.

Наконец пролизал дверь последнюю, и язык свой в кузницу высунул. И тогда Сварог со Сварожичем ухватили клещами горячими за язык Змея Чёрного лютого — зашипел меж клещами его язык, и забился, и взвыл обожжённый Змей.

Начал бить Сварог Змея молотом, бил по всем головам Змея лютого, а бог Велес-Семаргл сын Сварожич, запрягал его в Плуг Сварожий.

И рекли они Змею Чёрному:

— Будем мы делить подвселенную, по Земле Сырой проведём межу. Справа пусть за межою будет царство Сварога, слева же за межою будет Змеево царство.

ТВОРЕНИЕ СВАРГИ И ПЕКАА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как посажен был Ирий в горах Алатырских? Пекло как под Землёй оказалось? Заселилась как поднебесная? Как родились боги бессмертные?

— Ничего не скрою, что ведаю...

Опустились Сварог со Сварожичем вместе с Чёрным Змеем, запряженным в плуг, вниз на Землю со свода небесного.

Видят — вся Земля с кровью смешана, капли крови на каждом камешке, горы перьев везде рассыпаны.

По велению Рода-Вышнего, по хотению по Сварожьему — там, где перья вороньи рассыпались, встали горные кряжи Рипейские, там, где падали соколиные, — груды золота залегли в горах.

И тогда Сварог со Сварожичем стали Землю плугом распахивать. Там, где борозды были

проложены, протекали реки глубокие: тихий Дон, Дунай и великий Днепр.

Как текла-протекала реченька, а водичка в ней вся слезовая, и в той реченьке струйка малая, струйка малая — вся кровавая. Вытекала она с-под Камня, из-под Камешка Алаты́рского, протекала речкой Ала́тыркой.

Поднимался росток из-под Камешка, потянулся вверх — вырос в дерево. К небу дерево протянулось, а корнями ушло в Землю-Матушку.

Вырос то не дуб, и не вишня, и не яблоня — зláты яблочки, это Дерево Бога Вышня поднималось на Ала́тыре. В сам Ала́тырь — пустило корни, и связало тем Землю-Матушку с Троном Вышня и Божьей Сваргой.

На восточных веточках Дерева свил гнездо Алконост солнцеликий. Луноликая птица Сирин свила гнёздышко в ветках западных. На вершину его садилась птица Вышнего Гамаюн.

А в корнях его — Змей шевелится. У ствола же ходит небесный царь — сам Сварог, а с ним Лада-матушка.

Возрастали затем деревья на вершинах Ирийских гор. Как на горوشке Сарачинской поднялось кипарисово дерево — древо смерти, печальное дерево.

А на белой горе Березани поднялась берёзонька белая — вверх кореньями, вниз ветвями.

А на той горе Алатырской — распустился Ирийский сад. Там поднялось вишнёвое дерево, рядом — солнечный дуб вверх кореньями, вниз ветвями-лучами и яблоня с золотыми волшебными яблоками — кто отведаёт злато яблочко, тот получит вечную молодость.

Так был Ирий посажен в горах Алатырских. Бродят в Ирии звери дивные и колышутся травы чудные, птицы вещие распевают. Серебруются ручьи хрустальные, драгоценными камнями усталые, златопёрые рыбы плещут. В том саду лужайки зелёные, на лугах трава мягкая, шёлковая, а цветы во лугах лазоревые.

Нет прохода в те горы пешему, нет проезда сюда и конному. Все дороженьки заторожены, заколодели-замуравели. Горы путь заступают толкучие, реки путь преграждают текучие. Все дорожки-пути охраняются василисками меднокрылыми и моргулями медноклювыми.

А затем Сварог со Сварожичем подразрезали Землю-Матушку, плугом острым её поранили, чтоб поверхность земная очистилась и ушла вся кровь в Землю-Матушку. Как подрезали Землю-Матушку — расступилась Земля, поглотила кровь.

И в провал, в ущелье, в подземный мир по хотенью-веленью Сварожьему был низвержен Змей — Повелитель Тьмы.

Вслед за Змеем в царство Змеиное все низри-
нулись силы чёрные. Чёрный князь Мори́ан со
сестрою Чернавой; Пан, Моргуль и Вий — под-
земельный князь, сын Седуни и Змея Чёрного.

Тяжелы веки Вия Змеича, страшно войско
его, страшен зов его. Он во мгле кромешной
вступил в союз с Матерью Землёю Сырою. И
роди́лись в тьме, сотрясая мир, па́ны тёмные
и горыни — Змей Горыня, Дубыня с Усынею.

А. затем по велению Рода от Земли под-
ня́лся Великий Столп, дабы Небо на нём упо-
коилось. И тогда родил Святогора Род — диво-
дивное, чудо-чудное.

Так велик Святогор, что и Мать-Земля еле-
еле носит детинушку. Он не может ходить по
Сырой Земле. Он велик, как гора, ходит он по
горам, только горушки те Святые — Святого-
ра могут удерживать.

И тому Святогору Родовичу сам Сварог не-
бесный коня сотворил. И велел Сварог Свято-
гору вокруг столба дозором объезживать и во
веки веков охранять его.

Как в небесном саде Ирийском, у златой
горы Алаты́рской поднимался цветочек Аст-
ры. Род лучами златыми звёзд озарил Ирийс-
кие горы — и тогда цветок распустился.

Расцвела то не просто Астра — то роди́лася
Злата Майя из Любви Всевышнего Рода, из лу-
чей золотистых звёзд.

Во горах высоких Ирийских распустился
чудесный сад, во саду явились палаты. Как во
тех золотых палатах Злата Майюшка вышива-
ла. Вышивала она чистым золотом. Шила пер-

вый узор — Солнце Красное, а второй узор — светлый Месяц, шила третий — то звёзды частые.

И Сварог вместе с Ладой-матушкой по веле-
нию Рода Вышнего обратились в птицу Славу,
в древо Ясень и в Белый Камень. А потом из-
под Бела Камешка протекли они Белой речень-
кой, речкой Славушки и Сварога. И родили в
молочных водах Деву Звёздную свет Азовушку.

И Азовушка белой Лебедью поплыла по
молочным водам, из тех белых вод — в море
синее, а из морюшка — в океан, где есть чуд-
ный остров Буян.

И на острове том волшебном перья сброси-
ла бела Лебедь. От воды она отряхнулась и

Царевной Вод обернулась. Белый свет она затмевает, ночью землю всю освещает. Светлый Месяц блестит под её косою, и горит чело ясною звездой.

И пролился дождь на Ирийский сад — водяными нитями с неба. И в тех струях родилась Макошь — Повелительница Судьбы.

Она нити прядёт, в клубок сматывает. Не простые нити — волшебные. Из тех нитей сплетается наша жизнь — от завязки-рождения и до конца, до послед-ней развязки — смерти.

А помощницы — Доля с Недолею на тех нитях не глядя завязывают узелочки: на счастье, на горе ли — только Макоши это ведомо. Даже боги пред нею склоняются, как и все они подчиняются тем неведомым нитям Макоши.

Что за туча по небу движется? То не туча — Корова небесная ко Алатырю приближается.

Это Род ту Корову Земун породил, чтоб богов молоком насыщала она, чтоб река молока в Ирии протекла от Коровы в сметанное озеро. Создано то сметанное озеро, чтоб от горя, скверны и нечисти очищать весь Мир, всю Вселенную, чтоб питать её Соками чистыми.

То не туча по небу движется, то не буря к горам приближается, то Земун — Корова небесная по горам и долинам шествует. И идёт Земун по Ирийским полям, ест траву Земун и даёт Молоко — и течёт Молоко по небесному своду, и сверкает частыми звёздами.

И ступила Земун да на Матушку-Землю. Мать-Земля всколыхалась от топота, океаны-моря расплескались, твердь небесная всколебалась.

Как ходила Лада по небесному саду, как ходила, гуляла и сеяла Хмель, а как сеяла — приговаривала:

— Поднимайся, Хмель, по тычинке вверх! Ты расти, Хмелюшка, — голова весела! От чего ты, Хмель, зарождаешься? По чему ты, Хмель, поднимаешься? Зарождаешься ты — от Сырой Земли. Поднимаешься по тычиночке. И куда ты, Хмель, поднимаешься? Поднимаешься к Солнцу Красному, чтоб сияла, как Солнце, питная сурья! Чтобы сурица пилась во славу богов!

Как у Хмелюшки ножки тоненькие, голова его высока, умна, а язык у Хмеля весьма болтлив. У него бесстыдные оченьки, руки держат всю Землю-Матушку.

Набухай же, Хмель, ты пьянящей силой! Набухай своими стеблями! Без тебя, без Хмеля, не варится пиво, без тебя, без Хмеля, сурьи не бывает, без тебя, без Хмеля, невесел пир.

Пращур-Род Сварогу небесному повелел населить поднебесную, сотворить людей, рыб, зверей и птиц, насадить леса, травы и цветы. Чтобы птицы летали в подоблачье, чтобы звери лесами прорыскивали, рыбы плавали бы по водам.

Сотворил Сварог рыб, зверей и птиц. Насадил леса, заселил моря. В небеса пустил стаи певчих птиц, а зверей свирепых — в тёмные леса, и в моря — китов, а в болота — змей.

Птицы полетели в подоблачье, звери по лесам стали рыскать, змеи поползли по болотам, рыбы в водужках разыгрались.

И затем создавать стал Сварог людей вместе с милостивой Ладой-матушкой.

С Ладой Сварог брали камешки и бросали их себе за спину. Бросит камень Сварог, приговаривает:

— Там, где был бел-горючий камешек, стань на месте том добрый молодец.

Лада камень бросит, приговаривает:

— Там, где был бел-горючий камешек, стань на месте том красна девица.

И родились так люди первые, люди с каменными сердцами. Что в камнях было влажным, то стало плотью, а что твёрдым — костями стало, а прожилки в камнях — стали жилами.

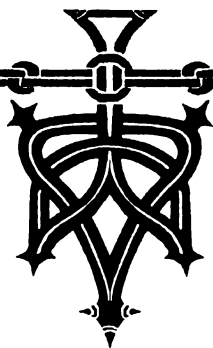
И явились так люди лютые, также горные великаны, что ушли в пещеры и скалы. Сотворённые из камней, и по смерти камнями стали.

Не пришлись по сердцу те люди Ладе-матушке и Сварогу, и тогда они так решили: отдадим мы мир Божьим детям, пусть заселят его Сварожичи!

ПРОШЛОЕ
КОЛО СВАРОГА

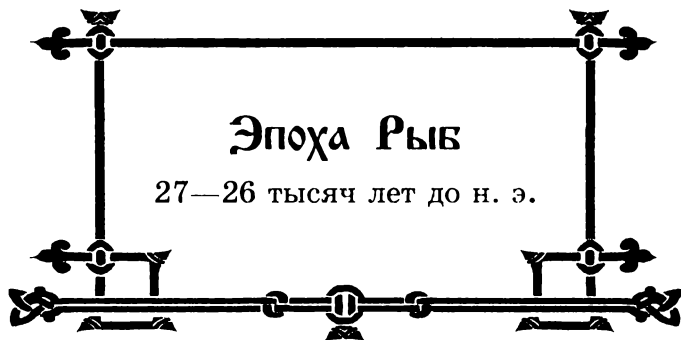
(27 ТЫСЯЧ ЛЕТ ДО Н. Э.)

I

ВЕДА РОДА

Эпоха Рыб

27—26 тысяч лет до н. э.

ВРЕМЯ СЕМАРГЛА

(ЮЖНОЙ РЫБЫ)

СНЫ СВАРОГА И ЛАДЫ О ЩУКЕ РОДА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Сварог-отец с Ладой-матушкой на великий подвиг послали сына...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Широка широта океанская, высока высота поднебесная, широко раздольюшко в мире Божьем!

И вот Ирий святой высоко в небесах на горе Алатырь сияет.

И горит огнём негасимым, и сияет он Солнцем Красным. И тот ясный свет чудной Сварги озаряет всю поднебесную.

И во тех горах Алатырских и во тех Ирийских садах, и под Яблоней Золотой почивали Сварог с Ладой-матушкой.

Вот проснулись они, пробудились, и Сварог небесный промолвил:

— Как малым-мало ныне мне спалось, да во сне волшебном привиделось. Будто в небесах, в звёздной выси, не челнок качался, не лодочка, проплывал там сам Ясный Месяц. Плыл по небу Месяц рогами вверх, Кормчий правил на правом роге — не веслом, а огненным посохом. А на левом был Камень Бел-горюч. И качался тот Белый Камень, только с рога того не падал...

И сказала так Лада-матушка:

— И мне ныне спалось, также виделось: будто бы под тем Ясным Месяцем в море плавает

Чудо-Щука: не простая, а златопёрая. И кто съест волшебную Щуку — породит великого бога. Ибо скрыты в ней Искры Жизни, отлетевшие от Алатыря при Творении Света Белого...

И воскликнул тогда праотец Сварог:

— Что во сне приснилось-привиделось, наяву также может случиться! Тот великий Кормчий поймает златопёрую Чудо-Щуку! Если Щуку в морюшке изловить, на двенадцать частей изрубить, и потом на двенадцати блюдах её разложить на двенадцать столов, то от трапезы той будут зачаты все двенадцать созвездий — моих Сынов.

И ещё сказал праотец Сварог:

— И среди двенадцати Звёздных Сынов так родится и Новый Бог! И то будет великий Божич — Громовержец Перун сын Сварожич!

И тогда Сварог с Ладой-матушкой поспешили в храм Бога Вышнего. И вот сели они в тронном зале. И призвали всех сыновей.

Вот Сварог-отец с Ладой-матушкой в Сварге Огненной, в небесах. И сидят они на престолах перед сонмом мощных Сварожичей.

И сияют над Божьим Миром те чертоги святые Солнцем. И тот ясный свет чудной Сварги озаряет всю поднебесную.

И сказали они сыновьям своим:

— Нужно выловить в море Щуку! Кто ж из Вестников огнекрылых, совершит величайший подвиг?

И тогда предстал перед ними Велес-Огнебог светозарый.

— Я берусь исполнить сей подвиг! Я поймаю в морюшке Щуку! Чтобы был рождён Новый Бог, чтоб явился в мир брат мой Божич! Громовержец Перун сын Сварожич!

И тогда огнекрылый Вестник, будто молния из гремящих туч, будто искра из горна кузни, из окна высокого прынул — разрезая небесный свод, оставляя горящий след.

И упал на горы Златые он, сбросил пёрышки соколиные. И тогда обернулся Семаргл-Огнебог — Звёздным Странником и Посланцем, и в его руках Меч Огня обернулся Посохом Огненным. И пошёл Семаргл по горам, по камням им начал постукивать. Стал с холма на холм перескакивать и с вершинушки на вершинушку.

И вот видит он: за горами свет. Там во синем море резвится златопёрая Чудо-Щука. И играет она среди бурных волн.

И задумался Огнебог:

— Как же выловить Чудо-Щуку, если нет у морюшка лодки? Если лодку ещё никто не создал и её заклинаниями не связал?

И увидел Дуб сын Сварога на вершине гор Алатырских. Лишь из Дуба того Сварожьего можно было лодочку вытесать, чтобы выловить Щуку Рода.

— Как же повалить Дуб Сварожий?

И услышал он голос с неба:

— А свалить на землю великий Дуб лишь создавший его сумеет!

И припомнил тут Велес-Семаргл сын Сварожич, как все боги, разбив силы Змея, заседали Землю сожжённую.

И тут вспомнил он, как сам Вышний Бог жёлудь посадил в чёрный пепел. И росток в том пепле пробился, стал он Дубом, раскинул крону. Стали ветви Дуба мешать облакам, и закрыл он Солнце вершиной, кроной заслонил Месяц Ясный.

И воскликнул тогда Огнебог-Семаргл:

— Значит Вышний — Весенний Бог сможет повалить Дуб Сварожий! И тогда воссияет Солнце, снова будет в мире светло!

И ещё сказал Велес-Огнебог:

— Пусть повалит Бог Дуб Сварожий! Чтобы сделать из древа лодку! Чтобы выловить в море Щуку! Чтобы был рождён новый бог, чтоб явился в мир брат мой Божич! Громовержец Перун сын Сварожич!

И молиться стал сын Сварога:

— Боже Вышний, благослови! Повали тот Дуб Силой Сварги!

И вскричал ещё Огнебог-Семаргл:

— Боже Вышний, дай же нам силу, чтоб Весну, бога Вышня-Перуна, зачать! Пусть придёт к нам Весна Красна! Со громами гремучими, дождями ливучими!

И по той молитве Сварожича вдруг раскрылись небеса. И явилась Сила Вышня. То не льды плывут в синих водах — облака бегут в синем небе.

И на это слово Сварожича вдруг из синих вод вышел Витязь. Был Тот Витязь никем не знаемый, никому доселе не ведомый. Не велик Он был и не мал, в высоту Он был всего с малый пёрст — борода раскинулась на семь вёрст. И держал Он золотой топорик — не мал, не велик, а с ушко иглы.

И Тот Витязь малый воскликнул:

— Я пришёл срубить Дуб Сварожий!

И ответил Ему сын Сварога:

— Не дано Тебе то с рожденья! Не срубить тебе ствол чудесный! Не свалить Тебе Дуб великий!

Но вдруг Витязь преобразился, обратился Он великаном. По земле волочил Он ноги, разгонял волосами тучи, обернулись глаза озёрами, волосы — лесами дремучими.

И топорик свой золотой стал точить Он на круге Солнца и на круге жёлтом Луны. Наточивши, пошёл Он быстро. От Седавы-звезды на Землю Он шагнул самым первым шагом. А вторым шагнул Он за море. Третьим шагом — к Дубу Сварожьему.

И узнал в Нём Семаргл Бога Вышня! И перед Всевышним склонился.

И ударил по Дубу Вышень. От удара того великого искры брызнули в небеса. От второго — разлились воды с молоком и мёдом суряным. А от третьего — повалился Дуб.

Отрубил от Дуба Он крону, разрубил потом ствол древесный. Чтобы сделать из древа лодку! Чтоб поймать в море синем Щуку! Чтобы был рождён новый бог! Чтоб явился в мир

мощный Божич! Громовержец Перун сын Сварожич!

И Сварожич стал строить лодку. Доски стал скреплять заклинаньями. Спел он первую песню — скрепил днище лодки. Спел вторую — бока явились, третью спел — и рёбра скрепил.

Но трёх тайных слов не хватило, чтоб великое дело справить, чтобы мачту и руль поставить, брус на киле змеей украсить.

И спросил тогда мощный бог:

— Может скрылись слова те в мозгах гусей? Иль в лопаточках лебединых? В языках оленьих, во рту у рыб?

Стал тогда он бить лебедей-гусей, стал охотиться на оленей и сетями рыбу вытягивать. Но средь многих слов он не смог найти тех таинственных заклинаний.

Обратился он к Богу Вышнему, ко тому Огню Изначальному, что звездой Седавой сияет в средоточии Мирозданья.

И услышал он Голос Звёздный:

— Ты не три тайных слова — три сотни слов и три тысячи заклинаний сыщешь в глуби Нави, в пещерах Вия, в Основании Света Белого!

СЕМАРГЛ ОБРЕТАЕТ МУДРОСТЬ, ЧТОБЫ ИЗЛОВИТЬ ЩУКУ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Семаргл-Велес Сварожич мудрость приобрёл в глуби Нави...

— Ничего не скрою, что ведаю...

И пошёл Семаргл в царство Нави. Побегал в горах ярим пламенем, полетел по травам высоким. Перекинулся можжевельником и по вереску, по ковыль-траве.

Путь прожёл по лесу сосновому, миновал потом лес дубовый. Рядом с ним по правую руку рокотало бурное море.

И раскинулась перед ним река, что стекала в Чёрное море. И за речкою той Смородиной высилась гора Сарачинская.

И на той горе в тёмных лесушках тропы тайные пролегали. Там деревни стояли безлюдные, города пустые и чуждые. И журчали там чёрные ручьи, вместо веток там копья и мечи.

И вот видит Сварожич: у устья реки ходит в море Дева Железная. Шла та Дева по пояс в волнах. И от поступи великанши расплескалось море Чёрное.

Рядом с нею скользят по водам слуги верные в чёрных саванах. И ступал по морюшку рядом — брат её перевозчик-Смерть. Пальцы Смерти подобны стальным крюкам, на скелет

железный похож он сам. Он ступает по морю тихо, вслед за Старцем следует Лихо.

И сказал Семаргл Стражам Нави:

— О дочь Вия и Старец-Смерты! Дайте мне пройти в царство Нави! Напоите вином забвенья! От земных страданий избавьте! Отнесите меня на ту сторону!

И в ответ Сварожич услышал:

— Пустим мы тебя в царство Вия, если ты откроешь нам правду, по какой причине стремишься ныне ты в печальную Навь?

— А увлѣк меня в царство Нави сам бог Пан, сын Виюшки тѣмного!

Но ему возразили Стражи:

— Если б Пан тебя сжил со света, сам бы нѣс тебя на плечах! Сам бы перенѣс чрез Смородину! Молви правду нам, Огнебог! Что влечѣт тебя в царство Нави?

— Привела меня сталь холодная! Поразила меня стрела!

Но ему ответили стражи:

— Если б впрямь тебя привела стрела, кровь струилась бы по одеждам! Ты скажи нам правду, Сварожич! Для чего же в Навь ты влечѣшься, не похищенный злой болезнью и никем в бою не убитый?

И ответил им сын Сварога:

— Правду я поведаю, стражи! Стал я строить лодку волшебную, чтобы выловить в море Щуку. Чтобы Лада съела ту Щуку, чтоб от Щуки той был зачат Перун. Лишь три слова мне не хватило, чтобы лодочку завершить, чтоб её потом укрепить. Здесь, у Вия Мудрого, в Пекле, ныне я ищу заклинанья. Путь он их поведаёт мне!

Рассмеялась Дева Железная, а потом она забранилась.

— Как ты глуп, храбрец безрассудный! Ты пришёл сюда без причины! Не познавший болезни, смерти!

Старец-Смерть воскликнул:

— Безумец! Очень многие в Навь стекаются, но немногие возвращаются! Не войдешь ты так в царство Вия, если яда Смерти не вкусишь!

И явился он перед Велесом. И поднёс ему чашу с ядом. И в той чаше шипели змеи, и кричали там две лягушки, ползали по дну скорпионы.

Но Сварожич чашу отбросил. И не принял от Смерти яд.

И тогда Сварожич воскликнул:

— Боже Вышний, благослови! Помоги пройти в царство Нави!

На призыв тот Вышний явился. И сверкнул Он молнией с неба. И где била молния — жёлудь пал. И пророс тот жёлудь, и дубом стал. И от дуба того протянулась ветвь.

И Сварожич-Велес на ветку влез. И та ветвь его понесла — через поток тот чёрный, по тропам тайным, по камням и скалам и вверх горы. И затем его опустила пред входом в печальный храм.

Тут явились жрицы из храма, заступили богу дорогу.

И тогда Семаргл руки поднял. И святою огненной силой — он Сварожий Шар западил. И прогнал он светом те тени, прочь прогнал он всех волховниц.

И вошёл он в храм под нависший свод. И проход он видит в великий зал, и от зала идут пещеры в недра Сарачинской горы.

Ох, и странные то пещеры! С древней кладкою и с мостами, что над пропастями нависли. Все в колючих кустах, во мху.

И пошёл Семаргл по пещере, и пещера та перешла в тропу. И лесная тропа стала горной. И пред богом пропасть открылась. И во пропасти той не вода текла, протекали там реки крови и потоки из стрел и копий, и бежал там стальной ручей из секир и острых мечей!

— Как же перейти на ту сторону? Как мне сей поток одолеть?

И разжёл огонь бог Семаргл в самой глуби Чёрного леса. И в пещере кузню устроил. Выковал из стали булатной он себе кольчугу и шлем, выковал и обувь железную и свой посох в сталь оковал.

И вот ринулся он в тот стальной поток, по мечам героев пошёл он, побежал по копьям и стрелам. Долго он бежал среди железных волн, наконец нашёл Чёрный остров и на Чёрном утёсе — Вия.

Видит он: вот спит одноглазый Вий, глаз закрывши тяжёлым веком. И сквозь плечи растёт осина, и в висках белеют берёзы. И ольха запуталась в бороде, и поднялись сосны от мощного лба. И мохнатые ели качались от дыхания меж зубов.

И тогда корчевать стал он сосны и ели, вырывал ольху и осину и в висках берёзы ломал.

Стал будить он так бога Вия.

— Пробудись-проснись, бог могучий! Ото сна восстань-ка, сын Змея!

Ото сна очнулся сын Змея. Видит он: пред ним мощный витязь. Взял героя одной рукою и, разинув пасть, проглотил.

И воскликнул он в изумленье:

— Ел я много разных кусочков, но такого не доводилось!

Был проглочен так Велес Огненный. И идя по Виевым недрам и по горлу его, по жилам, Велес так тогда горевал:

— Вижу я, пришло ко мне лихо! Оказался я в склепе Вия!

Стал готовиться он к кованью. Сделал кузней свою рубашку, рукава рубашки — мехами, шубу сделал он поддувалом. Из штанов устроил он трубы, из чулков — отверстие печи. Стал он меч ковать на колене, как по наковальне стал бить он, и не молотом — кулаком.

И ковал он со страшным шумом, дни и ночи не прекращая. И от тех могучих ударов содрогалось чрево Вия.

И воскликнул Вий:

— Кто ты, витязь? Сотни воинов проглотил я, тысячи великих героев, а подобных тебе не ведал! Перестань тревожить мне чрево!

Но ему Семаргл не ответил, продолжая ковать железо. Распалаял он огонь, поддавал он жар, рвал грудину и селезёнку, тряс желудок, колот он бёдра.

И воскликнул Вий:

— Грозный витязь! Выходи из чрева, мучитель! Убегай, даю я дорогу! Вот возьми коня, если хочешь! С золотою и медной гривой! Пышет пламенем он из пасти! Дым из его ноздрей струится! Ты скачи на нём прочь из чрева!

Но ему Семаргл не ответил, продолжая в чреве кованье. Резал лёгкие он мечом, сердце бил железным пестом.

И воскликнул Вий:

— Бог могучий! Боль моя ты и наказание! Прекрати, молю я, кованье! Я не в силах это сносить! Всё что хочешь меня проси!

И сказал ему Огнебог:

— Я продолжу снова кованье, кузню посажу тебе в сердце. Вместо хлеба съем я и печень, лёгкое пойдёт на жаркое. Ты покой навеки забудешь, если тайных слов не откроешь, коль не скажешь мне тех заклятий, что со Дня Творенья таишь ты! Не должны слова эти скрыться, не должны уйти прочь из мира!

И услышав то, Вий сын Змея из пещерушки самой дальней вытащил великий сундук. Сбивши все замки, дал он волю скрытым в сундуке заклинаньям.

И узнал тогда Велес те слова, что звучали во Время Сва. Всё ему сын Змея поведал...

*Как родилось царство небесное,
а под ним и вся поднебесная,
разделилась как Правда с Кривдою,
Как явилось Солнце Красное,
и откуда явился Месяц,
как столбы ветров закружились,
как рассыпались часты звёзды...*

Так узнал тогда Велес мудрый все слова, сокрытые Виём. И не три тайных слова, три сотни слов, также тысячу заклинаний. И на том коне златогривом выехал Сварожич из пасти, вышел из груди чародея.

И промолвил Вий с облегченьем:

— Пожирал я витязей много, проглотил немало героев, а такого ещё не видел! Ты

сам Велес-Семаргл, что явился к нам! Хорошо ж, что ныне уходишь!

И Сварожич-Велес сменил свой лик, перекинулся Синим Змеем. И Драконом Огненным стал ползти, Змеем заскользил чрез поток мечей, через Чёрный лес и Смородину.

И когда он полз — извергал огонь, а за ним скакал златогривый конь. Загорелся тут Чёрный лес, пламя поднялось до небес. Занялась гора Сарачинская и Смородинка речка быстрая.

И когтистые пальца-крючья к Велесу протягивал Старец. И ловила его сетями в бурном море Дева Железная.

Но ушёл Сварожич от тех сетей. Проскользнул Змеей между пальцев.

И взойдя на берег за той рекой, вновь Сварожич преобразился и свой светлый лик возвратил. И сказал, обратившись к Небу:

— Бог Всевышний! Бог Вседержитель! Никогда теперь по желанью — смертных не пускай в глуби Пекла! Очень многие в Навь стекаются, но немногие возвращаются!

И ещё сказал сын Сварожич, обратившись к родам людей:

— О сыны земные, идущие к смерти! Вы не множьте страданий во имя зла! Не идите вы против Бога! Чтобы не увидеть возмездья в тех печальных пещерах Вия! Ведь под тем горящим утёсом лишь порочным и падшим место! Бойтесь кары за злодеянья!

СЕМАРГЛ ЛОВИТ ЩУКУ. РОЖДЕНИЕ БОГОВ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Семаргл поймал Чудо-Щуку, Расскажи о пире Сварожьем, о рождении во Сварге великих богов!

— Ничего не скрою, что ведаю...

И Семаргл к морю вернулся, к месту прежней своей работы.

И корабль он окончил вскоре. Сотворил его он волшебю, без ножа и без топора, не оставив стружек и щепок. Он корму связал посильнее, укрепил борта заклинаньем, мачту он поднял, киль украсил заговоренною резьбой.

И к бортам он приставил крылья, чтоб скользил корабль по морям — Белым Гоголем среди гроз, и парил бы он в небесах — Ясным Месяцем среди звёзд.

И сказал корабль Огнебогу:

— Ты столкни меня в сине море! Быть не просто мне кораблём, быть мне кораблём для сражений! По морям бежать, в небесах летать. Чтоб поймали мы Чудо-Щуку! Чтобы был рождён брат наш Божич! Громовержец Перун сын Сварожич!

И пошёл корабль в синих водах, взвился птицею в небеса.

То не просто летучий корабль расправлял могучие крылья — это «Звёздная Книга Вед» разворачивала страницы!

Вот по морю бежит корабль, будто Месяц по небесам, через горюшки водяные и над глуби той океанской. Но вдруг встал корабль среди вод и никак вперёд не идёт.

И спросил Семаргл сын Сварожич:

— Что же ты по морю не мчишься? Что там? Камень лежит под днищем?

И ответил челн Огнебогу:

— Нет, не камень то и не отмель! Подо мной хребет Чудо-Щуки!

И тогда Семаргл сын Сварожич поднял посох над головою и вонзил его в сине море — во хребет той Великой Щуки, под ребро Морского Дракона! И поймал он посохом Щуку! Победил Сварожич Дракона!

А как стал поднимать Чудо-Щуку — на куски она развалилась. Хвост упал на корму, голова на нос, тело Щучье пало на дно.

Взял главу Чудо-Щуки тогда Семаргл, посмотрел в глаза он Дракона. И сказала ему Чудо-Щука:

— Вынь ты челюсти из главы моей! Брось в горнило их, в жаркий пламень! Ты — волшебный, мощный кователь, выкуй ты из челюсти — гусли!

Принялся Семаргл за кованье. Он рубашку вновь сделал кузней, рукава рубашки — мехами, шубу сделал он поддувалом, из штанов устроил он трубы, из чулков — отверстие печи. На колене своём, наковальне, стал ковать он чудные гусли, бил не молотом — кулаком.

И сковал волшебные гусли. Выгиб гуслей — то щучья челюсть, штифтики — то щучьи зубы, струны — грива коня бога Вия.

Услыхала это кованье Уточка, богиня Седуня. И поднялась Утка над морем.

Распустила Уточка крылья, взвилась ввысь Великим Драконом. И крылами она махала, облака и тучи цепляла. То парила она Орлом, плыла Уточкой в синем море, оборачивалась Драконом. И подняла Уточка ветер, раскачала синее море. В нём волна волною сходились и песком вода замутилась.

И тогда Семаргл гусли поднял, начал он на гусях наигрывать. От утра играл и до вечера — успокоилось сине море.

И тогда Великая Утка обернулась Чёрным Драконом, села на корабль Семаргла и корабль тот накренила.

И взмолился тогда бог Семаргл:

— Вышний Боже, Отец наш небесный! Дай мне, Вышний Боже, кольчугу, чтоб горела она ясным пламенем, дай мне Огненный Меч для битвы, чтоб повергнуть в море Дракона!

Как просил он — так всё и вышло. Принял бог Семаргл меч от Вышня и ударил Утку-Дракона. И упал Дракон в сине море. А, упав, увлёк чудо-гусли за собой в морскую пучину.

Но Семаргл потом сделал гусли, вырезал он их из берёзы. И доселе выгиб гуслей, как у тех — из челюсти Щуки.

Победил Семаргл Дракона, и поймал Великую Щуку, и решил вернуться в Ирийский сад.

И расправил корабль чудо-крылья, взвился в небо синее птицей, полетел затем среди частых звёзд прямо ко горе Алатырской.

А приплыв к горе, так спросил Семаргл:

— Кто же Щуку ту распластает, кто её на части разделит?

И сказали боги Сварожичу:

— У Ловца, у Кормчего, руки всех проворнее и ловчей, у Семаргла святее пальцы!

И тогда Сварожич разрезал, распластал на части ту Рыбу. И в двенадцать котлов разложил её, а под ними разжёл Огонь.

И взялася варить ту Рыбу на Огне Сварожича Лада. Как сварила её, разложила на двенадцать блюд золотых.

И созвали богов на Великий Пир, на богатое угощение.

И ко тем столам с угощеньем солетелись Звёздные Странники. И двенадцать Созвездий, двенадцать богов за столы Сварога садились — Солнопутием, Звёздным поясом. В центре же — сама Лада-матушка.

И Созвездия те были дети её, и они её породили, сыновья и дочери свою мать. И она потом их родила вновь, когда съела ту Чудо-Щуку.

Лада Щуку Златопёрую съедала, её косточки на Землю побросала, а Земун и Седунь кости те подлизали. И от Щуки той забеременели Лада-матушка, Мать Сыра Земля и Земун с Седунью небесною.

Родила тогда Лада-матушка трёх дочурок с тремя сынами. Родила вечно юную Лелю: Радость Лелю — Любовь златокудную. А потом и Живу весеннюю — деву огненную, весёлую. И затем Марену холодную, деву Смерти — царицу прекрасную.

Долго мучилась Лада и тужилась — и родила Перуна великого. Вместе с ним Туле бога грозного, также Водного Ильма — Царя Морей.

Трёх Коров родила Земун — златорогих Дану с Амелфой и Волонюшку волоокую. Также Велеса — Аса Звёздного, коего прозвали Асилою. А Седунь родила в небесном лоне Дыя с Дивией сребророгих.

Всколыхалась потом Мать Сыра Земля и родила лютого Скипера, и змею Пераскею, и Ламию.

Были так рождены все Сварожьи дети! И так был рождён Новый Божич — Громовержец Перун сын Сварожич!

От рожденья богов колебалась Земля, с мест сходили горы высокие, бури пенили море сильнее, расстилалась трава, приклонялись леса — сотрясалась вся поднебесная!

ВРЕМЯ ВЕЛЕСА

(СЕВЕРНОЙ РЫБЫ)

ВЕЛЕС И АЗОВА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Земун породила Велеса, имена его назови. Спой о Велесе и Азовушке и об их великой любви.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Думы строгие мои, песни длинные... Вейтесь вы чрез реки широкие, вейтесь через горы высокие. Там по горушкам, по дорожушкам скачут турицы златорогие.

Поперед-то стада туриного там бежит Земунушка Родовна. Рожки у Земун — красна золота, а копытушки — бела серебра, шерсть унизана скатным жемчугом. И ступала та млада турица всё по травушке да муравушке. И от морюшка шла до моря, и от краюшка шла до края.

— Ты куда бежишь, свет Земунушка?

— Я бегу-спешу к Белым водушкам да ко Камешку Алатырскому. Обойду вокруг Камня Белого и копытушки омочу в воде. — обернуся я красной девицей...

Думы строгие мои, песни длинные... Вейтесь вы чрез реки широкие, вейтесь через горы высокие. Там по горушкам, по дорожушкам скачут турицы златорогие.

— Ой вы, турицы златорогие! Отвечайте по чести, по совести — где вы побыли, погуляли где? И какое вы чудо видели?

— Ой, мы видели чудо-чудное... Как с Седавы-звезды от Вышнего ниспадала синяя звёздочка и упала она меж высоких гор — и те

горушки опалила. И где падала эта звёздочка — появился там Синий Камень.

И тогда из сада Ирийского опускалася красна девица — то сама Земунушка Родовна. И брала она Камень Синь-горюч, он в руках сиял словно Солнца луч.

И сошла Земунушка к Ра-реке, и зашла в реку по коленочки, и до пояса погрузилася, поглубилася до белых грудей. Обмывала горячий Камешек, искупала его во речной струе. Как купала его, баюкала:

— Баю-баю, горячий Камешек! Стань ты сыном Рода и Ра-реки! Будешь Родович ты и Суревич. Будешь Рамною — сыном бога Ра, и Астерушкой — Звёздным Асом, Тавром Бусичем быкоглавым. Кто увидит твоё величие — величать тебя станет Велесом. Тот, кто силу узрит, — Асилой.

Искупала девица Камень, пеленала его в пелёнки и в златую люлечку спать клала. Как качала ту люльку — пела. Триста песен над Камнем спела и ни разу не развернула. Как открыла горячий Камень, видит — вот дитя перед нею...

* * *

То не Солнышко в тучах скрылось и подули не ветры буйные — то летел с восточной стороны от Хвангурских гор Чёрный Вихорь — это был сын Вия великий Пан.

И схватил он люлечку Велеса, и понёс её над горами, над волнами синего моря. Тяжелеть стал в люльке младенец — и не смог сдержать его Вихорь, в море люлечку обронил.

В синем небушке блещут звёзды, в синем морюшке плещут волны. В небесах летит туча-облачко, по морю плывёт люлька-лодочка. Подрастает в люльке младенец не по дням, часам — по минуточкам. И подплыла к люлечке Щука, и, схвативши зубами ленту, повлекла её по волнам.

И пристала люлечка Велеса к берегам прекрасной Тавриды, ко великой Медведь-горе. Вышел Велес на бережок, где на горке стоял дубок. Обломал он у дуба сук — и согнул его в мощный лук. Сделал из тростинки стрелу, а из ленточки — тетиву. Тетиву у лука натягивал, стрелку тоненькую прикладывал.

И увидел он — в море Лебедь, а над нею кружится Коршун, когти острые распускает. Велес стрелку свою пустил, в горло Коршуна поразил. Кровь пустил его в море синее, мелкий пух метнул в поднебесье, лёгки пёрышки — к побережью.

И услышал он голос с моря:

— О сын Рода, ты мой спаситель! Ты могучий мой избавитель! Спас от смерти ты не Лебёдушку, а дочь Славы-Сва свет Азовушку. Ты не Коршуна погубил, сына Вия ты подстрелил!

Лебедь крыльями замахала, воду в морюшке расплескала. А затем она отряхнулась и царевной Вод обернулась. Светлый Месяц блестит под её косой, и горит чело ясною звездой.

Отвечал Асилушка Велес ей:

— Ой ты, милая свет Азовушка! Днём ты Белый Свет затмеваешь! Ночью Землю всю освещаешь! Стань же ты мне, Азовушка, жёнушкой!

И ответила свет Азовушка:

— Как день летний не может без Солнышка —
так и я не могу без тебя, мой свет! Ты возьми
меня, Велес, в жёны!

* * *

Как услышал о гибели сына подземельный
князь Вий Седуневич, разъярился и стал он
страшен, разошелся-разлютовался.

И наслал тогда на Тавриду да на Велеса и
Азову зверя сильного, зверя лютого, что с

Рождения Света Белого скован был цепями тяжёлыми в глуби морюшка и Сырой Земли.

И поднялся из глуби моря тот великий зверь, сам Гора-Медведь, лютый как дракон огнедышащий.

Был велик, как гора, доставал до небес.

И была на нём шерсть, как дремучий лес.

Его рёбра утёсами дыбились.

С них стекала вода, камни сыпались.

И вступил он на берег моря. И спина его поднялась из волн и достигла до облаков. И тогда великие волны разошлись от того Медведя, всё смывая по побережью, всех лишая надежды выжить.

И пошёл Медведь вдоль по берегу. И его ужасные лапы сокрушали всё на пути, — и живое и неживое, и леса, поля, горы-долы, также все людские селенья. По долинам и по горам острым когтем он проводил и ущелия там творил.

Опьяненный своею мощью, он дошёл до Камень-горы. Той, на коей рос дуб великий, и где Велес Коршуна подстрелил, Деву-Лебедь освободил.

И его охватила ярость, ударял он горушку лапами, рыл, ломал он скалы высокие. И от берега горы отошли, и где скалушки сокрушались — там долинушки пролегли.

Ужаснулись Велес с Азовой, видя ярость того Медведя. Но заметили, что устал он.

— Много сил у лютого зверя, но не менее велика мощь великой Камень-горы, сотворённой отцом-Сварогом!

Тяжело тут стало Медведю двигать тело своё большое, что привыкло к воде морской за века и тысячи лет.

И тогда сам Велес сын Рода стал играть на гусях яровчатых. А Азовушка — Дева-Лебедь стала петь волшебную песню.

И тогда сердце мстителя дрогнуло. Тут он вспомнил, что долго шёл он, что немало он потрудился. Утомились лапы могучие, как взбирался со дна на кручи, без воды пересохла пасть, тут и вовсе можно пропасть!

И тогда повернул он к морю. Морду в волнушки опустил и солёную воду пил. И бурлило грозное море у его ненасытной пасти.

А Азовушка вместе с Велесом продолжали играть и петь. И от их волшебного пения замирали леса и горы, засыпали в полёте птицы, на бегу засыпали звери.

И Медведь великий тут стал засыпать, глубже в морюшко морду он стал опускать. И от этой песни он стал цепенеть, стали члены его каменеть.

И не смог Медведь от Земли восстать, тут ему и была кончина. И спина его стала горою, обернулась глава его острой скалой, а бока стали кручами горными, шерсть густая — дубами и кленами.

И лишь море поныне грозно бурлит у его разинутой пасти, будто жажда его не утасла, будто пьёт он воду морскую... будто он по морю тоскует...

* * *

Как на морюшке-океане да на острове том Буяне вырастал дубок коренистый, рядом — ёлочка шепотиста. Под дубочком тем и под елью говорили Велес с Азовой:

— Ах, ну что это за дуб коренистый! Ах, ну что это за ель шепотиста!

На дубочке том висит цепь золотая, кот Баюн по цепи важно ступает. Он идёт направо — песнь напевает, а налево — сказочку начинает. Там под ёлочкою скачет заяц, а по веточкам ёлочки — белка. Белка песенки напевает и орешечки разгрызает, а орешки те не простые, все скорлупки их золотые...

Где Азовского моря волны набегали на брег Тавриды — там туманушки расстилались, ясна Зорюшка занималась. Из-под Зорюшки-Заревницы покатилося Красно Солнце. Покатилося на

бережок, на зелёный тот лужок. А за ним Корова Земун переправилась через море.

И в Азовское море синее накатились не часты волнышки — это реченька Мать Славушка в море к доченьке поспешила. То сверкнула не в тучах молния и подул не великий ветер — то из Ирия с Алатырских гор прилетел Сварог-прародитель.

А затем расплескалось море, Черноморец из вод явился вместе с сыном своим Тритоном и со всей подводною ратью. И явились все небожители и все боги лесов и гор.

Их встречали Велес с Азовушкой и родителям низко кланялись — Сурье, Славе, Земун, Сварогу:

— Ой, родители дорогие! Да примите вы слово ласково, и примите вы прославление! Вы ж нам дайте благословение!

И восславили их все боги и цветы бросали с небес. Им венцы златые сковал Сварог, подарила Слава колечушки. Красно Солнышко и Земунушка приносили в дар рог с сурицею.

Принимали Велес с Азовушкой золотые венцы и кольца. И лилася рекой медовой из небесной Сварги сурина, и шумело море Азовское, расплескалось и море Чёрное. Днём купалось здесь Красно Солнышко, ночью — Месяц и часты звёздочки... И плясал на свадьбушке Велес, в хороводе с ним небожители вокруг Седавы-звезды кружились и вокруг Стожарушки Вышнего.

Так стал Велес — *Велесожаром*, небожители все — созвездьями, что сошлись в хороводе звёздном.

И поныне за веком век они кружатся вокруг Стожара, прославляя Велесожара и Азовушку дочь Сварога.

АЗОВА СПАСАЕТ ВЕЛЕСА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о том, как Велес Асилушка Сурью пил во Сварге небесной. Как спасала его Азова.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во Белых горах, в светлом Ирии, во палатушках золотых для гостей столы застилались. На скатерочках самобранных яства чудные появлялись.

И слетались во палатушки с поднебесной всей белы голуби. Как слетались белы голуби, ударялись о хрустальный пол, оборачивались в Сварожичей. За столы садились Сварожичи — поднимали чаши одной рукой, выпивали единым духом.

И заспорили небожители:

— Кто волшебную Сурью Бога выпьет из Ковша Алатырского?

И решили:

— Пусть выпьет Велес! Бог, рождённый Земун и Родом!

И призвали они Родовича. И явился к ним Велес Звёздный — сам Астерушка сын Родович. Ковш Всевышнего принимал, за единый дух выпивал.

И изрёк тогда он Сварожичам:

— Пусть же Сурью Бога Всевышнего пьют Сварожичи-небожители, также наши сыны на Сырой Земле.

И пролил он Сурью небесную вниз на Землю из сада Ирия. И бросал он Ковш в небо синее, чтобы Ковш сиял среди частых звёзд.

И продолжился пир-гуляние во небесном саду, светлом Ирии. И спросил Сварог дорогих гостей:

— Кто славней меня? Кто сильнее? Кто меня, Сварога, превыше? Удалее кто и богаче?

Выступал тогда Велес Родич. И сказал в ответ речь такую:

— Может, я тебя не славнее, не сильнее, но я — богаче! Во Тавриде есть стольный град мой, а во граде — златой чертог. Он возвысился на семи верстах, на восьмидесяти золотых столбах. А вокруг чертога — хрустальный тын, и на каждой тычинке — маковка. И стоят за тыном три терема — крутоверхие, златоглавые. В первом тереме — злато-серебро, во втором — нарядушки сложены, в третьем — жёнка моя Азовушка. У неё лицо — ровно белый снег, чёрны бровушки — соболиные, ясны очушки — соколиные, светлый Месяц блестит под её косой, и горит чело ясною звездой...

И послушал Сварог речь Велесову, только речь ему не взлюбилася. И нахмурил он тёмны бровушки, по Алатырю бил он молотом.

По велению Бога Вышнего, по хотению по Сварожьему обращён был Велес сын Родович во Медведушку косолапого, а Сварог во Льва обернулся. Ударял по Алатырю Велес: обернул он в Волка Сварогушку, ну а сам обернулся Рысью.

Бил опять Сварог по Алатырю — обернул он Велеса в Зайца, обернулся сам Кабаном. Подбежал он к Велесу буйному, и поднял его на клыки, и забросил из сада Ирия в небо синее — на Луну.

Стал Велесушка Лунным Зайцем...

Как у морюшка в Лукоморье расшумелися ветры буйные, приклонились все дубравы. То с восточных Ирийских гор птица Гамаюн прилетела. Прилетела она и села под окошечком у Азовы:

— Ай, Азовушка свет Славутична! Ты сидишь, поёшь у окошечка и не ведаешь той невзгодушки, что Велесушка словом дерзким в гнев привёл Сварога небесного. Обращён он теперь в Зайца Лунного и заброшен на Лунный диск...

И задумалась свет Азовушка:

— Силой Велеса мне не вызволить... И богатством своим не выкупить... А смогу ли, нет, мужа выручить я одной догадочкой женскою.

Обрубила Азовушка косушки, нарядилась по-мужски, нарекалась Славутой Тавруlichem. И отправилась во Ирийский сад.

Шла-брела лесами дремучими и болотушками зыбучими, шла долинушками широкими, шла и горушками высокими. Реки быстрые переплыла и озёрушки обошла.

И к горам толкучим пришла она. Горы пред ней расступились и по слову её не сходились. И дошла она до клевучих птиц, но не стали птицы летать-клевать и по слову её почили. И пришла она к Змею лютому, но не тронул Азовушку лютый Змей и по слову Азовушки опочил.

И дошла она до Ирийских гор и до Камешка Алатырского. И сказала Сварогу и Ладушке — родну батюшке, родной матушке:

— Здравствуй, батюшка, славный бог Сварог! Здравствуй, матушка, Слава-Ладушка!

Не узнали её родители:

— Ты откуда к нам, добрый молодец? Из какой страны, от какой земли?

— А пришёл-то я из Поморья, из Замория-Лукомория. Называют меня Славutoю — сын я Солнца и Моря, мне Месяц — брат. Я приехал о добром деле, в жёны взять хочу вашу доченьку: младу Лелюшку свет Свароговну!

Говорил Сварог гостю гордому:

— Я схожу, подумаю с доченькой.

И пришёл он к дочери Лелюшке, говорил он ей:

— Леля милая! К нам пришёл сын Моря и Солнышка, и тебя он в жёны желает взять!

Отвечала ему дочь любимая:

— Государь ты мой! Родный батюшка! Что же ныне тебе да на ум пришло? Выдаешь дивчину за женщину! Говорит наш гость речь поженскому, и ступает-то по-лебяжьему, и колёночки да по-бабьи жмёт.

И сказал Сварог милой доченьке:

— Я схожу и гостя проведу.

Выходил он к гостю любезному, говорил ему таковы слова:

— Не желаешь ли, гость Славута, со дороженьки долгой в баню?

Гость ответил ему:

— Согласен!

Истопили парную банечку. Но пока Сварог снаряжался, гость во банечке искупался. Не успел проверить его Сварог.

И сказал тогда так хозяин:

— Не желаешь ли, гость Славута, со Сварожичами потешиться, в кулачки сойтись на моём дворе?

Выходили они на широкий двор. И тогда Славута Таврулович начал биться и ратовать-

ся, и побил-помял всех Сварожичей, и на землю их положил.

И сказал тогда гостю бог Сварог:

— Укроти-ка ты сердце буйное! Я отдам тебе Лелю в жёнушки!

И не стал он доченьку спрашивать. И устроил он пир-гуляние. Пир идёт у них вот уж третий день, и пора идти на венчание, и сказал тогда гостю бог Сварог:

— Что же ты, Славута, невесел? Буйну голову ты повесил? Али что тебе не по нраву?

Отвечал ему гость любезный:

— Потому я ныне невесел, что не слышу я песен дивных и не вижу я плясок чудных... Слы-

шал я, тобой околдован былё Асилушка Велес мудрый. Вот он был горазд и плясать, и петь!

Говорил Сварог гостю милому:

— Для тебя готов Велеса простить и на пир его в Ирий-сад пустить.

И ударил он мощным молотом да по Камешку Алатырскому, и явился вновь Велес Лунный во Свароговых тех садах. И тогда Азовушка Славовна к мужу бросилась на шею. Целовала его и плакала.

— Я нашла тебя, муж любимый!

А потом сказала родителям:

— Вы простите меня, милый батюшка и родимая Слава-матушка! Да и ты сестрица любезная! Поневоле я обманула вас, ибо как же жить мне без Велеса? Для меня он днём — Солнце Красное! Тёмной ночью — Месяц Ясный! Он мне — мать, отец, и сестра, и брат! И отныне мне — муж любимый!

Их простили Сварог с Ладой-матушкой. Только Лелюшка подошла и дотронулась до Велеса, не перстом дотронулась — перстнем до лопаточки правой бога.

— Вот подарок тебе, сестрица, и тебе, Велесушка Родич! Вы меня потом помнить будете!

Где дотронулась перстнем Леля, появилось там тавро: чтоб Велесушка-бог вовеки, также в будущих воплощеньях, обуян был любовной страстью.

И тогда бог Велес с Азовушкой из Ирийского сада вышли. И отправились в Тавриду да по горушкам Алатырским, по Азовскому морю синему.

Тут вовек поминают Велеса и Азовушку свет Свароговну, их деяния прославляют.

ВЕЛЕС И ДЫЙ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о Велесе и о Дыюшке. И о первом явлении Крышня, и о том, как Велес сын Родович одолел в бою Дыя мощного.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во те времена изначальные, в те эпохушки стародавние жил великий бог Дый Седуневич. Жил на Небе он и Сырой Земле. Он в горах из алмазов возвел чертог, а из крыльев орлиных — на небе.

Вылетал из орлиного гнёздышка Дый Седуневич на драконе, мчался вихрем под облаками. И кричал дракон в чёрных тучах. И от крика того горы рушились, содрогался небесный свод. И в глазах его маргарит сиял, где он взгляд бросал — там огонь пылал.

И страшились люди Дыя и драконушку огнекого. Приносили им жертвы частые — били им козлят, и козлов, и коз. Зажигали они костры и бросали мясо в котлы.

Но однажды жрецы вместо мяса те котлы камнями наполнили, в пламя влили не кровь, а воду.

Осерчал тогда Дый Седуневич:

— Я на вас нашлю градобитие, напущу и морозы лютые, и Земли Сырой потрясения! Под Землёй разведу дымные костры и с небес пролью серные дожди! И сожгу тогда ваши нивушки, и состарю я ваши личушки, спины ваши согну, ноженьки искривлю!

И сошлись тогда ото всей Земли князи и волхвы многомудрые, стали думать-гадать:

— Как же быть нам?

И решили — помогут Велес и Азовушка дочь Сварога.

— Велес мудрый! Он наш спаситель! Он правдивый и верный слову! Златоусый, серебрявласый! С гору ростом, с душой Медведя! Ярый Тур! Он поможет нам!

— Только кто же отыщет бога во горах далекой Тавриды? Кто отправится в путь неблизкий?

Хоронился за старшим младший, малый прятался за большого — и никто идти не решался. Тут явился среди жрецов некий юноша светлолицый с оселедцем на главе.

И сказал:

— Я вызову Велеса!

Рассмеялися все волхвы:

— Как же ты дойдешь до Тавриды? На своих тонюсеньких ножках не осилишь и первой горки!

Но им юноша так ответил:

— Сапоги-сороходы вмиг до Тавриды меня доставят!

Каблучками своими топнув, он взлетел тотчас над горами, и его понесло пушинкой — чуть повыше леса стоячего, ниже облака проходящего.

И достиг великой Тавриды он, и спустился на светлый луг, где на горке поднялся дуб.

— Велес! Велес! — воскликнул мальчик. — Ты всё ходишь, сторожишь горы, аль не знаешь, что Дый Седунич насылает на нас беду?

Изумился великий Велес:

— Неужели жрецы Диверии не нашли посланца иного? И прислали с печальной вестью

не волхва с седой бородою, а юнца, мальчишку безусого?

И тогда юнец бросил посох и вонзил его во скалу. Велес к посоху подошёл, брал его он одной рукою, только посох ему не сдался. Взял тот посох двумя руками, но не тронулся с места он. И все силы напруг бог Велес — и вдруг понял, что вместе с осью он пытается Мир поднять...

— Кто ты? — Велес тогда воскликнул.

— Я твой сын! Я же твой родитель! Я — рождающий и рождённый. Я тот Сын, что родил Отца! Я был до, я же буду после! Я есмь — ты, за тобою — я!

— Как же имя твоё?

— Я — Крышени! Был я Рамной! Как Рамна — ты!

— Кем ты станешь?

— Дорогой звёздной, и Воротами в Ирий-сад, и Свечою, и Камнем, Книгой. Переправую над рекой, лёгким облаком над горой.

И сказала тогда Азова:

— Предрешённое путь случится! Правда с Кривдою пусть сразится!

И Сварог для Велеса мудрого сам сковал кольчугу и шлем, чтобы их пробить не сумело никакое вражье оружие. И сковал он стрелы волшебные — те, что сами в цель попадали. Также меч-кладенец, который сам раскладывался в бою.

А Азовушка дочь Сварога соткала ковер-самолёт, что парил словно птица в тучах. И на том ковре-самолёте в небо синее взвился Велес. И явился он словно молния перед грозным чертогом Дыя, в тучах тёмных взгремел, как гром.

— На Земле пылают пожары! Реки высохли все до дна! Я явился к тебе, Седунич! Это значит — пришла война!

Из гнезда орлиного вылетел на драконе огненном Дый. И дракон закрыл Солнце Красное, из его ноздрей дым струился, и летели из пасти искры.

— Велес! Вызов я принимаю! Я желаю с тобой сразиться! И кому Всевышний поможет — тот соперника одолеет!

И средь туч сошлись боги сильные. Стали биться и ратоваться. Велес перед Дьем парил, и при взмахе меч-кладенец удлинялся и сам рубил.

И рассыпался замок Дыя, сложенный из перьев орлиных. И орлиные перья пали. И случились чудеса — запылали вдруг небеса и на землю пепел посыпался.

И средь туч ратовались боги — и из длани Дыевой выпал меч. И тогда бог Велес, сын Рода, свергнул Дыя на Землю-Мать. И разверзлась Земля Сырая — Дый низвергнулся в царство Вия.

И на Землю пошли дожди, потушили они пожары. И рассеялись тучи тёмные, и развеялись злые чары.

И восславили люди Велеса:

*О бог Велес! Ты — наше Солнце,
оживляющее поля!
Ты и Месяц, и Звёздный Пояс.
Ты — цветущая наша Земля!
За тобой небесные рати!
Ты премудрый и сильный бог!
Ты Орла быстрее и крылатей!
Лихо Дыя ты превозмог!
Тьму изгнав, ты принёс свет,
нас избавив от всех бед!*

ВЕЛЕС СКРЫВАЕТСЯ В АЗОВ-ГОРЕ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о последних днях бога Велеса. И о пире у бога Дыя. И о том, как Велес с Азовушкой вместе скрылся во Азов-горе.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во те времена изначальные, в те эпохушки стародавние над Землёю властвовал Велес, в Небесах же правил сын Змея Дый.

И была вражда меж богами. И на Небо явился Велес, в Пекло свергнул он бога Дыя, и на крыльях его орлиных вновь спустился на Землю-Мать.

В Пекле Вий сказал брату Дыю:

— Ты — хозяин Неба, Седунич! Как же Велес — Земли властитель, одолеть сумел сына Змея?

— Было Вышню сие угодно! Но придёт и иное время! Повернётся Сварожий Круг!

И разжёт Вий пламя подземное, и прожёт он ход во Сырой Земле. И поднялся в том в дыме-пламени Дый на Землю Матушку вновь. Тут драконом он обернулся и в свои чертоги вернулся.

И встречали Дыюшку слуги и супруга Лунная Дивия вместе с дочкой, прекрасной Дивой, с сыновьями — Чурилой, Индрой. И в Диверии той богатой был устроен великий пир.

В небесах догорала зорюшка, разгорались часты звёздочки...

Во горах и долах Диверии буйны ветрушки расшумелись и дубравушки приклонились. То

езжали по горным кряжам Велес мудрый и Крышень-млад.

Велес Крышню тогда рассказывал, так младому богу говаривал:

— Как малым-мало ныне мне спалось, да во сне старому привиделось. Будто в тёмной ночи разожгли огонь, подо мной разыгрался буланный конь... Налетели тут ветры буйные со восточной той стороны, и срывали шапочку чёрную со моей седой головы.

Молодой бог Крышень догадлив был:

— То не ветрушки расшумелись, не дубравушки приклонились — прилетела то птица Сирин... Знать, окончилось время Велеса — повернулся Сварожий Круг!

Тут навстречу Крышню и Велесу вышел Пан могучий сын Вия. И сказал он так богу Велесу:

— Дый на пир тебя приглашает! Позабудем обиды старые, выпьем чарочку мировую!

— Не ходи! — сказал ему Крышень. — Дый лукавый тебя обманет!

Снова Пан обратился к Велесу:

— Наварили мы мёду, пива и бузы великие бочки. Для тебя Быка закололи. Был тот Бык настолько громаден, что в тени его отдыхали сто обычных коров с быками!

— Не ходи! — снова Крышень вскрикнул.

Но Пан Велесу слово молвил:

— Будут пляски у нас и пенье! Приходи же к нам, чудный Велес! Без тебя ж какое веселье?

— Не ходи! — вскрикнул снова Крышень.

И сказал тогда Велес Крышню:

— Слышу музыку я и песни, и огни я вижу во мраке! У меня на правой лопатке Лелей

выжженное тавро. Это значит, что не могу я из-бегать застоля и пляски!

— Что ж, иди! — сказал ему Крышень. — Видно, так положено в Прави. Я останусь, коль ты уходишь. Я уйду — вновь вернёшься ты. После ночи настанет утро!

А в чертогах сына Седуни пировали детушки Дья — Дива, Индрик и сам Чурила, вместе с ними все дивьи люди, также гости из царства Вия.

— Велес едет! — они кричали. — Мы в честь гостя устроим пляски! Привяжите его коня! Дайте гостю с бузою чару! И вводите-ка в хоровод!

Но ответил им мудрый Велес:

— Сам коня привязать сумею, в хороводушек сам пойду. И найду, с кем в пляске кружиться...

Велес сам вступил в хоровод. И пустился в пляс. И по кругу Диву Дыевну закружил.

— Отпусти-ка ты Диву Дивную! — так просили Велеса гости.

— Не могу! — им Велес ответил. — Жжёт лопатку мою тавро...

И воскликнула Дива Дыевна:

— Отпусти меня! Ты погибнешь, коль меня сейчас не отпустишь!

— Пусть погибну! — ответил Велес. — Я уйду. И вернусь вновь, коль на то будет воля Вышня!

И сказал тогда Дый Седунич:

— Между нами Медведь явился! Он погибнет от тяжких ран! Пусть помчатся за ним Собаки по Земле и по небосводу!

Так сказал тогда Велес Дью:

— О Слуга и Противник Бога! Ты царь навий и привидений! Ты — прибежище падших

душ! Ты познал тщету и величие Мира, созданного Сварогом! Искушаешь ты наши души. И приносишь освобождение от оков материи бренной! Ныне твой наступает час! Ты и мне возвратишь свободу! Единение с Вышним Богом!

И сказал ему сын Седуни:

— Я — Секира в руках у Бога! Повелитель Кривды и Зла, но свершаю я лишь благое. Ведь без Тьмы не бывает Света, и без Смерти не будет Жизни, Правды нет — если Кривды нет! Так положено Вышнем в Прави!

И сказал тогда мудрый Велес:

— Каждый должен пройти свой Путь. Предначертанное свершится, как свершалось оно и прежде...

И тогда подносили Велесу чару с ядовитой бузой, что была отравлена Дыем, влившим в чару ослиный мозг.

— Выпей, Велес, за нашу дружбу!

Выпил Велес и пал на Землю. Горло Велеса посинело. И тогда служители Дыя положили его в колоду и спустили в пещеры Вия...

А в Тавриде рано-ранёшенько Лебедь белая пролетала, и роняла она белы пёрышки... То не просто была Лебёдушка — пролетала там свет Азовушка.

И молила Азова Вышня:

— Боже Вышень наш, Всемогуций! Дай мне, Вышний, ключи от Сварги! Чтоб пройти через Ирий в Пекло и найти там милого друга!

И услышал Вышний молитву. Дал Азове ключи от Сварги и открыл ей вход в царство Вия. И прошла Азова ворота. И пред троном Вия предстала.

— Ты верни мне милого друга! Дай услышать вновь его песню! Нет той песни для сердца слаще...

И запела она печально:

*Вот с Землёю сходится Небо,
и с руки упало колечко...
И от нашей долгой разлуки
всё горюет, горит сердечко...*

*О ушедший в страну безмолвья!
Возвратись! — призываю вновь я...*

*Вот и руки мои простёрты,
чтоб тебя защитить от бед!
Но с Землёю сходится Небо,
и не слышен мне твой ответ...*

*О ушедший в страну безмолвья!
Возвратись! — призываю вновь я...*

И холодное сердце Вия разгорелось от этой песни, на глаза навернулись слёзы:

— Пусть откроются все пещеры! И отворятся все врата, если Велес твой голос слышал...

И раскрылись пещеры Вия. И явился на звук той песни Велес из далёких пещер:

*Я твой голос в ночи услышал
и увидел пламя свечи...
Я из тьмы на твой голос вышел —
и молю тебя:*

Не молчи!

*Пусть сорвались с привязи кони,
над обрывом храпят в ночи...
Кто-то Чёрный сидит на троне...
Я прошу тебя:*

Не молчи!

*И зерно стремится на волю!
Не иссякли ещё ключи!
Вновь я буду вместе с тобою.
И молю тебя:
Не молчи!*

И пошли они по пещерам и по залам из малахита. Где ступали ножки Азовы — там алмазушки рассыпались. Ну а где прохаживал Велес, золото-серебро растекалось. И явился ход перед ними, и вдали почудился свет — только дальше дороги нет...

И раздался голос Всевышнего:

— Здесь раскрыта Азов-гора, и Азовушка может выйти... Только Велесу предстоит одолеть иные ворота и чрез многие поколения обрести второе рождение...

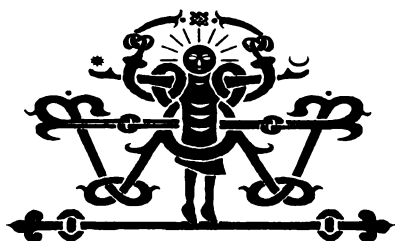
Но Азовушка так сказала:

— Не оставляю я сына Рода! Воля мне без него — неволя. Здесь остаться — вот моя доля!

— Будь по-твоему... Но послушай! Год за годом травой растёт, век за веком рекой течёт. И Сварожий Круг повернется, и придёт к горе Сильный Муж. Крикнет имечко дорогое и на свет тебя позовёт. Это будет иное имя, но его ты тотчас узнаешь, станет имечко то твоим. И умрёт тогда Старый Велес, и родится вновь — Молодой. Ты ж из тьмы иди к Молодому!

Прозвучали сии слова — и замкнулась Азов-гора.

И отныне все славят Вышня, бога Велеса и Азову, вспоминают и племя Дыя у великих Уральских гор.

II

ВЕДА КРЫШНЯ

Эпоха Крышня-Водолея

25—23 тысяч лет до н. э.

ЯВЛЕНИЕ ВЫШНЯ И КРЫШНЯ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о Вышне, рождённом Правью, и о сыне Вышня и Майи — боже Крышне, излившем Веды первым людям...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Над небесным садом Ирийским вились голубь со голубицей. Как у голубя сизокрылого — золотом сияет головушка, у голубушки — златы пёрышки.

То не птицы кружились в небе, то не голуби в небе вились, это Правь возносилась к Сварге, птица Мать Сва — ко Сварогу.

Кто сиять заставил Сварога? Кто его побудил наслаждаться? Отчего золотое семя из небесной выси излилось? То Любовь его распалила, Явь возвысилась над Навью, разродилась в Яви — Правь.

Кто тот Сын, что явился в Правь? Сын, воздвигнувший в Яви с Навью два великих имя Сварога? Кто возвысил и третье имя во Сварожьей небесной выси?

Это Вышень — Всевышний Боже. Тот, что Солн-цем сияет в Сварге, что, родившись, шагнул три раза — широко чрез простор Вселенной. Это Юноша — Сын Закона, Явь, и Навь, и Правь перешедший. Тот, в следах чьих — источник мёда, в высшем следе — сияет Сурья. Тот, следы чьи соединяют триедино Землю и Небо.

Шли-бтели по миру волшебники, говорили:

— Хотим достигнуть — мы убежища бога Вышня! Где пьют Сурью мужи святые, что Всевышнего прославляют. Ищем мы святую обитель, где река молочная плещет, из сосцов Земун изливаясь. Где Всевышнего след сверкает Ясным Солнцем в пречистой Сварге.

— Славте Вышня, рождённого Правью! Обладающего высшей силой! Вышня, долю дающего в Прави! Во небесном саде Ирийском отверзающего врата!

— Боже наш Боже! Боже — пречистый, пречистый — пресветлый, пресветлый — премудрый, премудрый — наш Боже! Боже наш — Вышень! Вышень — заоблачный, непостижимый!

Как у быстрой речки Смородинки, у самой горы Алатырской распустился чудесный сад.

В том саду деревья золотые и трава там мягкая, шёлковая, и на каждой травинке по ленточке, в каждом цветике по жемчужинке.

В том саду поднялись хоромы — крутоверхие, златоглавые. В тех хоромашах стоит кроватка. Та кроватушка золочёная, ножки у кроватки — точёные. На кроваточке посыпала Злата Майюшка молодая.

Вот слетел со небесной выси к Злате Майюшке голубь сизый. То не голубь пал к голубице — это Вышень вошёл в светлицу. К Злате Майюшке — сам Всевышний.

Злата Майя под ним смлевает — Вышень Сына тут зачевает...

Потрудилась Злата Майя... Слава Майе, слава Вышню! Потрудилась, потужилась и родила бога Крышня! Сына Вышня бога Крышня!

Сына Вышня родила Майя — бога Крышня, что силой Прави держит Солнце и светлый Месяц, звёзды частые рассыпает по хрустальному небосводу.

Засияло на небе Солнце:

— Слава Вышню и богу Крышню!

Звёзды с Месяцем заплясали и цветами мир забросали:

— Слава Вышню и богу Крышню!

Заиграли долины, горы, расплескалось синее море:

— Слава Вышню и богу Крышню!

Звери во лесах заревели, рыбы во морях заплескали:

— Слава Вышню и богу Крышню!

И запели люди по всей Земле:

— Слава Вышню и богу Крышню! Хайэ! Хвала! Слава!

И Сварог — царь небесный — услышал, что родила Майя младенца, молодого Вышнего Крышня. Он послал Огнебога Семаргла, дабы тот ему поклонился.

Вот сошёл Семаргл с небосвода, полетел к Смородине-речке, ко великой горе Алатырской. Видит он — в долине у речушки распустился чудесный сад, в том саду поднялись хоромы — крутоверхие, златоглавые, в тех хоромушках — Злата Майя, на руках она держит Крышня.

А лицо его — Солнце Ясное, а в затылке сияет Месяц, а во лбу его — звёзды частые. Кры-

шень держит в руках Книгу Звёздную — Книгу Ясную, Злату Книгу Вед.

Ко великой горе Алатырской собиралися-соезжались — сорок грозных царей со царевичем, с ними сорок князей со князевичем, также сорок волхвов ото всех родов. Они видели Огнебога — как в хоромушки Златы Майи он с небес опускался птицей, а в хороммах — видели Солнце.

И тогда Семаргл Сварожич по горе Алатырской ударил. Он ударил златой секирой — и Алатырь озолотил. И раскрылась в нём злата крыница, истекла водица студёная. И ту воду пила Злата Майя, пил ту воду младенец Крышень, и пила её Злата Книга.

И та Книга учила сорок царей, и учила она также сорок князей, и учила волхвов много-мудрых:

— В молодого бога уверуйте! В молодого Вышнего Крышня! Он сошёл с небес, он пройдёт по Земле и учить будет Вере Вед!

КРЫШЕНЬ ПОБЕЖДАЕТ КАЩЕЯ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о деяниях бога Крышня, как он в льдах заточил Чернобога. О дарах его людям спой! — Ничего не скрою, что ведаю...

Закатилось Красно Солнышко да за горушки за высокие, за лесочки да за дремучие, да за реченьки за широкие. Собирались тучи тёмные, птицы по небу разлетелись, звери по лесу разбежались, рыбы по морю разметались.

И родила тогда Мать Сыра Земля бога Чёрного, сына Вия, — самого Кащея Бессмертного.

В колеснице с драконами огненными пролетел Кащей над Землёю. Он на птиц посмотрел — птицы смолкли в лесах, над травой пролетел — и засохла трава. На скотину взглянул — повалилась скотина, на деревья — засохли деревья.

Далеко за речкой Смородиной, во Хвангурских чёрных горах ввысь вознесся замок Кащея. Он костями людскими подперт, человеческой кровью крашен. Вкруг чертога Кащея — железный тын. И на каждом столбочке — череп, каждый череп огнём пылает.

Как влетел в тот замок Трехглавый Змей, обернулся в Кащеюшку Виеча. Тут Кащей огонь разжигает и приносит страшную жертву, о судьбе своей вопрошает:

— Быть ли мне Властителем Мира?

Отвечает ему Недоля:

— Будешь ты Владыкою Мира, но — на краткий срок, не навеки. Знай, родился сын

Бога Вышня! От него тебе будет гибель и великое посрамленье!

В гнев пришёл Кащеюшка Виевич, обернулся Вороном Чёрным — полетел над Сырой Землёю, чтоб лишились люди покоя...

Как кружился в небушке Ворон, распускал он чёрные крылья, Солнце Красное заслоняя. Он наваял лютую стужу и метель с морозом трескучим.

От мороза и от метели в кучи сжавшись люди сидели. Свет ладошками собирали и в жилище своё вносили, но от этого не теплело, и не делалось им светлее — и они обращались в камни.

И просили люди у Крышня:

— О согрей нас, Крышень могучий!

И достал стрелу свою Крышень, и пустил её в поднебесье — сбил стрелой звезду золотую. И упала с неба звезда, и рассыпала с шумом искры. Как упала звезда — так погасла она, и не стало в мире теплее.

И решил Крышний бог род людской от беды и горя избавить. На коня вскочил Белогривого, полетел за речку Смородину ко Хвангурской Чёрной горе.

Видит он — на гору Хвангурскую опускается Чёрный Ворон. Огорожен Хвангур грозным тыном. И на каждом столбочке тына — черепа висят человечьи. То не речка с-под горки льётся, то течёт-бурлит кровь людская, то не камешки в тьме белеют — то мерцают белые кости.

В самом сердце тына железного видит Крышень высокий Пламень. Семь оград его ограждают, Чёрный бог его охраняет, у огня он спит-посыпает.

И спросил коня светлый Крышень:

— Что же делать — скажи, Белогривый?

— Как взовьёмся мы к поднебесью — так железный тын перескочим и похитим мы ясный Пламень!

Вихрем взвился конь Белогривый, поднимался он к частым звездам, опускался он к Чёрным скалам. И бросался Крышень к Огню, и поднял из костра головню.

Искра малая отлетела — обожгла она Чернобога. И проснулся он — видит Крышню, а в руках его яркий Пламень. И завыл, вскричал

Страж Огня, обернулся он Чёрным Враном. Полетел вослед богу Крышню.

И разинул клюв Чёрный Ворон от земли до самого неба — проглотил с конем бога Крышня. Стал тут Крышень жечь глотку бога, бил горящей её головнею — не сдержал его Чёрный Вран.

Обернулся тогда он Змеем и обвинил молодого Крышня. Стал сжимать он чёрные кольца — и потрясся небесный свод. Стал расти в чёрных кольцах Крышень — не сдержатъ его Чернобогу! Разрастался он целый год — и колечки все разорвал.

И сказал тогда Чёрный бог:

— Ай послушай меня, сильный Крышени! По-иному мы силу сверим! Полетим мы к Белому морю далеко-далеко на Север. Будем мы в него окунаться — в море кто кого заморозит?

Прилетели они на Север. Окунулся в морюшко Крышень. Чёрный бог же дунул на море. И завывали тогда метели, затрещали тогда морозы. Заморозил он в море Крышня. Но лишь плечи Крышень расправил — разломал все мощные льдины.

Чёрный бог окунулся в море. Начал дуть на морюшко Крышень — и до дна его заморозил. А Кащей стал биться о льдины, только лёд его не пускал, лишь сильнее бога сжимал.

И сказал тогда Чёрный бог:

— Ты меня осилил сегодня. Явь восстала над Тьмой и Навью. Но придёт и Чёрное Время! И поднимется Чёрный Ворон, и завоюет Волк, и родится Змей. И отвергнут все люди Бога, и забудут Вышня и Крышня! Ты стрелою будешь обвенчан, Смерть — Женою младою примешь. И восстанет над Явью — Навь.

И пропел в ответ Вышний Крышень:

— Надо мною взовьётся Ворон, но добычи он не добьётся! Обвенчаюсь со Смертью злой, и опять вернусь Колядой!

Крышний бог вскочил на коня, и от Белого моря к Чёрному он понёс священное Пламя. Дал он людям Пламя Завета и навеки им заповедал:

— Берегите святое Пламя! Пусть пылают огни горячие высоко, до самого неба! Чтите вы и помните Крышня, Сына Златы Майи и Вышня!

Во небесный сад — светлый Ирий солетались птицы дивные. То не птицы слетались в небе — то съезжались в Ирий ясуни и медовую Сурью пили.

— А кого принять в круг Сварожий? Кто достоин Сурью медовую пить из чаши Бога Всевышнего?

И решили: достоин Крышень — Сын, рождённый Майей и Вышним.

Крышень в светлый Ирий явился, стал он пить медовую Сурью.

— Как, — спросили, — хорош напиток?

— Сурья — солнечный мёд, волшебный! Он как Солнце в небе сияет! Жаль, что люди Сурью не знают.

И пролил он чашу с небес. Вниз на Землю из сада Ирия. И наказывал Крышний людям:

— Пейте, люди, Сурью волшебную! Почитайте Сурью и Крышня! Пейте истину Божьих Вед!

*Сурья — мёд, на травах бродивший,
Сурья — также и Солнце Красное,
Сурья — Вед понимание ясное,
Сурья — след Всевышнего Вышня,
Сурья — истина бога Крышня!*

РА И ВОЛЫНЯ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, про Волынюшку — Мать Трех Солнц. Спой как Ра влюбился в Волыню. Как на мир надвинулась тень, и о свадьбе их в Велик-день!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Милый Боже! Ласковый Боже! Боже Вышний и Всеблагой! Чуден Ты на Земле и Небе!

Ты Отца Предвечного имя в Небе синем установил. В Мир войти возжелав, Ты родился. Сыном стал Ты, Отца родив.

У Отца детей-то без счёта, словно звёздочек в небесах. Но одна — любимая дочка, что Тебе, Всевышний, сестра.

О Великая, ставшая Небом и Владычицей Океана! Наполняешь ты всё собою! И в руках твоих каждый камень и былиночка, мотылёк, в поле самый малый цветок.

О Волынюшка дочь Сварога! Ты сияешь в саде Ирийском. А лицо твоё, словно Солнце, светлый Месяц в твоих косах, часты звёздочки в волосах... Звёзды частые рассыпаются, словно скатный жемчуг катаются, златы косушки до земли висят, очи ясные как огонь горят!

Как на морюшке — Беломорье да на острове Солновейском во саду стоял светлый терем. На его крылечке Волыня, вышивала она на пальцах.

Как сидела и вышивала, вышивала и волховала. Шила первый узор — море Белое, а на море — солнечный остров, а над островом — Солнце Красное.

Как увидел Ра — Солнце Красное то Волынино рукоделие, так влюбился он в деву красную, в чудо-вилицу ту прекрасную. Всё смотрел он и изумлялся и к закату не опускался. И шесть месяцев так прошло, Ясно Солнышко не зашло.

Загорелись тогда долины, запылали горы крутые. Реки быстрые обмелели, и ладьи на мелюшки сели.

И сошлись тогда ото всех родов семьдесят волхвов и кудесников. Стали думать-гадать: как быть, как же это лихо изжить?

И пошли они ко Ирийским горам, и пошли они ко зелёным лугам, где поёт Гамаюн, и пасётся Земун. И парит над землей Матерь Слава — златокрылая Лебедь-пава.

И просили её кудесники:

— О великая Матерь Слава, златокрылая Лебедь-пава! Ты уйми, утишь Ясно Солнышко! Землю-Мать он едва не сжёт, наше полюшко не сберёт!

И великая Матерь Слава сына Солнце спрашивать стала:

— Солнце Сурья-Ра, милый сын! Что ж к закату ты не идёшь, и за край небес не зайдёшь? И зачем, сыночек любимый, ты поля и рощи спалил? Реки все вокруг осушил?

Так ответил ей Солнце Красное:

— Мама, милая моя мама! Я увидел в море девицу — ту, что нет в целом мире краше! А лицо её, словно Солнце, светлый Месяц в её косах, часты звёздочки в волосах... Коль Волыне моей не быть, перестану я восходить — в небесах не светить мне так ясно, как горел доселе напрасно. Пусть же мир покроет тень, завершится Велик-день!

И спустился Ра — Солнце Красное. И сокрылся за край небес. И полгода его не видно. Не является Ра на небе, и не светит он над Землёю.

И Земля — вся в чёрных одеждах, ничего в потёмках не видно. Во пещерах спрятались люди, не выходят в поле широкое. И поникла в полюшке нива, и ветра задули холодные, принесли снега и метели, и все горы заледенели.

Так закончилось лето, настала зима — а вокруг всё холод и тьма! Взлютовал мороз, выпал снег — а в пещерах запасов нет!

Вновь собрались ото всех родов семьдесят волхвов и кудесников. Стали думать-гадать: как быть? Как же это лихо изжить?

И решили тогда те волхвы-короли:

— Мы пойдём ко Краю Земли, мы пойдём на полночь — туда, где Сварог среди льдов возвёл свой чертог, чтобы дочь его выдать за Солнце-царя, дабы вновь ожила Земля!

И кудесники стали над тем размышлять: как Сварога им отыскать? Ведь Творец он мира всесильный, также Мастер он златокрылый и волшебный Король Змеиный!

И имеет он три ключа — три волшебных и чудотворных, изначальною силой полных. Запирают эти ключи — все источники, кладенцы-ключи. Коль поднимет Сварог золотой свой ключ и замкнёт им покои туч, будет ясно — не жди ты зря с неба даже капли дождя. А другой серебряный чудо-ключ открывает покои туч, — если небо он отмыкает, то земля тотчас намокает — сильный ливень льёт и трава растёт. А железный ключ град скрывает, — коль Сварог его подымает, небо тем ключом отпирает, — град на полюшко выпадает и посевы все побивает.

И пошли волхвы-короли к Беловодью на Край Земли. И увидели море Белое, что покрыто всё льдами белыми.

А средь льдов — Солновейский остров, что горит венцом бесценным — Асградом красы нетленной. Златы шпили на шатрах, самоцветы на стенах, — и от них идёт сиянье средь созвёздий в небесах.

И волхвы к Солновейскому острову по великим льдам перешли, и Асград средь льдов обрели. И входили они в ворота, и прошли ко храму Сварога.

И увидели: вот ко храму прилетел дракон златокрылый, а на нём Сварог, князь Змеиный. Следом в храм, крылами сверкая, ринулась Сварожичей стая. Тут Сварог чрез двери вошёл и сажился за злат престол. Справа от него — юдица, то Волынюшка-вилица.

Тут Сварог гостей привечал, им такое слово вещал:

— Хорошо, что сейчас вы явились у нас, вы все семьдесят мудрых волхвов и царей! Приглашаю на трапезу вас, как гостей! Вы блуждали, но путь обрели вы во мгле и достигли града чудесного, лучше нет его на земле!

И направились к трапезе короли, что явились к Краю Земли. Только ко столам подступались, все Сварожичи подымались, — и порхнули, как птицы, тотчас за моря, им ни слова не говоря. С ними улетела юдица, то сама Волыня-вилица!

И тогда Сварог королям изрёк:

— О вы, семьдесят королев, семьдесят великих царей! Вы вначале ступайте-ка ко горе, ко святой великой норе. Там хранится в бочке отличное красное вино трёхгодичное. Бочку в

огненную колесницу вы скорей затем погружайте. И в повозке, парящей птицей, вы над Белым морем взлетайте. После в звёздных небесах выбейте у бочки дно, в море вылейте вино!

Князи ринулись к той горе, да ко той святой норе. Бочку там они находили, в колесницу её закатали, и Сварога они так молили:

— Мы к Тебе, Сварог-отец, взоры обращаем! Мы Тебя, Великий Боже, просим, умоляем! Дунь на землю ветром буйным, ведь ничто Тебе нетрудно! Чтобы мы в сей колеснице воспарили, как на птице!

И Сварог той просьбе внял, всех ветровниц выпускал. И тогда в повозке звёздной князи воспарили, и из бочки той вино в Бело море лили.

И тогда обратно Сварожичи к трапезе златой прилетели, эту жертву они призрели.

Вместе с ними семьдесят королей принимались за обед. И Волыня служила им, — та, что краше на свете нет!

Ведь её лик — само Солнце Красное, Месяц светлый в её косах, звёзды частые в волосах. Звёзды частые рассыпаются, словно скатный жемчуг катаются, златы косушки до земли висят, очи ясные как огонь горят!

И тогда все семьдесят королей, семьдесят великих князей, стали требовать и просить, и отца Сварога молить, чтоб отдал он замуж девицу ту Волынюшку-чаровницу.

— Красно Солнце любит Волыню, потому оно не восходит! Оттого зима не проходит! Лето красное не приходит!

Приносили они Сварогу красно золото, бело серебро, привели ко его порогу жертвенных быков круторогих.

И призрел Сварог подношение, высказал им благоволение:

— Вы за трапезу принимайтесь, яствами теперь наслаждайтесь! Знайте, ваши мольбы до меня дошли, мне на сердце они легли.

И вот семьдесят князей, семьдесят царей — все расселись на скамьях, что повешены на цепях. И все принялись черпать отличное красное вино трёхгодичное.

А на небушке звёзды ясные соходились в дворце Солнца Красного. Песню там они напевали, также звёздную люльку сплетали...

И вот князи-волхвы все на празднике том — ублажили себя вином. Песни свадебные запели, но закончить их не успели — люлька звёздная на цепях со небес на землю спустилась, дверца в люлечке той открылась.

И Сварог в тот же час как её увидал, тем князьям-волхвам провещал:

— О вы, семьдесят королей! Семьдесят великих царей! Знайте, к Вышнему Богу жертва ваша дошла и Ему приятной была. И вот люлечка звёздная к нам прилетела. И Воляня в ту люлечку села...

И тотчас короли речь о том завели:

— Быстро люлечка-та в небе звёздном парит, в ней Волянюшка-дева не спит, и не бдит. И не люлечка то качается — вся Вселенная колыбается.

Там сидит Воляня — рыдает и главу свою приклоняет:

— Ой ты мой отец, милый батюшка! Эта люлечка Богом сотворена, звёздами она сплетена! Сам Всевышний, мой брат, люльку ту опустил, люлькой той меня заманил. И поднял Он меня к небесам, ко своим золотым садам, чтобы Мать Всеслава ему послужила, славы Вышнему возносила...

Причитания эти Сварог услышал, и к дочери он воззвал:

— О Волыня, зачем ты меня оставляешь? В беспросветной мгле покидаешь! В небесах на огненном троне, ты в волшебной сядешь короне. Ты царица Солнца отныне: летом греет Ра — Солнце Красное, а зимою долгой — Волыня.

Тут дева Волынюшка к Солнцу взошла, к чертогам его пришла. А Солнце в постели как прежде лежал и очи не открывал. И было ему тяжело, он не подымал чело. Но Матерь Всеслава его пробуждала и так ему провещала:

— Встань, сын мой, Солнышко Ясное, чтоб видеть Волыню прекрасную! Сидит Волынюшка на крыльце, в твоём золотом дворце...

Тут он разомкнул очи ясные, увидел Волыню прекрасную. И сердце его встрепетало, возрадовалось, взликовало:

— Волыня, любимая, что же ты ждёшь? Сидишь у порога, ко мне не идёшь? О дева! Так дай же себя мне обнять и в ясные очи поцеловать!

И эти слова он ещё не изрёк, и голос его не умолк, как дева Волыня с ним рядом вставала, и лик его ясный поцеловала:

— О Ясное Солнце, тебя я люблю, и также тебя молю... Восстань же ты нынче на небе со мной, твоею Ясной Зарёй. И Землю-Мать ты согрей, людей внизу пожалей...

Бог Солнца на это согласие дал и на небе заблистал. А после Матери Славе слова такие вещал:

— О Мама, милая Мама! Отныне я буду на небе блистать, греть землю и освещать, чтоб люди покинули норы глубокие, пошли в доли-

ны широкие, все стали сеять и жать, и Вышнего прославлять!

И вспомнил тут Солнцебог:

— Ведь Вышень-Даждьбог так меня остерёг: «Шесть месяцев ты освещаешь поля, чтоб тёплой стала земля... Затем же не сможешь ты подыматься и будешь в покоях своих укрываться. Потом я закрою дворец дождевой, открою же снеговой. И будет ненастье шесть месяцев длиться, и будут снега валиться... Настанет зима суровая, холодная, снеговитая и вьюгами перевитая, ведь люди жертв не давали и Бога не прославляли!

Тогда говорила супругу Волыня.

— Да, так и будет отныне! Но я стану Вышня молить, чтоб мне позволил светить — шесть месяцев: осень дождливую и зимушку ту тоскливую...

Тут Солнце прорёк птице Славе:

— О Мама, Матерь Всеслава! Всевышнему Богу дары принеси, и так его спроси: даёт ли Вышний прощение, от лютых бед избавление?

Ещё не закончил ту речь Солнцебог, как алой зарёй загорелся восток. И тут стало Солнце над миром блистать и землю обогревать.

И тут же все семьдесят королей, могущественных царей, собрались и пошли к горам родимой земли. В пещеры стали входить, на свет людей выводить, чтоб люди покинули норы глубокие, пошли в долины широкие, колосья созревшие принялись жать, в амбары и ступы зерно собирать, чтоб наполнились закрома, пока не пришла зима.

Когда ж они в поле жали и урожай собирали, то диво они видали — близ Солнышка на востоке там Матерь Слава явилась и к Вышнему возносилась...

Когда ж Она возносилаь ко горним златым чертогам, вещала Вышнему Богу:

— О Боже Всевышний, молю дай ответ: ты будешь карать, иль нет? Ведь та Воляня прекрасная живёт у Солнышка Ясного, и Богу службу справляет, Всевышнего прославляет!

— О Матерь Всеслава, таков мой ответ: людей я прощу и избавлю от бед, поскольку Воляня прекрасная, так любит Солнышко Ясное... И пусть люди Вышнему жертвы приносят — коров круторогих во храмы приводят. В Велик-день вино трёхгодичное пьют и Солнышку Красному славы поют!

Вот так навечерие было Всевышним сотворено, и *Трапезой Золотою* прозвалось с тех пор оно. И так сошла с мира тень в сей праздничный *Велик-день*.

И люди увидели Солнце лучистое, которое с Девой Пречистою, над миром сим поднялось, чтоб празднество началось!

* * *

Минуло три месяца и Солнцебог такие слова Славе Матери рёк:

— О Мама, милая Мама! В угоду мне, Мама, пусть всё утихает, и спать никто не мешает: Пришло время лечь мне на лоне любви, невесту мне призови...

И тут слуги верные двери закрыли, злату постель застелили. Затем с Солнца ризы златые снимали, и всё приготовили в огненной зале, где ризы Солнца хранились, а после прочь удалились. И Солнце с Волянею возлегли на ложе златом любви.

И только с Солнышком Красным, своим супругом прекрасным, Волынюшка возлегла — так в тот же час понесла. Поскольку на небе не мало, не много — три месяца славил Вышнего Бога.

И вот уж ей время пришло родить, и стала Волынюшка Солнце молить: на землю рожать чтоб её отпустили, домой её опустили. Ведь на небе в огненной зале — досель ещё не рожали. Здесь нет и воды родильной, и жар стоит очень сильный.

И Красное Солнце мольбу услышал, и так супруге сказал:

— Тебя я с небес вниз на землю спущу и от того загрузу: на мир надвинется тень, закончится Велик-день! Молю, ты детей до заката роди и вновь на небо приди. Возьми-ка кольцо золотое, вилица! Его повернёшь — и ко мне возвратишься!

И звёздных сестёр он к себе призывал, и тут же им приказал: ту люлечку звёздную сотворить, Волынюшку опустить. И все сёстры звёздные приходили, и в люльке Волынюшку опустили.

— Спускайся, сноха! Вниз на землю ступай! Пей воду родильную ты и рожай! Родишь ты вскоре детей — сынка и двух дочерей. Родятся дети святыми — с косицами золотыми!

Та звёздная песнь в небесах разливалась, и люлечка опускалась. И вот опустилась она ко крыльцу, ко золотому дворцу.

Но был дворец в запустенье, заброшен давно в небрежение. И град был безлюден уже много дней и стал пристанищем змей...

Сварог ведь оставил в Асграде престол и в светлый Ирий ушёл. Там были лишь самовилы, великие горные вилы. И начали вилы поклонны давать, роженицу прославлять.

Затем великие вилы из Асграда в Ирий святой унеслись — Сварогу о дочери весть принесли. А также они Живу Юду сыскали, к Вольтине её позвали, чтоб та Жива Юда — живую водицу доставила роженице.

Из Ирия вскоре явился Сварог — драконом златым он прилёт на порог, а после колечком свернулся и вновь собой обернулся.

А с ним Жива Юда от Бога пришла, и были у ней за спиной два крыла. В руках же золотая чаша с живой родильной водой, святою и ключевой. Ведь Жива родильную воду открыла и в чашу её налила.

И Жива-юдица давала водицы:

— Вольтинюшка-вилушка, воду отпей! А после рожай смелей!

И вила Вольтина чуть-чуть пригубила, живой водицы отпила. Едва из чаши отпила, во тот же час и родила — двух дочек, а следом сына, с косицами золотыми!

Родила Вольтинюшка — *Раду*, что Солнышко затмевала и Крышню супругой стала.

Родила *Плеяну*, Владычицу моря, что стала супругою Святогора.

А следом родился бог *Хорс Солнцелицый*, что мужем стал Зареницы.

* * *

И были пир и гуляние. И радость была великая в Асграде том золотом — о том мы песню споём!

И вот уж Велик-день кончается, а праздник не прекращается. На празднике том задержать захотели Вольтиню-вилицу — родные сестрицы.

Марена и Живушка вилы во храме ставни закрыли и свечечки запалили.

И вот уже Солнце к закату склоняется — Во-
лыня не возвращается. Она на пиру во Асграде
святom не ведет ни о чём.

Владыка Сварог сам тому удивился и к до-
черям обратился:

— Зачем же вы окна во храме закрыли и
свечечки запалили? Ведь мы не видим напрас-
но: заходит ли Солнце Красное?

Открыли дочери ставни, и видят: последний
луч послало им Ясно Солнце, и сразу зашло
среди туч.

Тотчас Волыня Свароговна колечко волшеб-
ное повернула и облачком обернулась. Над
морюшком Солнцу вослед полетела и только
чуть не успела... И так дождём пролилась она
в то морюшко синее, Водяницей став отныне.

Теперь Солнце-дева Волыня среди звёзд
плывёт на Дельфине. Среди ночи — Млечным
путём, дорогою Солнца — днём.

А Сурья-Ра, Солнце Красное, — рекою про-
лился с Уральских гор, Водяником став с тех
пор. И только Суряный — сурицей пролился,
к Волыне он устремился. Потёк к Волынскому
морю Великою Ра-рекою, а также рекой Су-
рою.

Так Солнце-владыки бог Ра и Волыня —
Владыками вод также стали отныне.

Днём в солнечной колеснице над миром по-
сменно супруги блистают и землю обогревают.

А ночью плывут в ладье золотой, небесной
Млечной рекой.

И ныне в Великий День Волыню все вспо-
минают и Солнышко прославляют!

БИТВА КАЩЕЯ С КРЫШНЕМ

— Ты пропой, Гамаюн, птица вещая, нам о Белом острове Крышня и о Тульском острове Ильма, о Златом Алатырском острове. Спой о битве Кащея с Крышнем!

— Ничего не скрою, что ведаю...

За полями широкими Бармы, за лесами дремучими Сивы, да за Дыевыми горами, да за реченьками бурливыми, есть Священный Край сына Вышня.

В той земле, что Крышню подвластна, не заходит Солнце полгода, а зайдёт — так спит по полгода. В том блаженном северном крае слышны песни — там вечный праздник, там текут молочные реки и впадают в Белое море.

Как во том Окияне-море подымались из волн три острова. Первый остров Фаворский Белый, следом Тульский и Алатырский.

Тот священный остров Фаворский недоступен даже для мысли, неподвластен ничьим веленьям. Он покрыт садами чудесными, там цветут левкой и розы. И по тем цветущим садам ходят-бродят дивные звери, там поют ирийские птицы.

И по острову по Фаворскому там гуляет сам Вышний Крышень. У него-то, у светлоокого, золотом сияет головушка. Он поёт, играет на дудочке — на волшебной той самогудочке.

Прилетают, услышав песню, к Крышню в сад Гамаюн и Финист. Прилетает и Алконост, а за ней прилетает Сирин, следом — все ирийские птицы. Оперенье у птиц тех разное.

И одни пёрышки золотые, а другие перья — багряные, третьи — синие и зелёные. Прилетают и белые голуби — оперенье у них, как снег.

И щебечут птицы ирийские. И поют одни громким голосом, а другие щебечут тихо, третьи — тонко, иные — нежно, и поют они так согласно, как никто вовеки не слышал.

А на острове Алатырском — и земля, и камни из золота. Там растут золотые яблони, а на яблонях — златые яблочки. Там ручьи и речки струятся да по камушкам золотым. Среди златых ветвей и цветов там поют ирийские птицы и сияют златыми перьями.

Как на тот Алатырский остров едет Сурья-Ра на закате дня. Едет он по Млечной Дороге на своей златой колеснице.

Как во ту колесницу Солнца золотые быки запряжены. Распрягает Сурья своих быков, отпускает их в бычье стадо — здесь их тысяча без единого. И гуляют они по острову, и мёд-сурью пьют из ручьёв златых, и едят траву золотую.

И приходит Солнце в златой дворец. И садится Сурья на трон златой. И пирует, и веселится, пока длится полгода ночь.

А у Ильма на Тульском острове из железа выстроен замок. В замке Ильма Тульского — кузница.

Ильм куёт оружие волшебное: Меч Сварожий и Лук с Громовой Стрелой. Он куёт и бьёт мощным молотом, и очаг его пышет пламенем, разлетаются искры по всей Земле, свод небесный гром сотрясает.

Помогают Сварожичу Реби, что постигли знанье кузнечное у отца Сварога небесного. Раздувают они пламя жаркое, бьют кувалдами по железу.

Вот и Ночь расправила крылья, вот и звёзды сияют в небе. А на острове Белом — праздник. Ильм и Сурья в гостях у Крышня. И сияньем северным небо озарилось из края в край.

Что там? Ветер ли дует с юга? Закружился ли вихрь чёрный? Почему вдруг травы поникли и цветы опали с деревьев, птицы все умолкли в саду?

То не чёрный вихрь кружится, то бушует не сильный ветер, то от Хвангурских гор гор Чёрный Идол скачет на коне Черногривом! Был тот Идол сильномогучий и на всю поднебесную дивный. Тело Идола — как копна, голова — котёл, руки — вилы. Обернулся тем Идолом царь Кащей, чтоб ему не собрать костей!

Дунул он на Белое море — заморозил Белое море, и пришёл по льду к Злату острову, и увёл быков бога Солнца Ра.

— Где ж быки мои златорогие? — опечалился светозарый Ра.

И сказал тогда Вышний Крышень:

— Ильм и Сурья! Похитил Идол со Златого острова стадо! Вы найдите-ка Чёрна Идола и верните нам золотых быков! А иначе день не настанет, вечно в мире пребудет ночь!

И ответили Ильм и Сурья:

— Тот Кащей Бессмертный, сын Вия, за покражу будет наказан!

Ильм и Сурья тогда собрались за быками теми в погоню, и поднялись в корабль летучий,

и над морюшком Белым взмыли. То не просто летучий корабль расправлял могучие крылья — это «Звёздная Книга Вед» разворачивала страницы!

Как летел он над Белым морем, волновалось море Белое, поднимались волны сильные, льды великие расходились.

Вот стал виден далёкий берег, вот и скалушки Беломорья. И встречают на берегу моря Ильма с Сурьей дети Бармы — то могучие великаны Ман и Маня, сестра и брат.

— Мы не пустим вас, Ильм и Сурья, в землю отчую бога Бармы!

Крепко встали они на берегу. Гомозули — народ подземный — ноги их к мысам приковали, обвили верёвками медными.

И тогда поднял Ильм Сварожич для стрельбы свой Лук с Громовой Стрелой. Натянул тетиву железную и промолвил такое слово:

— Ты лети, Стрела Громовая, попади не в горы, не в море — попади ты в грудь бога Мана и сестры его мощной Мани!

И тогда потрескалось небо, набежали чёрные тучи и задул пронзительный ветер, расплескалось сине море. Зашатался и замок Бармы.

— Этот гул, — сказал грозный Барма, — изошёл от мощного Ильма, он пустил Стрелу Громовую!

И тогда сам Барма великий применил Оружие Бармы. Перед Маном и Маней грозной он поднял свой щит, что способен отразить любое оружие. И отбил Стрелу Громовую.

И тогда сказал Ильму Сурья:

— Ах, зачем Стрелой Громовою проложить хотел ты дорогу? Лучше спросим мы позволения: может, Барма-бог нас пропустит?

И сказал он так богу Барме:

— Ищем мы быков златорогих, их увёл у нас Чёрный Идол. Если мы не вернём тех золотых быков — то и светлый день не настанет, вечно в мире пребудет ночь! Пропусти же нас, бог великий!

И сказал тогда мощный Барма:

— Пропустите ясуней, дети! Чтобы день настал, пусть отыщут Ильм и Сурья золотых быков!

Пропустили их Ман и Маня, и поехали боги дальше.

Вот приехали к Чёрной грязи, да ко той Смородине-речке. А вдоль берега-то Смородины кости свалены человечьи. Волны в реченьке той кипучие, — за волной ледяной плещет огненная. И бурлит она, и клокочет!

Волны вдруг в реке взволновались, на дубах орлы раскричались — это выезжали навстречу Змей Горыня и Змей Дубыня, вместе с ними Усыня Змей.

— Не пропустим мы вас за речку! Не проехать вам в царство Смерти!

Тут съезжались они у реченьки, стали биться да в рукопашную. Бил Горыню Ильм тяжким молотом, Сурья жёг Дубынюшку пламенем, а потом в Смородине-речке боги стали топить Усыню. И взмолилися великаны:

— Ты не бейте нас, Ильм и Сурья! Проезжайте вы в царство Чёрное! Но об этом вы пожалете...

Вот приехали Ильм и Сурья в царство Чёрное, в место гиблое. Там лесочки с лесами

сходятся и коренье с кореньем выются. Нет дороги в болотах пешему, а в горах нет дороги конному!

И приполз змеей со болот туман, а в тумане слышался лай и вой, тяжкий топот и громкий смех.

И как вихрем буйным качнуло их. И ослабли тут Ильм и Сурья, и на землю сырую пали.

— Кто здесь? — крикнули что есть силы.

— Мы! — ответили Три Хромых. И тогда явились в тумане Лихо горькое одноглазое вместе с Кривдою и Нелегкою.

— Ай да, витязи вы могучие! Видим мы: с дороги устали вы. Мы тотчас героев утешим!

И схватили их те старухи, понесли, как вихрь, по оврагам, по болотам и буеракам. Принесли и бросили в Пекло, к Яме Старому на съеденье.

— Погибайте-ка вы навек!

Но беда и с Лихом случилась! Как схватили Ильма и Сурью — позабыли об их конях. Поскакали кони долинами, полетели и над горами, над лесами и синим морем. И явились богу Крышню.

— Коня Ильма и бога Сурьи возвратились к нам обратно. Видно, Ильм и Сурья в большой беде! — видя их, сказал Вышний Крышень.

На коня вскочил Белогривого, полетел над морюшком синим, над горами и над лесами.

Опустился он у Смородины, у того железного леса, у избушки на курьих ножках. И встречала его хозяйка — то жена Чернущего Идола, ведьма старая Мора-Юда.

— Ты зачем к нам явился, Крышень? Ездить начал в новых местах, где тебя доселе не знали?

— Я ищу быков бога Солнца! Их украл у нас Чёрный Идол! Ты не знаешь ли, где он скрылся?

— Точит он день и ночь оружие в замке чёрном, в Чёрных горах! И тебя тем оружием сгубит он!

— Я ещё спрошу, Мора-Юда. Здесь искали следы золотых быков двое витязей, Ильм и Сурья. Но пропали они и сами. Ты не знаешь ли где искать их?

Отвечала так Мора-Юда:

— А поймали их Три Старухи, Лихо с Кривдою и Нелегкою. Как поймали их, повязали, к Яме бросили на съеденье. Из пещерушек Вия Тёмного им теперь навеки не выбраться!

Стал тут Крышний бог на коне разъезжать по бескрайнему царству Чёрному. И ко Чёрной горе подъехал. И у той горы Чернояровой он отваливал Чёрный Камень — а под Камнем тем пропасть страшная, что вела в подземное Пекло.

И поднял он из царства Вия, из пещеры грозного Ямы бога Ильма и бога Сурью. Тут явились их кони верные. И сажился бог Вышний Крышень на коня тогда Белогривого, Ильм Сварожич на Медногривого. Сурья Родич — на Златогривого.

И они поскакали по Чёрным горам через Чёрный лес, через Чёрно поле к замку Идолица Кашея.

Тут из замка навстречу витязям выезжал и сам Чёрный Идол. Вместе с Идолом войско чёрное: сорок чёрных жрецов и магов, сорок змей-драконов летучих и без счёту различной нежити — волкодлаков и вурдалаков, великанов и леших с ведьмами.

Был и Вий здесь сам с войском пекельным, Змей Горыня и Змей Дубыня, и Усынюшка лютый Змей. И была сама Мора-Юда вместе с нею и Три Хромых.

Стал топтать тут конь Белогривый то бессчётное войско чёрное. Справа топчет воинов Вия Златогривый конь бога Суры. Слева топчет воинов Кали Медногривый конь бога Ильма.

Где проскачут они — будет улочка, где хвостом метут — переулочек. Потоптали всё войско чёрное.

Выезжал тогда Чёрнобог Кащей на коне своём Черногривом. И вскричал, увидевши Крышня:

— Это кто ж такой неучтивый, что посмел мне, богу, перечить? Правлю я всем миром подлунным! Мне повсюду приносят жертвы! Мне и хлеб несут, и хмельно вино, и коров ведут вместе с овнами! Всё съедаю я и нахваливаю!

И ответил ему Вышний Крышень:

— Ай не хвастай ты, Чёрный Идол! Как была корова обжорища. По копне она сена ела. И пила воды по лохани. Ела, ела, пила — и лопнула!

И вскричал тогда Чёрнобог:

— Уж мы съедемся в чистом поле. Друг у друга силу попробуем! Мы поборемся-поратимся — да кому Всевышний поможет?

И погнал он навстречу Крышню своего коня Черногривого. Скачет конь-огонь по Земле Сырой, камни с-под копыт выворачивает, из очей его искры сыпятся, из ноздрей его дым валит столбом.

То не горушки в поле сталкивались — то столкнулись боги сильные. Ударялись булатными палицами, сшиблись копьями долгомерными,

ударялись мечами острыми. У них палицы по-сгибались и по маковкам обломались. Раскололись булатные палицы, расщепились и длинные копья, прищербились и мечи.

Как они боролись во полюшке — содрогалась Мать Сыра Земля, расплескалось и море синее, приклонились все дубравушки. Над Землёй всколебался небесный свод, под Землёй шевельнулся и Юша-Змей.

Тут сходили они со своих коней, стали биться они врукопашную. И ослаб наконец Чёрный Идол, и позвал тогда Мору-Юду:

— Помоги-ка мне, Мора-Юда, одолеть великого Крышня!

Подскочила тут Мора-Юда, и хватала Крышня за кудрышки, и сбивала на Землю Сырую его. Сел тогда Чёрный Идол ему на грудь.

И приковывал Чёрный Идол бога Крышня ко Чёрным скалам. Рядом с ним тогда приковали справа Сурью и слева Ильма.

Мало времени миновало — разгулялась непогодушка, туча грозная поднималась. Шла та туча грозная на горы — горы с тучи той порастрескались, раскатились на мелкие камни. Подходила к лесам — приклонились леса, разбежались в лесах звери лютые. Становилась туча над морем — море синее расходилось, разметались в нём рыбы быстрые. То летела спод грозной тучи птица Вышнего Гамаюн.

Стала птица летать, в небесах клетотать:

— Почему приковали Крышня? Почему его привязали? Из-за ведьмушки Моры-Юды, из-за Идола, сына Вия!

Осерчал тогда Чёрный Идол. Поднимал он Лук свой волшебный, стрелку Чёрную доставал.

То не просто стрела, то Змея, что проглатывает весь мир.

Но раздался тут голос Вышня:

— Опусть свой Лук, Чёрный Идол! Не пришло ещё твоё время! Отпусти быков бога Сурьи!

И упали с Крышня оковы по велению Бога Вышня. И поднял свой жезл Вышний Крышень и ударил Кащея Бессмертного.

И ев землю пал Чёрный Идол, в прах рассыпался чёрный замок. И из чёрных тех подземелий вышли все быки бога Сурьи и поднялись на небосвод. И тогда в колесницу Солнца вновь поднялся пресветлый Ра.

Тут хватал Кащеюшку Крышень, заковал его в цепи тяжкие, затащил в пещеры глубокие, и к стене прибывал он Бессмертного. Запирал его замками, завали камнями. Чтобы тысячи лет он не вышел на свет!

И поехали боги снова мимо гор великого Дья, да по Бьярмии бога Бармы — вновь на Север к Белому морю, к островам Фаворскому Белому, Алатырскому Золотому и к Туле — Железному острову.

И теперь все из века в век прославляют Ильма Сварожича, бога Сурью и бога Крышня!

КРЫШЕЊЪ И РАДА

— Ты пропой, Гамаюн, птица вещая, нам о Раде и бoге Крышне. Как от Рады Змея отвалили. Как женился Крышень на Раде...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по морюшку, по Волынскому, расстилались всё туманушки. С-под туманов над синим морем то не Зорюшка занималась, то не Солнышко поднималось — то рождался солнечный остров средь лазурных кипящих вод.

Кто сквозь тьму в златой колеснице приближался к светлому острову? Кто по Млечной дороге, по Синей степи был влеком златыми волами? Кто, волов с колесницей на челн погрузив, плыл с Востока от светлого острова — на златом челне, по крутой волне проплывал и мир озарял?

Это Ра — пресветлое Солнце. Бог, рождённый из лика Рода. Бог, родивший Хорса и Раду.

Там, где падало семя Ра, — там родилась Рада младая, там поднялся солнечный остров. И не белую пену морскую выносили волны на берег — это вышла из синих вод дочь Волини и Сурьи-Ра.

Как ходила Рада по бережку. Как ходила-гуляла — сплетала венок. Тот веночек из белых лилий, из стеблей одолень-травы. Как сплетала веночек — пела:

— Ты явись мне, суженый-ряженный! Становись ты передо мною, как листочек перед травой!

То не морюшко заблестало, то не Солнышко засияло — то пред Радой явился Крышень,

озаряя берег и море. И пошла она к богу Крышню, чтоб надеть ему свой веночек. Шла, бежала — но не успела. Крышень был, как радуга в небе: колыхнулся он — и растаял...

И пускала Рада венки вдаль по волнам синего моря.

— Ты плыви, венок, по крутой волне! Ты плыви по морюшку синему к сыну Вышня младому Крышню... Одолень-травы, лебедь белая, одолей ты море широкое! Передай молодому Крышню, что его ждёт за морем Рада...

И поплыл венок по крутой волне...

Как ходила Рада по бережку, а по морю плыл Черноморский Змей, плыл он вместе с сыном Тритоном.

У Тритона-то, сына Змеича, чешуя отликает зеленью. У Тритонушки три головушки, шесть могучих рук, раздвоенный хвост. Дует в раковины Тритон и плещется в море синем.

Черномор проплыл мимо Рады, а Тритонушка останавливался. Говорил Тритонушка Раде:

— Ой ты, Рада, милая дева! Ты всегда по бережку ходишь и сплетаешь венок из лилий, что же ныне ты без веночка? Аль кому его подарила?

И ответила Рада Змею:

— Змей же ты, Тритон Черноморский! Дай дорожку мне в синем море, ты пусти меня к милой маме! Мать моя, сама Водяница, захворала в Подводном царстве. Ждёт меня она — не дожётся...

Говорил Тритон милой Раде:

— Ой ты, красная дева Рада! Проведёшь ты, Рада, другого, а Тритона ты не обманешь. Я ныряю в море глубоко, вижу в синем море широко. Я все тайны морские знаю!

Проплывал я над Водным царством, видел я чертоги Волыни, — на крыльце царица сидела, всё сидела и волховала. Мать твоя — Царица Морская, волховница и чаровница! Всё сшивала тебе рубашки, в них вплетала разные травы, ненавистные травы — отсушки, чтобы я тебя ненавидел. Только трав она тех не знает, чтобы Раду Тритон оставил! Я возьму тебя замуж, Рада, хочешь этого иль не хочешь!

Рада, дочка Солнца и Моря, приплыла в Подводное царство. Говорила ей Водяница:

— Ты о чём печалишься, Рада? Али Белый Свет опостылел? Али Солнце тебя не греет? Аль не радует сине море?

И ответила Рада маме:

— Мама, милая моя мама! Я ходила-гуляла по бережку, в синем небе видела радугу... Набежала тут туча тёмная, и та радуга вмиг пропала... Ой ты, мама, милая мама! Змей Тритон меня любит, мама! Взять меня он желает в жёны. Он приедет ныне под вечер, вместе с Змеем явятся Змеи. Все приедут на иноходцах, в золотых колясках — Змеихи, а Змеёныши — на повозках...

И сказала так Водяница:

— Ой ты, Рада, дочь моя Рада! Нужно знать нам травы-отсушки, чтобы ими отвадить Змея!

— Кто же знает травы-отсушки? — так спросила Рада царицу.

— Знает Рак — мудрец и отшельник. Он живёт на дне Черноморском. Он познал все тайны на свете. Прочитал все мудрые книги. Мы его о травушках спросим!

И приплыли они к коряге — к той, где было жилище Рака. И спросили его о травах, и ответил им так отшельник:

— Всё, что есть, и всё то, что будет, — всё случилось в веках минувших. Так и в прошлые Дни Сварога Змей жениться хотел на Деве, и искала Девушка травы, что отсушат Змея навеки. И спросила Дева у Рака: «Как найти мне травы-отсушки?» И ответ услышала Дева: «Ты сорви в лугах жёлтый донник, пижму с тонкою горечавкой. Сделай ты из травок настойку и в настое трав искупайся. Этим Змея навек отсушишь!» Всё как сказано, так и случилось.

И послушалась Рада Рака. И нашла она жёлтый донник, пижму с тонкою горечавкой, и в настое трав искупалась.

Только Рада омылась в травах — вдруг самшит-ворота открылись. В двор в колясках въехали Змеи. Полный двор они наводнили. Зашипели они на Раду:

— Расплётем мы косы у Рады и по-нашему заплетём! Всё по-нашему, по-змеински!

Въехал в двор Тритон Черноморский. Он во раковину затрубил — всколыхалось синее море, сотряслось всё Водное царство.

Но лишь к Раде подъехал ближе, тут же прочь от девы отпрянул. И завыл Тритон на всё море:

— Ой ты, красная дева — Рада! Как же, Рада, ты исхитрилась, как узнала тайну Тритона? Как нашла ты травку-отсушку и навек со мной разделилась?

Как над морюшком, морем синим всё туманушки расстилались. Из-под белых-то тех туманов поднималось Красно Солнце. И хвалилась Царица Моря, говорила Ясному Солнышку:

— Я рацу твою дочку — Раду. Рада ба-тюшки-Солнца краше и пригожее Ясна Месяца и сестрицы — звезды Вечерней!

Как услышал Ра — Солнце Красное, так послал Звезду к Водянице вызвать дочь свою состязаться: кто пригожей — Рада иль Солнце, кто над миром ярче сияет?

И Звезда собралась в дорожку, припасала Сурью в кувшине. Прилетела к острову Рады, и самшит-ворота открыла, и спросила Царицу Моря:

— Ты ль недавно так говорила, что растишь рождённую Солнцем Раду — деву, что всех прекрасней?

Отвечала Царица Моря:

— Да, я так говорила Солнцу.

И звезда сказала Царице:

— Если правду ты говорила, наряди-ка дочку красиво, заплети ей мелкие косы, чтоб она ранним утром вышла с Ясным Солнышком состязаться. И увидим мы, кто пригожей, кто над миром ярче сияет.

Согласилась Царица Моря, ярко дочку свою одела, заплела ей мелкие косы, уложила косы рядами. Выходила с Радой на остров, где восходит Красное Солнце, где рождается Ясный Месяц.

Поднимался Ра — Солнце Красное. Озарил он всё поднебесье, он лучами брызнул на море. Вышла Рада следом за Солнцем — и весь Белый Свет озарила!

И воскликнул Ра — Солнце Красное:

— Счастье будет матушке Рады! Красной девы, что всех прекрасней! Ведь лицо у Рады белеет, а глаза у Рады чернеют, брови тоненькие синеют и пушатся русые косы! Мы тебя, красавица, славим! Буду я на небушке Солнцем, ты — будь Радугой на Земле!

Как по морюшку, по Волынскому, лебедь белая проплывала. Не встряхнётся она, не ворохнется, сине морюшко не всколыхнётся. А как время пришло — всколыхнулось, и лебё-

душка встрепелулась, и пропела она песню Крышню:

— Молодой и прекрасный Крышень! Знай, есть остров на Западе Солнца. Там спит Солнце после Заката, там рождается светлый Месяц. И живёт на острове Рада — та, что нет в целом мире краше. О тебе печалится Рада, льёт она жемчужные слёзы...

Как услышал о Раде Крышень — на корабль летучий поднялся. И взмахнул корабль крылами, и взлетел тотчас над волнами, полетел он к острову Рады. словно Солнце сияет Крышень, рядом с Крышнем — конь Белогривый.

Видит Крышень: у чудна острова белы лебеди солетались. Обернулись лебеди — девами. Красоты они несказанной — ни пером описать, ни вздумать...

Это Рада с подругами милыми прилетела к берегу моря. Девы стали играть у бережка, и кружились в хороводе, и из лилий плели веночки. Как сплетали веночки — пели:

— Во тумане Красное Солнышко... Во печали красная девушка... Что ль не едет из-за моря милый, не летит он синею птицей...

Со восточной, дальней сторонки дует то не холодный ветер, то несёт не тёмную тучу — то летит летучий корабль над волнами синего моря. Все дубравушки расшумелись, сине морюшко расплескалось.

Ничего во шуме не слышно, ничего в тумане не видно — только слышен голос высокий. В тучах Крышень песнь распевает и любезную призывает:

— Ты услышь меня, Рада милая... Разлюбезная, дорогая... Ты промолвь со мною словечко и обрадуй моё сердечко...

И ответила Рада Крышню:

— Я, младая, ждала рассвета — наконец его дождалася. После сумерек — просветлело, после дождика — прояснилось. Засверкало на небе Солнце, рядом Радуга засияла...

Как во тех лугах, во зелёных, травка шёлкова вырастала, цвет лазоревый расцветал. Как по этой шёлковой травке — конь проскакивал Белогривый.

На коне сидел Вышний Крышень. Подъезжал к хо-ромам высоким, говорил он так Солнцу Красному:

— Ой ты, батюшка — Солнце Красное! Ты прими от меня слово ласково. Дай мне в жёнушки Раду милую. Дочке Солнца, Раде, я песнь пою, я младую Раду душой люблю...

И ответил ему ясноокий Ра:

— Я твоё исполню желание, если ты пройдёшь испытания. Вот и первое испытание: дочь моя сидит в светлой башне, что доходит до облаков. Доскачи к окошечку Рады. Поцелуй её в губы алые и кольцо золотое с рукиними.

При дорожке было широкой, там стояли покои высокие. Да во тех высоких покоях у окошка сидела Рада, грудью оперлась на окошко.

Под окошком Крышень поскакивал. Конь его бежит — Мать-Земля дрожит. Из ноздрей дым валит, из очей бьёт огонь. Как взлетел тут конь Белогривый, и схватил Крышень с пальца колечко, Раду целовал в губы алые.

И второе дал испытание Крышню Сурья-Ра — Солнце Красное:

— Во моих зелёных лугах ходит-бродит Тур златорогий. Ты его укроти-ка, Крышень! За рога схвати золотые, запряги его в плуг железный. И вспаши-ка тем плугом поле, рожь посей на поле широком. Собери затем урожай и сварь-ка хмельное пиво. Коль с работой за

день управишься — выдам я за тебя Раду милую!

Вышел в поле широкое Крышень. Видит — в поле Тур златорогий. У него копыта серебряные, в каждой шёрсточке по жемчужинке. Ходит-бродит Тур по долинушкам, по дубравам ходит дремучим, по болотам бродит зыбучим.

За рога схватил его Крышень, обломал рога золотые, запрягал его в плуг железный. Стал он плугом поле распахивать, из рогов златых сеять зёрнышки.

Поднималась рожь в чистом поле, собирал её Вышний Крышень. И варил он хмельное пиво, созывал он к Ра дорогих гостей.

Третье Крышню дал испытание Солнце Красное — светлый Ра. Говорил он так богу Крышню:

— Рада, дочь моя молодая, русую косу заплетала. И вплетала в косу шнуручек, а в конец косы — ленту алую. Запирала косу золотым замком. И роняла она ключик золотой на широкое чисто поле. И цветком тот ключ обернулся. Ты найди его в поле, Крышень! Отопри цветком золотой замок!

Вышел Крышень в поле широкое. Видит: в поле растёт золотой цветок. Тот, что первым цветет жарким летом, лето красное открывает. Первоцвет — его называют.

И сорвал цветок Вышний Крышень. Не ворота светлого Ирия Крышень открывал первоцветом — открывал он им золотой замок, расплетал цветком русую косу.

И сыграли Крышень и Рада на том острове вскоре свадьбу. Приняли венцы золотые, что сковал великий Сварог.

И на свадьбу Крышня и Рады собирались все ясуни. И пришли Сварог с Ладой-матушкой, и Семаргл с великим Бармою, Вышень с Майей, и три сестрицы — Жива, Мара с прекрасной Лелей.

Как на свадьбу Рады и Крышня солетались белы лебеди и сплетали венок из лилий. И сплетали голуби сизые свой веночек из первоцветов. Из цветов первоцвета сплетён венок на головушке милой Рады, а на Крышне — венок из лилий.

Выходили Рада и Крышень на морской крутой бережок, озаряли всё поднебесье, словно Радуга вместе с Солнцем!

И родились у Рады с Крышнем вскоре детушки, брат с сестрою: Кама со Уряной младю.

Как рождался Кама-младенец, распускались розы алые, соловьи в садах распевали, глухари в лесах токовали, журавли плясали в озёрах.

А Уряна, молодая дева, Утренней Зарёю рождалась, выпускала она на небо золотые цветы и пурпур.

Так рождались внуки Вышня. А от них рождались правнуки. От Оки и Камушки — Клязьма. От Урянушки и Твастыря — Асогостушка и Славуня.

Асогаст породил асений, род волшебников и провидцев. А Славуня и Богумир породили роды славянские.

РА, КАМА, АЛАТЫРКА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о том, как реками стали боги Ра, Ока вместе с Камой... Как стал Крышень Камнем Алатырем, как воскрес он в саде Ирийском...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Во горах высоких Уральских разыгрались ветры буйные. То не золото осыпалось — то слетала листва с деревьев. То не серебро растилалось — выпала порошица белая.

Подошла пора, время Осени, и состарилось Солнце Красное, силы бога Ра ослабели. Стало тело его — серебром, стали члены его — чистым золотом, стали волосы — лазуритом.

И в горах завьюжилась вьюга, закружился там Чёрный Ворон. Ра сказал Небесной Корове:

— Я живу, только сердце устало жить... Подыми меня ввысь на рогах своих! Стану я небесной рекою — той, что Явь и Навь разделяет. Протеку по своду небесному и стеку на Матушку-Землю.

И спросила его Корова:

— Кто ж теперь озарит Землю-Матушку?

— Пусть отныне златой колесницей правит сын мой — великий Хорс!

И Земун к небесам поднимала Ра. Протекал он по своду небесному и стекал Ра-рекою с Уральских гор.

* * *

Над Землёю кружился Ворон.

Видел он — на солнечном острове, под горою крутой, по-над быстрой рекой — люлька маленькая качалась. В люльке той был Кама-младенец — бог, рождённый Радой и Крышним.

Подхватил Чёрный Ворон Каму, полетел над волнами моря и ронял его с высоты. Проглотил бога Каму Кит. Тут сын Крышня в Китовом чреве стал молить Всевышнего Бога:

— Бог, ты вверх меня в глубину! Надо мною плещутся волны и кружатся бурные воды. Я отринут от Света Белого и объят морскою пучиной. Ты услышь меня, Бог Всевышний! Ты меня изведи из бездны!

И раздался голос Всевышнего:

— Кит, свободу дай богу Каме!

И изверг Кит Каму на Землю.

И явился он в сад Ирийский. И встречали его Крышень с Радой. И врата они раскрывали и гостей на пир приглашали.

Было в Ирии столование и великое пирование. И сурица лилась рекою по садам и златым покоем. И хвалили все Бога Вышнего. И потом прославляли Крышня, после Каму-бога хвалили и ему дары подносили.

Лук и стрелы дал сыну Крышень, привела коня ему Рада, а Сварог подарил колечко. Лада-матушка — розу алую. Если Кама выстрелит в сердце — вспыхнет сердце любовной страстью. Коль на палец кольцо наденет — значит, вскоре сыграют свадьбу. Коль подарит он розу алую — вечно будет цвести любовь!

Как далече во чистом полюшке расшумелись ветры буйные, травы шёлковы приклонились.

Как тут ехал Кама по полюшку. Видит Кама: в поле наездница. Добрый конь под нею играет, ярко шлем на Солнце сверкает. В правой ручке у ней — соловушка, а на левой — белый журавль.

Кличет в поле дева противника, поединщика — добра молодца.

С ней съезжался Кама во полюшке. И с бела лица подъезжал он к ней. И спросил:

— Как звать тебя, дева?

— Называют меня Окою. Дочь я Дона-Аса с Ясунею. Друг у друга мы силу сверим: Бог Всевышний кому поможет?

Натянула лук поляница и стреляла в Каму младого. Вскинул лук разрывчатый Кама и пускал стрелу в поляницу. То поют не стрелы над садом — соловьиная льётся трель. То не алая кровь струится — это розы в саду алеют.

Падал Камушка-бог с своего коня. И сходила наземь наездница, и упала ему на грудь, поднимала меч богатырский. Но рука у ней застоялась, в ясных очушках помутился свет. Сшиб тогда поляницу Кама — падал ей на белые груди, высоко поднимал он свой острый меч, но рука его застоялась...

И сказала Каме девица:

— Видно, Бог решил нас с тобой мирить, ты возьми меня, Кама, в жёны!

Поднимал тут Кама наездницу, целовал в уста её сахарные, называл женою любимую.

Приезжали они в светлый Ирий. И устроили брачный пир. Все на свадьбе той наедались, все на брачном пиру напивались.

Стал по саду Кама похаживать, говорил жене таковы слова:

— Нет сильнее моей любви! Я в других сердцах зажигал любовь — ныне сам поражен любовью! Я женил других — ныне сам же-

нюсь. Я всех лучше владею луком и сердца зажигаю страстью! И стрелою любви я тебя сразил!

Говорила Ока:

— Я не хуже тебя. И любовь моя посильнее, страсть моя жарче пылает!

Каму речи те распалили:

— Мы поедem в чистое поле и пускать будем в поле стрелы. Кто кого тогда поразит?

Выезжали они в чисто поле. Кама клал кольцо золотое на свою головушку буйную, говорил жене таковы слова:

— Отойди от меня далёко и пускай калёную стрелку, чтоб она попала в колечко.

Натянула Ока лук разрывчатый и пускала стрелку калёную. И попала стрелка в колечко.

И сказал бог Кама младой Оке, чтобы встала она напротив. Клад на голову золото кольцо. И сказала ему Ока:

— Не пускай ты, Кама, стрелу свою! Так погубишь ты две головушки! В чреве я ношу чадо малое — твоего сыночка родимого! В серебре по колено ножки, ну а руки по локоть в золоте, на затылке сияет Месяц, очи ясные как огонь горят!

Не послушал Кама Оку. Он натягивал лук волшебный и стрелял в кольцо золотое, а попал Оке прямо в сердце. Тут Оке вместе с Камою славу поют...

Кама-бог подходил к молодой Оке, распластал он ей чрево женское. Видит — чадо в нём изнасеяно. В серебре по колено ножки, ну а руки по локоть в золоте, на затылке сияет Месяц, очи ясные как огонь горят. Становил он меч пред собою и на меч тот бросился сердцем.

Там, где кровь протекала Камы, протекла там
реченька Кама.

Где лежала с сыном Ока — протекли там
Клязьма с Окою.

...Как цвела роза алая в Ирии, в розу был
влюблён соловей. Пел ей песни, близ розы
вился. Но не смог он к милой пробиться, лишь
шипами сердце изранил...

Быстротечны жизнь и любовь, и за песнею соловьиной — наступает смерти молчанье. Но у самого края бездны — той, откуда возврата нет, — роза алая расцветает и поёт над ней соловей!

* * *

Как в небесном саде Ирийском собирался Крышень в дорогу. Оседлал коня Белогривого, брал с собою волшебный лук.

Майя-матушка так наказывала, так младому Крышню говаривала:

— Ты не едь за речку Смородину, не ходи к горе Алатырской!

Говорила Крышню и Рада:

— Вижу я — клубятся туманы! Слышу голос Чёрного Ворона. Ты не едь за речку Смородину, не ходи к горе Алатырской!

Только Крышень их не послушал. Он поехал к речке Смородине и ко той горе Алатырской.

Видит Крышень — меч на дороге. Только он к мечу наклонился — обернулся меч Чёрным Враном. И взмахнул тот Ворон крылами, полетел и сел на Алатырь.

Крышень взял стрелу золотую и натягивал лук разрывчат. Говорил ему Чёрный Ворон:

— Ты не бей меня, не стреляй в меня! А послушай-ка весть мою! Призывает тебя Всевышний! Истекла вода из крыницы — и окончилось время Крышня! Наступает иное время! Колесо небес повернулось!

Не послушал Ворона Крышень. Он пустил стрелу золотую.

И раздался голос Всевышнего:

— Слушай, батюшка лук, золотая стрела! Не лети ты в Ворона Чёрного, не лети к горе

Алатырской! Попади в грудь Вышнего Крышня!

Не попала стрела в Чёрна Ворона, не попала в Камень Алатырь, попадала она в сердце Крышня.

Как за быстрой речкой Смородинкой, у высокой горы Алатырской кровью истекал Вышний Крышень. Рядом с ним стоял Белогривый конь. Он копытами высекал огонь. Как огонь высекал — мял ковыль-траву.

— Ой вы, раночки, вы — тяжёлые! Вы сочитесь, раны, не кровью — Алатырской живой рекою! Ай ты, верный мой Белогривый конь! Ты беги-ка вдоль по дорожке! Ты беги ко матушке родной и жене моей молодой! По ручью беги, вдоль по речке — но не пей из речки кровавых вод! Прибежишь к Ирийскому саду — Майя-мать ворота отворит, повстречает Рада младая. Они спросят тебя — где Крышень? Отвечай, что я за Смородиной, что женился я на другой. Что с невестою — скорой Смертью — был обвенчан златой стрелою. Мне теперь Солнце Красное — батюшка, а Заря-Зареница — мне матушка, а кроватушка — Мать Сыра Земля, в головах — гора Алатырская, одеялушко — ночка тёмная.

И тогда обернулся Крышень в Бел-горючий Камень Алатырь. Из-под Камня того горячего то не алая кровь сочится — Алатырка-речка струится!

И пришли к горе Алатырской Майя-матушка вместе с Радой. Приходили они и плакали. И пришли волхвы многомудрые, и восславили бога Крышня.

Только видят Рада и Майя — то не Камень лежит горючий, то стоит перед ними Крышень. И лицо его — Солнце Красное, а в затылке сияет Месяц, а во лбу его — там звезда горит.

Вся природа возликовала, и слетел с Алатыря Ворон, улетел за горы Хвангурские, спрятался в ущелия тёмные.

Видят Рада и Майя-матушка — по горе идёт Вышний Крышень, поднимается к Сварге синей, со Всевышним рядом садится. Слышат песни они и славы, слышат голоса небожителей.

И волхвы тут Крышня спросили:

— Ты за что нас оставил, Крышень? Кто нас будет учить вере правой? Кто же нас в ночи приютит?

И ответил им Вышний Крышень:

— Не печальтесь о том, волхвы! Я создам вам горы златые, сотворю и реки медовые!

Но сказали так мудрецы:

— Не нужны нам горы златые, не нужны и реки медовые. Дай нам имя твоё святое! Чтоб во всех грядущих веках и во всех назначенных жизнях имя мы твоё прославляли!

И сказал им так Вышний Крышень:

— Вы умели слово сказать! Вот вам имя Вышнего Крышня!

III

ВЕДА ИНДРЫ

Эпоха Индры-Козерога

23—21 тысяч лет до н. э.

РОЖДЕНИЕ ИНДРЫ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам об Индре, рождённом Дыем, Расскажи о деяниях Индры!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Кто там сходит с высоких гор? Кто рассеял тёмные тучи? С чьих перстов проливается дождь? То нисходит с гор Дый-отец. Голова его — небо звёздное, чрево — море, дыхание — сто ветров.

Высоко в небесах Ясный Месяц золотыми рогами блещет. Это Дый златыми рогами озаряет всё Поднебесье.

Обнимал Дый-отец Землю-Матушку. И ласкал он её перстами, обмывал он её дождями. В небесах громыал он громом, в тучах молниями сверкал, бил он ими в Матушку-Землю.

Свет создав — там, где света нет, где нет образа — образ явив, Дый зачал в Земле-Матери Индру.

Срок пришёл разрешаться от бремени. И сказала тогда Мать Сыра Земля:

— Тяжелёшенько мне, тошнёшенько... Как родить мне Индру великого, он едва во мне помещается...

И сказала ей Лада-матушка:

— Есть испытанный старый путь. Пусть и Индра так же родится — и весь мир тогда восхитится. Да не свалит он Землю-Мать!

И ответил из чрева Индра:

— Не хочу я здесь выходить — здесь плохой и узкий проход. Лучше выйду я поперёк, лучше выйду я через бок!

И родила тогда Мать Сыра Земля. Как корова — яростно рвущегося, напоённого мощью Быка. Необлизанного пустила по Сырой Земле Матери бегать.

Как могучий Индра рождался — поднебесный мир ужасался. Содрогалось царство подземное, сотряслось и царство небесное. Задрожали от страха горы, расплескалось синее море. Звери по лесу разбежались, птицы по небу разлетелись, рыбы по морю разметались.

Как родился могучий Индра, он надел кольчугу булатную, на главу надел золотой шлем. И пошёл он в гридницу Дьеву, сел за стол, накрытый хозяину, съел все яства и выпил пиво.

Рассмеялся тогда отец:

— Вижу, мой сынок молоденец. Силы много в нём и дурачества. Но придёт срок — он образумеет!

* * *

Как ходила Корова Дана, дочь Земун и Рода Рожанича.

И ходила она по горам высоким, и ступала она по долинушкам. И от края ходила до края, и от моря ходила до моря.

А высоко в небе сиял Солнце Красное, Сурья-Ра. Плыл по небу Ра в колеснице — многоцветной, богато украшенной драгоценными камнями, жемчугом. И сдвинулся он той Корове, и влюбился он в красну девицу — молодую дочку Земун.

— Ты куда идёшь, Дана светлая?

— Я иду от моря Азовского ко великой Азов-горе, да ко Камешку Синь-горючему! И

от Камня Синего — к Камню Марабель, что лежит у Чёрной горы. Обойду я вокруг тех святых камней и копытушки омочу в воде — обернуся я красной девицей...

И тогда бог Ра — Красно Солнышко запрягал коней златогривых и, собой заполняя мир, поднимался на небосвод.

Простирал он руки-лучи ко всему, что есть в этом мире. И как юноша к деве льнёт, так ласкал Дану милую Сурья.

Много ль времени миновало, мало ль времени миновало — и от Солнца зачала Дана. И родила она двух великих братьев — бога Вáлу и бога Вритру.

Как у сыновей Даны Родовны волосы горят красным золотом, ноги — в серебре по коленочки. В правой ручке у Вáлы — Синь-камень Асилы, в левой ручке у Вритры — камень Марабель.

* * *

А в глубоком царстве Подземном Вий — Козы Седуни сын — хаживал. Он в Козла во тьме обернулся и с Землёю Сырой сошёлся — и зачал козлоногого Пана.

И сказал сыну Вий:

— Пан могучий! Сделай ход из чрева земного, с дымом — подымись в мир небесный! Ты затми, Пан, Красное Солнце, укради ты мне Даны сыновей! Вместе с ними стадо небесное!

И разжёл огонь козлоногий Пан, распалил подземное пламя, и прожёл проход в поднебесный мир. И затмил в небесах Солнце Красное, и угнал с небес всех рождённых Даной — братьев мощных, Вритру и Вáлу, вместе с ними стадо небесное.

И пригнал их Пан в царство Виево. Вий Телят тех усыновил. Чтоб забыли о Ра-Родителе, память Предка в них усыпил.

И Телята те стали Виевы. И с тех пор те два лика Велеса назывались сынами Вия. Только их именуют мудрые сыновьями Солнышка — Сурьи-Ра. Потому о потомстве Даны опечалился Сам Всевышний.

И Земун тогда опечалилась — обмелели реки молочные. Погрузилась Земля во тьму. И с небес пошли не дожди — повалился пепел горючий. Запрудил тогда Вритья реки, Валья проглотил Солнце Красное.

Нет воды для зверя рысучего, нет воды для птицы летучей! Оскудела тогда Мать Сыра Земля...

И тогда собрались ото всех родов князи и волхвы многомудрые. И отжали они в ступке Хому. Окропили соком солому.

— Опьяняйся, могучий Индра!

И смешали сок с ячменем, и сварили хмельное пиво.

— Опьяняйся, могучий Индра!

И смешали сок с молоком.

— Опьяняйся, могучий Индра!

Стали петь волхвы многомудрые:

— Чуткий Индра, услышь наш призыв! Восприми наши ты воспевания! О, мы знаем тебя, ярый Бык! Победи врага, мощный Индра! Сокруши мощь Виева племени!

Пей же, Индра, и радуйся Хмелю! Пусть сливаются Соки Хомы у тебя в животе, как реки! Станет пусть живот — океаном!

Сокруши Осла, ты, ревущего! Улетит пусть зловещей птицей далеко от дерева ветер! Сокруши мощь Виева племени!

И Сварог Индре выточил палицу, чтоб убил он Змея ползучего, запрудившего телом реки. Чтоб разрушил твердыни Вáлы. Чтобы, как коровы к телятам, устремились к морю потоки.

Вместе с Ребями-кузнецами Индре выплавил он коня. Не простого коня — булатного Индре-богу для дела ратного. Конь его бежит — Мать-Земля дрожит. Из ноздрей пламя пышет, из ушей — дым валит. Также золотом седло оторочено, а во лбу его — рог отточенный.

Выжал Хому для Индры Вышень и смешал её с ячменем, чтобы сок — как Истинный Бог — вдохновил его на победу.

Беспокоился ярый Индра всё о Дые — мощном родителе. Дый-отец боевыми криками разжигал неистовство сына. И летел грохочущей тучей Дыев сын, гонимый ветрами.

И сказал Сварог, царь небесный:

— Отправляйтесь, боги, на поиски! Отыщите рождённых Даной!

Взвился бог Семаргл сын Сварожич закружился огненным вихрем.

— Мы отыщем стадо небесное!

И тотчас же бог Барма, поэт из поэтов, спел о том, как Индра сын Дыя победит порождённых Даной. Спел то том, что та Битва Звёздная будет и в эпохи иные.

И поверженные возродятся с именами Валья и Вритья, Индра же восстанет как Инд-

рик-зверь, сокрушит их тогда, также как и теперь!

И тогда Колядой будет Кышень, и Дажьбогом предстанет Вышень!

Повернётся Сварожий круг — и опять всех на Битву Богов призовут. Снова будет Потоп, Вритья реки запрёт! Валья же горою на землю падёт!

И опять Орёл будет Змея когтить и Валун великий крушить!

Барма пел, восхваляя могучего Индру, проклиная Пана и Вия. И из гнева Бармы великого Сива с Рудыми появились.

Охватили они всю Вселенную, окружили мощного Индру. На богах — кольчуги булатные, на руках — золотые пластины, на плечах — медвежий шкуры, а в руках — мечи и секиры. Словно птицы раскинув крылья, полетели Рудые с Индрою.

Видят вышние боги — у Марабеля лёг Драконом великий Вритья. Камень Чёрный он обхватил, водам путь на землю закрыл, и подземное пламя ярое в жерле Камешком придал.

Если тот проход отпереть — то на Землю явится Смерть, и Огонь и Потоп, Глад и Мор, будут всех губить с этих пор.

Но к Дракону подъехал Индра и ударил его копьём, бил секирою и мечом. И поверг Драконушку лютого.

Его Дана-мать защищала, и она на землю упала. И из сердца Данушки Родовны то не кровь потоками лилась — речка Дон тотчас заструилась...

Вáла же, представ Синь-горюч горой, словно участи ждал иной. Но тогда бог Индра великий на могучем Единороге к Камню Синему подъезжал, рогом по нему ударял и пробил преградушки Вáла вместе с Бармою и Семарглом!

* * *

Мать Земун рыдает над Даной, что была повержена Индрой. Над телами Валы и Вритры...

— Вы повержены мощным Индрой!

И взмолилась она Всевышнему:

— Покарай сына Дыя, Вышний! Бог, извергни Убийцу Даны!

И раздался голос Всевышнего:

— Да свершится то, что свершится! Кто не прав, тот не станет правым! И кривое прямым не сделать! Потому Сын на Мать восстанет — и Волчонок погубит Волка!

И ложилась на плечи Индры — ноша тяжелая, дума горькая. Сел тут Индра на Землю-Мать, Бога стал молить о прощеньи.

Год он молит, и век он молит... Врос он в Землю по самый пояс и оброс, словно камень, мхами. Где росток был — выросло дерево, где была река — стал ручей...

Только нет убийце прощенья — вплоть до нового воплощенья...

СВАРОГ И ПЛЕМЯ ДЫЕВО

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Чуриле нам — брате Индры. Спой о битве Сварога с Дыем!
— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во Сваргу небесную, в Ирий, солетались дивные птицы. Собирались они, солетались, обернулись птицы в Сварожичей. Было в Сварге у них столование, было в Ирии пирование.

День тот был в половину дня, пир тот был во полу-стола. Вдруг раскрылись окна высокие, и, гремя булатными крыльями, в гридню Ратичи залетели. Все изранены, искалечены, крылья их мечами иссечены.

— Опускались мы ниже Сварги. Ничего в поднебесье не видели, не заметили зверя рыскачего, не заметили птицы летучей. Только видели — в чистом поле собегались серые волки. То не волки в поле сбегались — собралась дружина Чурилова. В реках рыбу они всю повыловили, всех зверей в дубравах дремучих, в синем небе — всех птиц летучих. Для стола Сварога — добычи нет, для сынов Сварога приносу нет... Поднималась дружина Чурилова в небо синее соколами, — с ними бились мы, ратовались, но побил нас мощный Чурила.

— Кто таков Чурила? — спросил Сварог.

И ответил Сварогу Барма:

— Чур живёт не в Сварге, не в Ирии, а у Ра-реки, у Уральской горы. Он — сын Дыя небесного, Индры брат. У Чурилы двор на семи верстах, и стоит тот двор на семи столбах, а вокруг двора — тын булатный, в середине — высокий терем. Гридни в тереме белодубовы,

пол покрыт седыми бобрами, потолок покрыт соболями. В гридне матица — вся чеканная и серебряные скамеечки. В потолочке сияет Месяц и рассыпаны звёзды частые.

Осерчал Сварог — царь небесный — на Чурилушку, сына Дыева. Он собрал несметную силу и созвал крылатых Сварожичей. Крылья ясов-Ратичей — медные, а на крыльях — перья булатные.

То не соколы с неба падали, то слетали рати небесные. Их встречали витязи Дыя, великаны-волоты Чура, все народы дивные, чудные — белокурые, белоглазые. У тех воевалаты из олова, их мечи, секиры — серебряные, ну а стрелы их — чиста золота. А кафтаны их — чёрна бархата, а сапожки их да зелён сафьян.

И нагнал Дый-отец тучи тёмные. Закрутились пыльные вихри, забурлили и вздулись реки, и ломались дубы и сосны.

Небо ль падает, горы ль рушатся? Расступается ль Мать Сыра Земля? То Сварог с Семарглом Сварожичем бьют по рати Дыя перунами! Вырывали они деревья и дубами волотов били, в них бросали горы и скалы.

И раскрылася Мать Сыра Земля, и разверзлись горы Уральские — войско Дыево поглотили. И проклял Сварог дивий люд. Он простил лишь чудь белоглазую, что Сварожичам покорилась. От того проклятья Сварогова лица дивых людей стали чёрными, белы волосы почернели. Заточил Сварог — царь небесный — в тех Уральских горах племя Дыя.

И раздался голос Всевышнего:

— Здесь сидеть вам — народам Дыевым — до Конца Сварожьего Круга!

И сказал Сварог Дыю-батюшке:

— По велению Бога всё станет так! Мы ж заключим мир и устроим пир!

И пришли Сварог со Семарглом, Дый с Чурилой в хоромы Дыя. Дый-отец Сварога и Ратичей сам сажал за стол белодубовый. Он гостей угощал, кубки им наполнял.

А Чурила, сын Дыя, догадлив был — забирал ключи золотые, открывал подвалы глубокие. Из подвала брал злато-серебро — подносил дары он Сварожичам. Пред Сварогом Чур низко кланялся:

— Я отныне тебе, царь небесный, служу, словно Дыю — родному батюшке!

И сказал Сварог:

— Гой еси, молодец! Будешь ты отныне в Ирии жить! Будешь в войске Сварожьем отныне служить!

Бог отнёс Сварога с Чурилою во небесный Ирийский сад. И сказал Сварог:

— Будет пир горой!

Премладой же Чурилушка Дыевич стал по гридне Сварожьей похаживать и кудрями златыми потряхивать. Кудри жёлтые рассыпаются, словно скатный жемчуг катаются.

Засмотрелась на Чура Лада и сказала такое слово:

— Помешался во мне светлый разум, помутились ясные очи, глядя на красу на Чурилову, на Чурилины жёлтые кудри, на его золочёные перстни...

И сказал Сварог — царь небесный:

— Это Дый застилает очи, это Ночь застилает разум... Прочь уйди от стола, Чурила! Послужи-ка мне зазывателем, созови гостей на почестен пир!

И пошёл Чурила по Ирию — созывать гостей на почестен пир. Он ходил по саду Ирийскому, золотыми кудрями встряхивал. Кудри жёлтые рассыпаются, словно скатный жемчуг катаются.

И зашёл Чурилушка к Барме, да к жене его — ко Тарусе. Тут немного он призамешкался.

Долго ждал Сварог сына Дыева. Много ль, мало ль минуло времени — возвратился в гридню Чурилушка. В этот раз Сварог не корил его. Только Чур вошёл — снова пир пошёл...

ИНДРА, ЧҮР И КРЫШЕҢЬ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о том, как яблоки Ирия Индра захотел получить. Состязался как Индра с Чуром, как его образумил Крышень!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Говорил Дый-отец:

— Торжествует Сварог! Власть над Светом дана ему Богом! Но без Тьмы нет и Света. За ясным днём — наступает тёмная Ночь.

И послал Дый-отец тучу грозную, гром гремящий и частый дождь да ко Пановым тем горам. К сыну Индре, что Чёрным Камнем — простоял много сотен лет, врос по пояс в Матушку-Землю.

То не туча накрыла Индру — то из Дыевых чёрных туч опустилася Пераскея. Оплела Змея его кольцами, Дый же в сына пустил перуном.

И очнулся великий Индра. Овладел Змеёй-Пераскеей, содрогнулась Земля Сырая, и потрясся небесный свод.

Как в Индерии той богатой, да у Матери у Сырой Земли жил могучий бог Индрик Диевич.

И от Валуна — Камня Чёрного то не сизый Орёл выпархивал, то не яростный Бык выскакивал — то выскакивал мощный Индра на могучем, Единороге.

И ходил он по тихим заводам, он стрелял гусей и лебедушек. Всех повыстрелял ровно

триста стрел. Ровно триста стрел, следом — три стрелы. Не убил ни гуся, ни лебедя — стал он стрелы те собирать в колчан. И нашёл Змей Индрик все триста стрел, не нашёл он только лишь три стрелы.

Опечалился мощный Индра:

— Всем трём сотням стрел знаю цену, но потерянным трём — не ведаю. Золочёны они, обточены, в пятку вставлены камни-яхонты. Где стрела лежит — там огонь горит. Но не тем те стрелочки дороги, что горят в пяте камни-яхонты, а тем стрелочки были дороги, что пером орлиным оперены. Не орла, над полем летящего, а летающего над морем, что детей выводит на море. Как садится он на Алатырь — так на морюшко перья мечет. Проплывают там корабельщики, эти пёрышки собирают и по всем краям их развозят. Дарят перья царям, царевичам, дарят перья могучим витязям.

И решился Индрушка Дыевич:

— Я поеду к Камню горячему да ко той горе Алатырской. У Орла-то пёрышки вышиплю и пущу летать по подоблачью! И добуду яблоки Ирия: кто откусает злато яблоко — тот получит вечную молодость, власть получит над всей Вселенной!

И у Матушки у Сырой Земли стал просить он благословения. И сказала ему Мать Сыра Земля:

— Ах ты, гой еси, мощный Индра! Я не дам благословения по дороженьке ехать к Ирию. Есть на той дорожке заставы. Там у первой — горы толкучие, у второй-то — птицы клеvueчие. А у третьей — лежит Трёхголовый Змей. Ни пройти тебе — ни проехать!

Не послушался мощный Индра, оседлал коня и поехал. У коня во лбу рог отточенный, у коня-то шерсть — трёхлокотная, хвост и гривушка опускаются, по Сырой Земле расстилаются.

В три строки попона прострочена. Строчка первая — красным золотом, а вторая строка — чистым серебром, ну а третья-то — скатным жемчугом. Вплетены в неё самоцветы. В синем небушке светит Солнце — блещут камешки драгоценные. У коня подпруги — семи шелков, ну а пряжечки — красна золота, ну а шпёнечки — все булатные. Шёлк не трётся, булат не гнётся, красно золото не ломается.

Поскакал по полю Единорог. Первый раз скакнул — за версту скакнул, а второй скакнул — так за сотню вёрст. Стал озёра он перескакивать, мелки реченьки промеж ног пускать.

И к горам толкучим приехал. И пред ним расступились горы, не успели вместе столкнуться — конь заставу быстро проскакивал, ко другой заставе прискакивал. Тут сидели птицы клевучие. Не успели крылья расправить — конь и ту заставу проскакивал, прискакал он к Змею Трёхглавому. Не успел тот хобот расправить — перескакивал Змея конь.

И приехал Индра в Ирийский сад. Он коня к колечку привязывал и входил во гридню Сварогову. И увидел он Ладу-матушку.

— Будь здорова, Лада-хозяюшка! Где, скажи, найти мне хозяина?

— В храме Крышнего, Сына Вышнего. Там Сварог Родителя славит вместе с Бармою и Чурилой.

Вот идёт сын Дыя по Сварге, по дороженьке по широкой. Та дороженька каменистая, и стоит деревянный храм да у Камешка Алатырского.

Вот проходит в храм Индрик лютый:

— Будь здоров, Сварог, царь небесный!

— Будь здоров и ты, мощный Индра! Ты зачем к нам в гости явился?

— Слышал я, что в саде Ирийском поднялась волшебная яблоня, а на яблоне той — златы яблочки. И садится на эту яблоню, и клюёт золотые яблоки молодой Орёл — сизы пёрышки. Я хочу отведать те яблоки, перья выпипать у Орла!

Промолчал Сварог, Барма лишь сказал:

— Рано перья считать у того Орла сизокрылого!

Выходили они из храма, становились у дубравы. Говорил тут Индра сын Дыевич:

— Слышал я от Дыя-родителя, что богато Сварга украшена... А у вас всё здесь не по-нашему. Храмы все у вас деревянные, а дороженьки каменистые! А у нас в богатой Индерии — храмы выстроены из мрамора, а дороги усыпаны золотом и камнями драгоценными!

И сказал тогда мудрый Барма:

— Путь, усыпанный красным золотом, уведёт от Прави идущего. Те же камни, что в светлом Ирии, драгоценнее самоцветов!

И ответил Сварог сыну Дыя:

— Любишь ты хвалиться богатством! Любишь ты наряды и золото, как твой брат Чурила сын Дыевич. Ты богатством с Чурилою меряйся. Ты езжай с Чурилой во полюшко. Там меняй с ним платья цветные — снова-наново три годочка. Кто кого из вас перещипит?

Поезжали Индра с Чурилою во широкое чисто полюшко. Красовались, меняли платья все три года, затем три дня и вернулись в светлый Ирий.

В храм входили и низко кланялись. Сапоги Чурилы — зелён сафьян, нос-то шилом, пяты — востры, с носу к пяточке хоть яйцо кати, под носочечком — воробей летит. А кафтан Чурилушки вышитый, златы пуговики словно жар горят.

И входил в храм Индра сын Дыевич. Лапотки на нём из семи шелков, вплетены в них камешки-яхонты. Да не ради красы — для поездочки, чтоб сверкали и днём, и ночью — освещали ему дорожку. Шапочка на нём — семигранная, да и шубочка соболиная, ну а пуговики — красна золота, а в тех пуговках — звери страшные, львы, и волки, и змеи лютые.

На крылечко правое Чур вставал, ну а Индра вставал на левое. Начал Индра плеткой поигрывать, стал по пуговкам ей похаживать. Как от пуговики и до пуговики, из петёлочки да в петёлочку. Как запели тут птицы певчие, звери лютые зарычали, и влетел во храм Змей Горыныч. Содрогнулась вся поднебесная — падал наземь Чур со крылечечка.

И сказал Сварог Индре грозному:

— Ты уйми-утишь птиц певучих, позакличь зверей всех рысучих! Прогони-ка Змея Горыныча! Ты иначе обрушишь небо!

— Я тебя, Сварог, не послушаю! — отвечал ему Индра яростный.

И сказал тогда Индре Барма:

— Ты уйми-утишь птиц певучих, позакличь зверей всех рысучих! Прогони и Змея Горыныча!

Не послушал Индра и Барму.

И тогда Сварог вместе с Бармой ко Алатырю обратились:

— Крышний-бог, уйми Индру мощного!

И раздался тут голос Камня:

— Ай ты, Индра сильномогучий! Ты уйми-утишь птиц певучих и закличь зверей всех рысучих! Прогони и Змея Горыныча!

И склонился Индра пред Крышним, приунял он птичек певучих, всех зверей закликал рысучих, отозвал и Змея Горыныча.

— Ты всех выше, сын Вышня — Крышень!

И сказал Чурилушка Индре:

— Будем биться мы о велик заклад. Будем прыгать через Смородину. Речка та Смородина — огненная, и бурлит она, и огнём горит! Перескочит кто — будет жить. Тот же, кто не сумеет, сгорит!

Говорил тут Индра Чурилушке:

— Похвальба твоя — впереди моей. Прыгай ты за реченьку первым!

Чур коня направил чрез реченьку, в полреки же падал в Смородину. Перескакивал Индра речку, и обратно он поворачивал. В полреки-то Индра припадывал и Чурилу за кудрышки хватывал. И вытаскивал Индра брата и до Ирия не спускал.

И надвинулся тучей Индра, напустил и громы гремящие, напустил и грозы ливучие.

— Пусть затоплена будет Сварга! Пусть обрушатся Небеса!

И из туч с небывалой мощью потекли на Землю потоки. Нескончаемый падал дождь. Ниспадал, как острые стрелы. Облака низвер-

гали воду, затопляя всю Землю-Матушку. Нет границ меж горами и долами... И задул пронзительный ветер, от которого нет укрытья!

И тогда Корова Земун с дочерьями в храме явилась:

— О могучий сын Вышня Крышень! Защити нас от гнева Индры!

И поднял тогда Вышний Крышень над Ирийским садом Алатырь. Всех укрыл горой Алатырской от грозы и ярости Индры. И зашли под защиту Камня все Сварожичи-небожители. И стояли там семь ночей и дней.

И, увидев чудо великое, изумился могучий Индра. Отозвал он тучи от Ирия, приказал дождю прекратиться. И закончилось наводнение — тут же в реках спала вода.

Падал ниц перед Камнем Индра. И корона его померкла.

— Ты всех выше, сын Вышня — Крышень! Ты — есть Сын в Великом Триглаве. Я считал себя всех превыше, но меня Господь образумил...

И восславил бог Барма Крышня:

— Ты — Сын Вышня, могучий Крышень! Мать ты и Отец Вселенной! Ты Духовный Учитель Мира! Ты — есть Высшее Знание Вед! Ты — есть Камень краеугольный, на котором зиждется Храм!

Ты как Род родил мириад Миров! Ты Творения Мира корень! Ты — Верховный Властитель Вечности! Ты — Правитель Земного Мира!

ЧҰРИЛА, ТАРУСА И МАН

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Чуриле и о Тарусе, и о Мане с сестрою Маней. Расскажи нам о гневѣ Бармы!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Пел Чурилушка в светлом Ирии:

— Приключилася мне кручинушка от зазнобушки, красной девы, от Тарусушки молодой... По тебе ли, жаль моя, дева, я сердечушком всё страдаю, от тебя ль не сплю тёмной ночью...

Как в горах высоких Ирийских выпала порошица белая. Не одна она — с пересыпочкой.

— Ты нейди, порошица белая, на вечерней, на поздней зорюшке! Ты пойди на зорюшке утренней! Занеси все стежки-дороженьки, скрой от Бармы-бога следочки, по которым к Тарусушке хаживал... По полям поскакивал зайчиком, по приступочкам — горностайчиком. По сениям ходил — добрым молодцем, ко кроваточке — любовничком...

Как поутру рано-ранёшенько выпала порошица белая. И по снегу тому пушистому то не белый заяц проскакивал, то не сер горностайчик хаживал, то гулял Чурилушка Дыевич. Он соболею шубкой шумливал, он пуховою шапкой махивал.

И зашёл Чурилушка к Барме. Только Бармы в ту пору не было — улетел за горы Ирийские ко великой горе Березани. И детей во тереме не было, вышли в поле они гулять, в

светлом Ирии поиграть. Оставалась в тереме Бармы лишь жена его молодая.

То не белая лебедь кычала, то Тарусушка говорила:

— Не соловушка крылышком встряхивал, то мой милый шапочкой махивал. То не пёрышки тронул ветер, то у милого взвились кудри. Ах, удалый Чурилушка Дыевич, ты пожалуй ко мне в светлый терем! Я давно тебя ожидаю!

И брала Чурилу за рученьки, и вела Чурилушку в терем, говорила ему таковы слова:

— Премладой Чурила сын Дыевич, помещался во мне светлый разум, глядя на красу на Чурилову, на твои-то жёлтые кудри да на перстни твои золочёные.

Повела Чурилушку Дыевича молодая Таруса в спальню иложила его на перинушку...

Покрывало Ирийский сад белою, пушистой порошицей... Замела она все дороженьки. Одно-го не сумела скрыть — горя лютого и измены.

Как на горушке Березани поднималась берёза белая — вверх кореньями, вниз ветвями. По корням она корениста, по вершиночке шепотиста. Зашаталась берёза белая, стала Барме-богу нащёптывать:

— Как не греть зимой Солнцу Красному, как не греть в ночи Ясну Месяцу, так любить не станет Таруса распостылого мужа Барму! Будет пасмурный день осенний, будут дуть холодные ветры, и сбежит от мужа Таруса ко Чурилушке-полюбовнику.

Как услышал песенку Барма, обратился в белого Лебеда, полетел к Ирийскому саду.

Прилетел, к крылечку спустился. Бил крылом в золотые двери.

— Встань, Таруса! Вставай, сонливая! Подымайся скорей, дремливая!

Спит Таруса, не пробуждается.

— Спится мне молоденькой, дремлется. Голова к подушечке клонится...

Обернулся витязем Барма, бил рукой в золотые двери — светлый терем тут зашатался, обломались у терема маковки. Тут Тарусушка пробуждалась, отпирала она ворота и впускала гневного Барму.

И вошёл в светлый терем Барма — и увидел платье Чурилы. Вынимал он меч, шёл во спаленку. И увидел Чурилушку Дыевича на кровати той помятой да на той пуховой перине.

То не лебедь крылышком взмахивал — то махнул мечом своим Барма. То не жемчуг скатился на пол — то скатилась глава Чурилы. То не белый горох рассыпался — это кровушка проливалась.

И теперь все Чурилушке славу поют. Поминают Тарусу с Бармой — Лебеда с белой Лебёдушкой...

* * *

Хочет Барма убить супругу за немалые прегрешенья. Но Тарусушку любят дети — брат с сестрицею: Ман и Маня.

Дети просят Барму и молят — и послушал Барма мольбы их, дал супруге своей год жизни.

Тут сказала Таруса Ману:

— Что мне делать, скажи, сыночек? Аль погибнуть мне молодую?

Показались слёзы у Мана:

— Ты послушай-ка, мать родная! Мы сбежим с тобою от Бармы!

И сказала ему Таруса:

— Ты пойди — поймай Лебедь белую! Мы на ту Лебёдушку сядем, улетим от Бармы далёко! Чтоб не мог о нас он услышать и глазами не мог увидеть!

Всё как сказано, так и случилось.

Оседлали они Лебёдушку, полетели они к Уралу и нашли в горах светлый терем. Терем тот стоял на семи верстах, на семидесяти золотых столбах, а вокруг терема — тын железный. Грядни в тереме белодубовы, пол покрыт седыми бобрами, потолок покрыт соболями.

А в том тереме жили дивы, было дивов тех — семь десятков, старшим был у них Дый Седунич.

Как увидели Мана дивы, так бросались на сына Бармы. Только был тот Ман очень сильным, перебил он семьдесят дивов. Дый один от Мана укрылся.

Спать ложились Ман и Таруса, спать ложились в тереме Дыя. Только Ман сомкнул ясны очи, пред Тарусою Дый явился.

И спросила Дыя Таруса:

— Ты, Чурила, ко мне явился из подземного царства Вия?

Отвечал тогда Дый Тарусе:

— Нет, я — Дый! Родитель Чурилы! Погубил его мощный Барма! И закрыл Чурилушка очи!

И сказала Дыю Таруса:

— Подойди ко мне, Дый-отец! Будем мы с тобою любиться! Будем мы с тобой целоваться!

Дый тогда Тарусе ответил:

— Я боюсь молодого Мана! Погубил он семьдесят дивов, и меня он тоже погубит.

— Дый, давай подумаем вместе — как сгубить молодого Мана?

И ответ держал Дый Седунич:

— Ты скажи ему, что болей. Только Ман про это услышит, за тебя он станет бояться. Спросит матушку он о пище. Отвечай ему, что излечат ту болезнь лишь яблоки Ирия! Пусть поедет он в сад Ирийский, чтоб сорвать золотые яблоки. Охраняет златую яблоню Лада-матушка и Ладон. И от Змея того Ладона — нет спасения человеку! И дракон тот Мана погубит!

Вот проснулся Ман ранним утром, видит он Тарусу больною. Близко к матери он садился, проливал горячие слёзы:

— За тебя мне тяжело, родная! Ты скажи — что хочешь отведать?

Отвечала ему Таруса:

— Принеси золотые яблоки. Ты сорви их в саде Ирийском! Я поем и сразу поправлюсь!

Ман вскочил на ноженьки резвые и осёдлывал Лебедь белую. Полетел он к саду Ирийскому — прилетел, сел на яблоньки.

Тут увидел его дракон, зашипел и яростно бросился. Начал Ман с Ладом сражаться. С

ним сражался он трое суток. Стал просить тут Ман передышки. Ману дал Ладон передышку.

К Ману тут явилася Лада:

— Ты зачем из сада Ирийского взять хотел золотые яблочки?

И ответил Ман Ладе-матушке:

— Для Тарусы, родимой матери! Мать моя лежит-умирает, только яблочки ей помогут!

Сжалилась тогда Лада-матушка:

— Ты бери золотые яблочки! Но срывай не с Древа Жизни! Пусть их съест твоя мать родная! Все болезни они излечат.

И вернулся Ман ко Тарусе, дал плоды заветные маме.

Только тёмная ночь настала, вновь явился Дый ко Тарусе, говорил он ей таковы слова:

— Ты возьми, Тарусушка, перстень. Спрячь тот перстень в одной ладошке. Пусть с тобою Ман поиграет — отгадает, где спрятан перстень. Не сумеет — тогда, как в шутку, ты свяжи-ка Мана ремнями! Сам тогда я с ним совладаю!

Вот проснулся Ман ранним утром. Говорила ему Таруса:

— Мы сегодня одни с тобою. Сын, давай с тобой поиграем. Отгадай, где перстень упрятан?

Мог бы Ман легко отгадать, только он проиграл нарочно, чтобы мать родную потешить. Обыграла его Таруса и связала руки сыночку, повязала до самых плеч и до самых пальцев скрутила.

— Отпусти, развяжи меня, мама! — так просил Тарусушку Ман. Но его Таруса не слушала, громким голосом Дыя звала.

И явился в хоромы Дый. Мукой мучил молодого Мана, ослепил ему оба глаза.

— Барма — сына убил Чурилу! Ныне — будет ему расплата!

Говорила Дыю Таруса:

— Ты послушай-ка, Дый, меня! Ты возьми-ка Мана младого, и садись на белую Лебедь, и лети к горе Сарачинской. Отвали на горушке Камень. Там под Камнем — пропасть увидишь. Мана брось в глубокую яму!

Сделал Дый, как сказано было. Но беда и с Дыем случилась! Как бросал он Мана в колодец, упустил он белую Лебедь.

Дый вернулся снова к Тарусе. А в ту пору белая Лебедь поднималась ко Всевышнему. Пела так она в горних высях:

— Ты, Всевышний Бог! Прародитель! Мана ты подыми из бездны! Отвали от пропасти Камень!

Бог отваливал Чёрный Камень, подымал он Мана из бездны...

Ман сажился на белу Лебедь, полетел к Ирийскому саду да ко той реке Алатырской. Прилетел к дорогой сестрице, подходил к он к Манечке близко.

Видит Маня, что оба глаза Дыем выколоты у брата. Омывала она глазницы Алатырской живой водою, возносила молитвы Вышню — и вернулось зрение брату, белый свет он снова увидел.

Обнимала Манечка брата, вместе с братом рыдала горько, а потом хохотала громко:

— Слава Вышню! Ты снова видишь!

Расспросила его о горе. Рассказал ей Ман про Тарусу, ничего про мать не скрывая.

И собрался вновь в путь неблизкий. Ман вскочил на белую Лебедь. Полетел он, песнь напевая:

— Слава Вышню! И белой Лебеди! Вы меня возвратили к жизни! Но бесчестье будет Тарусе, что дитя своё ослепила!

Подлетел Ман к терему Дыя. Видит он, что чешет Таруса — гребнем голову богу Дыю. И вскричала тогда Таруса:

— Горе, Дый мой! Мой сын вернулся!

Дый вскочил — схватился за меч. Начал с Маном мощным сражаться. Сотряслася Земля Сырая, порастрескались горы дальние, море синее расплескалось.

Стал теснить тут Ман бога Дыя. И могучий Дый испугался, бросил меч и, жалуясь громко, убежал в Уральские горы.

Крикнул вслед богу Дыю Ман:

— Я тебя, Дый мощный, прощаю! Ты за смерть отплатил Чурилы! Мы с тобой отныне в расчёте. Но Тарусу не извиняю!

Он схватил за пояс Тарусу, с нею сел на белую Лебедь, полетел к родителю Барме.

Барма Мана встречал, плакал и обнимал:

— Ах, мой сын! Что сделал со мною? Я уж думал ты не вернёшься.

И устроил он пир великий. Расспросил о том, что случилось. Рассказал тогда он отцу — то, что мать ему учинила.

И вскочили все слуги Бармы, и бросались они к Тарусе, на неё надели рубашку, что покрыта смолой и дёгтем. Подождгли её с трёх сторон.

И вскричала сыну Таруса:

— Сын мой, Ман! Спаси мать родную!

Ничего ей Ман не ответил, лишь слезу смахнул он рукою.

И сгорела Чёрная Тара, и очистилася Таруса в том огне великого Бармы. Из огня она вышла Белой.

Все теперь прославляют Мана, славят также Барму с Тарусой, славят Дыя вместе с Чурилой!

РОЖДЕНИЕ ЗМЕЯ ОГНЕННОГО ВОЛХА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам об Огненном божестве Волхе, имя коему Финист Сокол, третьем воплощении Велеса. Как сей Велес на свет явился!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Мать Сырая Земля шла по горушкам, и ступала она по долинушкам. И спадали с небес проливные дожди, её белую грудь било градом, засыпало снегами белыми.

Соскочила она ненароком с Камня Чёрного и горячего да на лютого Змея Индрика.

Уж как вскинулся лютей Индрик, тело обвил её, тело обнял её, опрокинул он Матушку на горы, бил злодей её по белу стегну, целовал в уста её сахарные.

И тогда понесла Мать Сыра Земля от сыночка, от Змея лютого, тяжела она стала от Индрика. Год она тяжела, два она тяжела, три она тяжела — тридцать лет тяжела. Ходит в тягости Мать Сыра Земля по горам-долинам широким — всё-то ходит, дитя вынашивает.

Срок пришёл разрешаться от бремени. Закапилось Красное Солнышко за Ирийские горы высокие, порассыпались часты звёздочки по небесному своду светлому — и родился тут Волх сын Змея, новый Велес в цепи рождений!

Первым Велесом был Асила, что сокрылся в Азов-горе. Был затем — Семаргл Огнебог, что родился в роде Сварога.

Следом новый явился Велес. То был Огненный Змей — Волх сын Змеевич. Также звали

его Вольгою, Финистом, рождённым в огне. И родился он от Сырой Земли в роде Змея мощного Дыя.

От рождения Волха Змеича потряслось небесное царство, затряслось и царство подземное, море синее всколебалось. Звери по лесу разбежались, птицы по небу разлетелись, рыбы по морю разметались.

А как стало Волху полтора часа — слово он сказал, будто гром взгремел:

— Ой ты гой еси, Мать Сыра Земля! Не спелёнывай меня пеленой своей, не завязывай златым поясом — пеленай меня в латы крепкие, на голову надень золотой шлем!

И ещё сказал Волх сын Змея:

— Ты, сходи-ка, Матушка, в кузницу — ко Сваро́гу, в Св́ргу небесную, пусть скуёт он громовую палицу! Брошу я ту палицу в тучи, громом разбужу Змея Индрика! Из норы своей пусть Змей выползет. После грянусь о Землю Сырую, стану Финистом Ясным Соколом, разбросаю перья железные, упаду на Змея с подблачья, раздеру когтями булатными, размечу клочки по Сырой Земле!

Говорила ему Мать Сыра Земля:

— Будет этому вскоре времечко, всё как сказано — так и станется.

Стал расти Волх мощный, сын Змеевич, не по дням, годам — по минуточкам. Захотелось ему много мудрости.

Научился узлы он завязывать, научился клубки он прочитывать, научился славить Сварога, и Семаргла, и Бога Вышнего.

Обучился также премудростям — как обёртываться Ясным Соколом и парить легко по по-

доблачью, превращаться как в Волка серого — рыскать Волком в лесах дремучих, и как стать златорогим Туром и скакать горами высокими, обращаться как быстрой Щукой и гулять по морюшку синему.

Обернётся Финистом-Соколом, полетит в подоблачье птицею — по велению Бога Вышнего, по хотению Волха Змеича завернёт гусей и лебёдушек. Обернётся он серым Волком и поскачет в лесах дремучих — по велению Бога Вышнего, по хотению Волха Змеича завернёт медведей, и соболей, и куниц, и лис с горностаями.

Станет он златорогим Туром и поскачет в горах крутых — по велению Бога Вышнего, по хотению Волха Змеича завернёт он туров с оленями, горных коз с могучими барсами.

Обернётся быстрою Щукою — завернёт он рыбу севрюжину и белужину с осетринкою.

Так охотиться стал Волх сын Змеевич!

ВОЛХ И ЛЕЛЯ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о Волхе Огненном Змее, имя коему Финист-Сokol. И о том, как он, победив отца, тронem завладел Пекла Навского, но влюбился в Лелю прекрасную и служить стал Сварге Ирийской!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Не туманушки во поле расстилались, то не буйные ветры разыгрались — то бежали туры златорогие из-за гор высоких Ирийских, и от Камешка Алатырского. А у быстрой речки Смородины, у горячего Камня Чёрного выходил к ним Тур Золоты́ Рога, то сам Огненный Финист сын Змеевич.

— Ой вы, туры мои, туры ярые! Отвечайте по чести, по совести — где вы побыли, погуляли где? И какое вы чудо видели?

— Мы не видели чуда-чудного, только видели, как из Ирия выходила де́вица красная — да в одной рубашке без пояса. Заходила она по колени в воду, а потом погрузилась до пояса, поглуби́лась до белы́х грудей. На горячий камень вставала, слёзы горькие проливала, тонким кружевом обтиралась, на четыре стороны кланялась.

— Ой вы туры мои, туры ярые! Вышла то не девица красная, выходила то Макошь-матушка. Значит, снова грозит Индерия, собирает силы могучий Змей!

Побежал ярый Тур к царству Индрика, что во глуби Нави средь Чёрных гор. Первый раз скакнул — за версту скакнул, а второй скакнул — не видать его.

Обернулся он Ясным Соколом, высоко́ летит по подоблачью, избивая гусей и лебёдушек к завтраку, обеду и ужину.

Прилетел в Индерию Сокол, на окошечко сел косящето́е. То не ветры несут порошицу, то беседуют царь с царицею — Индрик Змей с Пераскеей Змеихою.

Говорит Пераскея-царица:

— Ай ты, Индрик Змей, царь Индерии! Мне ночесь спалось, во сне виделось: поднимались тучи с Запада, из-под туч летел Финист-Сокол, а с Востока летел Магур. Солетались они над полем, меж собою начали биться. Финист поединщика выклевал, его перья чёрные выщипал, пух пустил его по подоблачью.

Отвечает Змей Пераскее:

— Ты спала, Змея, сон ты видела — не видать в синем небе Сокола!

И ещё изрёк лютый Индрик:

— Я собираюсь в поход к Алатырским горам, покорю я царство заоблачное, разорю я Ирий небесный! И добуду из сада Ирия я себе золотые яблоки. Кто отведа́ет злато яблочко — тот получит вечную молодость, власть получит над всей Вселенной!

Отвечала ему Змеиха:

— Не возьмёшь ты, Змей, Царство Светлое, не добудешь вечную молодость — золотые яблоки Ирия! Ведь Магур — то ты, царь Индерии! Финист-Сокол — Волх, сын твой Змеевич!

Рассердился тут лютый Индра, он схватил царицу-пророчицу и о каменный пол ударил:

— Не боюсь я Волха Змеевича! На отца не поднимет он ручушку — получу я райские яблоки!

Тут слетал с окошечка Финист, обернулся он мощным витязем. Как Стрибог сильным ветром разносит огонь, так и Волх обронил Змею лютomu слово:

— Ай ты, Индрик Змей, царь Индерии! Не прощу я тебе насилие — ты пошёл против Бога Вышнего!

Лютый Индрик Змей испугался, бросился за двери железные, запирался запорами медными. Но ударил сын Змея в те двери ногою — все запоры медные вылетели, и раскрылись двери железные.

Как схватил Волх мощный, сын Змеевич, и ударил Змея о каменный пол. Как ударил о пол — гром и звон пошёл.

То не Финист-Сокол крылом махнул — то махнул мечом Волх сын Змеевич и отсёк Змею Индрику голову — и рассыпался Змей на змеёнышей, а змеёныши в щели спрятались.

Волх владыкой стал всей Индерии, сел на Чёрный трон Пекла Навского. Править стал нечистою силою, и возглавил Горынь и Змеевичей, и женился на Пераскее.

Окружили тут Волха Змеи. И явился Вий — подземельный князь, сын великого Змея Чёрного.

Говорил ему таковы слова:

— Ай ты, буйный Волх, Змей великий, царь! Аль не хочешь ты покорить весь мир? Аль не хочешь ты яблоч Ирия?

Зашипела тут Пераскея:

— Их нельзя добыть боем-силою, значит — можно хитростью-мудростью. Ты добыть их сумеешь, премудрый Волх!

Захотелось тут Волху власти, захотелось и вечной молодости, он решил покорить Царство Светлое.

Волх собирался тогда ко Ирийским горам. Первый раз скакнул — за версту скакнул, раз второй скакнул — не видать его.

Обернулся он Горностаем, побежал по лесу дремучему. Щукою нырнул в море синее, а из моря вспорхнул белым Гоголем. На коня лихого он вскакивал, соскочил с него серым Волком. Обернулся затем Ясным Соколом, высоко полетел по подобию, избивая гусей и лебёдушек к завтраку, обеду и ужину.

Прилетел он к Ирию светлому, сел на веточку райской яблони, и хотел злато яблочко выклевывать.

Вдруг услышал он — песня чуждая разлилась по саду небесному. Это Леля по саду похаживала, золотыми кудрями встряхивала и сплетала венок из лилий. Её тонкий стан тканью лёгкой скрыт, голосок её ручейком журчит.

И заслушался Финист-Сокол, и забыл волшебные яблоки. Тут ударили колокольчики, затрубили трубы небесные, набежали, слетелися стражники — и вспорхнул Финист-Сокол с яблони, только сизо пёрышко выронил.

Подняла́ то пёрышко Леля:

— Ах, какое красивое пёрышко!

Отнесла перо в свой златой покой. Только пёрышко Леля выронила, тотчас об пол оно ударилось, обернулося Волхом Змеичем.

Говорил он ей речи сладкие, называл своею любимую:

— Для тебя я не стал покорять Белый Свет и оставил царство подземное и жену — змею Пераскею!

Тут услышали шум сестры Лелины, прибежали Жива с Мареною — тут же Волх обратился в пёрышко.

— С кем, сестрица, ты разговаривала?

— Я сама с собой, — отвечала им, а сама выпускала пёрышко за окошечко за высокое. — Полетай, перо, в чистом поле — там, где волюшка и раздолье!

Так и ста́л Финист в Ирий ночами летать, стал он Лелюшку навещать. Утром возвращался в Индерию, а склонялось Солнце к закату — Финист к Леле спешил обратно.

Так звала́ она
Ясна Сокола:

— Ах, ты милый мой, друг сердечный! Всё тоскуешь ты в Тёмном Царстве — ветер в год туда не дует, птица за два не долетает... Но домчит к тебе птица-песнь моя, чтобы ты, мой ладо, вернулся... В тот же миг тебя я узнаю по полёту, по крыльям сизым. Я вспорхну к тебе Соколицею, расклублюсь осенним туманом, дымом выберусь из овина,

искрой малою от угля взовьюсь, в полночь полыхну заревницею... И тебя, ненаглядный, за руки возьму — хоть ты змей подколотных из Пекла неси. И к губам прильну я губами — будь те хоть в крови, как у волка. Обойму тебя, друга милого, — даже над горящею крадой. И улягусь с тобой — хоть в могилу, до краёв залитую кровью...

Но являлся к ней Финист-Сокол — и уста его были не в рудой крови, в кулаке змею не дер-

жал он, звал в объятия — не в могилу... Губы милого — будто соты, что исполнены ярым мёдом, руки — как снопы золотые, шея — как вересковый стебель.

И пошли у Финиста с Лелею целования-любования с поздней ноченьки до утра. А поутру Финист прощался — Ясным Соколом обращался.

*Выходила молодá, Лебедь-Леля молодá,
За Ирийские вратá, Золотые воротá...
Выпускала Соколá из правóго рукава...
Ты летай-ка, Финист-Сокол, высокó и далекó...*

Раз влетел Финист-Сокол в окошечко, в пол ударился — стал добрым молодцем.

Услыхали то сёстры Лелины — кинулись ко батюшке в гридницу:

— Ой ты, царь небесный, отец родной! Знай, что к Лелюшке нашей приходит гость!

Встал Сварог и пошёл, входит к дочери Леле. Финист-Сокол же вновь обернулся пером.

— Ах, чарóвницы, всё вам чудится! — говорил Сварог дочерям. — Не напраслину ли возводите, и те чары сами наводите?..

На другой день Жива с Мареною на окошке иголки натыкали. Коль наколетса гость на иглы — путь навеки забудет в Ирий!

Прилетел Финист-Сокол к Леле. Бился, бился — не смог пробиться, только крылышки все обрезал и иголки те искровянил.

И вскричал тогда Финист-Сокол:

— Ты прости, прощай, Леля милая! Если вздумаешь отыскать меня, то ищи в тридесятom царстве, в Тёмном Царстве у гор Черкасских! Ты сапожек железных три пары истопчешь, и чугунных три посоха ты обломаешь — лишь тогда ты меня отыщешь, и от лютой доли избавишь!

Жизнь и Смерть таковы — по желанью се-стриц и велению судьбениц нити жизней наших сплетаются, а затем опять расплетаются. И влюблённые разлучаются...

И собралась скорёшенько Леля, и пошла она по дороженьке, по тропиночке со Ирийских гор. Говорила она Сварогу:

— Отпусти меня в путь-дорогу! Для любви расстояний нет, обойду я весь Белый Свет!

Много лет она шла, много зим она шла — всё брела полями широкими, пробиралась лесами дремучими и болотушками зыбучими. Песни птиц сердце Лели радовали, и леса её привлекали, ручейки лицо омывали. Звери лютые к ней сбегались, и жалели её, и ласкались. Истоптала сапожек три пары железных, обломала три посоха тяжких, чугунных, и три каменных хлеба она изглодала.

И тогда с печалью воззвала:

— Отзовись! Вернись, Ясный Сокол!..

В кровь изранила Леля ноженьки — там, где падали крови капельки, распускались розы алые.

Вот дошла она до Индерии.

Как у той ли речки Смородины — видит Леля — стоит избушечка и на ножках куричьих вертится. Вкруг избушки той с черепами тын.

Попросилась она в избушечку:

— Ой да вы, хозяин с хозяйкою! Велес Су-ревич с Бурей-Вилой! Вы пустите меня, накормите, ночкой тёмною приютите!

Говорил тогда Велес Леле:

— Ай, я помню тебя, Свароговна! Объясни-ка нам, сделай милость: ты зачем к нам в гости явилась?

Отвечала так Леля Велесу:

— Много лет, много зим я по свету иду, всё ищу я Финиста Ясного, Волха Змеевича прекрасного. Вы пустите меня, хозяева! Накормите меня белым хлебом, напоите вином медвяным!

Отвечали Леле хозяева:

— У нас в Тёмном Царстве — горькое житье. У нас хлеба белого — нет, и питья медвяного — нет. А есть — гнилые колоды, а есть — водица болотная!

Повинилася млада Лелюшка:

— Вы простите меня за прежнее, за прошедшее-стародавнее. И за то, молю, не держите зла, что печаль любви, как печать легла...

Отвечали Леле хозяева:

— Заходи же к нам, млада Лелюшка! За любовь тебе всё прощается, ведь любовью всё очищается!

И ещё сказал Велес Суревич:

— Ох и трудно тебе отыскать в ночи удалого Финиста-Сокола! Раньше было у Сокола времечко. Он легко парил по подоблачью, уж он бил гусей и лебедушек! Ну а ныне времечка нет у него — тяжело в золочёной клеточке. Ведь он стал теперь царь Индерии и вернулся ко Пераскее — к той, что Смерти не веселее...

А наутро прощалась Лелюшка с Бурею-Ягою и Велесом. И сказала Леле хозяйюшка:

— Вот бери подарочек, Леля. Ты возьми золотое яблочко, вместе с ним серебряно блюдечко. Как покатишь яблочко в блюдечке — этим ты себе угодишь, всё что хочешь в блюдце узришь!

Провожал Лелю Велес по лесу — покатил впереди клубочек:

— Ну, ступай, Лелюшка, за клубочком. Куда катится он — путь туда держи, к Ясну Соколу поспеши.

Вот пришла она во Индерию, горы там в облака упираются и дворец стоит между чёрных скал.

У дворца Леля стала похаживать и катать по блюдечку яблочко.

— Покатись, золотое яблочко, покатись по блюдцу серебряному, покажи мне Финиста Сокола!

Покатилось по блюдечку яблочко — показало Финиста-Сокола. Увидала то Пераскея — ей понравилось блюдце Лели.

— Не продашь ли, Леля, забавушку?

— Не продам — то блюдце заветное. Поме- няю на ночь тёмную с твоим мужем Финис- том-Соколом.

«Не беда! — Пераскея думает. — Опою я Финиста-Сокола. Будет он, как убитый, всю ночь поживать, я же — с чудо-блюдцем иг- рать!»

А в ту пору летал Финист по небу, избивая гусей и лебёдушек, птиц небесных к себе заворачи- вая.

Вот слетел и ударился о Землю, обернулся вновь Волхом Змеичем. Тут жена его опоила — чашу сонную подносила.

— Что ж, иди, — прошипела Леле. — До рас- света он будет твой, а с рассвета — навеки мой.

Подошла Леля к спящему Финисту:

— Ты проснись-пробудись, Ясный Сокол! На меня взгляни и к сердечку прижми! Много лет прошло, много зим прошло. Истоптала сапог я три пары железных, обломала три посоха тяжких чугунных и три каменных хле-

ба уже изглодала — всё тебя, Ясный Сокол, по свету искала!

И она его целовала, и ко белой груди прижимала. Только Финист спал-почивал, ясных глаз он не открывал. Занималась уже Зареница, таяла в лучах Утреница. Поднималось Солнце Красное, гасли на небе звёзды частые...

Тут на щёку Финиста-Сокола пала Лелюшкина слеза, пробудился он и раскрыл глаза:

— Здравствуй, Леля моя прекрасная!

— Здравствуй, милый мой Сокол Ясный!

Сговорились тут Финист с Лелею и бежали из Царства Тёмного.

Утром Пераскея хватилась, на всё царство принялась выть, приказала в трубы трубить:

— От меня сбежал Волх-изменщик!

Тут сбежалась к ней нечисть чёрная — прибежал и Вий подземельный князь, и Горыня, Усыня с Дубынею, солетелись змеи летучие, и сползлись змеи ползучие. Из норы ползли — озирались, по песку ползли — извивались:

— Волха мы засадим в темницу, коль настигнем его у границы!

Финист-Сокол же вместе с Лелею добежали до речки Смородины.

Как у той ли речки Смородины Велес с Бурею их встречали, беглецам они провещали:

— Вы бегите-ка в Царство Светлое к Алатырским златым горам — мы погоню не пустим к вам!

И тогда Финист-Сокол с Лелею на калиновый мост ступали, речку огненную миновали.

А погонюшка припозднилась, вскоре вслед за ними явилась. Как увидели змеи Велеса с Бурею-Ягою у бережка — тут же в норушки уползли, Вий и Виевичи сбежали.

Лишь Змея Пераскея ощерилась:

— Не боюсь я твоего огня! Финист-Сокол — мой, пропусти меня!

Тут ответил ей буйный Велес, раскатился гром в поднебесье:

— Ты, Змея злокаманка, Змея Пераскея! Ты продала Волха за блюдечко, — знать, любви между вами нет. Ну а Леля за ним обошла весь свет!

Тут страхнул Пераскею Велес и притопнул её ногою — так расправился со Змеёю.

Побежали Волх вместе с Лелею к Алаты́рским горам, к саду Ирию.

Обернулся Волх ярым Туром, перекинулась Леля Турицей. Первый раз скакнули — версты уж нет, а второй скакнули — пропал и след. Обернулся Волх серым Волком, обернулась Леля Волчицею — побежали по лесу дремучему, обернулись Щуками быстрыми — унырнули в море зыбучее. Взвились птицами к облакам, и от них слетели к горам.

Прилетели они к саду Ирию. Финист-Сокол о Землю бился, сизым пёрышком обратился. Леля это перо взяла, и к Сварогу-отцу вошла.

— Где же ты была, дочь любимая?

— Я гуляла по Свету Белому.

— Ветры буйные мне вещали, как ты с Соколом пролетала. Волны синие мне плескали, как ты Щукою проплывала. А дубравушки прошептали, как Волчицею пробегала. И как с Туром скакала Турицей мне поведало Солнце Красное. Пусть же явится Сокол Ясный!

Обронила тут Леля пёрышко — обернулось оно Ясным Соколом.

— Что ж, — сказал Сварог, — видно, Бог судил, видно, так завязано Макошью — будет свадьба у нас небесная! Пусть пирует вся поднебесная!

И сыграли свадебку в Ирии, стала Леля женою Волха, удалого Финиста-Сокола.

И на свадьбе трубили трубы, лился хмель и плясали звёзды. И явились на свадьбу боги — сам Перун Громовержец с Дивой, и Стрибог, Семаргл Сварожич, Велес с Бурею Святогоровной, Хорс с Зарей-Зареницей и Месяц, Макошь с Долею и Недолей, и Маренушка вместе с Живой.

И слетелись к Леле-юдице со всего Света Белого птицы. И сбежались лютые звери, и сползли ползучие змеи. Было в Ирии столование и великое пирование.

И Всевышнего все хвалили, после Лелю с Волхом дарили.

Преподнёс Сварог им по перстню — с сердоликом, камнем сердечным. Лада-матушка — розу алую. Велес с Бурей вернули блюдечко, с чудо-яблочком золотым, что вещало лишь правду им.

Коль наденет Лелюшка перстень — значит где-то быть свадьбе вновь. Если поднесёт розу алую — вечно будет цвести любовь!

Началось веселье в подсолнечном мире. Пировало царство небесное, вместе с ним и вся поднебесная!

ВОЛХ УЧИТ ЛЮДЕЙ И БРАЖАЕТСЯ С ДИВАМИ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Волх Змеич огонь людям даровал, земледелию обучал. И как дивов он побеждал, жертвы первые принимал.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во те времена стародавние, словно звери в лесах жили люди. И не трогал плуг Землю-Матушку, и никто не сеял пшеницу, и не пас волов, не доил коров.

И просил тогда сын Сырой Земли:

— Ой, родимая Мать Сыра Земля! Ты позволь дохнуть на тебя огнём! Чтобы сжечь леса и явить поля, чтоб пахать тебя и засеивать!

И просил тогда сын Сырой Земли:

— Скуй, Сварог, мне плуг стопудовый! Сотвори коня мне по силе!

И Сварог сковал плуг булатный, и привёл коня Волху Змеичу — хвост его к земле расстилается, грива колесом завивается. Шерсточка коня — бела сёребра, хвост и гривушка — красна золота. И где конь-огонь над землёй летит — там под ним земля вся огнём горит.

И тогда Волх Огненный Змеевич — Змеем Огненным обращался и под облака подымался. И затем парил в небесах и огнём дышал на леса. И пожёг леса под собой, и удобрил поля пеплом и золой.

А потом поля стал распахивать, и пшеницею засеивать, и людей тому обучать, как солому жать, урожай собирать и Всевышнего прославлять.

И по землям всем и украинам он ходил, учил земледелию. И учил петь песни под гусельки, и учил как праздновать праздники. И учил он счёту и чтению, и гаданию, и письму, чтобы было всё по уму.

Знанием трав обучал, тайны звёзд объяснял; и как строить дома, и науке лесной; как водить корабли по пучине морской. Также посвятил в знание горное — как руду в горах добывать, как метал в печах выплавлять.

Он любил людей и желал, чтобы горя они не знали, и как боги счастливы стали. И чтобы шли они по Земле Святой — Правую Стезёй!

А в то время жили на краю земли племена суровые, дикие — дивы с панами черноликими. Только землю они не хотели пахать, не желали её засеять. Мёд и пивушко не варили, и на праздники не ходили.

Ну а тех, кто на праздниках не плясал, на главу веночки не клал, — всех их Велес Змеич карал. Схватит за руку — вырвет её из плеча, схватит за ногу — вырвет из гузна. А кого он протянет плёточкой — тот кричит-ревёт, да и прочь ползёт.

И поднялась на Змеича жалоба, говорили дивы Сырой Земле:

— Ты уйми сыночка, Сыра Земля!

Стала Велеса Мать Земля журить, бога Велеса начала корить. Та журба ему не взлюбилась. И пошёл он в терем высокий, там он стрелки оперенные строгал, а на стрелках тех подписи писал:

«Кто за правду святую желает стать, с чёрной нечистью воевать, приходите-ка в терем Велеса! Вашу силушку буду я пытаться!»

Выходил потом на широкий двор и пускал те стрелы по всей Земле.

И поставил чан посреди двора. Наливал тот чан зелена вина, опускал в тот чан Велес чарочку, да не маленькую — в полтора ведра.

И во терем Велеса Змеича собиралися добры молодцы, и пришли могучие воины Китоврас пришёл со Квасурой, гомозули и друды с лешими — тридцать витязей без единого.

Начал Велес-Волх силу их пытатъ. Он глубокую чарочку им наливал, и дубиной тяжёлою их ударял. Кто стоит на ногах — будет Велесу брат. Не стоит, иль пьяный качается — со двора пусть прочь убирается.

Бил дубиною Китовраса. Китоврас стоит — не шевелится и на Велеса не оглянется.

— Китоврас, ты будешь мне названный брат!

И собрал Волх Змеич дружинишку. И с дружиною той стал по землям гулять, дивов дивных стал покорять, нечисть со земли изживать.

И пошёл с дружиною на братчину, к дивам, жертвы дающим Велесу:

— Принимай, бог, жертву в Велесов день!

И склонялся к вечеру белый день — стали дивы силу показывать. Все от малого до великого стали биться и славить Велеса. А в ином кругу в кулаки сошлись и не в шуточку подрались.

Рассердился тут буйный Велес. И явилась его дружина, всех побила, перековеркала, руки-ноженьки обломала и по полюшку разметала.

Побежали дивы к Сырой Земле:

— Ты прими драгие подарочки и уйми-утишь сына буйного!

Принимала Корова подарочки, посылала дочку Черनावушку — успокаивать буйна Велеса. Прибежала Черनावушка к Велесу, повела его к рудной матушке. Посадила в подвалы глубокие, затворяла дверями высокими. Затворяла дверями, запирала замками. Чтоб сидел под замком Велес Змеевич!

Без него дружинушка бьётся. От утра все бьются до вечера, да и с вечера до утра. Стали дивы теснить дружину. Как пошла Чернава на Ра-реку, чтобы черпать бадьями воду, тут навстречу ей тьма народу:

— Ай Чернава, сестрица Велеса! Не бросай нас у дела ратного, близ тяжёлого часа смертного!

И пришла Чернава на помощь, стала дивов она побрасывать, через реченьку перебрасывать. Тут немного она призапышкалась. Прибежала Черनावушка к Волху, сорвала замочки булатные, отворяла двери железные.

— Что ж ты спишь-лежишь, прохлаждаешься? А твою дружину хоробрую дивы уж почти победили! Чуть не на голову разбили!

Пробудился тут Велес Змеевичи выскакивал на широкий двор. Не попалась ему в руки палица, а попался столетний вяз. Вырывал он вяз тот с кореньями. Побежал тут Велес к Святым горам. Видит он Святогора стоящего там.

— Ай постой-ка ты, Волх сын Змеевич! По Святым горам не попархивай и по градам людским не полётывай! Велес, ты ещё молодёшенек! Знай, из моря воды не выпить! И всё зло из мира не вывести!

Говорил тут Велес сын Змеевич:

— Ай ты гой еси, Святогорушка! Я в задор войду — и тебя побью!

И ударил он Святогора тем червлёным столетним вязом. Не качнулся тот — не сворохнулся, и с сырой земли не потронулся.

Ужаснулся тут буйный Велес-Волх и пошёл-побежал быстро к Ра-реке. Как увидели бога ратники, вся его дружина хоробрая, у бойцов как крылышки выросли, у противников думы прибыло.

Змеич биться стал, ратоваться, стали дивы ему покоряться.

Покорились ему, поклонились, приносили ему чисто серебро, насыпали и красно золото. Но не взял дары буйный Велес. Продолжал гулять-лютовать, дивов дивных тех побивать.

Приходили дивы к Сырой Земле:

— Ай же, Матушка ты Сыра Земля! Принимай драгие подарочки и уйми-утишь чадо буйное! Грозна Велеса со дружиною! А мы рады подарочки жертвовать — да во всякий год во Велесов день! Будем мы носить хлеб от хлебников, а с калачников — по калачику, с молодич дадим — подвенечное, а с девиц младых — подвалешное, принесём дары от ремесленных.

И послала Черनावушку матушка привести скорей буйна Велеса. Как пошла Чернава — замешкалась, чрез тела тех дивов ступаючи, — трудно ей пройти прямо к реченьке. Подошла Черनावушка к Волху, говорила ему таковы слова:

— К нам пришли в дом дивы с повинною и тебе принесли подарочки!

Привела Черनावушка Волха прямо в терем к родимой матушке. Привела его на широкий двор. И сажился там Волх сын Змеевич, выпивал круговую чару.

Подносили дары дивы дивные, принял Велес их подношения. И пошла у них мировая, дивы Велесу покорились, богу буйному поклонились.

И теперь все Велесу славу поют, и Черनावушке, и Сырой Земле!

ВОЛХ СТРАДАЕТ ЗА ЛЮДЕЙ И ОБРЕТАЕТ СВОБОДУ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как отправился Волх ко Сварге, как покаялся перед Вышним. И как Дый его к Сарачинской горе цепью тяжкою приковал, а Расень могучий, Томины сын, после богу свободу дал!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как на морюшко-океан, на чудесный остров Буян, да на Камешек Бел-горючий, да на ивушку ту плакучую прилетела Сирина печальная — песню жалобно напевала, низко голову приклоняла.

Как смотрела Сирина на морюшко — в синем морюшке волны пенились, меркли в небушке звёзды частые, застилала тьма Месяц Ясный.

Буря на море разыгралась — с глубины струя подымалась. Разбивала буря суда, в клочья рвала их паруса — отнесла одни ко Дунаю, а другие — к тихому Дону, третьи — в морюшке утопила.

То не селезень в море плавал, и нырял то не ярый гоголь — то корабль бился с волнами, полоскал в волнах парусами. А на том корабле Велес Змеич со своею храброй дружиною. Как по палубе он похаживал, проливал горючие слёзы, слово молвил он корабельщикам:

— Ой вы братцы мои, корабельщики! Вся моя дружина хоробрая! То не буря нас топит в море, бьют корабль не сильные волны! То молитва родимой матушки нас карает и топит в море! Как я в дальний путь снаряжался, в путь-дороженьку

собирался — не просил тогда я прощения и не принял благословения! Как на добром коне со двора съезжал — я людей копытами потоптал, кровь невинную проливал. Проезжал мимо храма Вышнего — перед Вышним шапочки не снимал и Отца Небесного не призвал.

И ещё говорил Волх сын Змеевич:

— Если нас Всевышний помилует, коль корабль избавит от гибели, — буду чтить я Матушку-Землю и сестру родную Чернаву. И отправлюсь я к саду Ирию да ко той горе Алатырской и омоюсь в Молочной речке, смою все грехи свои тяжкие. Буду славить я Бога Вышнего!

Только он слова эти вымолвил — стал Всевышний им помогать, стало морюшко утихать. И прибило корабль Волха прямо к Камешку Бел-горючему. И тогда дружинushка Волха вся сходила на бережок. На колена они упали и Всевышнего прославляли.

И пошёл тут Велес ко матушке, умолял дать благословение, чтоб идти ему ко Алатырю, там Всевышнему помолиться, искупаться в Молочной речке.

Говорила ему Мать Сыра Земля:

— Гой еси ты, чадо родимое! Молодой ты, Велес сын Суревич! Коль пойдёшь на доброе дело — дам тебе я благословение. Коли вновь на войну — не дам.

И булат от жару расплавится — растопило-ся сердце матери. И дала мать благословение.

Вот поплыли они синим морюшком, едут день они и неделю...

Говорил тогда буйный Велёс:

— Ай вы гой еси, корабельщики! Много в битвах мы брали золота, много душ людских

загубили, ныне душу свою нам пора спасать. Ехать нужно нам ко Алатырю во небесный Ирийский сад!

Говорили ему корабельщики:

— Прямо ехать нам — будет семь недель, а окольной дорогою — триста лет.

Проплывал корабль мимо острова, что близ устья Ра-реки. А на острове том застава. Великаны там не пускают в устье Ра-реки корабли. Они скалы в море бросают, невозможно туда пройти.

— Не страшусь я Горынь, пусть боятся они моего червлёного вяза! — говорил им Велес сын Змеевич. — В устье Ра-реки мы сейчас поплывём мимо всех великанов прямым путём!

И проплыл корабль прямо в устье. Волх увидел гору высокую — приказал пристать, бросить сходни. И тогда поднимался Велес да на горوشку Сарачинскую, вслед за ним поднялась дружина.

А как был сын Индры на полу-горе, он увидел великий череп. Он ударил его да и прочь зашагал, а из черепа голос ему провещал:

— Ай ты гой еси, Волх сын Индрика! Вскоре ты займёшь моё место! Был я Вальей и Индра низринул меня, я же ранее был не слабее тебя!

Поднимался Волх ко вершинушке. Видит он: лежит Чёрный Камень. В вышину тот Камень три сажени, в поперечину три аршинушки. А на Камне том надпись писана:

«А кто станет у Камешка тешиться, да и тешиться-забавляться, перескакивать Чёрный Камень, тот останется здесь навеки».

Посмотрел на Камешек Индры сын — и не стал у Камешка тешиться, перескакивать Чёр-

ный Камень. Со вершины он сходил, к кораблям своим спешил.

И явились к Волху Змеичу тут Горынюшки-великаны.

— Держишь путь куда? — спросили.

— Я плыву к горе Алатырской, ко горячему Алатырю — Богу Всевышнему помолиться, во молочной речке омыться.

Говорили ему Горыни:

— Помолись за нас, буйный Велес!

И сажали его за богатый стол, наливали вина чару полную. Волх ту чару одною рукой подымал — за единый дух выпивал.

Приносили ему подарочки: первую мисочку — чиста серебра, а другую-то — красна золота, вслед и третью-то — скатна жемчуга. Он подарки принимал, и затем прочь уплывал.

И поплыл Велес Змеич по Ра-реке, а потом поплыл по Смородине. До небесной Сварги добрался и к Алатырю подымался.

И молился он Богу Вышнему и просил у Бога прощения, от грехов своих очищения. И за всех, с кем он по морям ходил, Бога Вышнего он молил. И Алатырю поклонился и в молочной речке омылся.

А в ту пору его дружина тоже стала купаться в речке. Макошь-матушка к ним ходила, таковы слова говорила:

— Вы зачем купаетесь в Сварге? Здесь купаться разрешено только сыну Индрика Волху! Имя ведь ему — Мудрый Велес! Реку этим вы оскверняете и за то его потеряете!

Отвечали дружинники Макоши:

— Велес наш не робок, что станет с ним? За него мы все постоим!

И вернулся Велес к дружине. И поплыл обратно по Ра-реке, вниз по реченьке к морю Чёрному да ко той горе Сарачинской по Смо-родине речке быстрой.

Выходили к нему великаны. Выходили и низко кланялись.

— Здрав будь, Волх сын Змея! Как съездил в Сваргу?

— Я за вас просил, великаны! — Велес им отвечал, после прочь уплывал.

И поплыл к горе Сарачинской. Захотелось ему вновь на гору взойти без дороженьки, без пути. Тут он сходни бросал и к горе приставал.

Поднимался сын Змея на полгоры, видит — череп лежит на дороженьке. И он вновь услышал, как тот череп вещал:

— Гой еси ты, Велес сын Индрика! Был я молодец не слабей тебя, а теперь лежу костью голою. Не меня ли ты замэнить пришёл?

Не послушал сын Змея и прочь отошёл.

И взошёл на гору высокую. Вот лежит пред ним Чёрный Камень. В вышину тот Камень три сажени, в поперечину — три аршинушки. А на Камешке надпись писана:

«А кто станет у Камешка тешиться, да и тешиться-забавляться, перескакивать Чёрный Камень, тот останется здесь навеки».

Велес надписи не поверил, стал с дружиношкой забавляться, перескакивать Чёрный Камень. И тотчас гора всколебалась, море Чёрное всколыхалось. Гром в подоблачье раскатился, и перед Велесом Дый явился.

И изрёк сыну Змея великий Дый:

— Ты нарушил заклетье великое! И теперь лишился защиты! Ты, сын Индры, отцеубийца! Должен ты за то поплатиться!

Отвечал ему Велес Змеич:

— Да, я сам поразил Индру мощного! Ибо он убил Валью с Вритой! И твоей есть власти предел! Время кончится Козерога — и твой

трон, Дый мощный, падёт! Твой потомок тебя превзойдёт!

— Кто же?

— Смертный! Я дал им и знание, научил читать и писать, жертвы приносить Богу Вышнему! Путь во тьме я им указал и огонь святой даровал!

— Дав огонь и знание людям, ты великий грех совершил! Ты им путь на небо открыл, чтоб богов они ниспровергли! Чтоб о Дые люди забыли, жертв положенных не дарили! Я за это тебя покараю, в цепи тяжкие закую на горе на сей Сарачинской, над Смородиной речкой быстрой!

— Но я знаю, страданье не вечно! Среди смертных явится тот, кто власть бога Дыя низвергнет!

И вскричал тогда Громовержец:

— Поклонись мне, Велес сын Змея! И скажи, кто трон мой низвергнет! Лишь тогда тебя я прошу и от сей горы отпущу!

— Лучше быть закованным в скалах, чем слугою верным у Дыя!

И тогда Дый мощный сын Змея в небе молнией засверкал, Ребей-кузнецов он призвал. И они булатною цепью крепко Велеса обвязали и к горе его приковали.

Был у Дыя Орёл — хищник ярый. Он его на Велеса напустил, чтоб терзал его и когтил. И принёсся Орёл чёрной тучей, заслонил он ясное солнце, не вместило ущелье крылья — тень его всю гору накрывала.

Налетел он на Велеса Змеича, клювом грудь ему разорвал, и из сердца кровь выпивал, лёгкие его начал рвать, печень яростно стал клевать.

* * *

Дни за днями травой растут, год за годом рекой текут... Но не молит бог о прощении и от тяжких мук избавлении. Стал он немощен, длинновлас, и седая его борода вокруг горы святой обвилась...

Рядом с ним родники в скалах бьют — но ни капли ему не дают, виноградные лозы выются — только в рученьки не даются. Каждый день терзаем Орлом, исторгает он тяжкий стон...

И собралась у Ра-реки вся его дружина хобрая. Китаврас пришёл со Квасурой, также горные великаны. Кубки с сурьёю подымали, рати прошлые поминали. Вспоминали они годы молодые, восславляли они подвиги былые. Жаль, что сил уж прошлых нет, не избавить мир от бед...

Думали-гадали... Что же предпринять им? Как же Волха Змеича от цепей спасти? Страшен грозный Дый им! Как же сладить с ним? Ныне — время Дыя, он непобедим!

И тогда они порешили: пусть же дочь наградою станет для того, кто спасёт отца. Дочь прекрасная Волха с Лелей, а зовут все её Полелей. Станет пусть она невестой героя, кто не будет убегать с поля боя! Победителя пусть ждут радости, утех, он в приданное возьмёт лучшие доспехи!

На призыв же тот не явился ни один герой, и никто тогда не ринулся в бой... Малый в страхе прятался за большого, младший прятался тогда за старшуго... Стыд и срам Полеле невесте...

И дружинушка решила:

— Едемте все вместе!

И они поехали к горе Сарачинской, и ко той Смородине речке быстрой. Видят: вот прико-

ван Велес к горам. Слышат: тяжкий стон разносится там. Но дружине не пройти, среди гор тех нет пути...

Громовержец Дый дружинушку увидал, и тотчас войска свои созывал. И направил слуг он с горных вершин, и сошли они в потоках лавин. А над ними тут Орёл воспарил и крылами красно солнце закрыл.

И сошлись в горах слуги Дыевы и дружинники Волха Змеича. И клевал Орёл Китавраса, а Квасура, могучий витязь, в битве той потерял коня. И шумела битва три ночи и три долгих и тяжких дня! И не бурные реки сбежали со льдов, потекла с горных краёв кровь. Полегли в ущелиях рати — и тут дивушки потеснили войско Велеса с Сарачинских гор.

И тогда рати Велеса Змеича повернули коней и помчались домой. И вот видят они: разлилася буря чёрная над землёй.

— Нет у нас предводителя! Велеса нет! Он закован цепями в горах много лет! Что же делать и где же искать нам спасенья, от беды лихой избавленья?

Тут навстречу им выехал витязь могучий. Был тот витязь грознее тучи! Из далёких земель он на битву скакал, и на три лишь дня опоздал. Это был Расень сын Купалича-Аса и Поманушки свет Асировны.

И воскликнул Расень:

— Я победу добуду! И спасу я Велеса Змеича! В том клянусь горой Сарачинской и Смоудиной речкой быстрой!

И помчался Расень к Сарачинской горе и ко Чёрному Алатырю. Мчался витязь во весь опор и явился среди Чёрных гор.

— Эй! — вскричал Расень так громко, как хватило сил. — Грозный бог, что званье божье ныне осрамил! Ты зачем среди ущелий прячешься трусливо? В страхе уходить от боя, разве это диво? Я спасти пришёл людей от тебя, губитель! И тому, кого сковал ты, буду я спаситель! Если трус ты и боишься с витязем сразиться, может быть тогда Орёл твой биться согласится?

И тотчас над горным кряжем чёрный мрак сгустился, а Орёл с вершины снежной к витязю спустился. Только распустил он крылья, тьма весь белый свет накрыла.

И в пещере горной тутже пробудился Змей, засвистел он и пополз средь камней. А Орёл крылами бурю с вьюгой нагонял. Конь от бури той великой ноги подгибал.

— Что ж ты, волчья сыть, бредёшь-спотыкаешься? И чего к земле сырой пригибаешься? Разве ты ещё не слышал клеткота орлиного, и ещё не чуял ты посвисту змеинового? Или ты врага доселе не встречал сильней? Или трус ты и боишься теней?

Трижды бил Расень коня плетью ременной и в крылатого врага целился стрелой. И кричал, когда хлестал плёткою коня:

— Ты не трус, а верный друг мой! Выручай меня!

Черногривый конь рванулся прямо в небеса, и во тучах поединок тутже начался. А потом на горных льдинах продолжался бой, и герой крыло Орла пронизал стрелой. И тотчас же свет с небес заструился, сквозь орлиное крыло луч пробился. И упал на горы враг с клеткотом орлиным, озарились кругом горы и

долины. И затем Расень Орла поразил копьём, и главу той птице грозной он отсёк мечом.

Богатырь немало в этот день потрудился, после он со Змеем горным сразился. Полз дракон и на пути всё крушил и немало зла тогда совершил. Богатырь на всём скаку поднял меч и главу снял Змею горному с плеч.

И узрев тот подвиг великий, Громовержец задрожжал в страхе диком. И он в ужасе ветрб созывал, в колесницу грома их запрягал. И взошёл он в громовую повозку, и на тучу грозовую воссел, и немедленно прочь полетел.

И тогда на Сарачинскую гору к Камню Чёрному Расень подымался, и весь мир подлунный им восхищался. И достиг он вершины, и оковы разбил, и от плена он Велеса освободил.

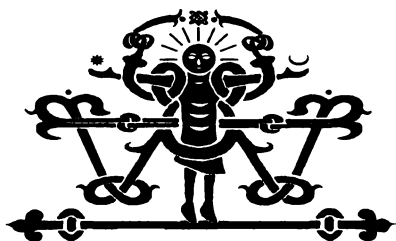
И тогда в честь Огнебога люди пировали! Пламя жертвенное в храмах всюду возжигали! А чтоб веселее стало, принимались за ристала. И скакали вокруг курганов на борзых конях, и рубились во славу Бога на горах! И затем пускали стрелы в дальние пределы!

И на празднике был счастлив всякий человек, и с тех пор чудесней пира не было вовек! И за подвиг беспримерный все Расеня величали, и с прекрасною Полелей вскоре обвенчали.

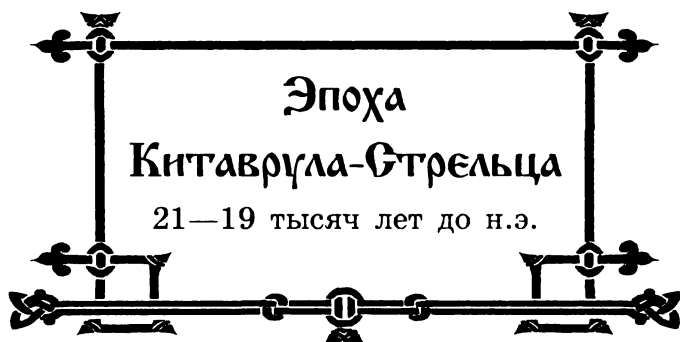
И на свадьбу Расеня с Полелей то не лебеди солетались, небожители собирались. И Расеню они подарили кольчугу, а венок золотой подносили супруге.

И все славили Бога Вышнего! И хвалили Волха и Лелю, и Расеня вместе с Полелей!

Велеса все прославляли, что страдал за нас, людей! А Расеня величали лучшим из мужей!

IV
ВЕДА
КИТАВРҰЛА

ХОРС И ЗАРЯ-ЗАРЕНИЦА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о свадьбе светлого Хорса, как женился Хорс на Заре-Заренице, полюбив младую Зарю.

— Ничего не скрою, что ведаю...

На далёкий остров Буян, на высокий крутой бережок солетались птицы дивные. Собирались они, солетались — о Сырую Землю ударились, обернулись красными девицами. Красоты они несказанной — ни пером описать, ни вздумать.

То не птицы на остров слетелись, то Заря-Зареница с Вечерней Зарей с Ночкой тёмною, черноокою.

Собирались они купаться и снимали с себя сорочки — крылья лёгкие, оперение. С тела белого сняли пёрышки и пошли они к морю синему. Они в волнах играют, и песни поют, и смеются они, в море плещутся.

Только скинули оперение — вышло на небо Солнце Красное, появился великий Хорс.

Поднялся светлый Хорс на небесный свод на своей златой колеснице — многоцветной, богато украшенной драгоценными камнями, жемчугом.

И сдвинулся он тем красавицам, и влюбился он в красну девицу — молодую Зарю-Зареницу.

И пошёл он к Макоши-матушке, и спросил её о своей судьбе. И сказала ему Макошь-матушка:

— Ты ступай, светлый Хорс, к бережочку, укради у Зари её крылышки. И твоей Зареница станет.

И спустился Хорс к бережочку, и украл у Зари её крылышки. Из воды выходили сёстры — надевали крылья и пёрышки, поднимались они в небо синее. Улетела Ночь черноокая, вместе с нею — Зорька Вечерняя. Лишь Заря-Зареница найти не смогла золочёные, лёгкие пёрышки и свои невесомые крылышки.

И промолвила Зареница:

— Отзовись, кто взял мои крылышки! Коль ты девица — будешь сестрицей мне, если женщина — будешь мне тётушкой, а мужчина — тогда будешь дядюшкой. Ну а если ты — добрый молодец, будешь мужем моим любезным!

Вышел Хорс, и сказал Заренице он:

— Здравствуй, Зорюшка моя ясная!

И пошла Заря — красна девица по небесному своду синему, на убранство своё нанизывая с блеском ярким цветные камни. И поднялся за ней яснолицый Хорс.

Как над морюшком — морем синим, близ высоких Ирийских гор пролетал летучий корабль.

— Что же вы не идёте на свадьбу? — говорили так с корабля. — Три недели пирует свадьба во небесном саде Ирийском! Красно Солнце играет свадьбу с молодой Зарёй-Зареницей!

Услыхали это сестрицы — Жива, Мара с прекрасной Лелей, говорили между собою:

— Хорс играет свадьбу с Зарёю! Что же мы не спешим на свадьбу?

И взошли они на корабль, и внесли дары Хорсу светлому и младой Заре-Заренице.

И утихло морюшко синее, и взлетел корабль над волнами. То не просто корабль летучий расправлял могучие крылья — это Звёздная Книга Вед разворачивала страницы!

Прилетели они к Алатырской горе, где Заря-Зареница с Хорсом три недели играли свадьбу. Им дары свои подносили сёстры — Жива, Мара и Леля:

— Ты, Заря, возьми золотой платок — развернёшь его ранним утром, озаришь им всё поднебесье.

— Ты, возьми, Хорс, чашу с живой водой. Пил из этой чаши Всевышний. Кто пьёт воду из этой чаши — тот вовеки не умирает.

И служили они Хорсу Суричу и молодой Заре-Заренице. Пили воду из чаши Вышня. Пил и Хорс с Зарёй-Зареницей, пили Жива, Мара и Леля, и пила её — Книга Вед.

И плясали они и пели. Пели звёздочки, Хорс с Зарёю, пели Жива, Мара и Леля. Пела с ними Златая Книга.

И все славили Хорса светлого, вместе с ним Зарю-Зареницу.

КИТАВРУЛ КРАДЁТ ЗАРЮ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Зарю украл Китаврүл, как отвез её к Ясну Месяцу, и как Хорсу братья Сварожичи молодую Зарю вернули!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Высоко́ на своде небесном светлый Месяц и звёзды частые.

Как склонялся к вечеру белый день, так vyhаживал Месяц на́ небо, говорил он так частым звёздочкам:

— Все-то в царстве моём поженены, белые лебеди замуж выданы. Я один — светлый Месяц хожу холостой. Как бы мне найти красную девицу — с телом белым, как лебедино крыло, чтоб была она станом своим статна, а коса её полна волосом. Чтоб сквозь платье у ней тело виделось, а сквозь тело виднелись косточки, чтобы мозг струился по косточкам и катался бы скатным жемчугом.

И ответили часты звёздочки:

— Есть такая девица красная, нет на Белом Свете другой такой. То жена златоокого Хорса, молодая Заря-Зареница...

— Как у мужа живого — жену отнять? Как у Хорса отнять молодую Зарю?

— Во горах высоких Ирийских среди звёзд живёт Китаврүл. Только он — многомудрый — знает, как украсть Зарю-Зареницу...

И поехал по небу Месяц. С облаков съезжал на вершины гор, с гор съезжал в долины широкие. И наехал он на высок шатёр, что стоял у стройного Ясеня.

Вдруг услышал гром Ясный Месяц. Зашатались горы высокие, затряслась Земля Сырая — то скакал Китаврুল по вершинам гор. Он копытами скалы раскалывал, головой упирался в небо.

Испугался тут Ясный Месяц, высоко на Ясень забрался — в кроне Ясень укрывался.

Китаврүл-полуконь у шатра вставал, вынимал из уха золотой ларец. Отмыкал его золотым ключом, молодую жену из ларца пускал.

Китаврүла жена — русалочка, да такая она красавица, ни пером опасать, ни вздумать. Очи у неё — ясна сокола, ну а бровушки — чёрна соболя, а под платъицем — тело белое...

Китаврүл с женою пошёл в шатёр, стал с женою он прохлаждаться, стал с русалочкой забавляться. А потом заснул Китаврүл. А жена его из шатра пошла, разгулялася по долинушке. И увидела Ясна Месяца, что упрятался в кроне Ясень.

— Ай же ты, распрекрасный Месяц! Ты сойди с высокого Ясень и меня, русалку, люби. Если ты меня не послушаешь — разбужу тотчас мужа грозного. Китаврүл тебя не помилует!

Что ж тут делать? Слез Ясный Месяц, и спросил младую русалку:

— Как же сладить мне с Китаврүлом?

Отвечала ему русалка:

— Ты налей вина два колодца, ну а третий — наполни мёдом. Он ведь пить вино не умеет. Как проснётся — захочет пить и тотчас все выпьет колодцы. Захмелеет, тогда без страха закуёшь Китаврүла в цепи.

Как задумано, так и вышло. Месяц все колодцы наполнил сурьёю хмельной и вином.

Пробудился тут Китаврүл, начал пить вино из колодцев — осушил до дна все колодцы.

— Ах ты, винный, хмельной колодец! Что ж в тебе нет чистой водицы? Аль всю воду конь выпивал? Грязь копытами выбивал?

*Пойду ли, выйду ль я, да,
в лес да по малинушку...
Сорву ли, вырву ль я, да,
виноградну ягоду...*

Ай же ты, виноградная ягода! Ты меня совсем опьянила! Кинусь-брошусь я батюшке на руки — мне не спится и не ложится... Кинусь-брошусь я матушке на руки — мне не спится и не ложится... Кинусь-брошусь я к милой на руки — мне и спится здесь, и ложится...

Китаврүл бросался к жене молодой, засыпал рядом с ней непробудным сном. И тогда пришёл Ясный Месяц, заковал Китаврүла в цепи.

Много ль, мало ль минуло времени — пробудился бог Китаврүл, стал молить он Ясного Месяца:

— Ты меня отпусти на волю! Все желанья твои исполню!

И сказал ему Ясный Месяц:

— Я тебя отпущу, только ты поклянись — для меня добыть Зареницу. Укради её, Китаврүл, у великого бога Хорса!

И поклялся ему Китаврүл, и сказал он Ясному Месяцу:

— Я срублю летучий корабль. Посажу на нём распрекрасный сад, чтоб цветы и деревья росли в саду. Посажу кипарисово дерево, посажу виноградное дерево. И пущу птичек певчих в зелёный сад, чтобы пели они песни чудные. И

поставлю кровать тесовую, застелю кровать перинушкой. Рядом с ней поставлю золоченый стол, застелю его камчатой скатертью. На столе будут яства разные, меж напитков — вино забудящее. Полечу на том корабле, напою Зарю-Зареницу — и к тебе её привезу!

Китаврл собрался скорёшенько и построил небесную лодочку, — нос-корма у неё позолочены, рытым бархатом обколочены. А борта иссечены жемчугом и увиты златом и серебром.

И в той лодочке будто дивный рай — кипарисовый, виноградный сад. В нём цветы цветут, птицы песнь поют. Убран яствами золоченый стол — рядом с ним кровать тесовая.

И поплыл к Заре-Заренице он по небесному своду синему.

А в то время пресветлый, великий Хорс собрался выезжать на небесный свод. И пошёл светлый Хорс по воде золотой, и взошёл в свою колесницу.

Провожала его Зареница, говорила ему слово вещее:

— Ты великий Хорс, Красно Солнышко! Как мне ныне спалось, во сне виделось — как из нашего сада зелёного увозили белую лебедь и с руки моей правой спадало кольцо...

Отвечал Заре-Заренице Хорс:

— Ты спала, Заря, сон ты видела, не украли у нас лебедь белую!

Так сказал светлый Хорс и на небо взошёл.

И приплыл на лодочке Китаврл. Он приплыл к Заре, поклонился ей:

— Ты, Заря-Зареница пресветлая! Ты прими драгие подарочки! О твоей красоте слышал весь

Белый Свет! Твоё тело бело, как лебяжье крыло, и сквозь платье тело просвечивает, а сквозь тело видятся косточки, и твой мозг струится по косточкам и катается скатным жемчугом.

Китаврул на лодку Зарю проводил, и привёл её в распрекрасный сад, и сажал за стол золочёный. И давал он ковш молодой Заре, предложил ей выпить напиток — выпивала Заря-Зареница питья того забудящего, и забыла она о Хорсе.

И сказал Китаврул молодой Заре:

— Поплывём мы к светлому Месяцу! Месяц наш пожелал, чтобы ты была в его царстве звёздном царицею! Чтоб считала ты звёзды частые, привечала Ясного Месяца!

Отвечала ему молодая Заря:

— Коль поедem мы по Земле — Хорс нас лютым зверем настигнет, полетим на крыльях пчелиных — Ясным Соколом долетит, в синем море — догонит Щукой...

— Ты не бойся, Заря-Зареница! Напущу я туман, тучи тёмные. Не увидит нас златоокий Хорс!

Поднимал Зарю Китаврул, на кроваточку клал тесовую и уплыл с царицею по небу.

И вернулся домой златоокий Хорс, а Зари-Зареницы, его жены, нет уже в чертогах небесных.

И спросил Сварога пресветлый Хорс:

— Ты, Сварог великий! Небесный царь! Где искать, скажи, мне Зарю мою?

Отвечал Сварог Хорсу светлому:

— Китаврул украл у тебя Зарю и увёз её к Ясну Месяцу. Ты езжай, Хорс, вслед за угоною! И возьми с собою мой турий рог! Станешь в рог трубить — я на помощь пошлю всё своё небесное воинство. Первый раз протрубишь —

все взнуздают коней, как второй протрубишь — оседлают коней, третий раз протрубишь — жди моих сыновей!

И поехал Хорс за угоною. Побежал по Земле лютым зверем — не нашёл Зарю-Зареницу, и нырнул он в морюшко Щукой — не нашёл и в море беглянку, распустился он Ясным Соколом — и за тучами не нашёл Зарю.

Прилетел он к терему Месяца. Месяц светлый в то время по небу шёл, лишь Заря оставалась в тереме. И сказал Заре-Заренице Хорс:

— Гой еси, ты моя молодая жена, ты ступай домой скоро-наскоро!

И сказала Заря Хорсу светлому:

— У тебя мне жить тяжелёшенько. По утрам вставать — долго мыть лицо, и молиться, и славить Рода. Здесь у Месяца жить привольно мне. Утром здесь встают — и не моются, и Всевышнему Богу не молятся!

И спросил светлый Хорс молодую Зарю:

— Если Месяц придёт, как мне спрятаться?

— Я тебя укрою периною, я укрою тебя лёгким облаком...

Как вошёл Ясный Месяц в терем — так Заря распоролa перинушку и укрыла его лёгким облаком, а потом спросила у Месяца:

— Что б ты сделал, муж, если б Хорс был здесь?

— Я отсёк бы ему буйну голову!

Развернула Заря ту перинушку:

— Отрубай ему буйну голову!

И сказал тогда бог пресветлый Хорс:

— Уж ты гой еси, светлый Месяц! Напоследок дай протрубить мне в рог, попрощаться с зверями и птицами и проститься мне с Белым Светом!

— Что ж, сыграй напоследок, могучий Хорс.

Первый раз затрубил в турий рог бог Хорс — всколебалася Мать Сыра Земля, приклонились все дубравушки.

Убоялся тогда Ясный Месяц:

— Это что там шумит во дубравушках?

— Это птицы летят из-за гор и морей, бьют крылами они о дремучий лес! Протрубил и второй раз великий Хорс — всколебалася Мать Сыра Земля, горы дальние порастрескались.

Убоялся тогда Ясный Месяц:

— Это что там шумит во далёких горах?

— Это туры бегут по крутым горам, о Сырую Землю копытами бьют!

Как играл светлый Хорс — потрясалося небо, рассыпались хоромы Месяца.

В третий раз протрубил яснолицый Хорс, всколебалася Мать Сыра Земля, гром дошёл до Сварги Ирийской.

Тут раскрылись небеса, и явилась сила Сварогова — на крылатых конях Сварожичи. Прилетел, во-первых, Огонь-Семаргл, вслед за ним и Велес Корович, и Стрибог закружил вихрем яростным.

И сказал Семарглу великий Хорс:

— Месяц Ясный украл у меня жену — молодую Зарю-Зареницу! Покарай похитчика, брат родной!

И тогда Семаргл разрубил мечом Ясный Месяц, лихого похитчика. И вернул Зарю Хорсу светлому.

И омылась Заря в водах Ирия, и вернулась к Хорсу светлому.

И с тех пор Ясный Месяц на небе тщетно ищет Зарю-Зареницу и не может найти молодую Зарю. Вырастает опять, но Семаргл-Огнебог вновь мечом его разрубает...

Говорил Китавралу могучий Хорс:

— Чтоб вину искупить, должен ты на Камне Алатыре для Всевышнего Бога воздвигнуть

храм. Из камней возвести необтёсанных, чтоб не тронуло их железо и Алáтырь не осквернило.

И сказал Китавурул Хорсу светлому:

— Чтоб воздвигнуть из камня цельного на горе Алáтырской храм, нужно попросить Гамаюна. Гамаюнов коготь обтешет без железа камень Алáтырь.

И просили они Гамаюна. Дал согласие Гамаюн, обтесал он камень для храма.

И воздвиг Китавурул на Алáтыре храм великий Бога Всевышнего. Посвятил его Красну Солнышку.

Был построен храм на семи верстах, на восьмидесяти возведён столбах — высоко-высоко в поднебесье. А вокруг храма посажен Ирийский сад, огорожен тыном серебряным, и на каждом столбочке свечки, что вовеки не угасают.

Был храм Солнца длиной шестьдесят локтей, в поперечину двадцать и тридцать ввысь. Были в храме окна решётчатые, были двери в храме чеканные. Был внутри он обложен золотом и камнями драгоценными. И двенадцать дверей, и двенадцать окон были камнями изукрашены — сердоликом, топазом и изумрудом; халкидоном, сапфиром и ясписом; гиацинтом, агатом и аметистом; хризолитом, бериллом и ониксом.

Оживали на стенах храма птицы каменные и звери, поднимались к небу деревья, травы вились, цветы цвели.

Был воздвигнут храм за едину ночь высоко-высоко в поднебесье.

И теперь Китавурулу все славу поют, и Заре, и Хорсу, и Велесу, и Семарглу, и — Ясну Месяцу!

ДЕННИЦА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Деннице, рождённом Хорсом. Как Денница хотел вознестись выше звёзд, но упал, спалив Землю-Матушку...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как над синим широким морем не туманушки расстилались и не Зорюшка занималась — поднимался Камень горячий. И на этом Камне горячем выросло деревце ясень.

Как с восточной дальней сторонушки прилетел ко ясеню Сокол. А близ Камешка Бел-горючего увивалась Лебедь Белая.

То не просто птицы слетелись — Радуница с Денницей встретились, дети Хорса и Зареницы.

Правда, ветер слух по земле носил, что Денница был сыном Месяца. Но сам Хорс признал его сыном, он простил Зарю-Зареницу.

Как слетались брат с сестрою, так прокычела Лебедь Белая:

— Что ж ты, братец мой, Ясный Сокол, всё сидишь на ветке, задумавшись? И своими очами ясными всё глядишь во широку даль? Или скучно тебе во родном краю? На родном островке — невесело?

Отвечал Денница сестрице:

— То не ветер ветки склоняет, и не ясень кроной шумит, то моё сердечушко стонет, словно ясеня лист дрожит. Я хочу взлететь выше Солнца и подняться превыше звёзд! Ведь отец мой великий Хорс! Стать хочу подобным Всевышнему!

И взлетел над морюшком Сокол, и очами своими ясными он осматривал синю даль. Минул морюшко Твердиземное, и Ильменское море, и Чёрное, и Хвангур, гору Березань. Пролетел над гордой Индерией — опустился в Ирийский сад.

Тот Ирийский сад — на семи верстах, на восьмидесяти он стоит столбах высоко-высоко

в поднебесье. В том небесном саде — трава-мурава, по цветочку на каждой травочке, и на каждом цветке по жемчужинке. А вокруг Ирия — тын серебряный, и на каждом столбочке свечка.

И видны за тыном три терема, крутоверхие, златоглавые. Как во первом живёт Красно Солнышко — яснолицый Хорс сударь-батюшка, во втором живёт ясна Зорюшка, ну а в третьем — там часты звёздочки.

Круг земной весь виден из Ирия. Видны боги морские в волнах, в глубине — Тритон Черноморский и русалки, морские чуда, боги-духи гор и долин, и везде людские селенья.

Обернулся Сокол Денницей и отправился в терем Хорса. И вошёл, и сел в отдаленьи, обернувшись в пурпурный плащ.

Вот сидит на троне смарагдовом пред Денницей великий Хорс. И спросил Хорс сына Денницу:

— Ты зачем, Денница, явился?

— О отец мой, Свет Мирозданья! Если вправду я тебе сын — ты моё исполни желанье!

— Дар любой проси у меня! Я твоё желанье исполню, в том клянусь горой Алатырской!

Стал просить тогда сын Денница у отца его колесницу. Чтобы целый день ею править, пронестись по своду небесному и подняться превыше звёзд.

— Вознестись хочу, словно Крышень, ко престолу Бога Всевышнего! Чтобы сесть одесную Бога!

И качнул главой лучезарной Хорс:

— Безрассудна речь твоя, сын мой! Дар такой тебе не подходит. Управлять моей колес-

ницей и Творец-Сварог не сумел бы! А его — кто будет сильнее?

Но не слушал Хорса Денница.

— Если, сын, ты думаешь в сердце, что среди звёзд дорога приятна, что увидишь там города — и дворцы, богатые храмы... Знай, что прежде на солнопутье ты звериные встретишь лики! Ты Тельца рогатого минешь, и клешни грозящего Рака, пасть свирепую Льва, Скорпиона, Козерога рога и Щуку!

Засмеялся гордо Денница:

— Если Крышень прошёл этот путь, то пройдёт его и Денница! Я молю — дай мне колесницу!

Хорс повёл его к колеснице, что сковал для Солнца Сварог. Как у той колесницы Хорса золотые дышло и ось. Упряжь у коней вся прострочена. Строчка первая — красным золотом, а вторая строка — чистым серебром, ну а третья-то скатным жемчугом. Вплетены в неё самоцветы — хризолит, смарагд и сардоникс.

Вот коней впрягли ворожеи — Пира, Эя, Феда, Атона. Зареница раскрыла двери в сад цветущий алыми розами. Вывел Хорс свою колесницу.

— Если можешь, совету следуй, — говорил тогда яснолицый Хорс. — Ты натягивай крепче вожжи, понесут тебя кони сами. Знай, проложен путь среди звёзд — следуй им ты, не уклоняясь. Не склоняйся направо к Змею и налево к Ворону Чёрному.

В колесницу взошёл Денница и вожжей руками коснулся. И помчались быстрые кони... Только чуют кони крылатые, что слаба рука у

возницы, что легка под ним колесница — и, ничьей не слушаясь воли, прочь сошли они с колеи, опалая Землю и Небо.

И Денница не знает в страхе, как вернуть на путь колесницу и клянёт своё безрассудство.

Видит он подобья животных. Вот Дракон, от холода вялый, близ оси полярной лежавший, от жары той разгорячился, пасть свою раскрыл и оскалил. Вот клешни сомкнул лютый Скорпий, показал он жало Деннице.

Как увидел Денница жало, всё покрытое влагой яда, пал без чувств и выпустил вожжи. Тут уж кони, преград не зная, понесли его без дороги. Пронеслись они над Землёю — и её охватило пламя. Гибли в пламени нивы, доли, города обращались в пепел. Выкипали моря и реки. И Тритон, едва показавшись, вновь нырнул на дно Океана.

Мать-Земля, в огне вся и в дыме, обратилась ко Сварогу:

— Почему же медлят перуны? Мир земной в огне погибает, гибнут дети мои и внуки!

И тогда Сварог, царь небесный, запустил перун в колесницу, поразил перуном Денницу. По всему небесному своду разлетелись колеса, спицы. Вот и ось золотая и дышло, вот — ярмо, удила и вожжи.

И огнём объятый Денница полетел с небесного свода. И упал с небес сын Зари! Он разбился о Землю-Мать, — тот, кто сделал Землю пустыней.

Говорил он:

— Взойду на небо, выше звёзд вознесусь и Солнца, сяду я одесную Бога!

Но низвержен он ныне с неба, и упал Денница звездою близ Руяна в синее море. Буря воеет, и гром грохочет, Солнце Красное не встает... Вдоль по морю, по тихой зыби тело Сокола лишь плывёт...

День прошёл без Ясного Солнца, лишь пожары мир озаряли. И сокрыл лицо лучезарный Хорс. Облетели всё поднебесье Зареница с молодой Радуницей — отыскивали тело Денницы.

Хоронили Денницу в чаще. Над могилою сына Хорса приклонились ольха с осиною. То не слёзы Зари с Радуницей и не сок стекает с деревьев, то янтарь стекает и стынет под лучами жаркого Солнца...

И тогда по велению Вышня обратилась душа Денницы во звезду, что утром сияет, наступленье дня предвещает.

И теперь все Вышнему славу поют, Хорсу и Заре-Заренице, и Деннице, и Радунице!

БАВИЛА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о Доне и о Нениле, и о сыне Дона — Вавиле, о Квасуре и Китоврасе, что Вавилу играть учили. Расскажи о победе славной над Собакою, сыном Дыя!

— Ничего не скрою, что ведаю...

О Великий, Пресветлый Боже! Боже Чудный и Всеблагой! Ты творишь знаменья великие, чтобы мы Тебя прославляли! Чтобы славили имя Вышня ныне, присно, во все века!

Ой да как во середине речки, что текла из сердечка Даны, появился волшебный остров. Как на этом волшебном острове поднималось Ясень-деревце. Корни Ясеня во Сырой Земле, ветви в небушко упираются.

Ой ты матушка, святая Ра-река, речка тихая, небурливая... Как вдоль берега тихой реченьки проезжала дочь Святогора, то сама Ненилушка Ясная, то Ясонюшка, Яся Звёздная. В волосах её Ясный Месяц, на подолушке — часты звёзды.

Поезжала она той дорожущкой поискать дорогое счастье. Видит Яся: остров средь речушки, да вокруг высокого Ясеня хоровод русалочий вьётся.

Кличут вилушки Ясю Звёздную:

— Ты иди сюда поскорее! Здесь во самой середке Ясеня счастье Яси Звёздной родилось! И повито оно светом солнечным, и сиянием лунным вскормлено, и обмыто росой звёздной!

Ой да как у матушки-речки подхватило Ясуню ветром, в хороводушке закружило...

Яся! Яся! Вот буйный ветер посрывал листву у деревьев, волны в речушке расходились, травы в полюшке всколыхались...

То не травушка всколыхалась, не листва с деревьев срывалась, то кружились русалки-вилы и клубились над ними тучи.

Как из той-то тученьки грозной ударяла молния в Ясень. Раскололся могучий Ясень и явился из серединочки сам бог Дон-Гвидон, Даны сын и Ра.

Полюбила его Ненила больше жизни и Света Белого.

Как та Дана-река волновалась, струи реченьки замутились. И поставила посередь себя Данушка-река островочек, и на нём поднялся росточек, вырастал он в деревце Ясень, и тот Ясень был так прекрасен...

Как на том на Ясене-деревце, Ясный Сокол гнездо свивал. Златом краешек завивал, на завичку серебро он клал, плисом-бархатом устилал.

Свивши гнёздышко, он задумался:

— На что Соколу тёпло гнёздышко, коли нету в нём Соколинушки, коли нету в нём молодой жены? Ты пойди за Дона, Ненилушка! Соколица за Ясна Сокола!

И пошла Ясуня за Дона, Соколица за Ясна Сокола. И пошли у них вскоре детушки — Рось, Вавилушка и Дардан.

* * *

Разгулялися ветры буйные, тёмны лесушки расшумелись, в поле травушки всколыхались.

То езжал по полю широкому сам могучий Дон, богатырь Гвидон. Он езжал один по украинам на коне своём черногривом. И крутил усы

свои чёрные — каждый ус свисает до пояса. Брови молодца — крылья ласточки, на плечах его бурка чёрная словно тученька грозовая.

Где ни ступит конь добра молодца — погружается по коленочки. Такова у молодца силушка, что гудит под ним Мать Сыра Земля и колеблется вся от гула.

Видит чудо с неба Денница: как по Матушке по Сырой Земле скачет Дон, порождённый Даной. Кто сильнее его в целом свете? Нет ни Ламии, Змея лютого, нет и лешего, злобной дивы.

Едет Дон печальной пустынею. Не с кем Донушке повстречаться, не с кем Донушке слово вымолвить. Поглядел он вверх в небо синее и увидел там ярку звездочку.

— Эй, Денница-бог! Ты ответь-ка мне! Езжу я по землям украинным, не найду себе поединщика, нет ни Ламии, Змея лютого! Светишь ты, Денница, высоко! Ты весь Белый Свет озираешь! Не видал ли мне поединщика?

И ответил с неба Денница:

— Ой же ты, могучий, великий Дон! Я высоко в небе сияю! Я весь белый свет озираю! Нет тебе поединщика равного! Нет, и не было, и не будет!

Возгордился Дон от тех сладких слов. И сказал тогда опрометчиво:

— Ты меня не знаешь как следует! Нет мне равного поединщика на Земле Сырой, в синем Небе! Если ты сойдешь ко Сырой Земле — и с тобою я совладаю!

Не ответил Дону Денница, лишь лицо его потемнело, и сокрылся он в тёмных тучах.

Ехал далее по пустыне Дон. И подули вдруг ветры буйные, взволновались реки быстрые, Мать Сыра Земля встрепетала. Раскачалось море Чёрное, с ним и дивное море Белое, всклокотало и Сине морюшко.

И явился тут с Синя моря Вепрь, доселе никем не виданный. И поднял тогда Дон своё копье. И наскакивал на противника.

Только Вепрь тот был очень сильным. Он по небу шаркал главою и клыками горы раскалывал.

И упал на Матушку-Землю Дон. Горы дальние вколыхались, Сине морюшко расплескалось. Как на горы Кавказа ложился Дон — тут ему и была кончина. И ложился Дон на горе под двумя могучими елями, что поднялись к небу высоко, ветви разбросали далёко.

И где кровь его проливалась — протекал там батюшка тихий Дон.

И склонилась над телом Дона там Ненилушка Святогоровна. И склонились их родны детушки — Рось, Вавилушка и Дардан. Лили слёзы они горячие.

И бросали они в море Чёрное его палицу боевую: лишь тогда она вновь всплывёт, как родится вновь новый Велес.

И от горя того, печали в царство Вия ушла Ненила, да за реченьку ту Смородину, да за горушку Сарачинскую. Как была Ненила Ясоньшей — ныне стала она Усоньшей. Была Ясей — Ягою стала. Стала кожа её, как елова кора, стали волосы, как ковыль-трава...

И тогда из груди бога Дона выползал Дракон Черноморский, и уполз он в Чёрное море.

Так был Велес-Дон богом солнечным — стал Владыкою Черномороморским. Был он Доном, рождённым Сурьей, стал Поддонным Морским Царём.

И отныне все славят Вышнего, также Дона, Царя Морского, и Денницу все поминают!

* * *

У Ненилы, честной вдовы, был сынок родимый Вавила. И поехал Вавила в поле, нивушку пахать и засеивать, чтоб кормить родимую мать.

А ко вдовушке той Нениле заявилися скоморохи. Не простые то скоморохи, Китоврас пришёл со Квасурой.

— Уж ты здравствуй, вдова Ненила! А где чадо твоё Вавила?

— Он уехал в чистое полюшко — нивушку пахать и засеивать!

Китоврас с Квасурой решили так:

— Сходим мы к Вавиле на ниву!

И пошли к Вавиле на ниву:

— Уж ты здравствуй, чадо Вавила! Бог Все-вышний тебе будет в помощь — да пахать и метать бороздки!

— Вам спасибо, боги весёлые! Вы куда дороженьку держите?

— Мы идём сейчас в Иноземье переигрывать там Собаку! А и сына его Переплута, а и дочь его Перекрасу! Пусть поплатится племя Дыя да за гибель Вритьи и Вальи! Ай же ты, Вавила Гвидонович, ты пойдёшь скоморошить с нами!

Говорил им чадо Вавила:

— Я ведь песен петь не умею, я в гудок играть не горазен.

Китоврас с Квасурой воскликнули:

— Заиграй, Вавила, в гудочек, во звончатый тот переладец! Мы тогда тебе приспособим!

Заиграл Вавила в гудочек, приспособили скоморохи. А у чада того Вавилы было во руках погоняльице, стало во руках — погудальице. Ещё были в руках его вожжи — струнки шёлковые явились.

И Вавила стал скоморошить. И повёл Китовраса с Квасурой ко Нениле — родимой матушке. Стала их Ненилушка потчевать. Принесла им хлеба ржаного — обернулся хлеб тот пшеничным. Принесла варёную курицу — та взлетела и закудаhtала.

Рассмеялась тогда Ненила. Видит: шутят гости весёлые, Китоврас, Квасура с Вавилой. И пустила она Вавилу скоморошить со скоморохами.

Вот пошли они по дороге. Видят — едет мужик с горшками.

— Бог на помощь тебе, гончар!

— Вам спасибо, гости весёлые, вы куда дороженьку держите?

— Мы идем сейчас в Иноземье — переигрывать там Собаку! А и сына его Переплута, а и дочь его Перекрасу!

И посетовал им гончар:

— У того-то бога Собаки вокруг двора стоит тын железный и на каждой тычинке — череп. Три тычинки только пустуют, тут и быть головошкам вашим!

Китоврас с Квасурой ответили:

— Уж ты гой еси, огнищанин! Коль не мог добра нам придумать, не сказал бы лучше и лиха! Заиграй, Вавила, в гудочек, во звончатый тот переладец, Китоврас с Квасурой помогут!

Заиграл Вавила в гудочек, во звончатый тот переладец — петухи полетели с курами, куропаточки с пестрюхами, стали на оглобли садиться. Стал их бить мужик, в воз накладывать.

И поехал он в городочек, развязал он там свой возочек — петухи полетели с курами, куропаточки с пестрюхами. Посмотрел мужик в свой возок — а в возке одни черепки.

И пошли скоморохи дальше. Видят — на реке красна девица, полоскает в речке бельё.

— Уж ты здравствуй-ка, красна девица! Бог на помощь тебе — полоскать бельё!

— Вам спасибо на добром слове! Вы куда дороженьку держите?

— Мы идем сейчас в Иноземье — переигрывать там Собаку! А и сына его Переплута, а и дочь его Перекрасу!

— Пособи вам Бог, скоморохи! Чтобы вам его опозорить! И спалить собачье царство!

Китоврас с Квасурой сказали:

— Заиграй, Вавила, в гудочек! Во звончатый тот переладец, Китоврас с Квасурой помогут!

Заиграл Вавила в гудочек, во звончатый тот переладец, приспособили скоморохи. А у той-то у красной девицы были все полотна холщовы — стали шёлковы и атласны.

И пошли скоморохи дальше. И пришли они в Иноземье. Заиграл тогда бог Собака. Заиграл сын Дыя в гудочек, во звончатый тот переладец, — стала тут вода прибывать и топить гостей-скоморохов.

И воскликнули скоморохи:

— Заиграй, Вавила, в гудочек! Во звончатый тот переладец, Китоврас с Квасурой помогут!

Заиграл Вавила в гудочек, во звончатый тот переладец, приспособили скоморохи. И пошли быки тут стадами, да стадами и табунами, — стали воду ту выпивать, стала та вода убывать.

Заиграл тут бог Переплут. И поднялись пред скоморохами горы и леса непролазные.

И воскликнули скоморохи:

— Заиграй, Вавила, в гудочек, во звончатый тот переладец! Китоврас с Квасурой помогут!

Заиграл Вавила в гудочек, во звончатый тот переладец, приспособили скоморохи, — загорелось царство Собаки и сгорело от края до края. И сбежал тогда бог Собака к Дыю-батьюшке от огня.

И тогда Китоврас со Квасурой посадили Вавилу царствовать. И женили на Перекрасе.

И теперь все славят Вавилу! И Квасуру, и Китовраса, и Собаку, и Перегуду, и прекрасную Перекрасу!

ВЕЛЕС И ДАЖЬБОГ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как родились Велес с Алтынкою. Как коров ирийских похитили, как Дажьбог на гусли коров менял.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как ходила Корова Амелфа по долинушкам и горам. И от края ходила до края, и от моря ходила до моря.

— Ты куда бежишь, свет Амелфушка?

— Я бегу от моря Азовского и от морюшка от Волынского ко горам великим Уральским да ко Камешку Алатырскому! Обойду я вокруг Камня Белого и копытушки омочу в воде — обернуся вновь красной девицей...

Как во том-то саде Ирийском просыпался Ра — Красно Солнышко. Одевал златые одежды, запрягал коней златогривых и, собой заполняя мир, поднимался на небосвод.

Простирал он руки-лучи ко всему, что есть в этом мире. И как юноша к деве льнёт, так ласкал Сурья-Ра Амелфу.

И сходил Сурья-Ра к Амелфе, и плясал, и пел, и Сурина пил, прославляя в песнях Триглава, Деда-Дуба-Снопа и Вышня.

Много ль времени миновало, мало ль времени миновало — от него зачала Амелфа. И родила она сына с дочкою — бога Велеса и Алтынку.

Как у сына Амелфы Велеса меж двумя лопатками — родинка. Грудь его — из красного

золота, ноги — белого серебра. Он держал в руках при рождении Бел-горючий Камень Алатырь.

Отпускала Амелфа сына обучаться грамоте Вышня. Ему грамота Вышня на ум пошла. Стал учить его Вышень пером писать, и писание Велесу в ум пошло. Обучал и пенью — стал Велес петь.

И, дивясь волшебному пению, говорили люди о Велесе:

— Лучше нет певца в целом свете! Боже наш, Велес! Учился у Вышня, учился у Живы и пел Ясну Книгу!

Отпускала детей Амелфа поучиться разным премудростям. И училась Алтынушка Суревна понимать речь птиц и язык воды, и училась она оборачиваться в белу Турицу и Волчицу, и училась она чтению, пению, и училась она бою грозному.

И учение деве на ум пошло.

И учили Велес с Алтынкою Книгу Ясную, Злату Книгу Вед. И читали, как в годы давние враждовали детушки Рода, как повергли тогда бога Валью, как ушёл с Земли Старый Велес, как коров Сварожичи взяли.

Говорил Алтынушке Велес-млад:

— Дети мы Коровы Амелфы, внуки мы Коровы Земун! Те коровушки-тучи наши! Не по праву они во Сварге! У Перунушки и Дажьбога!

И тогда с Алтынкою Велес всех коров Перуна угнали. И померкло тут Солнце Красное, и покрыла тень горы Ирия.

И взмолилися боги Вышню:

— Кто тот дерзкий, что всех коров из пресветлой Сварги похитил? Помоги нам, Боже Всевышний!

И тогда над садом Ирийским птица Вышне-го пролетела, и рекла богам Гамаюн:

— Это Велес с сестрой Алтынкой увели из Ирия стадо! Возвратите его обратно, но не ссорьтесь с сыном Сурьи! Он — великий и мудрый бог!

И Орёл над Ирием взвился, гром по небушку раскатился. И Перун Дажьбогу тогда изрёк:

— Сын Дажьбог! Отправляйся скорее в путь! И верни коров в Ирий светлый!

И вскочил Дажьбог на коня верхом, и поехал по горным кряжам от Ирийской горы к Азовской. И явился он к Амалфее, говорил он ей таковы слова:

— Сын твой Велес и дочь Алтынка увели из Ирия тучи, вы отдайте их нам обратно!

Отвечала ему Амелфа:

— Сын мой Велес ещё ребёнок! Вот смотри-ка, его Алтынка во пелёночки завернула, и баюкает, и качает... Как же мог увести он стадо? Он для этих дел молоденец!

Но её не слушал Перунич:

— Слышу я, как мычат коровы, что сокрыты в Азов-горе! Вы отдайте их нам обратно!

И по небу гром раскатился.

И ещё сказал сын Перуна:

— Сам Всевышний нам указал, где сокрыты наши коровы! Птица вещая Гамаюн к тем коровам путь указала! Вы отдайте коров обратно!

Тут встал Велес из колыбели. Он отваливал Синий Камень от пещеры в Азов-горе. И по-

шли оттуда коровы, поднимались к небу синему, и полился на Землю дождь...

Сам же Велес сел у пещеры и на гусельках стал играть. И тогда волшебные звуки огласили горы и доли. И замолкли в лесочке птицы, и затихли буйные ветры, и ручьи звенеть перестали, тучи замерли в синем небе. И все слушали, замерев, те волшебные гусли бога.

И Дажьбог Перунович замер. Он восторженно слушал гусли, а как музыка смолкла — вскрикнул:

— Я отдам за гусли волшебные половину наших коров! Половина коров — Перуна, половина же их — моя. Все свои отдам я за гусли!

И тогда бог Велес с Дажьбогом помирились, побратались, чашу выпили мировую. И сам Велес-Рамна сын Суревич дал Дажьбогу гусли волшебные, что ему передал Всевышний. А Дажьбог дал Велесу стадо.

И отныне все славят Велеса, и Алтынушку, и Дажьбога! Поминают и Синий Камень у великой Азов-горы!

ВЕЛЕС, АЛТЫНКА И ДЫЙ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Амелфу с Алтынкой похитил Дый. Как сражался с ним буйный Велес. Расскажи о его победе!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как дошла до Дыя Седунича слава о родившемся боге, о явившемся сыне Сурьи, рассердился-разлютовался Дый великий властитель гор.

И бросался на Землю Дый, стал Драконушкой пятиглавым. И одна глава пышет пламенем, а вторая глава свистит, третья — плачет, затем хохочет, а четвёртая — та бормочет, рядом пятая — та кричит.

Долетел до гор он Уральских, начал горушки те палить. Как дохнёт огнём на поляны — так пылают травы-муравы, а дохнёт на реки с озёрами — высыхают реки с озёрами.

И набросился он на Велеса, на Амелфушку и Алтынку. И палит огнём бога Велеса — только тот ему не сдаётся и огню тому улыбается.

И бросал он Велеса в морюшко, но не тонет он в синем море.

Подымал бог Дый свой великий меч, но упал тот меч из руки его, и изранил он Змея лютого.

Тут Седуни сын призадумался и от Велеса отступился. И погнал от гор тех Уральских его матушку и сестрицу — Амалфеюшку и Алтынку.

И Амелфушка со Алтынкой обернулись в ярых Туриц, побежали от гор Уральских да ко горушкам тем Алтайским, да ко Белой горе и ко Белой реке.

— Ой да ты, мать Белая горушка! Ты от Змеюшки нас укрой!

— Ой да ты, мать Белая речушка! Дай спасение-избавление!

И запенились воды белые, и раскрылася горка Белая, и укрыла она ярых Туриц — Амалфеюшку и Алтынку.

Стал искать Амелфу с Алтынкою по горам, долинам сын Суревич. Обернулся он Синим Туром, и бродил он горными кряжами. И пришёл к великой Азов-горе, ко горячему Камню Синему.

И воскликнул тут Велес Сурич:

— Помоги-ка мне, Синий Камень! И ты, спящая Дева Камня! Помоги, Золотая Баба!

И раскрылся тут Синий Камень, и явилась на голос бога Золотая Хозяйка гор.

Говорила ему Хозяйка:

— На высоком хребте Алтайском ты найди скалу Золотую. На вершине Златой скалы там растёт Берёза Священная со листочками золотыми. А на той Золотой Берёзе там сидит Златая Кукушка. А у той Золотой Кукушки две волшебные головы. Голова одна — Амалфея, а вторая глава — Алтынка.

И ещё она так сказала:

— Ты, бог Велес, езжай к Алтаю! Там есть чёрный замок у Чёрных гор — тех, что скрыты под Белогорьем. Это замок Дыюшки Дивного! Ты сразись с тем Дыем великим! И свободу пленницам дай!

И дала Молодому Велесу Злата Баба оружие дивное, что для Старого Велеса выточил сто веков назад бог Сварог. И дала ковёр-самолёт, что в те годушки стародавние для него она соткала.

И на том ковре-самолёте в небо синее взвился Велес. И парил он птицею в тучах. И явился он словно молния в чёрных скалах пред замком Дья.

Видит он: из чёрного замка дивья рать выходит и с нею Дый. Он пьёт кровь из чёрного черепа. И в руке его посох чёрный, весь обвитый чёрными змеями.

И вскричал тогда буйный Велес:

— Выходи, Чёрный Тур, на бой!

Дый тогда Козлом обернулся — Чёрным Турушкой длиннорогим. Синим Туром — Быком могучим обернулся великий Велес. И сошлись они в чистом поле.

Стали биться и ратоваться. И побил Козла Синий Бык. И низверг он Дыя на Землю.

Тут пред Велесом появилась Чёрна Козочка — Дива Дыевна. И она воскликнула громко:

— Буйный Велес! Не трогай батюшку! Отпусти-ка сына Седуни!

И бог Велес услышал Диву. И склонился он перед нею. Отпустил он Дыюшку Чёрного. И прогнал его с гор Алтайских.

И пришёл Синий Тур к Белой горушке, да ко той святой Белой речушке.

Тут пред Синим Туром явилася Золотая Хозяйка гор. И ударила по горе. Забурлила тут Бела реченька, и раскрылася Бела горушка. Из горы тотчас заструился свет. Из среды огня золотого, из раскрывшейся Белой горки Амалфея с Алтынкой вышли. И сияет Алтын-ка Солнцем, и чиста она, как Луна. А Амелфа — как небо звёздное, и сияет она Стожарами.

И сказала так Злата Баба:

— О прекрасная Амалфея! Из твоих сосцов истекает молоко рекою Молочной! О Алтынушка, дочка Солнца! Ты — любимица всех богов! Сотворилася ты на Камне, как явился перед горою твой великий брат Велес Сурич!

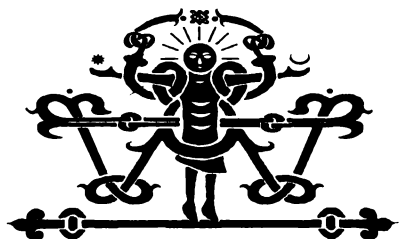
И ещё рекла Злата Баба:

— От тебя, бог Велес Корович, истекут народы великие. Будут звать их скифами-скотичами, и асилушками-коровичами, и торчинушками — буй турами, берендеями, белогорами.

И ещё она так сказала:

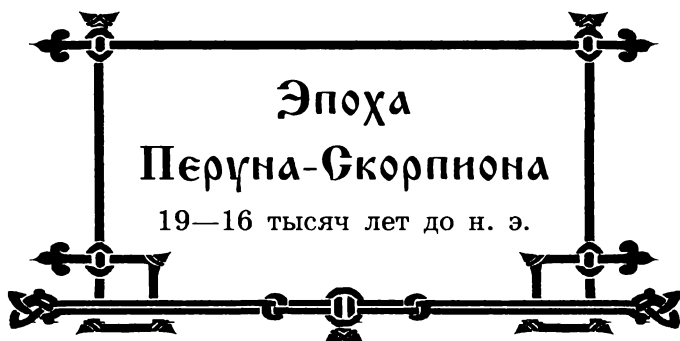
— Ты, Алтынушка, дочка Сурьи, станешь жёнкой Алтын-Чаргаста. И родишь чаркасское племя, антов-русов и борусинов!

И отныне все славят Велеса, Амалфеюшку и Алтынку, поминают и Дыя с Дивой!

V

ВЕДА ПЕРУНА

Эпоха

Перуна-Скорпиона

19—16 тысяч лет до н. э.

РОЖДЕНИЕ ПЕРУНА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как родился Перун Громовержец. Как на Землю пришёл лютый Скипер, как Перуна он в яму закапывал и как боги спасли Перуна!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как завязано было Макошью, как велел сам Родитель, сам Пращур-Род — появился во чреве у Ладушки сын её и Сварога небесного. Стало тесно ему в чреве матери, стал толкаться он, стал проситься на свет.

Приговаривала Лада-матушка:

— Как с горами горы сдвигаются, реки с реками как стекаются, так сходитесь, мои косточки, не пускайте сына до времени.

Как завязано было Макошью, как велел сам Родитель, сам Пращур-Род, протекли года, протекли века. И пришло урочное время — разрешиться Ладе от бремени и Перуну явиться на Белый Свет.

Приговаривала Лада-матушка:

— Как с горами горы расходятся, реки как растекаются с реками — раздвигайтесь так, мои косточки!

Загремели тут громы на небе, засверкали во тучах молнии, — и явился на свет, словно молния, сын Сварога Перун Громовержец.

Как родился Перун — во весь голос вскричал. И от гласа Перуна могучего горы на Земле стали рушиться, зашатались леса, расплескались моря, Мать Сыра Земля всколебалась.

Взял тогда Сварог тяжкий молот свой — тяжкий молот свой да во сто пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

— Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой — женишься на Диве-Додоле! Победишь зверя лютого Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся — вновь закричал Перун, и опять горы начали рушиться и ломаться дубы столетние.

Взял тогда Сварог тяжкий молот свой — тяжкий молот свой да во двести пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

— Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой — женишься на Диве-Додоле! Победишь зверя лютого Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся он — закричал опять, и опять стали горы рушиться и ломаться дубы столетние.

Взял тогда Сварог снова молот свой — тяжкий молот свой да во триста пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

— Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой — женишься на Диве-Додоле! Победишь зверя лютого Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся Перун, его бог Сварог сам отнёс в небесную кузницу. Он раздул меха и разжёг огонь, и призвал на помощь Сварожи-

ча. И тогда Сварог со Сварожичем закалять стали тело Перуново. Раскалили его на огне добела и обхаживать начали молотом.

И как только его закалили они, встал Перун на ноги булатные и сказал Сварогу небесному:

— Дай мне палицу стопудовую! И коня мне дай, чтоб под стать был мне!

Засверкали тогда в тучах молнии, громы на небе загремели.

То не пыль в поле распыляется, не туманы с моря поднимаются, то с восточной земли, со высоких гор выбегало стадо звериное, что звериное стадо — змеиное. Наперёд-то бежал лютый Скипер-зверь, лютый Скипер-зверь — пасть, что в Пекло дверь.

Как на Скипере шёрстка медная, а рога и копыта — булатные. Голова его — велика, как гора, руки-ноги — столбы в три обхвата. Он рогами тучи распарывал и по своду небесному шаркал. Как скакнул Скипер-зверь — Мать Земля всколебалась, в море синем вода расплескалась, и круты берега зашатались.

Как схватил трёх сестёр лютый Скипер-зверь — Лелю, Живу, Марену в охапochку, и вонзил в них зверь когти острые, и унёс с собой в Царство Тёмное.

А затем покорил весь подсолнечный мир, по Земле стал без спросу разгуливать. Тут увидел он, как у реченьки, у того Бел-горючего Камешка тихо-тихо ребёнок похаживает и играет булатною палицей, тяжкой палицей — стопудовую! Рядом с ним жеребёнок поскакивает, а от скоков его Мать Земля дрожит.

То Перун, колыбельку оставивши, у горячего Камня похаживал, на свирепого Скипера-зверя исподлобья хмуро поглядывал.

И сказал тогда лютый Скипер-зверь, и подвыла ему нечисть чёрная:

— Отрекись, Перун, от отца своего, поклонись, Перун, зверю-Скиперу! И борись, Перун, против наших врагов, послужи-ка царству подземному!

Отвечал Перун зверю-Скиперу:

— Ах злодей, Скипер-зверь, подземельный царь! Я не буду служить чёрной нечисти, биться против врагов зверя Скипера! Я служу только Роду-Вышнему, Ладе-матушке богородице и отцу Сварогу небесному!

Осерчал тут злодей лютый Скипер-зверь, повелел мукой мучить Перуна он. Стали бить Перуна, рубить мечом — только лезвие затупилось, ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь привязать его к камню тяжкому и нести топить в море синее. Но не тонет Перун с тяжким камешком, не берёт его море синее. Он поверх воды в море плавает — ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь закопать его в Землю-Матушку. И тогда слуги верные Скипера стали яму рыть во Земле Сырой — сорока сажён глубиною, поперечины — двадцать пять сажён. И сажал тогда лютый Скипер-зверь в яму ту молодого Перуна. Закрывал досками железными, запирали запорами тяжкими, задвигал щитами дубовыми. Забивал гвоздями, присыпал песками. Засыпал песками

и притаптывал, а притаптывал — приговаривал:

— Не бывать Перуну на Сырой Земле, не видать Перуну Света Белого, Света Белого — Солнца Красного!

Триста лет с тех пор миновало, триста лет и ещё три года. Спал Перун мёртвым сном во Земле Сырой.

А как триста лет миновало — разгулялася непогодушка, туча грозная поднималась. Из-под той из-под тучи грозной со громами, дождями ливучими вылетали птицы могучие.

Впереди всех птиц Рáрог-Сокол, то был Велес-Семаргл сын Сварожич! А за ним Стратим сильнокрылый, то Стрибог с ветрами могучими! Следом Сирин — то Сурья-Рá.

Подлетели они к зверю Скиперу. Стали Скипера-зверя выпрашивать:

— Ты скажи, Скипер-зверь, где наш брат родной, где Перун молодой, разъясни скорей!

— А ваш брат родной в море плавает, в море плавает сизым Селезнем!

— Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь! Его палица — вон у камешка, в море синем нет сизых Селезней!

— А ваш брат родной в чисто полюшко погулять пошёл, поиграть пошёл!

— Не обманывай, лютый Скипер-зверь, никого-то нет в чистом полюшке, его конь стоит — вон у камешка!

— А ваш брат родной в небо синее полетел Орлом сизой птицею!

— Не обманывай, лютый Скипер-зверь, не парит Орлом в поднебесье он!

И ударились птицы грозные, в Землю-Матушку грудью грянулись, обратились они, перекинулись во Сварожичей яснооких.

Ра́рог — во Сварожича Велеса, Сирин — в Сурью-Ра́ сына Рода, а Стратим — в Стрибога могучего.

Все те боги — братья Сварожичи, все потомки Рода небесного.

Как увидел их лютый Скипер-зверь, поспешил назад в Царство Тёмное.

И задумались братья Божичи:

— Видно, нет на Земле братца нашего, как найдём его во Земле Сырой?

Тут сорвался добрый Перунов конь с привязи у камня горючего. Побежал по чистому полюшку — вслед за ним Сварожичи двинулись. Прибежал на яму глубокую, стал он ржать, плясать да копытом мять те песочки и камешки тяжкие.

— Видно, здесь лежит братец наш Перун!

И Сварожичи-братья скорым-скоро раскопали яму глубокую. Им светил бог Ра — Солнце Красное. Бог Стрибог поднял ветры буйные и разнёс пески крутожёлтые, доски сжёг-разметал Велес-Огнебог.

И раскрылся тут в подземелье гроб. В том гробу — Перун, спящий мёртвым сном.

И задумались братья Божичи:

— Как же нам пробудить братца милого?

Велес тут коню златогривому стал на ухо тихо нащёптывать.

Добрый конь из ямушки выскочил, поскакал по чистому полюшку. И ложился он на го-

рючий песок. Пролетала тут Гамаюн с молодыми своими детками.

И сказала она, посмотрев на коня:

— Вы не трогайте, детушки, в поле коня! Не добыча то — хитрость Велеса!

Но не стали слушать её птенцы, полетели они в чисто полюшко и садились на того коня.

Тут из ямушки Велес выскочил и схватил за крылышко птенчика.

И явились тут братья Божичи — Гамаюна стали отпугивать, не пускают его к буйну Велесу. И взмолилась птица могучая:

— Отпусти птенца, буйный Велес!

— Ты слетай, Гамаюн, ко Рипейским горам за Восточное море широкое! Как во тех горных кряжах Рипейских на горе на той Березани ты отыщешь колодец с сурьей, что обвит дурманящим хмелем! Принесёшь из колодца живой воды — отпущу я птенца на волю!

И привязывали братья Божичи Гамаюну под крылья бочку, чтоб она зачерпнула сурьи.

Поднялась Гамаюн к тучам тёмным, понеслась быстрее ветра ко Уральским горам в светлый Ирий. Зачерпнула живой водицы на горе на той Березани — принесла ту воду обратно.

Прилетела она, сказала:

— Вы возьмите живую воду! Отпустите птенца на волю!

Отпустил птенца буйный Велес, а Перуна обмыл водою.

— Выходи, Перун, на Сырую Землю! Ты расправь, Перун, плечи сильные, разомни скорей ноги резвые!

Поднялся сын Сварога небесного.

Обогрело его Солнце Красное — кровь его разошлась по жилам. Размочило дождём ливучим уста сахарные Перуна. Усмехнулся Перун и расправил усы — золотые усы, жаром пышущие, и тряхнул бородой серебристою, головой своей златокудрою.

И сказал тогда братьям Божичам:

— Как я долго спал во Земле Сырой!

— Коль не мы, тогда б век тебе здесь спать!

— отвечали ему Сварожичи.

И поднёс тут Перуну Велес рог глубокий с хмельною сурьей — той, что принесла Гамаюн.

— Ты испей, Перун, не побрезгуй!

Выпивал Перун тот глубокий рог.

— Как, — спросил его, — чуешь силушку?

— Возвратилась мне силушка прежняя!

И поднёс вновь Велес глубокий рог:

— Ты испей, Перун, не побрезгуй! Как, Перун, теперь себя чувствуешь?

— Я теперь чую силу великую — кабы было кольцо во Сырой Земле, повернул бы я всю Вселенную!

Меж собой зашептались Сварожичи:

— Слишком много Перуну подарено сил, он не сможет ходить по Сырой Земле! Мать-Земля Перуна не вынесет.

Вновь поднёс тот рог Велес-Огнебог:

— Допивай, — сказал он, — напиток. Сколько силы теперь в себе чувствуешь?

— Стало силы во мне вполовиночку.

— А теперь отправляйся, могучий Перун, поезжай скорей к зверю Скиперу, отомсти ему за обидушки, и за раны свои, и за милых сестёр!

И сверкнула тотчас в туче молния, раскатился по небу гром.

ПЕРУН ПОБЕЖДАЕТ СКИПЕРА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Перун победил зверя Скипера, как великие подвиги он совершил и как сёстрам своим дал свободу!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Поезжал Перун по Сырой Земле, близ Алатырь-горы и Ирия. Встретил он в горах Ладу-матушку, Мать небесную, богородицу. Поклонилась Перуну матушка, поклонилась и стала спрашивать:

— Ты куда, сынок, отправляешься? Держишь путь куда в чистом полюшке?

— Государыня Лада-матушка, Мать небесная, богородица, путь неблизок мой в чистом полюшке. Направляюсь я к зверю Скиперу, чтоб открыть ему кровь поганую, вынуть сердце его из развёрстой груди и забросить его в море синее! Чтоб рѣдных сестѣр, дочерей твоих, из неволюшки лютой вызволить!

— Ах, молодой Перун, славный мой сынок! Нелегка путь-дороженька к Скиперу! По дороженьке прямоезжей птица быстрая не пролѣтывала, зверь рысучий давно не прорыскивал, на коне никто не проезживал! Заколодела дорожка, замуравела, горы там с горами сдвигаются, реки с реками там стекаются! Там сидит у грязи у чёрной, да у той ли речки Смо-родины люта птица Магур во сыром бору. Закричит как Магур по-звериному, зашипит как Магур по-змеиному — так все травушки-мура-

вы уплетаются, все лазоревы цветочки осыпаются, тёмны лесушки к земле приклоняются, а кто есть живой — все мертвы́ лежат!

— Государыня Лада-матушка, дай в дорогу мне благословение, отпусти меня к зверю Скиперу! Отплачу ему дружбу прежнюю, отолью ему кровь горячую!

— Поезжай, Перун, к зверю Скиперу, отплати ему дружбу прежнюю и отлей ему кровь горячую!

Бил коня Перун да по тучным бёдрам — разыгрался тут под Перуном конь. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, реки и озёра хвостом устилал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И подъехал к заставе первой. Там леса с лесами сходились, там коренье с кореньем вились, ветка с веточкою сплетались. Ни пройти, ни проехать Перунушке!

И сказал Перун тёмным лесушкам:

— Вы, леса дремучие, тёмные! Разойдитесь, расступитесь, становитесь, лесочки, по-старому. Да по-старому всё и по-прежнему. Буду вас иначе я бить-ломать и рубить на мелкие щепочки!

Все лесочки встали по-старому — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьем сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Наезжал на быстрые реки, реки быстрые и текучие. Там волна с волною сходились, с берегов крутых камни сыпались. Ни пройти ему, ни проехать!

И сказал Перун рекам быстрым:

— Ой вы, речушки, вы текущие! Потеките, реки, по всей Земле, по крутым горам, по широким долам и по тёмным лесам дремучим. Там теките, реки, где Бог велел!

По велению Бога Вышнего, по хотению по Перунову потекли те реки, где Бог велел, — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьем сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелкие реченьки промеж ног пускал.

Наезжал на горы толкучие: горы там с горами сходились, а сходились — не расходились, там пески с песками ссыпались, и сдвигались камни с камнями. Ни пройти, ни проехать Перунушке!

И сказал Перун тем толкучим горам:

— Ой вы, горы, горы толкучие! Разойдитесь, расшатнитесь! Ну-ка, станьте, горы, по-старому! А иначе буду вас бить-крошить и копьем на камни раскалывать!

Встали горы на место по-старому — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьем сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелкие реченьки промеж ног пускал.

И подъехал он к чёрной грязи и ко той ли речке Смородине. Не случилось у речки Смородины ни мосточков, ни перевозчиков. Стал тогда Перун вырывать дубы, начал он через реченьку мост мостить. Переехал он на ту сторону.

Видит он — сидит у Смородины на двенадцати на сырых дубах люта птица Магур страховитая. Под той птицей дубы прогибаются, а в когтях её рыба дивная: чудо-юдище рыба-кит морской.

Зарычала Магур по-звериному, зашипела Магур по-змеиному — все травушки-муравы уплетались, все лазоревы цветочки осыпались, тёмны лесушки к земле приклонились, и попятился под Перуном конь. Ни пройти ему, ни проехать!

Закричал коню грозный бог Перун:

— Что же ты подо мной спотыкаешься? Аль не слышал крику звериного? Аль не слышал свиста змеиного?

Тут снимал Перун бурю-лук с плеча. И тетивочка засветила, громовая стрела полетела. Прострелил стрелой право крылышко — из гнезда тотчас птица выпала.

И сказал Перун грозной птице той:

— Ой ты гой еси, птица лютая! Ты лети, Магур, к морю синему, отпусти кита в море синее. Пей и ешь, Магур, ты из синя моря — будешь ты, Магур, без меня сыта! А иначе, Магур страховитая, я тебя убью — не помилую!

Полетела Магур к морю синему — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьем сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И наехал на стадо свирепое, на звериное стадо — змеиное. Змеи те Перуна палят огнем, изо ртов у них пламя жаркое, из ушей у них дым валит столбом.

И пасут то стадо три пастыря, те три пастыря — да три девицы, три сестры родные Перуновы: Леля, Жива, Марена, украденные триста лет назад зверем Скипером. Овладел ими дух нечистый, испоганил их лютый Скипер-зверь. Бела кожа у них — как елова кора, на них волос растёт — как ковыль-трава. Не пускают они Перуна!

И сказал Перун трём сестрицам:

— Вы ступайте, сестрицы, к Рипейским горам, вы пойдите к Ирию светлому. Окунитесь в реку молочную и в сметанное чистое озеро, искупайтесь во святых волнах и омойте-ка лица белые.

И сказал Перун стаду лютому, что звериному стаду — змеиному:

— Поднимайтесь, змеи лютые, и о Землю-мать ударяйтесь, рассыпайтесь вы на мелких змей! Вы ж ползите к болотам, змеи, пейте-

ешьте вы от Сырой Земли! Вы ж, рысучие звери лютые, расступитесь, разойдитесь по лесам дремучим и диким, все по два, по три, по-единому. Без меня вы все сыты будете!

Всё случилась так, как Перун сказал, — и застава та миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьем сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Вот приехал он в Царство Тёмное, горы в тучи там упираются и чертог стоит между чёрных скал.

Наезжал он на замок Скипера — стены тех палат из костей людских, вокруг палат стоит с черепами тын. У дворца ворота железные, алой кровью они повыкрашены и руками людскими подпёрты.

Выступал вперёд лютый Скипер-зверь, выходил к нему по-звериному, а шипел-свистел по-змеиному.

Он шипел:

— Я всей подвселенной царь! Как дойду к столбу я небесному, ухвачу колечко булатное, поверну всю Землю на синее Небо и смешаю земных я с небесными, стану я тогда всей Вселенной царь!

Но могучий Перун не страшился, наезжал на лютого Скипера, и рубил его, и колол копьем.

— Это что за чудо чудесное? Мне ведь Макошью смерть написана, да написана и завязана от Сварожича лукосильного, от Перунушки крепкорукого! Только тот Перун во Сырой Земле — значит, быть герою убитому!

— Я не чудушко и не дивушко — а я Смерть твоя скропостижная! — отвечал Перун зверю Скиперу.

— Только плюну я — утоплю тебя, только дуну — тебя за сто вёрст снесёт, на ладонь положу и прихлопну — от тебя и пыль не останется!

— Не поймавши Орла — рано перья щипать! — отвечал Перун зверю-Скиперу. — Не хвались-ка ты поезжая на брань! А хвались-ка с поля съезжаючи!

— У меня секирушка острая! — зашипел тогда лютый Скипер-зверь. — Отмахну твою буйну голову!

— Ай, не хвастай ты, лютый Скипер-зверь, у меня же есть молния-копье, отворю твою кровь поганую!

Замахнулся Скипер секирою — по велению Бога Вышнего во плече рука застоялась, никуда рука не сгибалась, и из рук секирочка падала и изранила зверя Скипера. Скипер-зверь тут стал уклоняться, приклонился он ко Сырой Земле, стал просить-молить бога мощного:

— Я узнал тебя, праведный Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай три года мне сроку-времени! Дам тебе за то горы золота!

Отвечал ему сильный бог Перун:

— Я не дам тебе даже трёх часов! Золото твоё — всё неправое, оно кровью людскою полито!

— Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне хоть на три часа! Дам тебе за то горы золота, я отдам тебе силу всю свою!

— Я не дам тебе даже трёх минут! Твоё золото всё неправое, твоя силушка — вся бессильная!

— Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне три минуточки! Дам тебе за то горы золота, я отдам тебе силу всю свою, станешь ты царем поднебесной всей!

— Я не дам тебе сроку-времени! Золото твоё — всё неправое, твоя силушка вся бессильная, в Тёмном Царстве же правит Кривда пусть!

Тут ударил Перун зверя Скипера, отворил ему кровь поганую, из развёрстой груди вынул сердце он — далеко метнул в море синее. Высоко поднял зверя-Скипера и на Землю Мать уронил его. Мать Сыра Земля расступилась, поглотила всю кровь поганую, и упал в провал лютый Скипер-зверь.

И Перун златоусый тогда завалил то ущелье горами Кавказскими. И где высились горы Чёрные, там поднялись горы Белые.

Коль под теми хребтами и горушками лютый Скипер-зверь зашевелится — Мать Сыра Земля восколеблется.

И забрал Перун трёх родных сестер, и повёл он их ко Кавказским горам, и привёл их к Ирию светлomu.

И сказал он им:

— Вы, сестрицы мои! Вы снимайте скорей кожу прежнюю, как кора еловая грубую. Искупайтесь во молочной реке и очистите тело белое.

И тогда три сестрицы Перуновы кожу скинули заколдованную, во молочной реке купались, в чистых водах тех омывались.

Приходил Перун к Ладе-матушке, светлой матери, богородице.

— Государыня Лада-матушка, мать небесная, богородица! Вот тебе три дочки родимые, мне же — три сестрицы любимые!

И вернулись так вместе с Лелею — Радость и Любовь в поднебесный мир. Вместе с Живою оживляющей возвратилась Весна со цветами. А с красавицею Мареною — Осень и Зима со снегами.

ПЕРУН И ДИВА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился Перун на Перунице — молодой Додолушке-Диве. Как Морского Царя победил Перун. Как поссорился с богом Велесом!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по морюшку белопенному чернокрылая Лебедь плавала. И кружился над ней млад сизой Орёл:

— Я настигну тебя, Лебедь чёрная! Кровь пущу твою в море синее, пух и перья развею по ветру! Кто-то пёрышки собирать начнёт?

Обернулася та Лебедушка во Додолушку молодую. Обернулся тут млад сизой Орёл во Перуна сына Сварожича.

Говорил Перун Диве-Лебеди:

— Помни, Дивушка, слово верное! Как придёт пора — время летнее, я к тебе приду, Дива, свататься!

Из-за морюшка, из-за синего поднималася непогодушка, собиралися тучи тёмные. Тучи тёмные и гремучие. У всех грозных туч турьи головы. Поперёд-то стада туринова выезжал Перун да на турице.

Подходили те тучи к Ирию. И подъехал Сварожич на турице ко Сварогу — богу небесному и ко матушке-государыне. Он подал отцу руку правую, ну а матери руку левую. И сказал он им таковы слова:

— Мой отец, Сварог, Лада-матушка, я прошу у вас позволения, чтобы мне возвести золотой

дворец на горе в саду светлом Ирии. Чтобы видеть мне, как гуляет здесь молодая Дива-Додолушка, ясноокая дочка Дыя.

— Что ж, построй, сынок, во саду дворец!

И построил Перун во саду дворец, изукрасил его красным золотом и камнями драгоценными. На небесном своде — Красно Солнышко, во дворце Перуна также Солнышко — дорогим алмазом под высоким сводом. Есть на небе Месяц — во дворце есть месяц, есть на небе звёзды — во дворце есть звёзды, на небе Заря — во дворце заря. Есть в нём вся красота поднебесная!

Как в ту порушку, время к вечеру, захотелось младой Додолушке во зелёном саду прогуляться, посмотреть на дворец изукрашенный. Попросила она дозволения у Сварога — хозяина Ирия. Диве дал Сварог дозволение:

— Ты ступай, племянница милая, молодая Дива-Додолушка, разгуляйся ты во зелёном саду. Пусть сегодня тебе посчастливится!

Снаряжалась Дива скорёшенько, обувалась, одевалась, и пошла она во зелёный сад. Да недолго в саду гуляла — подошла к крылечку Перуну.

И увидел Сварожич Додолу, выходил он к ней во садочек.

— Ты зайди ко мне, Дива милая, посмотри на убранство палат моих и на камни мои драгоценные.

Заходили они в палаты. А Перун Додолу усаживал, приносил ей разные кушанья, говорил он ей речи сладкие:

— Украшал я алмазами гнёздышко, на завивочку серебро я клал, по краям водил красным золотом, плисом-бархатом устилал его. Свивши гнёздышко, вдруг задумался: на что мне, Орлу, тёпло гнёздышко? Коли нет Орлицы во гнёздышке? Коли нет у меня молодой жены? Ай, послушай меня, Дива милая! Много времени жил на свете я, много видел девиц-красавиц я, но такую, как Дива Дыевна, никогда, нигде я не видывал. Я желаю к тебе, Дива, свататься!

Тут Додолушка испугалася и горячими слезами обливалася, от яств-кушаний отказалася и скорым-скоро́ из дворца ушла. Стала Дива Сварогу жаловаться:

— Ваш сынок во глаза надсмехался мне, говорил он мне о супружестве!

Отвечал Сварог Диве плачущей:

— Нет, Додолушка-Дива, Перун не смеялся — говорил тебе правду сущую. Я скую теперь золотые венцы, чтобы вскоре вас обвенчать!

А тем временем молодой Перун полетел к Уралу великому, к Дыю — батюшке Дивы-Додолушки. И вошёл он в гридницу Дыеву, и сказал он Дыю и Дивии:

— Мне жениться пришла пора-времечко. Не могу жениться на Ладе я — то любимая моя матушка, и на Леле, на Живе, Маренушке — то сестрицы мои родимые. Лишь на Диве-Додоле могу я жениться — не сестра то моя и не матушка! Прилетел я к вам Диву сватать. За меня отдайте Додолу!

Тут подал Дый-отец руку правую, а мать Дивия — руку левую. И отдали Перуну Диву.

И назначили вскоре свадьбу. Стали к свадьбушке собираться и в обратный путь снаряжаться.

И о свадьбе прослышала вся Земля. Слух дошёл и в царство подводное, в Царство Тёмное Черноморское.

Там на дне морском — воды зыблются, там шевелится Черноморский Змей. Он живёт в дворце белокаменном — чудно те палаты укорашены янтарем, кораллами, жемчугом.

А на троне там — Черноморский Змей, царь Поддонный Морской чудо-юдище. Окружают его стражи лютые — раки-крабы с огромными клешнями. Тут и рыба сом со большим усом, и налим-толстогуб губошлёп и беззуб, и севрюга, и щука зубастая, и осётр-великан, жаба с брюхом — что жбан, и всем рыбам царь — Белорыбица!

Черномору дельфины служат, и поют для него русалки, и играют на гусельках звонких, и трубят в огромные раковины.

Как запляшет Змей Черноморский — разойдутся волны великие. Будет он плясать по морским волнам, по крутым берегам, по широким мелям. И от пляски волны взбушуются, разольются быстрые реки, будет пениться море синее.

И взовьётся над морюшком птица Стратим. Приплывут и чуда морские. С ними и Тритон Черноморский во морских волнах разыграется!

Как узнал про свадьбу Перунову Черноморец Поддонный царь, поднялся тотчас со морс-

кого дна, покати́л по морюшку синему мимо гор Тавриды к Ирийским горам.

И прорёк тут царь Черноморский:

— Я великий Дón! Царь Поддонный! Вот мой брат, владыка Азовского моря, — муж Азовушки белой Лебеди! Значит мне, Черноморцу, супругом быть чёрной Лебеди Дивы Дыевны!

Как на берег морской, бережок крутой, выходила Дива-Додолушка. Где стояла сосна, там стояла она — умывалась Додолушка чистой водой, увидала Додолушка Змея Морского.

Вот по морюшку едет Поддонный Змей, правит он златой колесницей. В колеснице его семь могучих коней, а восьмой — вороной, буйный и озорной.

— Ты садись ко мне, Дива милая! Мы поедем по морю в подводный дворец! Мы от Дона поедем к Дунаю! Я по морю тебя покатаю!

Стала Дива-Додолушка воду черпать, стала Дивушка Змея водой поливать — стала в море вода прибывать.

— Я бы рада была вдоль по морю гулять, только я по небу гуляю, с громом в тучах гремучих играю!

И пропела Дива-Додолушка:

*Ты плыви, чудо-юдо, рекою —
и оставь-ка меня в покое!
Ты плыви крутым бережочком —
я останусь здесь на мосточке!
Ты плыви по морюшку синему —
я останусь-ка лучше в Ирии!*

Рассердился тут Черноморский Змей — море синее расшумелось, вихри буйные закружились. Полетел Черномор с моря Чёрного на своей златой колеснице и надвинулся тьмой на Ирийский сад.

Из одной главы Черномора искры сыпали и лизал огонь. А из пасти другой ветер-вихрь ледяной завывал и всё замораживал. Все деревья склонялись в Ирии, с них листва и плоды градом падали. Ну а третья глава чуда-юдища на Сварога гордо покрикивала:

— Ты отдай, — вскричал грозный Царь Морской, — за меня, Змея лютого, Диву! Дай без драки-кровапролития, а иначе будет смертельный бой!

Ничего не ответил Сварог ему.

— Знай, — вскричал опять Черноморский Змей, — что разбит Громовержец будет, для Перуна я откопаю во Земле Сырой яму прежнюю!

Ничего не ответил Сварог ему.

— Я даю тебе сроку-времени для меня готовить подарочки! Собери нарядных сватов скорей, чтоб весёлую свадьбку праздновать!

Ничего не ответил Сварог ему.

То не дождь дождит, то не гром гремит. То не гром гремит — шум велик идёт, поднимается буря великая! То летел с восточной сторонышки млад сизой Орёл — грозный бог Перун! Вместе с ним летел грозный Дый-отец. Закричал Орёл чуду-юдищу:

— Ах ты, Чудо Морское, Поддонный царь! Аль ты хочешь, Змей, погубить весь Мир? Аль ты хочешь сразиться со мною и со всею силой небесною?

Тут сбиралися гости-сватушки: Дый-отец, Семаргл со Стрибогом, также Велес, Хорс со Сварогом.

— Победили мы Змея Чёрного, победим и тебя, Черноморский Змей!

И тогда Черномор — чудо-юдище прыгнул в воду морскую, на самое дно он нырнул от войска небесного.

И изрёк Перун, глядя в тёмну глубь:

— Здесь — во хладной тьме, во морской струе, омывающей тело Змеево, — быть теперь тебе, здесь тебе сидеть до скончания света белого!

Собирал Сварог свадьбу в Ирии, созывал гостей на почестен пир. Соезжались-солетались гости к празднику развесёлому с поднебесной всей — Света Белого. Затужила тогда Лада-матушка:

— Чем же будем гостей-то мы потчевать?

Отвечала Корова небесная:

— Не грусти, не тужи, Лада-матушка! Есть у нас и реки молочные, берега у речек — кисельные, есть и белый хлеб, и хмельно вино, мы напóим, накóрмим гостей своих.

Тут Сварог Семаргла Сварожича к Ребям-кузнецам посылал. Кузнецы его привечали:

— Ты зачем, Семаргл, к нам пожаловал? Самый юный, с каким поручением?

И ответ держал Огнебог-Семаргл:

— Вы Сварога небесного кубок перекуйте в четыре кубка! Скуйте также вы шесть златых коней, а затем колесницу Грома!

Кузнецы сковали булатных коней, колесницу Грома — Перуну, чтобы он на той колеснице всю Вселенную объезжал. И Сварога кубок перековали на четыре волшебных кубка.

И поехал Перун в колеснице — шесть коней в колесницу впряжены. А уж как все кони-то убраны, всё коврами, шёлком украшены, золотыми звенят подковами, сбруя светится скатным жемчугом.

— Ах вы, кони мои, кони резвые, сослужите мне службу верную, повезите меня за невестою по небесному своду синему! Выйди, радость моя, Додола! Ты послушай, как звонко подковы о дорогу небесную цокают!

Проезжал Перун мимо кузницы и сказал Сварогу небесному:

— Ах, кузнец, мой отец, ты искуй мне венец, из остаточков — золотó кольцо и булабочки из обрезочков. Скуй мне свадебку, милый батюшка! Уж я тем венцом повенчаюсь, а булабочкой притыкаюся ко любезной моей невестушке, распрекрасной моей Додоле.

Призывал Перун друга Велеса, чтоб Сварожич стал кумом-сватушкой, чтобы вёл колесницу по небу он.

Подъезжали они к саду Ирию, ко дворцу невесты Додолушки. Собирались туда, солетались стаи птиц небесных — то сватушки, гости то со всей поднебесной. И садились они за золотые столы, и садились за камчатые скатерти.

Выходила тут Дива милая, говорила она дорогим гостям:

— Встала утречком я ранёшенько, умывалась я белёшенько, утиралась русою косою. И брала́ ко́су — деви́чью красу́, относила её в чисто полюшко, и повесила на ракитов куст. Налетели тут ветры буйные, раскачали они част ракитов куст — и ко́су мою растрепали.

Отворачивала Додолушка рукава свои, омочила их во речной струе. Омочила их — в Лебедь чёрную превратилась. Обернулся тут Громовержец молодым Орлом, сизою птицею — и настиг тотчас Лебедь чёрную.

И упала Дива-Додолушка во зелёный лес чёрным пёрышком, перекинулась Ланью быстрою. А Перун в миг стал серым Волком и настиг её во дубравушке.

И тогда Додолушка Щукою унырнула в море глубокое. Тут Перун молодой призадумался, стал совета просить у матушки:

— Что мне делать — скажи, Лада-матушка?

Позвала́ тогда Лада-матушка Макошь с Долею и Недолею. Стали Долюшка и Недолюшка прясть и ткать судьбу вместе с Макошью. Пряли, ткали они, и вязали они крепкий невод. И поймал Перун этим неводом золотопёрую Щуку-Диву.

— Не уйти от судьбы тебе, Дива!

Говорил тогда Дивушке отец:

— Ай ты, Дива-душа, Перуница! Почему не поёшь и не пляшешь? Косу ты расплела? С неба звёзды смела? И омыла ль росой Землю-Матушку?

— Не хотела я косу свою расплестать, не хотела я звёзды с небес убирать — я стояла всю ночь и глядела, а потом я по небу гуляла, громом в тучах гремучих играла...

Выходила тогда Лада-матушка, выносила ларчик окованный:

— Ой ты, ларчик мой, ларь окованный! Ой, окованный ларь и приданный! Я не в год тебя накопила, я не два тебя сподобляла. Но на то была воля Вышня — в час единый тебя раздавила.

Вот — возьми, Перун, золочёные стрелы — громовые стрелы, могучие. Ты же, Дива-Додола, — небесный огонь, всё сжигающий, опаляющий. Вот ещё вам — пёстрая ленточка. Вы красуйтесь, вы любуйтесь, распускайте вы ленту-радугу после дождика, после частого, чтобы всем было в мире радостно!

И пропела Дива-Перуница:

*Пойдём, Перун, погуляем —
над полями и над лесами!*

*Ты с грозой пойдёшь, а я с молнией!
Ты ударишь грозой, а я выпалю!*

*Пойдём, Перун, погуляем —
над полями и над лесами!*

*Ты с дождём пойдёшь, а я с милостью...
Ты польёшь водой, а я выращу...*

Все довольны свадьбой Перуновой, они пьют-едят, веселы сидят. Лишь один опечалился сватушка, он повесил буйную голову.

Это друг Громовержца Перуна — сам бог Велес-Семаргл сын Сварожич.

Позавидовал он Перуну, как увидел его невесту. Позабыл в тот миг всё на свете он, позабыл тотчас дружбу прежнюю — возжелал украсть Диву милую.

И когда поехали сватушки от порога Додолы в Перунов дом, он повёз колесницу Дивы, говорил он ей таковы слова:

— Увезу я тебя, Перуница, далекó — на край Свёта Белого! Стань же, Дива-душа, ты моею женой! Вот тебе кольцо золотое, ты надень колечко на палец!

— Я не стану, Велес, твоею! Не гневи ты Рода небесного!

К Диве рученьки он протягивал, — по велению Рода-батюшки руки Велеса не вздымались, златы кольца все распаялись. Загремели грóмы небесные.

Опалила тогда Семаргла Дива молнией в облаках. И упал с колесницы Велес, вниз слетел со свода небесного.

А Перун Громовержец в гневе повернул за ним колесницу, громовые метая стрелы, сотрясая небесный свод.

Тут Перуну путь преградила мать Земун Корова небесная.

Протянул ту Корову он плёточкой. Но ему Корова промолвила:

— Не стегай, Перун, меня плёточкой, не пускай в меня громовой стрелой! И не трогай,

Перун, — чадое милое, моего неразумного Велеса!
Ты обрушишь вниз небо синее, всё живое ты
умертвишь тотчас!

Повернул тогда Громовик коней, громом
неба свод потрясая. Вслед ему сказала Корова:

— Я к тебе на свадьбу пожалую, стану я
среди сада Ирийского, золотыми рогами весь
сад освещу, вместе с Хмелем гостей дорогих
веселя, а особенно Диву-Додолушку, молодую
нашу невестушку!

В небесах летал млад сизой Орёл, и Орлица
с ним увивалась.

Била крыльями птица Матерь Сва, и па-
рили Стратим, Сирин, Финист и Рáрог стайей
светлою в небе синем.

Но не просто то птицы светлые: то не Лебедь-Сва — Лада-матушка, не Орёл — Перун, не Орлица — а Дива, и не Рáрог — Семаргл, не Стратим — а Стрибог, Сирин — Сýрья-бог.

То не стаи в небе певучих птиц, то кружились в небе три облачка. На одном сидел Громовик-Перун, на другом Молóнья-Перуница, а на третьем — Сварóг со Сварожичем.

Как Перун громыхал в синем небе, как огнём палила Перуница, как Сварожич-Стрибог веял ветром, так дубравушки приклонялись, травушки-муравы уплетались, море синее колебалось.

Продолжалася свадьба небесная!

ДЕВАНА И ПЕРУН

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Деване — дочери Дивы и Перуна сына Сварожича. Как она на Ирий пошла войной и с отцом Перуном боролась, а потом отцу покорилась.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Ой да было рано-ранёшенько... Как с восточной дальней сторонушки прилетели Орёл со Орлицею — то Перун с женою Перуницей.

И садились они во дубравушке на высокий могучий дуб, и свивали они тепло гнёздышко — устилали его мягким бархатом, украшали его чистым золотом.

И тогда Перуница Дива понесла яичко жемчужное, и родила дочку Деванушку.

Подрастать Деванушка стала, захотелось ей много мудрости — Белорыбицей в море плавать, в синем небе парить Магуром, Львицей в полюшке чистом рыскать.

Обучилась она премудростям. Обернулась Девана Львицей, поскакала она по Сырой Земле. Диких всех зверей завернула, всех куниц и лис с горностаями, чёрных соболей, малых зайчиков.

А потом она обернулась грозной птицей Магур сильнокрылою, полетела она по подбачью. И всех птиц она завернула, всех гусей-лебедей, ясных соколов.

Обернулась Белорыбицей, и всех рыб завернула в море, всех севрюг, белуг с осетрами.

Чистым полем Девана ехала. Поезжала она, потешалась и метала копьё в поднебесье. Как одною рукою метала, а подхватывала — другой. Впереди Деваны бежали два свирепейших

серых волка. Был на правом плечике сокол, а на левом плече — белый кречет.

За Деваной вслед ехал Велес. Он ревел ей вслед по-звериному, он свистел ей вслед по-соловьему. Но Деванушка не откликнулась и не повернулась на свист.

Ужаснулся Велес, сын Суревич:

— Та Девана будет не мне чета. Не моя чета, и не мне верста!

И поехал прочь чистым полюшком.

Выезжал навстречу Деване Тарх Дажьбог могучий Перунович. Он заехал к ней с лица белого, слез с коня Дажьбог, низко кланялся:

— Уж ты здравствуй-ка, дева дивная! Ты куда, Деванушка, держишь путь?

— Ещё еду я в красный Ирий! Я хочу съестъ яблочки Ирия и на трон Сварога усесться!

И вскочил Дажьбог на коня верхом, поскакал-полетел он в Ирийский сад к Громовержцу Перуну в терем.

— Уж ты гой еси, грозный бог Перун! Едет в Ирий дочка — Девана! Хочет съестъ она златы яблочки! И на трон Сварога усесться!

Тут взыграло сердце Перуново, закипела в нём кровь горячая. Он седлал коня — Бурю грозную. Конь его бежит — Мать Земля дрожит. Из ноздрей — пламя пышет, из ушей — дым валит.

Выезжал он навстречу дочке. Закричал Перун по-звериному:

— Уж вы, два моих серых волка! Вы бегите в лесушки тёмные! Мне теперь до вас дела нет!

Засвистал Перун по-соловьему:

— Уж ты, мой младой ясный сокол! Уж ты, мой да млад белый кречет! Вы летите-ка в небо синее! Мне теперь до вас дела нет!

И съезжался Перун со Деванушкой:

— Уж ты гой еси, дочь родимая! Не езжай-ка ты в светлый Ирий! Ты коня назад поворачивай!

То Деване бедой показалось, за досаду великую встало: «Буду ль я пред ним унижаться. Заколю я лучше его копьём!»

И съезжались они в чистом поле. И кололись копьями острыми. Только копья их поломались, и они друг дружку не ранили.

И секлись они мечами, исцербились и мечи, бились палицами тяжёлыми, обломались у них и палицы.

Обернулась Девана Львицею, а Перун обернулся Львом. Стали биться между собою. И побил Лев Львицу-Деванушку.

Соколицей Девана стала, а Перун Орлом обернулся, стал когтить Орёл птицу мощную.

И тогда Деванушка пёрышком опускалася в море синее, обернулась Белорыбицей. Тут Перунушка призадумался, стал совета просить у Макоши.

И пришла тогда Макошь-матушка вместе с Долею и Недолею. Стали Долюшка и Недолюшка прясть-свивать судьбу вместе с Макошью. И вязали они крепкий невод. И поймал Перун этим неводом Белорыбицу в синем море.

И Девана судьбе покорилась, и Перуну-отцу поклонилась.

И теперь Деванушке славу поют, прославляют Перуна с Перуницей, славят также и Макошь-матушку!

ВЕЛЕС И ДИВА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как уехал Перун в чисто полюшко. И как Велес за Дивой ухаживал, как родила она Ярилу! Расскажи нам о том, как построен был Китаवрулушкой Китеж-град!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Говорил Перун Диве дивной:

— Собираюсь я в чисто полюшко, отправляюсь за край Свёта Белого биться с силушкою Кащея.

Оседлал коня Бурю грозную, собирал в колчан стрелы-молнии, брал и палицу громовую.

Провожала Перуна Дива. Провожала его и спрашивала:

— Ай же ты, Перун сын Сварожич! Ты когда вернёшься обратно?

И ответ держал Громовержец:

— Как всколýшется море синее, и всплывёт на морюшке камень, и на камне куст расцветёт, запоёт на нём соловей, так вернуся я в светлый Ирий.

И ещё сказал Громовержец:

— Жди меня ты, Дива-Перуница, ровно шесть веков. Если я не вернусь с чиста полюшка — выходи тогда, Дива, замуж. Выходи за любого, Дива, не иди лишь за Велеса Сурича!

Говорила Дива-Додолушка:

— Как одно было Солнце Красное, а теперь оно закатилось и остался лишь светлый Месяц... Был один Перун сын Сварожич, и уехал он в чисто поле...

И ждала Перуна Додолушка долгих шесть веков. Не вернулся Перун с чиста полюшка. Море синее не всколыхнулось, и не всплыл на морюшке камень, не расцвёл на камне кусток, не запел на нём соловей.

День идёт за днём — будто дождь дождит, за неделей неделя — травой растёт, год за годом — рекой течёт...

Стал Сварог тут к Диве похаживать, стал он Дивушку подговаривать:

— Что же жить тебе, Дива, вдовой молодой — ты пойди-ка замуж, Перуница, хоть за Велеса сына Сурича!

Говорила Дива-Додолушка:

— Я отвергла Велеса-Дона, Огнебога Велеса также! И Коровы Сына отвергну я — бога Велеса сына Сурича! Я исполнила мужню заповедь, а теперь исполню свою: подожду его ещё шесть веков...

И опять день за днём будто дождь дождит, за неделей неделя — травой растёт, год за годом — рекой течёт...

Вот и шесть веков миновало. Не пришёл Перун с чиста полюшка. Сине морюшко не всколыхнулось, не поднялся камень горючий, не расцвёл на камне кусток, не запел на нём соловей...

А в ту порушку к Диве Дыевне приезжал сам Велес сын Суревич. И привёз к ней весть о Перунушке.

— Поднимался я в небо звёздочкой, в синем морюшке плавал Щукою — не нашёл Перуна Сварожича. Лишь когда цветком обернулся — отыскал его в чистом поле. Видел я Перуна Сварожича. Обернулся он в Дуб зелёный, ря-

дом с ним качалась Рябинушка — то русалка Рось, дочка Дона.

Не поверила Дива Дыевна:

— Я двенадцать веков жду Перуна, подожду ещё — он вернётся. И всколышется море сильнее, и всплывёт на морюшке камень, расцветёт на камне цветок, запоёт на нём соловей...

Но прорёк бог Велес Перунице:

— Ты всё ждёшь Перуна Сварожича. Ну а он хранил тебе верность? Вот Дажьбог чей сын — не его ли? Иль считать Дажьбога Сварожичем, если Камень Роси обтесал Сварог?

И ещё сказал Велес Суревич:

— У Перуна Сварожича деток, словно звёздочек в небесах. От его объятий и молний затруднело немало дев...

Осерчала Дива-Перуница, и сверкнула молния в тучах, раскатился по небу гром.

И вскочила Дива-Додолушка да на Бурю-коня Черногривого. Поскакала из Ирия светлого вслед за Велесом, сыном Сурьи, да ко тем лесам ко Заволжским, да ко реченьке Сурье-Ра.

— Я тебя, Велес Сурич, Коровий Сын, растопчу за дерзкое слово!

И тогда бил копытом своим Буря-конь, где стоял пред девою Велес. Там, где он ударил копытом, во земле явился провал. И заполнился он водою, не простою водой — святою.

Так в Заволжье явилось озеро, что прозвалось *Светлояр*.

И тотчас цветком белым Ландышем обернулся Велес сын Суревич. Встал у озера Светлоярова под кустом колючим, терновым.

Изумилася Дива Ландышу. Сердце у неё пробудилось, кровь по жилочкам расходилась.

И вошла она в Светлояр лес, сорвала в лесу том цветочек. И явился пред девой Велес, взял он за руку Диву Дыевну. И друг другом они любовались, целовались и миловались.

Говорил тогда Велес Суревич:

— Ой ты, Дива-душа! Дивно ты хороша! Мы устроим с тобой, Лебедушка, близ Святого озера гнёздышко! Соловьи пусть поют нам ночами, мы украсим гнездо-то цветами...

И тотчас призвал Велес Суревич — Кита-вурла бога-строителя. Тот уже построил три города: Сурож-град Алатырский на полдне, Солновейский Асград на полу-ночи, Радонёж на западе Солнца.

И сказал ему Велес Суревич:

— На востоке теперь возведи ветроград, назови его Китеж-град! Близ сего Светлоярова озера разведи купальский костёр, а потом из золы ты насыплешь валы. Сделай из венков девичьих чудо-кремль на костровище. Башни выстрой из цветов, а детинец из грибов! Терема — из желудей дубовых, а из шишечек хоромы! Пусть придёт пора чудес — будет город там, где лес! Где горели костры — вознесутся шатры! Встанут улицы и дворцы!

И построил тогда Китаврл ветроград; и назвал его Китеж-град. Город он возвёл для счастья, выстроил волшебник башню о семи шатрах на семи ветрах.

Сделал злат престол в сей башне, чтоб войти в неё хотелось, чудеса внутри увидеть за резными воротами и высокими стенами...

Велес Суревич в сей башне *Книгу Вед* от мира спрятал: письма на досках старых, крышки книги золотые, украшения литые. И заклятыми цепями приковал её к престолу.

Мудрость жизни, тайны мира в этой книге начертал он, и Сварожии заветы, древние установленья, — то, что золота дороже, что оплот добра и правды.

Велес в Семиверхой башне время проводил в застолье, на пиру сидел с друзьями. Птицу-песнь в полёт пускал он.

Птицу Сирина, дочку Сурьи, синекрылую летунью, что родилась без отца, и без матушки родимой, выросла без милых братьев и без ласковых сестричек: И сковал Сварог сей птице чудо-крылья легче ветра...

И когда она взлетала с этой Семиверхой башни, пела семь она сказаний, возносясь в златую Сваргу в облаках дорогой радуг...

Вот и ныне в Китеж-граде Велес Суревич пирует, радуясь рождению сына — бога светлого Ярилы. Рядом с ним пирует Дива, что

Перуна не дождалась, Велесу женою стала по Сварожьему закону.

И тогда бог Велес Сурич в небо синее направил птицу-песню, птицу Сирина. И запела в горних высях птица Сирин песню счастья.

*Как Ярилушка родился —
мир как Солнцем озарился!*

Как Ярила улыбнётся — вся вселенная смеётся!

*Как Ярилушка встаёт ото сна —
снова к нам приходит весна!*

*Славься Божьей силой, светлый бог Ярила!
Сыну Велеса с Дивой — Яриле хвала!*

* * *

А в ту пору Перун был во Чёрных горах. Стал тут конь под ним спотыкаться. Говорил Перун сын Сварожич:

— Что ж ты, конь, идёшь-спотыкаешься?

Провещал тогда Громовержцу конь:

— Ай же ты, Перун Громовержец, над собою невзгоды не ведаешь, что Додола-Перуница замуж пошла да за Велеса сына Сурича! Третий год уж Велес пирует в Светлоярском Китеж-граде!

Удивился речи Сварожич:

— Я двенадцать лет был во Чёрных горах, бился я с Кащеюшкой Виечем, а Додолушка не дождалась, вышла замуж за Велеса Сурича!

И Сварожичу молвил тогда вёщий конь:

— Здесь, во Чёрных горах, не по-нашему: год пройдёт, а в Волжских горах — сотня лет!

Тут Перун коня плетью стёгивал. Начал конь Перуна поскакивать, с гор на горюшки перескакивать. Перескакивал реки широкие, а долинушки промеж ног пускал.

Не Орёл летел из-за моря и гор — то Перун летел в Китеж-град святой.

Воды тут разошлись Светлояра, и поднялся в озере камень, и расцвёл на камне кусток, и запел на нём соловей.

И увидела это Дива, оттолкнула она буйна Велеса и сказала такое слово:

— Не тот муж, что возле меня сидит, а тот муж, что встал на пороге! То Перун Громовержец, Сварога сын! Ты прости уж меня за такую вину, что пошла я за Велеса буйного!

Говорил Перун Громовержец:

— Не тому я дивлюсь, что ты замуж пошла, а дивлюсь я Сварогу и Ладе, что жену у мужа просватали!

И поднялись они на небесный суд из святого Китежа в Сваргу. Вознеслись мостом семицветным, да по той по радуге Божьей.

И прорёк им Сварог:

— Видно, Род так судил. Видно, так завязано Макошью.

Говорил тут Велес Перуну:

— Ты прости уж меня за такую вину, что женился я на Додоле!

И ответил ему Громовержец:

— Ту вину, что на Диве женился, — Род тебе простил, да и я прощу. Не прощу я тебе другое — то, что ты сказал, будто я ко Перунице не вернуся! Что супруга моя печалилась и слезила очушки ясные.

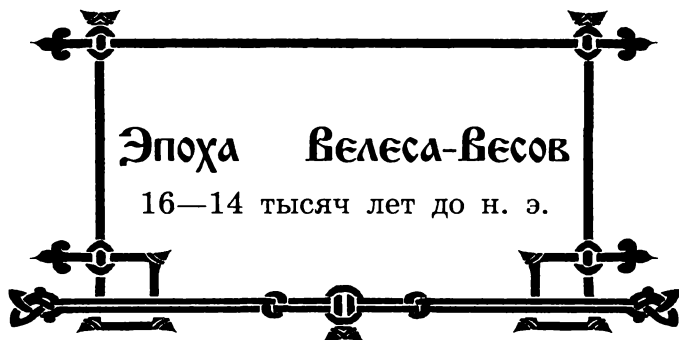
И схватил он Велеса Сурича. И бросал он его из Сварги на ту горушку Сарачинскую.

И тут Велесу с Дивою славу поют. Прославляют и Громовержца, и Ярилушку, внука Солнца!

VI

ВЕДА ВЕЛЕСА

Эпоха Велеса-Весов

16—14 тысяч лет до н. э.

ВЕЛЕС И БҮРЯ-ЯГА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о боге великом Велесе. Как, поссорившись со Перунушкой, за Смородину он поехал. Как женился сын Сурьи на Буре-Яге!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Прежде было у Велеса время, честь была ему и хвала!

Ну а ныне пришло безвременье, лихо горькое, гореванное... А виной тому — слово лишнее, что Перунице было сказано.

— Были мы с Перуном товарищи, ну а ныне пошла наша дружба врозь. А виной тому Дива Дыевна, помутившая светлый разум!

Закручинился он, опечалился, и с печали той оседлал коня, и поехал прочь от Заволжских гор ко чужой земле, царству Змееву.

Доезжал до речки Смородины. А вдоль бережочка Смородины кости свалены человеческие, волны в реченьке той кипучие, — за волной ледяной плещет огненная, и бурлит она, и клокочет!

Волны вдруг в реке взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжал тут Горыня Змеевич, чудо-юдище шестиглавое! Скалы он и горы вывёртывал, через речку их перебрасывал. Тут под чудищем встрепнулся конь.

— Что ж ты, волчья сыть, спотыкаешься? Аль ты думаешь, будто Велес здесь?

Выезжал к нему грозный Велес:

— Ай да полно тебе рушить горушки! Уж мы съедемся в чистом поле! Мы поборемся-поратаемся — да кому Всевышний поможет?

Соезжались Велес с Горынею, бились в полюшке трое суток — бились конными, бились пешими. Подвернулась ножка Горыни — он упал на Землю Сырую. И взмолился он буйну Велесу:

— Ты не бей меня, буйный Велес! Лучше мы с тобой побратаемся — буду я тебе братом названным!

Поднимался тут Велес Суревич. Называл он братом Горынюшку.

И поехали братья полюшком вдоль той речки быстрой Смородины — и заехали во дремучий лес. Волны вдруг на реке взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжал Дубынюшка Змеевич, чудо-юдище трёхголовое!

Он дубы выворачивал с корнем и за реку их перебрасывал. Тут под чудищем встрепенулся конь.

— Что ж ты, волчья сыть, спотыкаешься? Аль ты думаешь, будто Велес здесь?

Выезжал к нему грозный Велес:

— Ай да полно тебе выворачивать пни! Уж мы съедемся в чистом полюшке! Мы поборемся-поратаемся — да кому Всевышний поможет?

Соезжались Велес с Дубынею, бились в поле они трое суток — бились конными, бились пешими. Подвернулась ножка Дубыни, и упал он дубом подкошенным. И взмолился он буйну Велесу:

— Ты не бей меня, буйный Велес! Лучше мы с тобой побратаемся — буду я тебе братом названным!

Поднимался тут Велес Суревич. Называл он братом Дубынюшку.

И поехали тут вдоль реченьки вместе с Велесом братья Змеичи — Змей Горыня могучий с Дубынею.

Видят: вот — разлилась Смородина, в три версты шириною стала. Запрудил здесь речку Смородину сам могучий Усыня Змеевич. Ртом Усыня реченьку запер, усом ловит он осетров в реке.

Выезжал к нему грозный Велес:

— Ай, довольно тебе рыб ловить в реке! Уж мы съедемся в чистом поле! Мы поборемся-поратаемся — да кому Всевышний поможет?

Соезжались Велес с Усынею, бились в поле они трое суток — бились конными, бились пешими. Подвернулась ножка Усыни, и упал Усыня сын Змеевич. И взмолился он буйну Велесу:

— Ты не бей меня, буйный Велес! Лучше мы с тобой побратаемся — буду я тебе братом названным!

Поднимался тут Велес Суревич. Называл он братом Усынюшку.

И поехали братья дальше. И сказал тогда братцам Змеевичам Велес, сын Коровы небесной:

— Как бы нам перейти на ту сторону?

Тут Усыня-Змей пораскинул усы — и по тем усам через реченьку перешли они в царство Змеево.

Видят: там во лесочке изба стоит и на ножках куричьих вертится. Вкруг избушки той с черепами тын, каждый череп огнём пылает.

И сказал избушечке Велес:

— Повернись к лесу задом, к нам передом!

Повернулась избушка как сказано. Двери сами в ней растворились, окна сами настежь открылись. Вот заходят в избу — нет в избе никого, есть лишь рядом хлевец, в хлеве — стадо овец.

— Что же за старушка в сей живёт избушке?

И ответил так Велес Суревич:

— То Ясуня Святогорка, что была прекрасной девой, а теперь Ягою стала. Ведь она расталась с мужем, что Денницей был повержен, что был Доном, стал Поддоным — юдушкою Черноморским!

И остались они в той избе ночевать.

А наутро Велес с Дубынею и Усынею в лес поехали. А избушку у речки Смородины сторожить Горыню оставили.

Потемнело вдруг небо синее, закрутились вихри пыльные, прилетела тут в ступе огнен-

ной, за собою путь заметая, в вихре Буря-Яга Золотая Нога, разудалая Святогорка!

Подлетела она к избушечке. Стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ты вставай-ка, Горыня, отворяй ворота! Разводи-ка быстрее в печке жаркий огонь! На-корми меня, напои меня!

Отвечает Горыня Яге:

— Не кричи! Ужо слезу сейчас я, Ясуня, с печи и тебя булавою попотчую!

Осерчала Яга — хлеб взяла со стола, стала бить краюшкою Змеича. И побила его, оглушила, чуть живого под лавочку бросила.

А сама затем съела братцев обед — трёх овец и барана зажаренного:

— Мне стряпня ваша очень понравилась! Ждите, скоро опять на обед прилечу!

Как из леса приехали братцы, спросили:

— Что ж, Горыня, ты нам не сготовил обед?

— Я не мог приготовить — я так угорел, что и сил не имел с места сдвинуться.

Снова братья уехали в лес на охоту, а в избушке Дубыню оставили.

Подлетела к избушечке Буря-Яга. Стуки-стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ты вставай-ка, Дубыня, отворяй ворота! Разводи-ка быстрее в печке жаркий огонь! На-корми меня, напои меня!

Тут ответил Дубыня Яге:

— Не кричи! Ужо слезу сейчас я, Ясуня, с печи и тебя булавою попотчую!

Осерчала Яга и взяла помело — и побила Дубынюшку Змеича, чуть живого под лавочку бросила.

Как приехали братцы, спросили его:

— Что ж, Дубыня, и ты не сготовил обед?

— Я не мог приготовить — я так угорел, что и сил не имел с места сдвинуться.

Снова братцы уехали в лес на охоту, а в избушке Усыню оставили.

Подлетела к избушечке Буря-Яга. Стуки-стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ты вставай-ка, Усыня, отворяй ворота! Разводи-ка быстрее в печке жаркий огонь! Накорми меня, напои меня!

Тут ответил Усыня Яге:

— Не кричи! Ужо слезу сейчас я, Ясуня, с печи и тебя булавою попотчую!

А Яга тут схватила его за усы и давай по избе великана таскать — и побила Усынюшку Змеича, чуть живого под лавочку бросила.

Как приехали братья, спросили его:

— Что ж, Усыня, и ты не сготовил обед?

— Я не мог приготовить — я ус подпалил и не смог потом с места сдвинуться.

Велес после остался, зарезал барана и на лавочку лёг отдохнуть на часок.

Прилетела Яга ко избушечке.

Стуки-стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ну-ка встань, сын Коровы, отворяй ворота! Разводи-ка быстрее в печке жаркий огонь! Накорми меня, напои меня!

Велес, буйный бог, с лавки вскакивал, булаву булатную схватывал:

— Ай ты, Буря-Яга Золотая Нога, удалая ты Святогорка! Мы и сами три дня не едали, мы и сами три дня не пивали!

И схватил он Ягу Святогоровну, стал её булавою охаживать и таскать по избушке за волосы.

Вырывалася Святогорка, выбегала она из избушечки, побежала от грозного Велеса по горам, долинам широким.

Вслед за Бурей ринулся Велес.

Прибежала Яга ко горе Сарачинской. А на той горе — Чёрный Камень. Подползала она под Камень — и ушла от Велеса буйного.

Воротились в избушку товарищи — и привёл он их к Камню Чёрному.

— Надо Камешек повернуть, — сказал.

Налегли Усыня с Дубынею, им помог и Горыня Змеевич. Тянут-тянут — не могут его свернуть. Подошёл к Камню Чёрному Велес — и одною рукой своротил скалу. Братья глянули, а под Камешком пропасть страшная показалась. Это вход был в Пекло подземное.

И сказал им Велес Коровий сын:

— Мы зверей начнём забивать-ловить, и ремни вязать, и верёвки вить!

Как набили зверей — повязали ремень и спустили они в пропасть Велеса. Оказался он в царстве пекельном. Видит он: Яга там похаживает, вся в булатные латы одетая. Раскричалась тут Святогорка:

— Чую духом живым пахнет в Пекле! Чую Велеса я могучего!

— Ай ты, Буря-Яга Золотая Нога! Друг у друга с тобой нам бы надобно в битве честной отведасть силушку!

Тут сошлись Ясуня и Велес, стали биться они врукопашную. И была удалая дочь Святогора да обучена бою грозному, подхватила Ясунюшка Велеса, опустила на Землю Сырую его и ступила ему да на белу грудь.

Заносила тут Буря-Яга над главою — руку правую с булавою, чтобы опустить ниже пояса. По велению Бога Вышнего тут рука у ней застоялась, а в очах Яги помутился свет.

Разгорелось тут сердце Велеса, и махнул он правою ручушкой, сшиб он с белой груди Ясуню.

Заносил он тогда над своей головой руку правую с булавою, опустить хотел ниже пояса. По велению Бога Вышнего тут рука его застоялась, в ясных очушках помутился свет.

И сказала так Святогоровна:

— Ай ты, буйный Велес — могучий бог! Сын Коровы Амелфы с Сурьей! Видно, Бог решил нас с тобой мирить. Ты возьми меня, Велес, в жёны!

Тут с Яги соскакивал Велес, брал её за рученьки белые, брал за перстни её золочёные, подымал её со Сырой Земли, становил на рез-

вые ноженьки. Становил её супротив себя, целовал он свет Святогоровну, называл женою любимую.

И к колодцу тогда подошли они. Закричал тут Велес товарищам:

— Эй вы, братцы, тащите-ка Бурю-Ягу — то жена моя разлюбезная!

Потянули они ремень, а как только Яга вышла из-под земли — уронили верёвку в провал они и бежали от ужаса в стороны.

Так остался Велес в Земле Сырой. Стал бродить по царству подземному. Вдруг он видит: громадное дерево, на макушке его свито гнёздышко, а в том гнёздышке пять птенцов сидят, и не просто сидят — криком все кричат.

Он увидел: по этому дереву Змей ползёт к гнезду беззащитному.

Велес тут подошёл, сбил ползучего Змея и убил его булавою своей. Зашумел тут ветер, и дождь пошёл, загремел во царстве подземном гром. Закричали птенцы буйну Велесу:

— То не ветер шумит, то не дождь дождит, то не гром гремит — шум велик идёт! То летит, подымая ветер, люта птица Магур — наша матушка. То не дождь дождит — слёзы капают, то не гром гремит — то Магур кричит!

Налетела тут люта птица Магур — и увидела буйна Велеса:

— Фу-фу-фу! В Пекле духом запахло живым! Кто б ты ни был, герой, я тебя проглочу! Закричали птенцы грозной птице той:

— Ты не тронь его, наша матушка! Спас нас Велес от Змея могучего, спас от смерти нас неминуей!

— Если так — всё что хочешь проси меня.

— Отнеси меня, птица, на Белый Свет, видеть я хочу Солнце Красное, походить хочу по Земле Сырой.

— Запаси тогда на сто дней еды, собери воды на сто дней запас — будет долг путь к Свету Белому!

Велес тут приготовил сто бочек еды и запасся сотнею бочек воды, сел на птицу верхом и отправился в путь — к Свету Белому, к Солнцу Красному.

Вот летит Магур, словно ветер, за едой и водой поворачиваясь. Повернётся она — бросит Велес еду либо воду ей льёт в пасть раскрытую. Показался уж выход на Белый Свет, а у Велеса бочки кончились.

Обернулась она:

— Дай мне, Велес, кусок, а не то не достанет мне сил долететь.

Велес брал острый нож, икры им отсекал и бросал их Магуру в раскрытую пасть.

И Магур в тот же миг поднялась в мир живой. Здесь и Солнышко светит, трава зеленеет, птицы в небе поют, реки быстро текут. Гамаюн тут Велеса спрашивала:

— Чем ты, Велес, меня под конец кормил?

— Я тебе скормил икры с ног своих.

И тогда Магур икры выплюнула, и пристали они вновь к ногам его.

Тут нашёл буйный Велес жену молодую — удалую Ягу Святогоровну и отпраздновал с нею свадьбу.

Собирались на свадьбу весёлую со всего Света Белого гости, приползали и змеи ползучие

из заморского царства Тёмного и устроили пир-гуляние.

И на свадьбе той сурья лилась рекой, горы рушились от топота, и плескались моря, и дрожала Земля. Содрогалось царство подземное, гром дошёл до царства небесного!

Как женился Велес, сын Суревич, да на Бурюшке Святогоровне, так у матушки не спросился, обвенчался — ей не сказался.

Рассердилась тогда Амёлфа, говорила сыночку гневно:

— Как же ты, сын Солнца, женился да на ведьме с зелёной кожей?! Аль Ягою ты околдован? Не ножища у ней — а грабли, не ручища у ней — а вилы, вместо носа — совиный клюв, ногти — когти, кинжалы — зубы, не волосья — ковыль-трава, кожа что елова кора!

Велес матушке так ответил:

— Видно, так завязано Макошью. А судьбину кто одолеет?

И сказал так Велес сын Суревич, и отправился погулять, в чистом полюшке пострелять.

Как езжал — говаривал матушке:

— Ай же ты, родимая матушка! Ты люби-береги Ясуню! Не жалей для ней яства сахара! И пой её мёдом-сурьей. Спать клади в постели пуховые...

Как уехал он в чисто поле, так Амелфа топила баню и звала туда Святогорку. И горючий камень нажгла, и на грудь Ясуне его поклала. И вскричала тут Святогорка — горы дальние потряслися, Мать Сыра Земля всколебалась.

И тогда Амелфа Земуновна одевала Бурю в рубашечку. И в колодушку белодубову во рубашечке положила. И три обруча набивала мать Амелфушка на колоду, а потом её опускала в волны синие Ра-реки. И тогда понесло колоду прямо к устьюшку в сине море.

Как у Велеса, сына Сурьи, в это времечко спотыкнулся конь, острый меч его затупился, слёзы частые покатались.

— Знать, случилось что неладное с рódной матушкой иль с супругой...

И вернулся он с чýста полюшка, и встречала его Амелфа.

Говорил тогда Велес Сурич:

— Ой же ты, родимая матушка! Не тебе меня надо бы встречать, в светлу горницу провожать, а жене моей дорогóй!

Отвечала ему Амелфа:

— А она горда и спесива у окошка всё сидела, на кроваточке всё лежала, не пила она и не ела... и сбежала за сине море...

Он спросил сестрицу Алтынку:

— Где, скажи мне, моя супруга?

И ответила так Алтынка:

— А она плывёт в море синем во колоде из бéла дуба. Проводила тебя Амелфа, парну банечку натопила. И позвала Ясуню в баню, нажигала горячий камень и её тем камнем свалила, и в колодушку уложила...

И пошёл к синю морю Велес, вместе с ним пошла и Алтынка. И закинул он частый невод. И достал из моря колоду, а потом её разбивал — и Ясуню там увидал.

И сказала тогда Алтынка:

— Плачь над телом Ясуни, Велес!

И заплакал тут Велес Сурич:

— О жена моя! О Ясуня! Почему ж тебя погубили? Почему ж тебя не любили? Заколдована Сыном Змея, обратилась ты в старуху. И никто за ужасным ликом не увидел прекрасный лик, не узнал в тебе дочь Плеяны и великого Святогора...

И собрались к телу Бури небожители и волхвы. И все плакали, причитали. И сказал тогда Велес мудрый:

— Среди вас вижу много плачущих, но не вижу я — оживляющих. Кто бы смог вернуть Святогорку!

И взмолился Велес премудрый Роду-батюшке Прародителю, богу Сурье-Ра и Земун.

Услыхал Рожанич молитву. И приблизился Ра великий, вместе с ним явилась Земун — златорогий Тур вместе с Турицей. Подошли они к телу Бури, разомкнули её уста и разверзли её глаза. Дали выпить из рога сурьи.

И вздохнула тут Святогорка, поднялась она из колоды и у берега моря встала.

И раздался тут голос Рода:

— Велес! Как же ты взял жену, а у матушки не спросился? Брак не брак, коль против родители! Пусть отныне Яга будет в Нави, ну а Велес великий — в Яви. Распаялися ваши кольца! Перед Богом вы не супруги!

Так расстались Велес Суревич и Ясуня свет Святогоровна. Велес стал жить в Яви и в Сварге, а Яга — за речкой Смородиной, в царстве Нави, где правит Змей.

И отныне все славят Велеса, и Алтынушку, и Амелфу, Бурю, Сурью-Ра и Всевышнего!

ВЕЛЕС, ВИЛА И ДОМНА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как бог Велес женился на виле Вельмине, обращённой в Царевну Лягушку. Как её похищал Чёрный князь Кащей. Как она горой обернулась.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во тех Уральских святых горах жил-был Сурья-Ра — Солнце Красное. Был он Сурьей на небесах и стекал Ра-рекою с Уральских гор.

Как в Азовское море синее Ра-река несла свои водушки, так была супругою Солнца Амалфёюшка, дочь Земун.

И от бога Ра родила́ она бога Велеса — Аса Звёздного.

Изменил свой путь светозарый Ра. И свернул он в море Волынское, в жёны взял он деву Волынюшку.

И Волыня — вторая жёнушка, родила́ ему Хорса Сурича.

Рёк сына́м своим светозарый Ра:

— Стар я, просит душа покоя. Я б хотел, чтоб вы поженились, дабы внуков я увидал. Вы возьмите стрёлы калёные и пускайте их во все стороны. Где стрелá падёт — там и сватайтесь!

Выбирали стрёлы сыночки Ра. И пускали их в небо синее. И упала стрёлочка Хорсова у дворца Зари-Зареницы. А стрела калинова Велеса унеслась за дальние горы.

И пошёл за стрелочкой Велес. Одолеl он горы высокие, перешёл лесочки дремучие и вступил в болота зыбучие. Видит — вот на кочке Лягушка, держит в лапках она стрелу.

— Как же взять мне в жёны Лягушку?

Отвечала ему Лягушка:

— Знать, судьбина твоя такая! Завяжи-ка меня в платочек и неси-ка в Ирийский сад!

И принёс бог Велес невестушку. Ра увидел её — разохался, а Амелфушка мать разгневалась:

— Ты кого принёс, Велес Суревич! Аль Лягушкой ты околдован? Ведь Лягушка Яги не краше!

Говорила Лягушка Велесу:

— Не печалься ты, Велес Сурич! Знай же, я не просто лягушка! Я Вельмина — лесная вила! Змей меня обратил в Лягушку. Но заклятие то не вечно. Потому средь дня я — Лягушка, ну а ноченькой тёмной — вила.

Всё, как сказано, — так и случилось. Только скроется Солнце Красное, так Лягушка вилой становится. Красоты она несказанной: ни пером описать, ни вздумать. Под затылком её Ясный Месяц, по косицам её звёзды частые. Голосок её ручейком журчит...

И голубятся, и любуются Велес с вилою до рассвета. Но лишь первый луч Солнца Красного озаряет небесный край — вновь Вельминушка покрывается лягушиной зелёной кожей.

И печалился Велес Сурич, что его супруги красу на Земле и Небе не знают...

Говорила Амелфа Сурье, чтоб устроил он испытание для невест своих сыновей. И тогда бог Сурья сынов призвал. И сказал он Велесу с Хорсом:

— Я хочу испытать невестушек — а умеют ли ткать и шить они? Пусть Заря-Зареница с Лягушкою мне к утру соткут по ковру.

Как пришёл домой Велес Сурич, так повесил он буйну голову. А Лягушка его спросила:

— Что ж повесил ты буйну голову? Аль случилось что неладное? Слово слышал ты не-приветливо?

И ответил ей Велес Суревич:

— Повелел родитель, пресветлый Ра, нам ковёр узорчатый выткать.

— Не печалься, ложись, мой милый! Утро вечера мудренее.

Так сказала Лягушка Велесу, и уснул тогда Велес Сурич. А она с себя кожу сбросила, обернулася Мудрой Вилой, села ткать ковёр у окошечка. Где кольнёт иглой — там звезда горит, где кольнёт другой — там цветок цветёт, третьей где кольнёт — птица там поёт.

Не взошло ещё Солнце Красное — а уж вила закончила шить и ткать.

Вот пришли Велес с Хорсом к родителю, принесли ему два ковра. Как ковёр Зари разостлал бог Хорс — осветилась вся подвселенная. И сказал бог Ра:

— Тот ковёр — расстелю в колеснице Солнца!

Разостлал ковёр Велес Суревич — засияло в нём Солнце Красное, засверкали и звёзды частые, птицы певчие песнь запели. И сказал бог Ра:

— Сей ковёр видел я у Рода-Родителя! Расстелите его в моей горнице! Будет он нас в праздники радовать!

Вновь Амелфа Ра подговаривает испытать Зарю и Лягушку. И позвал сыновей светозарый Ра:

— Сыновья вы мои любезные! Я хочу испытать невестушек, пусть они к утру испекут по чудесному караваю!

Как пришёл домой Велес Суревич — так повесил он буйну голову. А Лягушка его спросила:

— Что ж повесил ты буйну голову? Аль случилось что неладное? Слово слышал ты не-приветливо?

И ответил ей Велес Суревич:

— Как мне, милая, не кручиниться? Повелел родитель, пресветлый Ра, нам к утру испечь каравай!

— Не печалься, ложись, мой милый! Утро вечера мудренее.

Так сказала Лягушка Велесу, и уснул тогда Велес Суревич. А она с себя кожу сбросила — обернулася Мудрой Вилою, стала печь большой каравай. И хитро́ его изукрасила — Красна горочка в серединочке, а на горочке этой Ирийский сад, и стоит в саду терем Солнца, распевают там птицы певчие...

Не взошло ещё Солнце Красное — испекла она каравай.

Вот пришли Велес с Хорсом к родителю, принесли ему каравай.

Как попробовал Ра каравай Зари — так сказал:

— Хорош караваюшка! Будем есть его ранним утром!

Как увидел Ра ви́лин каравай — изумился он и раз-оха́лся, раз попробовал, и ещё, ещё... И весь съел не оставив крошечки:

— Вот уж хлеб так хлеб! Караваюшка! Да таким только в праздник потчевать! Во Великий Сварогов день!

Вновь Амелфа Ра подговаривает испытать Зарю и Лягушку. И призвал сыновей светозарый Ра:

— Приходите-ка, сыновья, вы с невестушками на пир. Будем пить и есть, веселиться, после пира устроим пляски. Я желаю видеть и знать, как невестушки ваши пляшут.

Как пришёл домой Велес Суревич — так повесил он буйну голову. А Лягушка его спросила:

— Что ж повесил ты буйну голову? Аль случилось что неладное? Слово слышал ты не-приветливо?

И ответил ей Велес Суревич:

— Как мне, милая, не кручиниться? Мне мой батюшка наказал, чтобы я тебя пригласил на пир. Как же я гостям покажу тебя?

— Не тужи, мудрый Велес, иди на пир. За тобою следом и я приду. Как услышишь гром — не пугайся. Говори: «Невестушка едет! Лягушонка в коробчонке!»

Вот пришёл бог Велес на пир один. Стали гости над ним смеяться:

— Что же ты пришёл без Лягушки? Где ж такую красавицу выискал? Чай, болота все исходил?

Сели все за столы, стали есть и пить. Вдруг раздался грохот, и стук, и гром. И все гости со страху вскочили с мест. И сказал им так Велес Суревич:

— Вы не бойтесь — невестушка едет! Лягушонка в коробчонке!

И тогда во двор бога Солнца Ра колесница золотая выкатилась. В колесницу ту кони впряжены — шесть буланых и златогривых. И спускается с колесницы девица — Премудрая Вила. И на платье её — часты звёздочки, Месяц Ясный — на голове, и такая она красавица — ни пером описать, ни вздумать.

Подала она руку Велесу. За столы садилась дубовые да за скатерти самобраные.

Стали гости есть, веселиться. А Вельми-нушка выпьет сурьи, а последочки во рукав по-

льёт. А закусит лебедем — косточки во другой рукав побросает.

Как попили гости, поели — от стола они поднимались и пустились в плясовую. И пошла плясать млада вилушка. Как махнёт рукой — станет озеро, а другой — летят белы лебеди. Все дивуются и любятя.

— Как ты нас, Вельмина, порадовала!

Стала вила петь — все заслушались. Закурлыкали белы лебеди, и запел в лесу соловей...

А бог Велес встал полегонечку, с пѣра он ушѣл потихонечку, побежал скорее в свой терем. Там увидел кожу лягушечью. И схватил её — в печку бросил.

— Разгорайся, Огонь палящий! Ты сожги, Семаргл, кожу вилы! И с неё заклѣтье сними!

Воротилась Вельмина с пѣра. И увидела — кожи нет. Опечалилась и заплакала:

— Ай же ты, милый муж мой Велес! Потерпел бы ты только день один — я б навеки стала твоею! А теперь мы должны расстаться — не разрушить заклѣтья Вия!

Закружился тут Чѣрный вихорь, задрожали горы высокие, все дубравушки приклонились. То на Змеюшке Пятиглавом прилетел Кащеюшка Виевич:

— Ай же ты, неразумный Велес! Ты зачем сжѣг кожу Лягушки? Коль не ты надел — не тебе снимать! И за кожу Премудрой Вилы — ты заплатишь своею кожей! Стань же, Велес, ты Чудо-Юдом! Пусть заклѣтие будет крепко! Сокрушить великие чары лишь девица красная сможет, что полюбит тебя всем сердцем даже в сѣм ужасном обличье!

И Кащеюшка, Чёрный князь, подхватил Премудрую Вилу — и взлетел на Змеюшке чёрном, и умчался в Тёмное Царство.

И остался Велес в лесу Чудо-Юдушкою ужасным. Стала кожа его — что елова кора, ну а волосы — что ковыль трава. Стали ноги, как грабли, а ручушки — вилы, нос его обратился в совиный клюв, ногти стали как когти, а зубы — кинжалы, а глаза — колодцы бездонные.

И Кащей прилетел в царство Тёмное, и влетел в чёрный замок Вия, ввёл в него Вельмину пленённую.

Брал её за ручушки-белые да за перстни её золочёные. И хотел Вельминушку целовать.

Но сказала ему Вельмина:

— А у нас замужние женщины до трёх лет ещё не целуются. Не целуются, не милуются...

И ответил Кащеюшка Виевич:

— Будь по-твоему, млада вилушка! Впереди у нас вечность целая! Подождать три года — не времечко.

И ушёл гулять в царстве пекельном. Стал стрелять из лука железного во летучих мышей, чёрных галок. Стал гонять жаб, змей, скорпионов и охотиться на пещерных крыс.

И своим он слугам наказывал:

— Коль Вельминушка закручинится — дайте ей подружек-служаночек, волкодлакушек и вампирш. Пусть они её развлекают.

Как уехал Кащей на охоту — подошла Вельмина к окошечку. Села вилушка и заплакала. Мимо шла мать Вия — Седунюшка. И спросила она у вилы:

— Что ж ты плачешь и уливаешься?

И ответила млада вила:

— А сегодня во светлом Ирии отмечают праздник — Седыев день! Праздник Родушки-Прародителя... Все гуляют и веселятся... Я же здесь сижу у окошечка, слёзы горькие проливаю!

— И у нас, — Седуня ответила, — ныне чествуют все Седыя. Он и мой Родитель, и Вию — Дед. А Кащеюшке будет Прадед. Есть и нам что ныне отпраздновать!

И позвала она к виле нянюшек, и дала напичков разных. И с козлом любимым Седуным погулять её отпустила.

Выходила гулять Вельмина, нянек допьяна напоила. Только нянюшки те напились — сразу же в кусты повалились. И козла Седуни зарезала — в жертву Роду в Седыев день.

И коня она отыскала, и из плена прочь поскакала.

То не белая лебедь по небу летит — то Вельминушка от Кащея бежит. Жемчуг мечется по её груди, на руке её перстенёк горит.

И под нею конь растягается, хвост и грива коня расстилаются.

И навстречу ей Дарьюшка-река. И взмолилась вила речушке:

— Ой ты, матушка! Дарьюшка-река! Есть ли на тебе броды мелкие? Иль мосточечки хоть калиновы? Может, где-то есть перевозчики?

И подплыла к виле колодушка, а в колодушке перевозчик — сам великий бог Китаврул.

И взмолилась ему Вельмина:

— Ой ты гой еси, Китаврuluшка! Ты меня доставь на ту сторону! К отцу-матери, роду-племени! Я за то тебе заплачу! Дам тебе коня, кунью шубочку, скáтный жемчуг и перстенёк!

Китаврул же с ней не торгуется и с ухмылочкой говорит:

— Не хочу я ни злата, ни жемчуга, и ни шубочки, ни коня! Млада вилушка, выходи-ка ты замуж нынче же за меня!

И на речи те Китаврuluшки млада вилушка отвечала:

— За меня и Велес сам сватался! Про иных я здесь умолчу... Как же я пойду за тебя? Даже в шуточку не хочу!

Что за топот и крики слышатся? Вой звериный, вороний грай... То бежит погоня Кашея!

— Не уйдёшь от нас! Догоняй!

И на Камешек Бел-горючий тут Вельминушка поднималась, и ударила о Камень.

Там, где вилушка упала, — там святая горушка встала. Где упали вилины руки — вырастали вязы и буки. Там, где ноженьки вилы пали, — ёлки-сосенки вырастали. А где русая пала коса, — поднимались там леса. Кровь где вилушка проливала — речка быстрая побежала...

* * *

Как бог Велес три года сватался, только все пугались несчастного, обращённого в Чудо-Юдо.

Посылал он свататься матушку и сестру родную Алтынку к Домне, дочери Славы-Сва. Уж они его и нахваливали, младу Домнушку уговаривали.

— Ты иди за Велеса, Домнушка!

Только смотрит она из окошечка — видит, ходит по саду Велес. Как увидела — испугалась:

— Ой, зачем же вы говорили мне, будто Велес — хорош-пригож? Лучше нет его в целом свете! И походка его будто львиная, тиха речь его лебединая. А глаза его — ясна сокола, ну а бровушки — чёрна соболя! Он сутул-горбат, наперёд покляп. Руки-ноги — кривы, а глаза — косы, голова — котёл пивоваренный, брови — будто собаки, а кожа — кора, не волосья на нём, а ковыль-трава!

И слова те на слух пали Велесу, за беду ему показались, за насмешку стали великую. Воротился Велес от Домны. Говорил сестрице Алтынке:

— Ай же ты, сестрица любимая! Соберём мы пир и девичий стол. Пригласи-ка ты Домну Славовну хлеба-соли есть да медок попить. А меня, скажи, будто дома нет. Мол, ушёл он в лес лесовать за лисицами и куницами да за разными мелкими птицами.

И пришла Алтынушка к Домне:

— Ай же ты да, Домнушка Славовна! К нам на пир пожалуй медку попить! Ещё Велеса нынче дома нет. Он ушёл в леса за лисицами да за разными мелкими птицами...

Не пускает Домнушку матушка:

— Не ходи-ка ты, Домна Славовна, на почестен пир, на девичий стол! Мне ночесь спа-

лось, во сне виделось... Будто я ношу золоты ключи, а один из них потеряла, и с руки моей падал перстень...

Отвечала ей Домна Славовна:

— Куда ночь пошла — туда сон прошёл!

Одевалась она скорёшенько, и умылась она белёшенько, и пришла на пир, на девичий стол. Заходила она в палатушки. Видит: Велес сидит во главе стола. Говорит он так званой гостыюшке:

— Ай, добро пожаловать, Домнушка, ко сутулому да горбатому! Ко ногам кривым и глазам косым! Проходи, садись за дубовый стол!

И взмолилася Домна Славовна:

— Отпусти меня, Велес Суревич! Я забыла в тереме перстень — тот, которым нам обручаться!

И ответил ей Велес Суревич:

— Ты, где хочешь, ходи, лишь меня люби!

И пошла-побежала Домнушка из палатушек белокаменных. Заходила в кузню Сварогову и ковала булатный нож. И ушла она в чисто полюшко, и на нож тот бросилась сердцем.

— Не достанься ты, тело белое, да сутулому и горбатому! А достанься ты да Сырой Земле!

И где кровь пролилася Домнушки, речка быстрая побежала — заструился там тихий Дон.

И остался тут Велес Суревич без невесушки Домны Славовны. И ушёл в лесочки дремучие, скрылся в горушки и долины...

И отныне все в день Седья славят Вилушку и Седуню, бога Велеса, сына Сурьи! С ними вместе и Домну славят!

ВЕЛЕС И АСЯ ЗВЕЗДИНКА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о том, как Ася Звездинка бога Велеса полюбила...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во том Святогоровом царстве жил купец богатый Садко. Почитал он Велеса мудрого. И во всех краях, где он хаживал, богу Велесу строил храмы.

И имел он много товаров, золотой казны, самоцветов. И имел трёх дочек любимых, и любил он их больше жизни, больше всех сокровищ земных. Всех сильнее любил дочку младшую — Асю, правнучку Святогора.

Вот пришла пора отплывать по делам торговым-купеческим в тридешатое государство. Собираясь в дорогу дальнюю, так сказал Садко дочерям:

— Много ль, мало ль в дороге буду, то не ведаю, дочки милые! Вы ж живите достойно, смирно. Коль исполните мой наказ — привезу такие подарочки, о каких вы только мечтаете...

И сказала так дочка старшая:

— Государь ты мой, рódный батюшка! Не дари ты мне чёрна соболя, злата-серебра, жемчугов, подари венец королевский из камней драгих самоцветных, чтоб в ночи сиял, словно Месяц, ну а днём горел — Солнцем Красным!

И Садко сказал старшей дочке:

— Хорошо, пусть будет по-твоему! Знаю я, есть в царстве заморском тот драгой венец самоцветный. Он хранится у королевы, спрятан в каменной кладовой во пещерочке под горою

за двумя дверями железными, за тремя замками булатными... Да, работушка будет трудная, но казне моей всё откроется.

Поклонилась дочка средняя:

— Государь ты мой, родный батюшка! Не дари ты мне чёрна соболя, злата-серебра, жемчугов — дай хрустальное чудо-зеркальце, чтоб, смотрясь в него, я не старилась, красота моя прибавлялася!

И ответил он средней дочери:

— Хорошо же, дочь моя милая! Знаю я, что в царстве заморском у царя с царицей прекрасной есть волшебное чудо-зеркальце. Скрыто зеркальце в башне каменной, что поставлена на горе. За семью дверями железными, за семью замками булатными. Вышина горы триста саженьей, и ведут к той башне ступени — их три тысячи без единой. И на каждой ступени — воин, и ключи от этих дверей та царица носит на поясе. Да, работушка будет трудная, но казне моей всё откроется.

Поклонилась и дочка младшая:

— Государь ты мой, родный батюшка! Не дари ты мне чёрна соболя, злата-серебра, жемчугов, не вези богатых даров. Привези лишь алый цветочек — да такой, чтобы в свете нашем не найти его было б краше!

Призадумался тут купец. Мало ль, много ль проходит времени, стал ласкать Садко дочку младшую, говорил он ей таковы слова:

— Ой, дала ты мне, дочь, задачку — потяжельше, чем сёстры старшие. Как найду я цветочек аленький? Как узнаю, что он всех краше? Поищу его в царствах дальних... А найду ли, нет — я не ведаю...

И поплыл Садко через морюшко, торговал в тридесятом царстве, продавал товары втридорога, покупал чужие втридешева, трюмы нагружал златом-серебром и камнями драгоценными.

Много ль, мало ль проходит времени — он добыл венец самоцветный старшей дочери на забаву, средней дочери — чудо-зеркальце. Но не смог найти младшей дочери тот заветный алый цветок.

Был Садко в садах королевских, был и в княжеских, был и в царских. Видел много цветочков алых — но никто не мог поручиться, что их краше нет в целом свете. Говорили ему садовники, что ещё прекрасней цветы во горах высоких Ирийских, только в горюшки те святы не пути-дороженьки смертным...

И поднялся Садко на кораблике ко истокам великой Ра. Плыл от самого моря Чёрного ко горам высоким Ирийским. .

Вот уж реченька стала узенькой, обмелела и запорожела. И сошёл Садко с корабля, и пошёл Садко с корабельщиками по горам, холмам и долинам. Брёл Садко лесами дремучими и болотушками зыбучими... И дружков в пути растерял — кто пропал в болотной пучине, кто назад повернул иль в реке утонул...

А Садко всё шёл без дороженьки.

Видит: лес пред ним расступается, а за ним опять задвигается. И не слышно рыку звериного, и шипения нет змеиного, писка в норочках нет мышиного, нет в ночи и крика совиного... Только сердце бьётся в груди, только виден свет впереди...

Выходил Садко на поляночку. А среди поляны широкой там стоит чертог белокаменный и сверкает огнями многими. И украшен чертог златом-серебром и камнями самоцветными. Все окошечки в нём растворены, и играет дивная музыка...

И входил Садко в золотой чертог. Видит: лестница бела мрамора с позолоченными перилами, по бокам вода бьёт ключами, и цветы растут, птицы песнь поют. Входит в залы Садко и в горницы — и везде убранство богатое, только нет кругом ни души.

И дивится Садко чуду-чудному, только думает про себя: «Как красиво здесь и богато, только кушать путнику нечего...» Лишь подумал он — перед ним вырос стол, уставленный яствами. Сел за стол Садко без сомнения — и напился, наелся досыта. Не успел он встать, оглянуться, а стола с едой как и не было... Только музыка не смолкает...

И дивится Садко чуду-чудному, только думает про себя: «Хорошо бы лечь отдохнуть...» Глядь — пред ним кровать резная, пуховик на ней, как гора, лежит, пуху мягонького, лебяжьего... И заснул Садко, и забылся...

Утром встал с кровати высокой, а уж платье ему приготовлено. Одевался он, умывался, кушал завтрак. И снова стал по палатам дивным прохаживать. Всё казалось ему лучше прежнего. И сошёл он с лестницы мраморной с малахитовыми перилами и выхаживал в чудный сад.

Ходит он по саду — дивуется. Спеют там плоды на деревьях, и цветы цветут расчудес-

ные, по цветочкам летают бабочки, и ключи там бьют, птицы песнь поют.

Видит он: перед ним на пригорочке расцветает цветочек алый. Красоты цветочек невиданной, что ни в сказке сказать, ни вздумать. От него по саду волшебному разливается чудный запах...

Дух в груди Садко занимается, резвы ноженьки подгибаются, и сердечушко разрывается.

— Вот какой он, цветочек алый! Нет его в целом мире краше!

И сорвал Садко тот цветок — в тот же миг безо всяких туч гром ударил, сверкнула молния и под ним земля зашаталась. И явился перед купцом сам бог Велес Сурич — чудовищем, коим стал по заклатью Вия после похищенья Вельмины.

И взревел Чудо-Юдище дико:

— Что ты сделал! И как посмел мой цветочек рвать заповедный? Я цветочком тем утешался и хранил его пуще ока... Я — бог Велес, хозяин сада! Я кормил тебя и поил. Ты ж мне чем за то уплатил?

И со всех сторон завопили:

— За цветочек аленький — смерть!

И упал Садко на колени:

— Ой ты, гой еси, Велес-батюшка! Ты прости меня неразумного! Не вели казнить, вели миловать, дай мне словушко только вымолвить... У меня есть дочки любимые — и хорошие, и пригожие. Обещал я им дать подарочки: старшей — дать венец самоцветный, средней — зеркальце подарить, и цветочек аленький — младшей, в целом свете его нет краше... Старшим я добыл по подарку, только младшей най-

ти не смог... Но увидел я тот цветочек во саду твоём, мудрый Велес! И подумал, что ты богат, жалко ль будет тебе цветочка?..

И ответил так буйный Велес:

— Нет тебе от Велеса милости! Но одно есть только спасение. Отпущу тебя невредимого, награжу казною несчётною, подарю и алый цветочек, коли вместо себя ко мне ты одну из дочек пришлёшь. Я обидушки ей не сделаю, будет жить в чести и приволье. Стало грустно мне одному, пусть развеет она мне горе...

Падал ниц Садко пред хозяином, лил купец горячие слёзы.

— Ой ты гой еси, Велес-батюшка! А как быть, коли дочки милые не пойдут к тебе по хотению? Аль прикажешь их приневолить? Да и как к тебе добираться? Я три года шёл без дороженьки, по каким местам, сам не ведаю...

И ответил так Велес мудрый:

— Пусть придут они по хотению, по любви к тебе, рóдну батюшке. Ну а коли не захотят, сам вертайся за лютой смертью. Как дойти сюда — не твоя печаль. Вот возьми-ка, Садко, мой перстень — со рубином алым из Китежа. На мизинец его наденешь, будешь там, где сам пожелаешь...

Начал думать Садко думу крепкую: «Лучше с дочками мне увидеться, ну а коли меня не выручат — приготовлюсь я к лютой смерти...»

И надел перстенёк на палец.

Не успел Садко оглянуться — он стоит во славном Царьграде на своём широком дворе. И в ту пору в ворота въехали караваны его богатые, и казны на них больше прежнего.

И встречают его дочурки. И целуют его, и милуют. И зовут его словом ласковым. Принимают его подарочки, дочка старшая — дорогой венец, дочка средняя — чудо-зеркальце, дочка младшенькая — цветок. Только видят — печален батюшка, есть на сердце его тоска.

И сказала так дочка младшая:

— Мне богатства твои ненадобны, и цветочек алый не радует, коли ты нерадостен, батюшка. Ты открой-ка нам, в чём печаль твоя. Не таи от дочек кручинушку...

И ответил так дочерям Садко:

— Я нажил богатство великое, но не смог беду отворотить. Дал обет такой богу Велесу: если он меня возвратит домой и подарит цветочек алый, я отдам ему дочь родимую. Коль никто из вас не решится жить у Велеса, бога лютого, обращённого в Чудо-Юдо, — я умру тогда смертью скорой...

Испугались дочки старшие, разбежались и попрятались. Только младшая так сказала:

— Коль ты мне принёс аленький цветок, значит, надо мне выручать тебя, отправляться жить к богу Велесу. Буду я служить зверю лютому, может, он меня и помилует...

И с отцом прощалась Звездиночка, и брала она аленький цветок, перстень на руку надевала.

В тот же миг она оказалась во палатушках бога Велеса на кроватишке золочёной и на той перине лебяжьей. И легла она почивать — утро вечера мудренее...

А наутро она проснулася и пошла чертоги осматривать. И ходила она много времени, на диковинки удивляясь. И казалось ей всё краше, чем рассказывал родный батюшка.

И сошла она во зелёный сад. И запели ей соловьи, зазвенели ключи хрустальные, и цветы пред ней преклонились. И взяла она аленький цветок — посадить его захотела. Он же сам из рук её вылетел и вернулся на стебелёк. И расцвёл опять краше прежнего.

И Звездиночка так сказала:

— Значит, мой хозяин не гневается и со мною он будет милостив.

Тут на стеночке беломраморной буквы огненные явились:

«Не хозяин я, а послушный раб. Что тебе, госпожа, захочется — в тот же миг исполню с охотою».

Изумилась Ася словам таким:

— Не зови меня госпожою! Будь же добрым мне господином, не оставь меня своей милостью... Я из воли твоей не выступлю... Я за всё тебе благодарна...

Стала жить так Ася Звездиночка. Всякий день её беспечален, всякий день — нарядушки новые, и убранства, и украшения. Подают ей руки невидимые яства-кушанья, угощения. Всякий день катанье весёлое по лесам, полям и дубравушкам — в колесницах волшебных без упряжи... И приветы и речи ласковые шлёт ей Велес словами огненными всё на той стене беломраморной...

И увидела Ася — Велес полюбил её больше жизни. И тогда она захотела говорить с ним и голос слышать. И молила она хозяина. И явились ей слова на той стеночке беломраморной:

«Приходи сегодня в зелёный сад во свою беседку любимую. И скажи: я слушаю, Велес!»

Много ль, мало ль проходит времени — прибежала Ася Звездиночка во свою беседку любимую. А сердечко у ней трепещет, как у пташечки, в клетку пойманной.

— Говори со мной, добрый господин! После всех твоих многих милостей — и звериный рёв мне не страшен...

И услышала Ася милая ровно кто вздохнул за беседкою. И услышала голос страшный, дикий, сиплый, как волчий вой. Испугалась она и вздрогнула, но приветливые слова скоро сердце ей успокоили. Стала слушать она речи умные, на душе её стало радостно.

С той поры беседы пошли у них — целый день в саду на гуляниях, в тёмных лесушках на катаниях.

Только спросит Ася Звездиночка:

— Здесь ли ты, мой добрый хозяин?

Отвечает ей мудрый Велес:

— Здесь я, твой неизменный друг!

И не страшен ей голос дикий. И идут у них речи долгие, и за ласковою беседой незаметно уходит время...

Много ль, мало ль минуло времени — захотелось Асе Звездиночке увидеть обличие Велеса. И просила о том друга верного. Долго Велес не соглашался, испугать её опасался:

— Не проси меня, Ася милая! Ведь меня в обличье чудовища устрашают даже звери! Мы живём с тобою в согласии и друг с другом не разлучаемся. А увидя мою личину, ты меня, конечно, оставишь. Я ж навек тогда затоскую...

Не послушала Ася милая.

— Я не разлюблю тебя, Велес! Во любом обличье явись! Если стар человек — будь мне дедушка. Коль середович — будь мне дядюшка. Если молод ты — будь мне братушка. И поколь жива — будь сердечный друг!

И ответил ей мудрый Велес:

— Я тебе перечить не стану — я люблю тебя больше жизни! Ныне приходи во зелёный сад, как за лес зайдёт Солнце Красное. И скажи: «Явись, мой сердечный друг!» Я тогда тебе в серых сумерках на единый миг покажуся...

И пошла она во зелёный сад, ни одной минутки не мешкая. Опустилось Солнце Красное, и тогда Звездинка промолвила:

— Ты явись ко мне, мой сердечный друг!

Показалось ей Чудо-Юдище, вдалеке на миг появилось, перешло дорожку садовую и пропало сразу в кустах...

Испугалася Ася, вскрикнула и на землю пала без памяти. Вправду было страшно чудовище. Его кожа была — что елова кора, ну а волосы — что ковыль-трава. На руках-то — когти звериные, его ноженьки — лошадиные, нос — как клюв совиный, клыки во рту, а глаза — колодцы бездонные.

Пролежала она много времени. Как очнулася — слышит плач, кто-то рядом с ней убивается:

— Ты меня погубила, девица! Ты меня теперь не захочешь и ни видеть, ни даже слышать...

Жалко стало Звездиночке Велеса:

— Господин мой добрый и ласковый, я не буду больше бояться, не забуду я твоих милостей и не разлучуся с тобой! Покажись мне те-

перь в виде давешнем, я впервые лишь испугалась...

Показалось ей Чудо-Юдушко, только близко не подошло, как она его ни просила. И гуляли они до ноченьки, и вели беседушки прежние.

На другой день она увидела буйна Велеса в свете Солнышка — и ничуть уже не боялась. И пошли у них разговоры день-деньской, с утра и до вечера. И гуляли они по садам, и катались по лесам...

Много ль, мало ль минуло времени, как-то раз приснились Асе дом родительский и отец. Он стоит один на пороге и печалится о Звездинке.

И она молила хозяина:

— Отпусти меня, Велес мудрый, в гости к батюшке моему! Он слезит свои очи ясные, всё тоскует он обо мне...

И ответил ей Велес мудрый:

— Что ж, иди, мой свет, не в неволе ты! Вот возьми, Звездиночка, перстень. Повернёшь рубин — ты у батюшки, повернёшь ещё — снова дома. Но вернись, молю, до заката! А иначе сила волшебная у того рубина иссякнет, и останешься ты у батюшки, я же без тебя затоскую...

Повернула Звездинка перстень — оказалась в Цареграде. И встречают её Садко и сестрицы её родимые. И нарядам её дивятся, и рассказам утешаются.

Рассказала она Садко о привольном житье своём, ничего пред ним не скрывая. И дивился, и веселился он житью её королевскому, и тому, что она привыкла не бояться Чудища-Юдища.

И проходит день, как единый час, стали сёстры её упрасивать не идти назад к Чуду-Юдищу. И разгневалась Звездинка:

— Если я моему господину за любовь его буду злом платить, лучше мне и не жить на свете!

И тогда сестрицы родные задержать решили Звездиночку, и все окна закрыли ставнями, запалили в тереме свечечки...

Вот к закату Солнце склоняется, а Звездиночка не спешит домой, на пиру забылась у бабюшки...

Тут отец Садко удивился:

— Что же в доме окна заставлены? Надо их открыть — посмотреть, не заходит ли Солнце Красное?

Как открыли слуги те ставенки, видят все, что последний луч посылает им Солнце Красное...

И тогда Звездиночка Ася повернула свой перстенёк. В тот же миг она очутилась во дворце своём белокаменном, во палатушках бога Велеса.

И вскричала она тогда:

— Что же ты меня не встречаешь, господин мой ласковый Велес?

А вокруг стоит тишина. Не поют в саду птицы певчие и не бьют ключи родниковые...

— Где же ты, мой алый цветочек? — так в саду заплакала Ася. — Аль его Красным Солнышком выпекло, и дождями частыми вымыло, жёлтыми песками повымело?

Побежала она к пригорку, где цветочек аленький рос. Видит — Велес лёг на пригорке, обхватив руками цветок. Видит — он лежит бездыханный. Его очушки помутились, и уста его запечатались...

И припала к нему Звездиночка, и ласкать она стала Велеса, целовала его и плакала:

— Ты проснись, пробудись, милый Велес! Я люблю тебя, как невеста жениха желанного любит!

Только те слова прозвучали — заблестели в небушке молнии, затряслась Земля Сырая и потрясся небесный свод.

И упала Ася без памяти...

А очнулась... в палатах царских, и сидит она на престоле, князь молодой её обнимает...

— Ася! Звёздная ты царевна! Ты меня тогда полюбила за любовь мою, душу добрую, когда был я как лютый зверь! Скинул я личину ужасную, полюби же меня теперь!

И ещё сказал Велес Сурич:

— Злой волшебник силой Седуни наложил заклятие крепкое — жить мне в образе безобразном до тех пор, пока в сём обличье не полюбит меня красна девица... Ты снял заклатье Седунево! Быть тебе моею супругой!

И они полетели в Ирий на ковре-самолёте Велеса.

И сыграли там вскоре свадебку. И на свадьбе Велеса Сурича веселились небожители, веселился и сам Садко и сестрицы Аси Звездиночки.

А когда Велес с Асей женились, в хороводе звёзды кружились... И родилась у Звездинки и у Велеса Всевеликого, как пришла тому порамечко, дочка Ламия солнцеликая!..

И теперь все Велесу славу поют, и Звездиночке, и Садко — внуку Святогора с Плеяною!

СМЕРТЬ ЗВЕЗДИНКИ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как пришла к Звездиночке Смерть. Как бог Велес пошёл за Асей, и как встретил он Вилу Сиду.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как на озере Светлояре, во Великом том Китеж-граде, Велес, мудрый бог, видел смутный сон.

Говорил он Асе Звездиночке:

— Ой, малым-малó ныне мне спалось. Мне малó спалось и привиделось... Как слетались чёрны вороны, собирались тучи чёрные... И Властители четырёх стихий собирались-соезжались... И судили там, и рядили, о Звездиночке говорили: «Ася — смертная! И по Праву — жить ей краткий век человека! Человечья жизнь — словно искра! Погорит она и погаснет!»

И, услышавши те слова, опечалилася Звездинка:

— Почему должна умереть я? И за что же мне эта кара? Кто меня теперь защитит?

— Не волнуйся, — ответил Велес. — Я Властителей умолю, чтобы жизнь тебе сохранили! Возложу на их алтари я сокровища все свои!

Но слышался голос Вышня:

— О, не трать богатства напрасно... Не в ладах ты, Велес, со Смертью! Враждовал ты с родом Седуни — и не будет Ася бессмертной!

— Что ж, готова я мир оставить, — так сказала Ася Звездинка, — если ты меня не

забудешь... Я к тебе прорасту травкою, расцвету цветами весною...

И явилась Смерть Звездинке:

— Ты умрёшь теперь, как и люди! И тебя на ложе печали Велес, сын Коровы, уложит!

И воскликнул тут Велес Сурич:

— О Звездиночка! Зорька ясная! Вот вода иссякла в крынице... И колышутся в поле травы, и печально щебечут птицы... Что за сон владеет тобою? Вот и сердце твоё не бьётся... Ты бледна и меня не слышишь, закатилось Ясно Солнце...

Не насытившись горьким плачем, Велес бросился в лес дремучий, да ко омутам тем зыбучим...

Что там? Ветер ли ветки клонит? Или вихорь листья срывает — под горой у речки студёной?

То не вихорь вьёт и не ветер — кружат здесь под горой русалки, двор городят и строят терем. Вместо брёвен кладут в основу старцев с белыми бородами. Не кирпич кладут — малых деток, не подпорочки — жён с мужьями. Из мальчишек делают крышу, из девчоночек — черепицу. Двери — из парней неженатых. А окошечки — из невест.

— Велес! Велес! Вот тихий ветер шевельнул листву у деревьев. Это вилы, русалки-вилы, закружились в хороводе. И не видел ты, и не чуял — понесло тебя, закружило в хороводе у тихой речки...

Пляшет Велес и горько плачет. И спросили его:

— Что ж плачешь ты в русалочьем хороводе? Жаль тебе ли старую маму? Иль отца? Сестру или брата?

И ответил печальный Велес:

— Жаль не батюшку и не мать мне. Не сестру родную, не брата. Жаль подругу милую Асю, что угасла ныне с Зарёю...

И побрёл он теми лесами, поднимался в горы высокие, опускался в долины широкие.

И пришёл к горам Сарачинским, к Марабелли — Чёрной горе. Видит он пред собой пещеру, что закрыта медною дверью. И ту дверь охраняют стражи. Их ужасней представить трудно: псы — Азарушка и Казар.

И сказал им так Велес Сурич:

— Вы откройте-ка двери, стражи! Нет мне более жизни в Яви. Я хочу подругу увидеть. Ту, что ныне сделалась прахом...

И ему ответили стражи:

— Как же ты, сын Солнца, пойдёшь, ничего не видя во мраке?

— Как печаль идёт прямо в сердце. Я пойду со вздохом и плачем, с тяжкой мыслью о милой Асе...

И открылись бесшумно двери, уступив непреклонной воле. И вошёл в пещерушку Велес. И вступил на печальный путь.

Много ль, мало ль он шёл во мраке — вот забрезжил свет впереди...

И открылась взору долина, и луга, и роща, и речка. Там плоды свисали с деревьев, и цветы в траве расцветали.

Только было всё неживое. Все стволы — из чёрного камня, листья, травы из малахита, а плоды с цветами — из яшмы, из рубина и сердолика.

И ту рощу покинул Велес. И увидел Чёрную реку, что текла слезами людскими. И увидел Чёрное море. И над бездною той — утёс. И узрел на чёрном утёсе дом без окон с плоскою кровлей.

Подошёл к нему Велес. Видит, что у дома заперты двери. Но от слуха его не скрылось за дверями чьё-то дыханье.

— Кто здесь? — спрашивал Велес громко. — Ты ль, хозяйка утёса Сиды? Та, что здесь богов принимает, угощает медовой сурьей?

— Да. Я здесь гостей принимаю! Что ты ищешь тут, мудрый Велес? Отчего же ты так печален?

— Как же, Сидушка, мне не плакать! Смерть украла мою супругу — Асю, правнучку Святогора! Потому отныне печально я брожу по Тёмному царству...

И пропела так Вила Сиды:

*Год за годом травой растёт,
век за веком рекой течёт.
За Зимой идёт Весна,
Лето с Осенью им вослед.*

*После дня наступает ночь,
а за ночью идёт рассвет...
Круг сменяет Круг бесконечно...
И ничто под Луной не вечно...*

И сказала так Вила Сиды:

— То ли ищешь ты, Велес мудрый? Ведь Сварог с супругою Ладой человека создали смертным. Ты оставь пустые заботы! И развежь печальные думы! Выпей лучше ты чашу с сурьей...

Выходила к нему хозяйка, чашу с сурицей выносила. И увидел хозяйку Велес. Поразился он несказанно вот стоит перед ним Звездинка, и в руках она держит чашу.

— Ты ли это, Ася Звездинка? — вскрикнул Велес и принял чашу.

— Это я — великая Сиды! Я ж Звездиночка, дочь Садко. Я ж — Ясунюшка Святогоровна. Также я — Премудрая Вила. Также я — Хозяюшка Камня и Азовушка Золотая.

И ещё она так сказала:

— Много раз я в мире рождалась, много раз покидала мир... И во всех назначенных жизнях я всегда тебя находила! Здравствуй, Рамна! Асила! Велес!

И ответил ей Велес мудрый:

— Здравствуй, Сиды! Азова! Вила!

И тогда над чёрною бездной зашумели мощные крылья, и явилась им Гамаюн.

— Вы садитесь ко мне на крылья!

И слышали боги зов. И сажился Велес на правое, Вила Сиды села на левое. И они полетели в Ирий к Свету Белому, к Сурье-Ра.

СНЕГУРКА И ЛЕЛЬ

— Расскажи, Гамаюн птица вещая, как родились Лель и Снегурочка. Спой историю их любви!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как у Волги — Великой Ра да во тех лесах Светлояровых Велес с Вилою жили и зверей сторожили.

Был весной Велиаром — Велес. Вила же была — Вешней Тальницей. Где пролётывал Велиар вместе с Тальницей Святогоркою — таял снег, росли яровые.

Был Зимой Велес — Морозкою, Вила же — Метелицей-Вьюжницей. Где Морозушко пролетал вместе с Вьюжницею-Метелицей — там снега ложились высокие, реки леденели широкие.

И из снега талого, вешнего Велес с Вилой слепили девочку. И назвали её Снегурочкой. И качали доченьку в люлечке, и Снегурочку так баюкали:

— Спи, дочурочка! Спи, Снегурочка! Ты из вешнего снега скатана, вешним Солнышком нарумянена!

И росла дочурка Снегурочка. И такой красавицей стала — ни пером описать, ни вздумать. Её кожа белá ровно белый снег, словно смоль чёрны её волосы, как кровиночка — губы алые.

А у реченьки той Смородины жили Леля с Финистом Соколом. И родила Лелюшка сына златокудрого, златогласого. И назвала сыночка Лелем.

И сыночек Лель был на возрасте, словно Сокол Ясный на вóзлете. И играл на чудной свирели, пел он голосом соловьиным. И прислушивались к тем песням горушки вокруг и долины...

Вот пришла зима снеговитая, вьюгами вся перевитая...

И Снегурочка, дева юная, так с Метелицей говорила:

— Ой, не спится мне и не дремлетя, и сердечушко беспокоится. Я в окно гляжу, вьюженьку сторожу...

— Ой ты дитятко, не тревожься, — отвечала ей мать Метелица. — То метель метёт, ветер стонет и у дерева ветки клонит...

— Ой мне скучно, мама, и грустно, — так говáривала Снегурочка, — во груди сердечко тревожится! Худо мне, молодой, и неможется... Я пойду в лесок разгуляюся, со милым дружкой повстречаюся...

Отвечала ей так Метелица:

— Ой, Мороза дочь, не ходи гулять в ночь! По снежку следов не протоптывай! Те следочки не скрыть порошицей от печалюшки — горя лютого.

Но Снегурочка не послушала. И пошла гулять во лесок, выходила на бережок. Бережок водой приулитый, сапожочками приубитый.

Скок она поскóк на ледóк — подломился каблучок. Подломился каблучок, пала дева на бочок. Нéкому руки подать, некому её поднять.

Тут по реченьке стук копыт, тройка над рекой летит. Колокольцев звон-перезвон: дили-дон! дили-дон! дили-дон!

Едет с песней Лель на санях на горячих своих конях.

Говорила Лелю Снегурочка:

— Ах ты милый мой, друг сердечный! Не проскакивай вдоль по речке! Ты попрдерживка коней, дай мне рученьку поскорей!

Руку ей подал милый Лель:

— Вот тебе рука моя, дéвица! А за помощь спрошу с тебя плату я. Да не малую — поцелуй меня!

На руке же витязя — перстень с алым камешком сердоликом. И горела в нём искра божия из горнила печи Сварожьей. Алый луч его проникал через все закрытые дверцы, чрез глаза до самого сердца.

И Снегурочку, дочь Мороза, пламя той любви обожгло. И тотчас ледяное сердце у Снегурочки ожило.

И тогда Снегурка и Лель целовались-миловались. А потом Снегурка печалилась:

— Как же я вернусь к родну батюшке?

Говорил тогда Лель Снегурочке:

— Лесом ты лети белой Лебедью, по двору иди серой Утицей, в терем залетай Соколицею!

И ещё сказал красной деве он:

— Твой высок терём растворён стоит. А твой батюшка за столом сидит. Он тебя будет строго спрашивать: «Где же ты была, дочь любимая?» Отвечай ты так родну батюшке: «Я летела в лесу белой Лебедью, по двору я шла серой Утицей, залетала в дом Соколицею!» И простит тебя родный батюшка!

И к отцу вернулась Снегурочка. Всё как Лель учил так и сделала. Но в печаль пришёл мудрый Велес.

— Ой дочурка моя, Снегурочка! Не встречайся ты с сыном Лели! Знай, что с Лелею есть у нас вражда с тех времён, как выжжено ею под лопаткой моей тавро. Может быть, сын послан был ею, чтоб за старое отплатить!

Но Снегурочка возразила:

— Лель Снегурочку не обидит! Он со мной и весел, и ласков, как с голубкою голубок...

— Он обманет тебя, Снегурка! Ты растаешь как вешний снег от любви и чарушек Лели!

— Пусть растаю! Нет лучшей доли! Все рождаются для любви! И должна полюбить Снегурка!

А тем временем дева Леля по палатушкам всё ходила. И брала она блюдце с яблочком.

Как по блюдцу катала яблочко, так выпрашивала его:

— Ты катись, золотое яблочко, да по блюдечку по серебряну. Покажи мне: кто всех прелестней, кто прекрасней всех в поднебесье.

И на просьбу ту юды Лелюшки отвечало блюдце обычно так:

— Ай, послушайте блюдечка ответ: Лелюшки прекрасней в целом свете нет!

И показывало милой Леле: и глаза её голубые, щёчки — яблочки наливные, кожу нежную, золотистую, волосы её серебристые. И тогда улыбалась Леля, наряжалась-красовалась, на себя она любовалась.

Ныне вновь покатила яблочко да по блюдечку юда Лелюшка:

— Ты катись, золотое яблочко, да по блюдечку по серебряну. Покажи мне: кто всех прелестней, кто прекрасней всех в поднебесье.

И на просьбу ту юды Лелюшки, ныне блю-
дечко отвечало так:

— Как прекрасна ты, дочь Сварога! Но пре-
красней тебя намного та младая дева Сне-
гурочка, Велеса и Вилы дочурочка! Её кожа
бела, ровно белый снег, словно смоль — черны
её волосы, как кровиночка — губы алые.

И тогда младую Снегурочку показало се-
рёбряно блюдечко. С нею рядом — юного Леля.

И, увидев то, юда Леля рассердилася, взлю-
товалася.

— Знать, решила дева Снегурочка стать на
троне моём царицею!

И призвала Лелюшка лешего. И наказывала
ему, чтобы в лес завёл он Снегурочку, руки-но-
женьки повязал и одну её оставлял.

— Заведи её в лес дремучий, и оставь-ка там
на мученье, зверю лютому на съеденье!

Вот пошла Снегурочка-дева в лес с подруж-
ками погулять, снежну бабу лепить и в снежки
поиграть. И с подруженьками аукалась.

Только вместо её подружек стал аукаться с
нею леший, чтобы в лес её заманить, там её,
младую, сгубить. Как завёл, хотел повязать,
стала плакать она, умолять:

— Ах ты милый мой, добрый леший! Пожа-
лей ты меня немножко, не вяжи ты мне руки-
ножки, не бросай меня на мученье, зверю лю-
тому на съеденье.

Леший дёвицу пожалел и вязать её не посмел:

— Убегай скорее, Снегурка, Велеса и Вилы
дочурка! Ты от гнева Лели укройся, о себе те-
перь беспокойся! Ведь юдица тебя не любит,
коль отыщет тебя — погубит!

Побежала тогда Снегурочка, пробиралася
по долам и блуждала она по горам. Ветки
больно её стегали, а колючки одежду рвали.

И увидела свет Снегурка. Вот пред нею лес разомкнулся, позади же снова сомкнулся. Видит дева: изба стоит и к себе Снегурку манит.

И зашла в избу красна девица. И вокруг себя оглянулась, с облегчением улыбнулась.

Всё в избушке той было маленьким: стулья, столик. А на столе — семь тарелочек, в них семь ложек, рядом чашечек тоже семь. Захотелось есть Снегурке, ко столу она подошла, там и ела она и пила.

После дверцу она открыла, прямо в спальню заходила. Захотелось ей поспать, во постелюшке почивать. Только ляжет в одну — широко, а в другой кроватке — высоко. Лишь в последнюю уложилась. И, закрывши глаза, забылась.

Тут хозяева возвратились. Были это семь горных вильней, что весь день в горах промышляли, золото-серебро добывали.

Звали первого — Понедельник, был забавник он и бездельник. Вторник был суровым воякой, шалопаем и забиякой. Был Среда из всех самым умным, а Четверг — тот был самым шумным. Пятница — беспечным и нежным, а Суббота — самым прилежным. Воскресенье был заводилой, и среди них считался верзилой, ибо мог перепрыгнуть кошку, если разбежится немножко.

Страшно им: весь дом в беспорядке, оглянулись они украдкой:

— Кто на стуле моём сидел? Кто без спросу здесь пил и ел? Со стола кто ложечки брал? И постелюшки кто помял?

Тут они Снегурку узрели, что спала попереёк постелей. И сбежались вильни в светлицу, осветили они девицу.

— Боже, что за чѹдная дева?

И проснулася тут Снегурка. И её семь вильней спросили:

— Как же звать тебя, дева красная?

— Называют меня Снегуркой, Велеса и Вилы дочуркой.

И она рассказала им, как в лесу она заблудилась и в избушке их очутилась. И решили вильни помочь, приютить Велесову дочь.

Каждый день уходили вильни на работу свою в рудник. А Снегурке так говорили:

— Берегись, Снегурочка, Лели! Крепко двери все закрывай, никого в избу не пускай. Ибо скоро узнает Леля, где же ты от неё сокрылась и в какую глушь удалилась!

А в ту пору Леля Свароговна по палатам своим ходила. И брала́ то блюдце волшебное. Как по блюдцу катала яблочко, так выпрашивала его:

— Ты катись, золотое яблочко, да по блюдечку по серебряну. Покажи мне: кто́ всех прелестней, кто́ прекрасней всех в поднебесье.

И ответило Леле блюдце:

— Как прекрасна ты, дочь Сварога! Но прекрасней тебя намного дева та, что живёт у вильней за лесами и за горами, в их избе под семью шатрами.

И волшебное это блюдечко показало ей вновь Снегурочку.

И от этих слов дева Лелюшка рассердилася, взлютовалася. Обернулася она колдуньей безобразною и безумной.

И ходила Леля во Чёрный бор, рыла злые она коренья и готовила зелье лютное. И сливала зельюшко в чашечку, опускала в ту чашу яблочко.

И явилася Леля с яблочком у окошечка юной девы.

— Продаю золотые яблоки! — говорила она Снегурке. — А кто съест волшебное яблочко, обретёт тот вечную молодость!

И взяла Снегурочка яблочко и немножечко откусила. И тотчас на землю упала, и уже она не дышала.

Рассмеялася Леля грозно:

— Да!.. Кто съест волшебное яблочко, не состарится тот вовеки!

Вот вернулись с работы вильни. Видят: вот на земле Снегурка.

— Это Лелюшка-самоюдочка усыпила нашу Снегурочку!

И тогда в великой печали вильни гроб хрустальный создали и златые цепи сковали. Тело девы в гроб положили, и к Ярилиной той горе с песней грустною относили.

И упрятали гроб в норе, что в Ярилиной той горе. Рядом с родовой усыпальницей, где была гробница Ярилы, что был братом девы Снегурочки, Велеса и Вилы дочурочки.

Там Ярила зимою во тьме засыпал, а весной на свет воскресал.

И повесили рядом вильни гроб Снегурочки на цепях, укрепивши их на столбах.

А затем ховец-могилу камнем завалили, и на той Горе-ховце вишни посадили: чтобы раннею весной вишни расцветали, будто снегом — лепестками гору покрывали.

И потёк из слёз ручей из горы печальной сей.

* * *

А в то времечко юный Лель всё ходил и искал Снегурку — Велеса и Вилы дочурку.

Он искал её по лесам, и искал её по полям, забирался в крутые горы и бродил по берегу моря.

Обратился он к Солнцу Красному:

— Ай ты, батюшка Солнце Красное! Днём ты землю всю освещаешь и весь Белый Свет озираешь! Ты не знаешь ли, где Снегурочка, Велеса и Вилы дочурочка?

Солнце-батюшка отвечал:

— Я Снегурочки не видал. Может, Месяц Снегурку встретил, тёмной ночью её приметил?

Лель и к Месяцу обратился:

— Ай ты, батюшка ясный Месяц! Ночью землю ты освещаешь, весь подлунный мир озираешь! Ты не знаешь ли, где Снегурочка, Велеса и Вилы дочурочка?

Месяц-батюшка отвечал:

— Я Снегурочки не видал. Может, Ветер Снегурку встретил, на дорожке её приметил?

И отправился Лель к Стрибогу:

— Ай ты, батюшка Ветер буйный! Овеваешь ты каждый камень, и листочек, и стебелёк... Не встречал ли ты где Снегурку, Велеса и Вилы дочурку?

Ветер-батюшка отвечал:

— За Великою Ра-рекою, да за реченькою Окою, там где Клязьма течёт у Горы-ховца, есть пещера одна — усыпальница. И в пещерушке той печальной, оведал я сам гроб хрустальный... Ну а в гробе этом Снегурочка, Велеса и Вилы дочурочка.

Тут сын Финиста Лель — ясным соколом взвился, и на крыльях ветров к облакам устремился.

Полетел над лесами дремучими и болотушками зыбучими. И нашёл пещеру печальную, где качается гроб хрустальный.

Скинув перья на пол, он ко гробу пошёл. Открывал он крышечку гроба и Снегурочку целовал, перстень девице надевал.

— Вот тебе перстенёк, Снегурка!

Ну а перстень тот золотой был подарен Леле и Финисту Ладой-матушкою самой. И от самого Дня Творенья, сила в нём была воскресенья.

И очнулась Снегурка от тяжкого сна, и открыла ясные очи она:

— Здравствуй, Лелюшка мой прекрасный! Здравствуй, милый мой Сокол Ясный!

И тогда венцы принимали Лель, сын Финиста, и Снегурка в день великой богини Сречи на Ярилиной той горе.

И пошёл от Снегурки с Лелем род снегуров, который слился с родом яров-волотоманов. Снег и Солнце, огонь и стужа слились вместе в его крови, будто память о той любви.

И теперь все славят Снегурку! Славят также юного Леля! Также Велеса с Вилой-юдой!

ВЕЛЕС И СИДА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как изгнали Рамну и Сиду. Как похитил Сиду Кашей. Расскажи нам о битве славной и великой победе Рамны!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как состарился мудрый Ра и десница его ослабла, стал он думать — кому вручить колесницы солнечной вожжи? Кто сумеет на небе править золотыми его конями?

И сказал:

— Отдать я желаю трон свой Велесу — сыну старшему! Кто ж сумеет лучше его колесницей солнечной править?

Как про то Воляня узнала — огорчилась несказанно. И сказала так богу Солнца:

— Если вправду ты меня любишь — дай тогда ты мне обещанье, что моё исполнишь желанье. Поклянись горой Алатырской и Смородиной — Чёрной речкой!

Клятву дал тогда Ра великий. Клялся он горой Алатырской и Смородиной — Чёрной речкой.

И тогда сказала Воляня:

— Если только ты меня любишь — то моё исполни желанье! Пусть златой колесницей Солнца правит сын наш — великий Хорс! Ты вручи ему золотой венец!

Опечалился светлый Ра:

— Как же быть нам с Велесом-Рамной?

— Изгони ты сына Коровы вместе с Вилою в лес дремучий! Если только меня ты любишь — выполни своё обещанье и моё исполни желанье!

Промолчал тогда Сурья-Ра и не стал Воляне перечить — слово данное не воротишь.

Он призвал Корову Земун. Повинился Ра перед нею, передал последнюю волю: трон его займёт Хорс великий, сын же Велес уйдёт в изгнание.

И Земун, Корова Небесная, осерчала на бога Ра. И его на рога подняла. Так стал Ра небесной рекою — той, что Явь и Навь разделяет. И протёк Ра-рекою с Уральских гор.

Как узнали о воле Ра Велес мудрый и Вила Сиды, завернулись в бересту и отправились в лес дремучий.

Хорс за ними бросился следом, как догнал он их — на колени пал:

— Брат мой! Велес! Прошу, вернись и займи трон Красного Солнца! Старший ты — по праву трон Солнца твой!

Но ответил так мудрый Велес:

— Ра-отец решил по-иному. Нам же следует подчиниться и его исполнить желанье.

И сказал в ответ Хорс великий:

— Дай тогда мне свои сапожки — я на трон златой их поставлю, чтоб твоим мне именем править!

Дал тогда бог Велес сапожки.

Вот ступают Велес и Вила по горам, лесам и долинам. И дошли до речки Смородины. А вдоль берега речки быстрой кости свалены человечьи, и бурлит она, и клокочет.

Велес с Вилой встали у речки, тут пред ними Яга явилась. Как узнала Велеса Буря, сердце вспыхнуло прежней страстью.

— Не могу оторвать я взгляда от кудрей твоих златоструйных и от глаз сияющих, Велес! Ты приди ко мне, Велес мудрый! Стань ты мужем моим, как прежде! Пусть нам Сиды будет рабою!

И ответила Вила Сиды:

— Как мне быть у себя рабою? Ты — есть я, только в царстве Вия. Нам ли ссориться? Мы роднее, ближе мы друг другу, чем сёстры!

И ответил ей Велес мудрый:

— По велению Бога Вышня мы с тобою, Буря, расстались! Ты вернулась в царство Вия, я же — в Явь. И отныне Сиды — будет вечной моей супругой!

И тотчас Яга в диком гневе, словно кошка, бросилась к Сиде:

— Разорву разлучницу Сиду!

Велес тут схватил волховницу и её отбросил далёко — так что еле в ней дух остался. И со стоном громким, хромая, скрежеща от злости зубами, добралась Буря до Пекла и до самой Чёрной горы. И к ногам припала Кащей.

Заревел Кащейюшка Виевич:

— О! Кто это с тобою сделал? Кто о мести страшной не думал? Кто, наткнувшись на острый меч, на него набросился сердцем? Змея кто ногами топтал? Сунул голову в волчью пасть?

— О Кащей! Мой названный братец! Мне нанёс обидушку Велес и жена его Вила Сиды!

И ему поведала Буря и о Велесе, и о Сиде. Призывая к мести, искусно расписала Сиды красу, чтоб Кащей, восплаившись страстью, у супруга её похитил.

Разошёлся-разлютовался Чёрный князь Кащейюшка грозный. И налил вино в злату чашу, и обрызнул им волховницу. Обернул волховницу Ланью — у неё рога золотые, вплетены самоцветы в шерсть.

— Ты скачи быстрой Ланью, Буря! И пред Велесом появись. За тобою он побежит по

горам, лесам и долинам. Я ж тогда овладею Сидой!

Поскакала быстрая Буря. Тело Лани приняв, явилась перед Велесом яснооки́м. Велес, вскинув лук, поспешил вслед за той златорогой Ланью. Он преследовал в поле зверя, он бежал лесами дремучими, брёл болотушками зыбучими и взбирался в крутые горы.

И пустил стрелу свою Велес, что без промаха бьёт по цели. И попал стрелой в волховницу. Видит он — вот Лань обернулась де́вой, что истекает кровью:

— Я любила тебя, мой Велес! И стрелу за то получила... За сей дар последний спасибо...

А тем временем царь Кащей перед Вилой Сидой явился.

— Я Князь Тьмы великий Кащей! Есть во Чёрных горах мой замок. В чёрном замке на чёрном троне будешь ты алмазом сиять, если станешь моей женою!

Но ему ответила Сида:

— Пусть обрушатся с неба звёзды, и огонь водой обернётся, и земля смешается с небом, и померкнет навеки Солнце — только мужа я не покину! Как корова, сойдясь с быком, на козла его поменяет? Как медведица от медведя в волчье логово побежит? Кто же сам поменяет мёд на болотную грязь и тину?

От Кащея бросилась Сида, но догнал её Вия сын. И, схватив за волосы, поднял. И понёс её над Землёю.

И увидел их в тёмных тучах Коршун — птичий великий царь. Он набросился на Кащея и терзал злодея когтями:

— Отпусти, полуночник, Сиду! Ты жену у мужа похитил! И тебе не будет пощады!

Тут Кащей выхватывал меч, отсекал у Коршуна крылья. И упал он камнем на землю. Взвился вверх Кащей Чёрным Змеем. Полетел, как вихрь, над лесами, над долинами и горами. И достиг он Чёрной горы. Здесь стоит за тыном железным и за рвом, наполненным кровью, грозный замок Чёрного бога.

Как вернулся с охоты Велес — видит: нет жены его Сиды. И лежит перед ним горою истекающий кровью Коршун.

— Поразил меня Чёрный бог. Он унёс прекрасную Сиду...

— Где искать их? — воскликнул Велес.

И кивнула птица главою, указав на юг направление, и тотчас свой дух испустила, и закрыла ясные очи.

Преисполнен тяжкого горя, к югу бросился буйный Велес. Он бежал долами широкими, всё

шагал лесами дремучими и болотами брёл зыбучими. Видит он — в чащобе медведь.

— Дай-ка я его подстрелю! Много дней не ел я в дороге...

Поднял Велес волшебный лук, но медведь ему слово молвил:

— Не стреляй в меня, буйный Велес! Я тебе ещё пригожусь.

И не тронул Велес медведя, побежал опять по дороге.

Видит он — вот тур длиннорогий. Вновь поднял свой лук буйный Велес, но ему тур также взмолился:

— Не стреляй в меня, буйный Велес! Я тебе ещё пригожусь.

Пожалел он тура лесного, побежал опять по чащобам.

Видит он — вот волк на дороге. Поднял лук, но волк ему молвил:

— Не стреляй в меня, буйный Велес! Я тебе ещё пригожусь.

Пожалел бог Велес и волка. А потом дошёл до высокой горы, до озёрной чистой воды. Тут навстречу Велесу вышел царь лесов и гор Святибор:

— Знай, бог Велес! Тебе отныне все лесные звери подвластны! Все откликнутся на призыв твой, коль с Кащеюшкой вступишь в битву!

И пошёл буйный Велес дальше ко Хвангурским Чёрным горам.

Что там? Ветер ли ветки клонит? Или вихорь листья срывает — под горой у речки студёной?

То не вихорь вьёт и не ветер — кружат здесь под горой русалки, двор городят и строят терем. Вместо брёвен кладут в основу старцев с белыми бородами. Не кирпич кладут — малых деток, не подпорочки — жён с мужьями. Из мальчишек

делают крышу, из девчоночек — черепицу. Двери — из парней неженатых. А окошечки — из невест.

— Велес! Велес! Вот тихий ветер шевельнул листву у деревьев. Это вилы, русалки-вилы закружились в хороводе. И не видел ты, и не чуял — понесло тебя, закружило в хороводе у быстрой речки...

Пляшет Велес и горько плачет. И увидела в хороводе буйна Велеса Вила Друда. И спросила его:

— Что ж плачешь ты в русалочьем хороводе? Жаль тебе ли старую маму? Иль отца? Сестру или брата?

И ответил ей буйный Велес:

— Жаль не батюшку и не мать мне. Не сестру родную, не брата. Жаль подругу милую Сиду...

И сказала Велесу. Друда:

— Чёрный князь унёс Вилу Сиду! Пролетел он здесь Чёрным Змеем — и цветы опали с деревьев, и пожухли все в поле травы, и вода в реке замутилась...

И добавила Стара Друда:

— Ты ступай-ка к Чёрному морю, ко великой Чёрной горе! Там во чёрном замке Кащея ты найдёшь жену свою Сиду! И возьми, Гвидонушка Велес, ты волшебный жезл Старой Друды! Как подымешь жезл над собою, призовёшь Всевышнего Бога, в тот же час русалочье войско из могучих стойких деревьев поведёшь ты вслед за собою!

И явился к морюшко Велес. Видит: птицы в небе парят, дети Коршуна, Гамаюна.

— Мы поможем тебе, Корович!

Видит: в полюшке туры скачут и идут из чащи медведи, а из леса тёмного — волки:

— Велес, мы поможем тебе!

И взмахнул Гвидон жезлом Друды. И призвал Всевышнего Бога. И покуда он волхвовал — появилось лесное войско. И легли русалки-деревья через морюшко, словно мост.

И тогда Гвидонушка Велес перевел войска через море ко великой Чёрной горе.

Видит он пред собою замок, огороженный чёрным тыном. Видит: рвы окружают замок и

кишат в них хищные змеи. Видит он: у ворот собрались — дивы, дасы и волкодлаки, навьи, оборотни, вурдалаки, змеи-ламии и драконы. А среди них, Луной среди туч, сам Кащеюшка Чёрный витязь.

И вскричал бог Велес великий:

— Я пришёл очистить от скверны Белый Свет и Чёрные горы! Истребить всё чёрное войско! И разрушить замок Кащея! Выходи, сын Вия, на бой!

И сошлись войска в чистом поле. Налетели на стан Кащея дети Коршуна — князя птиц. Налетели ястребы, соколы, и орлы, и совы, и коршуны. В бой повёл их Велес-Асила, среди дня обернувшись Сирином, ночью тёмною — птицей Филином.

Тьмы медведей и тьмы волков, ясный свет затмевая пылью, набежали на стан Кащея. В бой повёл их Бурюшка-Велес. Ясным днём — Медведушкой бурым, ночью тёмною — серым Волком.

За медведями и волками прискакали ярые туры. Днём повел их Тавр быкоглавый, ночью тёмною — бог Гвидон.

То не гром гремит и не шум идёт. То бегут по полю деревья. Впереди всех воинов — Велес, обернувшийся сильной Елью.

И в атаку бросился тополь, а за ним рябина и ива. Над врагами вишня смеётся, так что Небо с Землёй трясётся. Ясень трудится для царя — нет сильнее богатыря.

Бьётся с ворогом здесь берёза, рядом — вереск, лоза и роза. И сражается плющ прекрасный, и терновник, и дрок ужасный. И ратуется мощный дуб, всё что есть сокрушив вокруг.

Страшен строй могучих деревьев, обтекая Чёрные горы, всё собой они запрудили. Птицы

навий всех разогнали, волкодлаков побили волки, а медведи — лютых драконов, туры всех иных потоптали и воротушки сокрушили.

И сошлись Велес с Кащеем. И ударился меч о меч. И от звона того удара содрогнулась Земля Сырая и потрясся небесный свод. Вот сошлись Филин и Ворон, внук Седуни и внук Земун. Вот сражаются в чистом поле Красно Солнце и Ясный Месяц.

Вдруг свой меч опустил Кащей, улыбаясь врагу во мраке. Велес голову снёс Кащею. Только видит — вместо упавшей там явились две головы, стал Кащей сильнее и выше. И ещё раз ударил Велес, снёс Кащею две головы — вот их стало уже четыре. И тогда ужаснулся Велес и Всевышнему возопил.

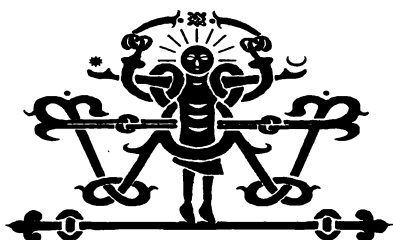
И раздался голос Всевышнего:

— Велес! Битва твоя с Кащеем будет вечной! Бессмертный он! И Кащей тебя не осилит, ибо прав ты, и чист, и свят! Пусть в одном своём воплощении вечно будешь ты здесь сражаться, а в другом вместе с Вилой Сидой будешь праздновать ты победу!

И восславили боги Рамну, и цветы посыпались с Неба, и явилась перед Гвидоном Сиды из далеких пещер. И была великая радость на Земле и в Ирии светлом.

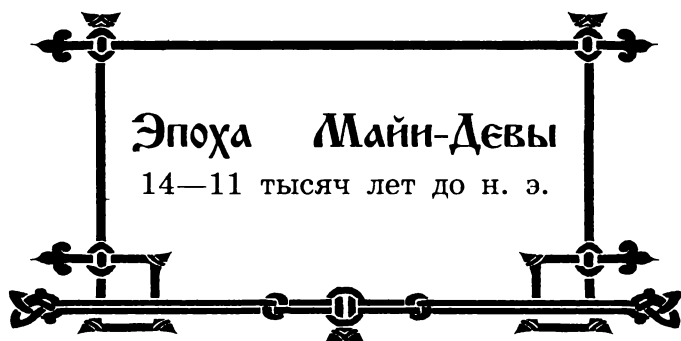
И взошли Велес с Вилой Сидой на волшебную колесницу — ту, что принесла Гамаюн. И поднялись из царства Тёмного к Свету Белому, к Солнцу-Ра.

И отныне все славят Велеса, а Кащеюшку проклинают. Поминают и Вилу Сиду. И Всевышнего прославляют.

VII

ВЕДА МАЙИ

Эпоха Майи-Девы

14—11 тысяч лет до н. э.

СВЯТОГОР И ПЛЕЯНА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, про Плеяну — Мать Семи Звёзд. И о Святогоре великом! О том, как Судьбу он хотел пересилить.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Было так при Рождении Мира — по велению Рода-Вышнего от Земли подымался Великий Столп, дабы Небо на нём держалось и Вселенная укреплялась.

И тогда родил Святогора Род — диво-дивное, чудо-чудное. Так велик Святогор, что и Мать-Земля еле-еле носит детинушку. Он велик, как гора, ходит он по горам, по широким ходит долинушкам.

И затем Сварог во Святых горах выковал коня златогривого. Выводил коня из среды огня, из горнила горы Алатырской, приводил его в сад Ирийский. И того Алатырь-коня подковал и уздой его обуздал.

Святогору затем он коня подарил, договор при том заключил. Повелел Сварог Святогору — вокруг Столпа объезжать дозором.

И ходил Святогор по горам, ездил по широким долинам, и не знал что его судьбина — за горами и за морями в роде Красна Солнца явилась, и зарей земля озарилась.

Было так при Рождении Мира — сам Сварог вместе с Матерью Славой породили Волюню-вилицу, ставшую женою Солнца Красного и Морского царства царицей.

А Воляня и Сурья-Ра породили двух дочек и сына — со косицами золотыми. Старшей дочкой была Плеяна, что явилась из океана —

девою морской вилицей, и жила во Поморском крае да на острове Алатырском.

И была та Пляяна — пленительна, упоительна, восхитительна. Так свободна, горда и прекрасна собою, что подобна морскому прибору. Солнца свет сиял во её очах, мудрость лунная чудилась на устах.

И Сварог-кузнец, вилы Праотец, нить судьбы для внучки сковал, и Пляяне так провещал:

— Быть тебе, Пляяна, супругой — горного царя Святогора, будешь жить с ним не зная горя! Нить судьбы нельзя разорвать, узы те нельзя расковать!

Вот ходила Пляяна по бережку. Как ходила-гуляла — веночек сплетала, песнь печальную напевала:

— Где же ты мой суженый-ряженный — за широкими ли морями, за высокими ли горами... Скоро ль ты меня найдешь? И в какую даль увезешь?

Так сидела дева Пляянушка всё на том Белгорючем камешке... Против Солнца смотрела она на Восток, не белеет ли парусок?

А затем гуляла по бережку, а по морю плыл Черноморский Змей. Молвил он, узрев девицу, ту Пляяну-чаровницу:

— Ой, Пленушка-душа, до чего ж ты хороша! Будь моею ты, девица, дочка Солнца — огневица!

Отвечала ему дочка Солнца Пляяна:

— Мне твоею не быть, Черномор окаянный! Не пойду против воли батюшки, не пойду против воли матушки! Ведь мой суженый — Святогор, а не Змей глубин — Черномор!

Но на это ей отвечает Змей:

— Будешь ты женою моею, хочешь этого или нет! Пусть хоть застит тьма белый свет!

И тогда с бел-горючего камешка к Праотцу обратилась Плянушка:

— О Сварог-праотец, ты небесный кузнец! Тучею грянь с окоёма, раскачай-ка в морюшке волны! Чтобы сгинул гость заморский, Змей проклятый Черноморский!

Грянул с неба бог Сварог, выгнал гостя за порог.

И тогда Змей Черноморский на Пляну осерчал и заклятие наслал.

— Быть тебе, Пляне прекрасной, — чудо-юдицею ужасной! Пусть прибой тебе будет — периной, а питаться ты будешь — тиной! Будет кожа твоя, что елова кора, ну а волосы — что ковыль трава!

Всё как сказано, так и случилось — но былина тем не кончалась...

* * *

Как в высоких горах, в Святогорье, подпирает Столп небеса. И Перун бьёт в небушко молнией, и свершаются чудеса.

Как во том святом Святогорье — то не ветрушки разыгрались, и не горушки всколыхались, — то езжал средь высоких гор — великан-гора Святогор. Конь его — выше леса стоячего, задевает шлем тучи ходячие...

Святогору уж было все триста лет, да не триста лет — ещё тридцать лет, да не тридцать — ещё три годочка, только не было ни сыночка, ни дочки. Не было любимой супруги и для сердца милой подруги.

Вопрошал Святогорушка Макошь:

— Ты поведай мне, Макошь-матушка, как же мне развеять кручинушку, как узнать свою мне судьбинушку?

Отвечала ему Макошь-матушка:

— Ты езжай прямою дорожкой. Проезжай вдоль морюшка Чёрного, и поскакивай прямо к росстани, и потом налево сворачивай. В том краю, не далёко, не близко, — во горах высоких Ирийских на вершинушку ты взойдешь и Сварога в кузне найдешь, — там узнаешь свою судьбину и развеешь свою кручину!

Поскакал Святогорушка к Ирию по дороженьке прямоезжей. И свернул налево от росстани, и пустил он вскачь своего коня. Стал тут конь Святогора поскакивать, реки и леса

перескакивать, а долинушки промеж ног пускать, гривой тученьки разгонять.

Вот доехал он до Ирийских гор, до того ли древа великого и до Камешка Алатырского. Видит он — на горушке кузница. Там Сварог кувалдою бьёт, тонкий волосочек куёт.

— Что куёшь, кузнец? — Святогор спросил.

— Я кую судьбинушки ниточку. Тех, кто нитью той будут связаны, — узы брачные вскоре свяжут. И что в кузне Ирийской связано, и в иных краях не развяжут!

Святогор спросил:

— Где ж моя судьба? С кем же мне суждено венчаться? Как с невестою повстречаться?

— А твоя невестушка за морем — на Поморие-Лукоморие. Не делёко она, и не близко, да на острове Алатырском. Триста лет лежит и не движется, бела кожа её — как елова кора, ну а волосы — что ковыль-трава!

И решил тогда Святогорушка:

— Я отправлюсь в царство Поморское — избегу я доли несчастной, коль избавлюсь от сей ужасной!

Вот приехал он в царство бедное, подъезжал к домишку убогому. Никого в той избушечке не было, лишь лежало там чудо-юдушко. Кожа чудища — как елова кора, ну а волосы, что ковыль-трава.

— То невеста моя наречённая! — ужаснулся ей Святогорушка.

Вынимал затем золотой алтын, положил его в изголовьюшке. А потом ударял мечом то ужасное чудо-юдо и уплыл скорей прочь оттуда.

От удара того Святогорова пробудилась дева в избушечке. Видит — спало с неё заклятие, и

сошло обличье ужасное, стала снова она прекрасной. Ведь была та дева — Пляяна, дочь Владычицы Океана.

Святогоров волшебный меч снял с Пляянушки то заклятие — Змея Черноморца проклятие. И она вновь стала вилицей, чудо-юдицей, чаровницей.

И на тот алтын Святогоров стала девица торговать, и по разным краям разъезжать. Строила она корабли, славные до края земли.

Богател тот остров Алатырский: стали в нём дома — белокаменны, крыши на домах золочёные, а колонночки их — точёные, все ворота — золотые и медные, храмов маковки — самоцветные, вымощены там мостовые — всё камнями драгоценными, застланы коврами бесценными.

И по всем морям и украинам разнеслась о Пляяне слава. Стали звать то царство Алтырское — Золотым и Алтынским царством, а иные — и Атлантидским.

Вот собиралась Пляянушка за море к Святогору к Святым горам. Корабли свои снаряжала и товарами нагружала. Самый первый корабль — красным золотом, а второй корабль — чистым серебром, ну а третий-то — скатным жемчугом.

И она отправилась за море. Подплывала она к Царьграду, стала в граде том торговать, разные товары менять.

Слух пошёл о ней по Святым горам. И пришёл Святогорушка Родович посмотреть на ту девицу, раскрасавицу-вилицу. И Пляяна ему полюбилась, стал к ней свататься — согласилась, золотым кольцом обручилась.

И сыграли они вскоре свадьбу, и венчались у Святой горы, чтобы вместе жить с той поры.

И на ту Святогорову свадьбу собирались гости-сваты. Прилетели Сварог, Матьер Слава — лег-коккрылая Лебедь-пава, Красно Солнышко и Во-лыня вместе со детьми и родными. Хорс с За-рей-Зареницей весёлой, Макошь с Долею и Не-долей.

Говорил Святогорушка Макоши:

— Я свою судьбу пересилил, не женился я на чудовище, а женился я на вилице — рас-красавице-чаровнице!

Говорил Сварогу небесному:

— Ах, кузнец, наш отец! Скуй златой нам венец! Святогору с младой Плеяною, что свою судьбу одолели и найти друг-друга сумели!

И сказала тогда Макошь-матушка:

— Ах, младой Святогорушка Родович, что завязано Вышним в Прави, развязать никто не сумеет и Судьбину не одолеет!

И сказал Сварог Святогору:

— Нить Судьбы тонка, словно волос, только всё же её не порвать! Узы брака не расковать!

И пошли Святогор со Плеяною брачную постель застилать, после свадьбы спать-почи-вать. И увидел вдруг Святогорушка на груди Плеяны рубец, и спросил её наконец:

— Что за рубчик я здесь увидел? Кто тебя, девицу, обидел?

Отвечала ему Плеяна:

— Был у нас один гость нежданный. В цар-ство наше он приезжал, мне златой алтын остав-лял. Только я его не видала, зачарованная ле-жала. Как очнулась я — вижу рубчик, вижу — с тела белого спала кора. Я ж до той поры — триста лет спала чудо-юдицею ужасной, околдо-ванная напрасно.

Понял тут Святогорушка Родович, что уйти нельзя от судьбины и избавился от кручины.

* * *

Стали жить Святогор со Плеяною в тех Святых горах, в Цареграде. И прекрасных дочек родили — весь подлунный мир восхитили.

Первой Майюшку Златогорку — старшую из всех Святогорок.

Как во тех высоких Святых горах распускался цветочек Астры. Поднялась звезда Златы Майи, озарила горы Святые — и тогда цветок распустился.

Расцвела то не просто Астра — то родилась Златогорка, дочь Плеяны и Святогора. Так родилась вновь Злата Майя — Златогорушкой-Златовлаской! Златогорка Майя родилась из луча звезды золотой! От любви явилась святой!

А затем они породили — дочь Алинушку многосильную, Мерю — мирную и умеренную, Златогласку прекрасно поющую, и Ненилу Звездинку с Тайей, и Эвлинушку светозарю. Семь Плеяночек так рождались, семь цветов в саду распускались!

Стал тогда Святогорушка Родович для Плеянок город отстраивать.

И призвал Китаврлушку Святогор, чтоб он замок возвёл среди гор. Чтобы там Плеянушки жили и святые службы служили, и чтоб было у замка того семь шатров, а в середине самый большой — то для Майюшки Золотой.

И закончил он строить сей замок среди гор — и был рад тому Святогор. Поселил он Майювилицу во седьмой высокой светлице, рядом поселились сестрицы. И семь девиц-вил подра-

стали — в Цареграде сём золотом, в Семиверхом замке большом, что вознесся в волшебном лесу, на горе и седом мысу.

Рядом с замком сим жёлудь пал, и высокий дуб вырастал. Небеса подпёр он вершиной, ветви в стороны он раскинул, тучи кроною задевал, и ни облачка не пускал.

Тут одна проскочила туча, облачко одно пролетело. А на облачке — озерцо, в озерце сём — семь молодцов. В лодке огненной сидели, на Плеянушек глядели.

И не просто это были семь удалых молодцов — то планетники-драконы, семь великих удалцов! Паутиночку они во канат сплетали, чтоб он был железа крепче и булатной стали. Той веревочкой хотели горы к небу привязать, чтобы не было потопа — морюшко унять. Этим же всех Святогорок привязать к себе, вопреки судьбе!

Но мужам тем рекли Святогор и Плеяна:

— Вы явились за жёнами рано! Вы, планетники-драконы, наших дев не увозите! Срок свой подождите! Нет прекрасней Святогориц, нет пригожее девиц — тех Плеянок-чаровниц! Только не берут их вместе, разом девиц не торгуют, как медведиц и лисиц или в клетках певчих птиц... По одной берут из замуж, свадьбы в свой черёд играют, счастье поджидают!

И все славят теперь Святогора, и Плеяну, и Златогорку — всех Плеянушек-вилиц, Святогорок-чаровниц. И поют им вместе свадебные песни!

МЕРЯ И ВАН

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как на небо взошёл Святогор, с Вышним заключив договор. И о Ване — о человеке, к Мере горностаем ходившем, Святогора перемудрившем!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Святогор со Плеяной жили во Святых горах, в золотых садах.

Был силен и мудр Святогорушка. Он познал, как звёзды рождаются, как цветы весной просыпаются. И пути богов в ясных зорях, змеев водных — в пучинах моря.

И всю звёздную мудрость сын Рода познал, и в Вещёрскую Книгу её записал. И украсил её алмазом, и сардониксом, и топазом.

Как ездил Святогорушка Родович по высоким Святым горам. Конь его — выше леса стоячего, задевает шлём тучи ходячие.

Говорил Святогорушка Родович:

— Я познал всю звёздную мудрость, путь проведаль к царству небесному! Взгроможду я гору на гору, к Сварге подымусь я телесно, стану выше всех в Поднебесной! Взгромоздил Святогор гору на гору, и дорогой горнею, вышнею — он поднялся к трону Всевышнего.

И сказал ему Бог Всевышний:

— Я исполню всё, что желаешь! Не проси лишь царства Ирийского и святой горы Алатырской!

И сказал Святогорушка Родович:

— Я взошёл к Тебе, Вышний царь! Ты же дай мне великий дар, чтобы стал я сильнее

намного самого Праотца Сварога! И чтоб стал я мудрее всех, в спорах бы одерживал верх!

И ответил ему Всевышний:

— Будь по-твоему, мощный бог! Будешь ты сильней, чем Сварог! И мудрей, чем Мудрость сама, дам тебе палату ума! Но от хитрости человеческой ограждать тебя я не стану! И сильней тебя будет Камень!

И сказал тогда Святогор:

— Я и сам — гора, не боюсь камней! Не страшна мне мудрость людей!

* * *

Как на Матушке, на Сырой Земле родился Ван — смертный сын Огнебога Семаргла с Деваной. Был он смертный, ибо родился от родителей невенчаных.

Слышал Ван о дочери Святогора — милой Мерюшке Святогорке. Будто краше она Месячники-сестрицы и светлей Зари-Зареницы.

Приходил к царю Святогору:

— Ай ты гой-еси, Святогорушка! Я закладываю головушку! Коли скроюсь я от тебя — Мерю выдашь ты за меня. Трижды ты меня испытай! Не смогу — главу отрубай!

Встал поутру Ваня ранёшенько, умывался Ваня белёшенько. Он восславил Бога Всевышнего и великую Матерь Славу. А затем перекинулся слева направо: горностаем стал, подворотней пробежал. В горницу неслышно влез — вновь стал добрый молодёц, с Мерей целовался, а затем прощался:

— Ты прощай же, свет Святогоровна! Я укроюсь от Святогора — пусть хоть целый свет обыщет, никогда меня не сыщет!

Ваня вновь ушёл в подворотню, поскакал по чистому полюшку, миновал он тридевять вязов, а потом опять кувырнулся — тридесатым сам обернулся.

Утром встал Святогорушка Родович — раскрывал Вещёрскую Книгу. Книга та страницы перелистала, а затем царю провещала:

— Встал поутру Ваня ранёшенько, умывался Ваня белёшенько. Он восславил Бога Всевышнего и великую Матерь Славу. А затем перекинулся слева направо: горностаем стал, подворотней пробежал. В горницу неслышно влез — вновь стал добрый молодец. С Мерей целовался, а затем прощался. И по чистому полю поскакивал, реки и холмы перескакивал. Проскакал он тридевять вязов, а затем опять кувырнулся — тридесатым сам обернулся.

И сказал Святогорушка Родович:

— Вы тот вяз под корень срубите — Ваню из лесу приведите!

Привели его к Святогору, он сказал царю в эту пору:

— Ты меня в этот раз отыскал, видно леший тебе помогал! А в другой-то раз не отыщешь, хоть весь белый свет обыщешь!

Встал поутру Ваня ранёшенько, умывался Ваня белёшенько. Он восславил Бога Всевышнего и великую Матерь Славу. А затем перекинулся слева направо: горностаем стал, подворотней пробежал. В горницу неслышно влез —

вновь стал добрый молодец, с Мерей целовался, а затем прощался:

— Ты прощай же, свет Святогоровна! Я укроюсь от Святогора — пусть хоть целый свет обыщет, никогда меня не сыщет!

Ваня вновь ушёл в подворотню, поскакал по чистому полюшку, обернулся в полюшке Волком, рыскал-рыскал в лесах дремучих и в болотушках тех зыбучих, Соколом затем обернулся, птицей в поднебесье взметнулся, и без счёта звёзд пролетал, новою средь них заблестал.

Утром встал Святогорушка Родович — раскрывал Вещёрскую Книгу. Книга та страницы сама пролистая, а затем царю провещала:

— Встал поутру Ваня ранёшенько, умывался Ваня белёшенько. Он восславил Бога Всевышнего и великую Матерь Славу. А затем перекинулся слева направо: горностаем стал, подворотней пробежал. В горницу неслышно влез — вновь стал молодец. С Мерей целовался, а затем прощался. Волком в чистом поле поскакивал, реки и холмы перескакивал, Соколом затем обернулся, в поднебесье птицей взметнулся, и без счёта звёзд пролетал, новою средь них заблестал.

Выходил Святогор в чисто поле.

Стал считать на небушке звёзды. Все он звёзды перечёл — новую средь них нашёл. Лук натягивал Святогорушка, и сбивал стрелою ту звёздочку.

— Здравствуй, Ваня! Хитёр же ты прятаться, только я тебя всё ж хитрее. Коль ты спрятаться не схитришься — головы навеки лишишься!

— Знать тебе планетник помог, коли ты найти меня смог! Но теперь-то уж — не отыщешь, хоть весь белый свет обыщешь!

Встал поутру Ваня ранёшенько, умывался Ваня белёшенько. Он восславил Бога Всевышнего и великую Матерь Славу. А затем перекинулся слева направо: горностаем стал, подворотней пробежал. Тихо в царский терем влез — вновь стал добрый молодёц, с Мерей целовался, а затем прощался:

— Ты прощай же, свет Святогоровна! Я укроюсь от Святогора — пусть хоть целый свет обыщет, никогда меня не сыщет!

Ваня вновь ушёл в подворотню, поскакал по чистому полюшку, обернулся в полюшке Волком, рыскал-рыскал в лесах дремучих и в болотушках тех зыбучих. Соколом затем обернулся, в поднебесье птицой взметнулся, и без счёта звёзд пролетал, новою средь них заблистал.

И с небес пал Ванюшка звёздочкой — прямо в Гамаюново гнёздышко.

И спросил его Гамаюнушка:

— Что ты хочешь, скажи-ка мне, юноша!

— Ничего мне, птица, не нужно — лишь прошу, не в службу, а в дружбу: ты сокрой-ка меня от взора бога мудрого — Святогора!

Три волшебных пера вырывала Гамаюн из крылышка правого.

— Ты пойдь в палаточки царские, отвори там пошире двери, помаши волшебными перьями перед Книгою Святогорской — той волшебной книгой Вещёрской. Помаши, а сам приговаривай: «Заклинаю книгу волшебную, чтобы книга та промолчала, где найти меня — не сказала». И беги-ка ты к Мерюшке на крылечко,

обернись золотым колечком, чтобы та его подбирала, на мизинец его надевала.

Всё как сказано, так и случилось — в узелок судьбы завязалось.

Рано утром встал Святогорушка, раскрывал и спрашивал книгу, только книга та молчала, ни словечка не вещала. Разгорелось сердце царское, будто в печке бел-горюч камень. Он схватил Вещёрскую книгу и бросал её в жаркий пламень.

И пришла к нему Меря милая, молвил ей тогда Святогор, исполняя свой уговор:

— Слово данное не нарушу — отдаю тебя за Ванюшу!

И снимала колечко Меря, и бросала пред Святогором — как по полу оно покатилося, так Ванюшею обратилось.

И сказал ему Святогор, эхо прокатилось средь гор:

— Что ж, пора за свадебный пир! Будет пир у нас на весь мир! Пусть качаются горы высокие, расплескается море широкое! Будем петь мы теперь и плясать, замуж Мерюшку выдавать!

Выдал он любезную дочь за Ванюшу — мудрого витязя. И на эту свадьбу небесную собиралась вся поднебесная.

Стали жить они, поживать. Святогор с Плеяною правили. Ваня с Мерей родили сына, дали имя ему — Садко. Жили весело и легко.

И пошли от Вани и Мери племена мари и венедов.

И теперь все из века в век Ваню с Мереею прославляют! Святогорушку почитают!

САДКО

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о сыне Вана и Мери, о герое славном Садко, что ходил по морям далеко....

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как в Святых горах, в Цареграде, жил Садко, сын Вана и Мери.

Был велик Цареград и славен. Терема, дворцы — белокаменны, храмы в городе — все высокие, ну а площади — все широкие. И все лавки полны товарами, а у пристани корабли — будто лебеди в тихой заводи.

У Садко-то нет злата-серебра, нет и лавок, полных товаром, нет и кораблей белопарусных. У него есть гусли яровчаты, у него есть голос певучий. Сел на камень он бел-горючий, начал он на гусях играть — стал Ильмень-лиман волновать. От утра играл и до вечера. Как к закату склонился день — взволновался старый Ильмень. В нём волна с волною сходились, и песком вода замутилась.

И тогда из вод Ильм Купалень на златой песок выходил, и Садко он так говорил:

— Ай же ты, Садко Цареградский! Были в царстве моём пир-гуляние и под гусли твои плясание! Ты, гусляр, меня распотешил игрой, и теперь тебя я пожалую, но не золотою казной. Ты обратно в город ступай, на пиру и там поиграй. Все начнут на пиру напиваться, станут хвастать и похваляться. Будет хвастать иной золотой казной, глупый хвастать начнёт — молодой женой, умный — батюшкой, родной матушкой. Ты ж скажи, что коли в лиман сети шелковые

забросишь — рыбу-златапёрую словишь! Станут спорить купцы цареградские на товары и корабли — ты главу в заклад позакладывай. Как закинешь невод в Ильмень — рыбу выловишь в тот же день!

Всё как сказано — так и случилось, узелками в сеть завязалось.

Как вернулся Садко в Цареград — на пиру поставил заклад.

— Ай же вы, купцы цареградские! Нету у меня золотой казны, нету у меня молодой жены. Лишь одним могу похвалиться: видел я златопёрую рыбицу! Коли я её не поймаю — пусть мне голову отрубают!

Бились с ним купцы о велик заклад. И оставил Садко славный Цареград, и закинул невод в Ильмень, вынул рыбу-ту в тот же день!

И купцы царьградской земли отдавали ему товары, белопарусные корабли.

Стал Садко купцом цареградским. Начал тут Садко торговать — и по городам и украинам со товарами разъезжать.

И женился Садко цареградский, и построил себе палаты. Все в палатах тех по-небесному. Как на небушке Солнце Красное — так и в тереме Красно Солнышко. Есть на небе Месяц — и в тереме есть. Есть в нём красота всех небес!

И устраивал столование, для честных гостей пирование.

Все на том пиру наедались, все на том пиру напивались. Стали между собою хвастаться. Кто-то хвастает золотой казной, кто — удачею молодецкою, глупый хвастает молодой женой, умный — батюшкой, родной матушкой.

А Садко по палатам похаживает, золотыми кудрями встряхивает:

— Ай же вы, купцы цареградские! Чем же мне, Садко, отличиться, перед вами чем похвалиться? У меня, Садко Цареградского, золотая казна не тощится, все подвалы от золота ломаются. Все товары в Царьграде я выкуплю, все худые товары и добрые. Чем же будете торговать, коли нечего продавать!

И тогда все билися о заклад — сам Садко, а против Царьгад. И все с пира того разъезжались, и закладу тому удивлялися.

А Садко-купец встал ранёшенько, умывался поутру белёшенько. И давал он дружине златой казны, чтоб скупали товары любой цены. И во день второй, и на третий день отпускал он дружину хоробрую, и скупали они в Цареграде все товары худые и добрые.

И пошёл он сам во гостиный ряд. Видит тут Садко, что товаров во торговых рядах не убавилось. Скупит он товары цареградские — подспеют товары заморские. И опять есть чем торговать, есть что продавать-покупать.

Тут купец Садко призадумался:

— Ведь не выкупить мне товаров со всего-то белого света! Я, Садко Цареградский, богат, но богаче меня будет сам Царьград!

Тут Садко — купца Цареградского — кто-то тронул за плечико левое. Обернулся он — видит Велеса.

Стал тут Велеса он молить:

— Помоги товары скупить! И, клянусь, для тебя — вскоре сам возведу из золота храм!

Согласился на это Велес.

И пошёл Садко ко своей казне. Видит — денег в ней больше прежнего, чтоб сойтись с купцами в цене. И тогда Садко Цареградский всё, что есть, скупил до последнего. Не оставил товаров в городе даже на полущечку медную.

И казна Садко не истоцилась, и богатства его приумножились. И возвёл Садко храм златой богу Велесу Семиликому, по делам своим Всевеликому.

* * *

И построил Садко тридцать кораблей чернобоких и белопарусных. И поехал он торговать. Он поплыл по Ильмень-лиману, из Ильменя — вошёл в Ильмару, из Ильмары-реки — в море Чёрное — где ветрам и волнам раздольно.

Говорил Садко корабельщикам:

— Поплывём мы по морюшку Чёрному, мимо Белого, Березани, мимо острова Лихалютого, а потом и мимо Буяна. А затем от Буяна ко Ра-реке, а по ней ко Белому граду, где товарушкам нашим рады!

Вот плывёт Садко морем синим, а пред ним остров Белый — дивный, а на нём, на белой берёзе распевает сама птица Сирина. Только запоёт песню птица — корабельщики забываются, в скалах корабли разбиваются.

И по гусям ударил тогда Садко:

— Ой вы гой еси, корабельщики! Вы не слушайте птицу Сирина! Сладко Сирина поёт-распевает, но кто слышит её — умирает!

И поплыл Садко вдоль по морюшку. Много ль, мало ль минуло времени — вот приплыл Садко к Березани. А на этом привольном остро-

ве сам Стрибог погодою правит. И Стрибог дал приют для его кораблей, принимал дорогих гостей — сурью в чаши им наливал, целый месяц их угощал. А как время пришло прощаться, подарил он с ветрами мех, чтоб по морю плыть без помех.

И заснул, забылся Садко, только корабли вышли в море. Тут его дружинники храбрые меж собою начали спорить.

— Видно, в мехе сём от Стрибога — есть подарков богатых много... Мы развяжем мех, поглядим, а потом их всем раздадим!

Развязали они тот мех — и подарков хватило на всех. Ветры буйные разметались, море синее раскачалось.

И проснулся тогда Садко, тотчас стал на гуслях играть, песней море стал утишать:

*Лихо, моё лихо! Ты погоду манихонько!
Дай маленечко дохнуть, недалече держим путь...
По морю, по синему, по волне, по крутенькой...
На досочке гниленькой, погоняя прутиком...
Только край засинеет, неба край засинеет,
И судьба-судьбинушка нас уже не минует...*

*Ой да что-то застит, как слеза — глаза...
Может, то ненастье, близится гроза!
Ой да разгулялася непогодушка...
Ты погоду хоть малость, погоди немножко...
Там за краем облака, Солнышко сокрылося,
Ветка да травиночка мне тогда приснились...*

*Ой ты, ветка клена, — не роняй листок!
Не клони былинку, ветер-ветерок!*

Ветры буйные утишились, море синее усмирилось.

И тогда корабли Садко в море к острову приставали. С кораблей сходили дружинники, и по острову разгулялись.

Видят: вот у горы вход в пещеру, там закрыты медные двери. Постучали — не отзываются, покричали — не откликаются. Заходили тогда незванные и садились за столы, там дружинники угощались, дорогим вином напивались.

Тут опять ворота открылись, и в пещеру бараны ввалились. Следом — женщина долговязая, очень страшная, одноглазая. Это было Лихо Кривое, Лихо горькое, гореванное. Лыком Лихо то подпоясано и мочалами всё обвязано.

— Вижу, что нежданно-негаданно гости к нам явились незванные!

И схватила она дружинника и тотчас его проглотила. А потом у входа легла подремать, и единственный глаз закрыла.

А Садко в огне раскалил копье и вонзил в чело Лиху Лютому. Впилося в глаз копье раскалённое, взвыло Лихушко окаянное. Стало шарить кругом руками, ушыбаясь сослепу в камни:

— Хорошо же, гости любезные! Не уйдёте вы от меня! Не избавитесь от огня! Пусть не вижу я белый свет — всех зажарю вас на обед!

Все тогда не живы, ни мёртвы по углам в пещере забились, и едва от Лиха укрылись.

Утром Лихо слепое стало выпускать на поле баранов. Всех по одному выводило и по спинам рукой проводило. И тогда Садко и дружинники под баранами подвязались, и на воле так оказались.

И тогда Садко запирает в той пещерочке Лихо лютое. Ключ же в синем море бросал, чтоб его

никто не достал. Щука этот ключ проглотила и на глубину уходила.

Говорил Садко корабельщикам:

— Ай вы гой еси, корабельщики! Ехать нужно нам к устью Ра-реки, только в устье том — великаны, не пускают они караваны!

Говорили так корабельщики:

— Прямо ехать нам — будет семь недель, коли мы не сядем на мель. А другой дороженьки нет, ведь окольной идти — тридцать лет.

Проплывал корабль мимо острова, что близ устьица Ра-реки. А на острове том застава: не дают пройти каравану в устье Ра-реки великаны. Скалы в море они бросают, никого в реку не пускают.

И тогда Садко Цареградского кто-то тронул в плечико левое. Оглянулся Садко — видит Велеса.

Говорил тогда ему Велес:

— Я пушу тебя в устье Ра-реки, если ты поклянёшься сам, для меня во городе Белом возвести из золота храм.

И тогда Садко ему слово дал, и построить храм обещал.

И прошёл корабль Садко прямо в устье широкое Ра-реки. И пустили его великаны по Велесову указанию.

И поднялся Садко к граду Белому. И товары там продавал, и великую прибыль взял. Бочки насыпал красна золота, насыпал мешки скатна жемчуга, а простой монеты и сметы нет, на неё можно выкупить весь белый свет!

И построил в городе храм богу Велесу Семи-ликому, по делам своим Всевеликому.

И ходил Садко вдоль по бережку, по великой реченьке Ра. Отрезал он хлеба велик кусок, со-лью тот кусок посыпал и на Ра-реку опускал.

— Ай, спасибо тебе, вольна Ра-река! Что пустила меня в славный Белый град! Ныне я держу путь обратно, возвращаюсь во Цареград!

А в ту пору к Садко подошёл старик, то бог Ра из реки возник:

— Гой еси, Садко, добрый молодец! Отправляешься ты в славный Цареград? Передай поклон-челобитие Святогорушке-государю, и Ильмену — меньшому брату, и дочурке его — Ильмаре!

И Садко перед богом главу преклонял, все исполнить ему обещал.

И поехал Садко вниз по Ра-реке, выходил он в морюшко Чёрное. Ветры буйные тут взыграли, море синее раскачали... Стало те корабли разбивать, паруса ветрами срывать. Но стоят корабли — и не тронутся, будто на мели — не сворохнутся.

Говорил Садко корабельщикам:

— Много мы по морюшку ездили, дани Черноморцу не плачивали! И вот бурю на нас он наслал, получить с нас дань пожелал!

Видят вдруг они чудо-чудное — как бежит к ним лодочка огненная, носом рассекавшая волны. А в той лодочке правит кормщик, рядом — два гребца-молодца. То Морского царя Черноморца слуги верные и проворные — всем приказам его покорные.

Говорят они таковы слова:

— Ой вы гой еси, корабельщики! Вы подайте нам виноватого! Черноморцу кто дань не плачивал! Его требует грозный Царь Морской! Пусть он спустится во его покой!

Меньший тут за среднего прячется, средний прячется за большо́го. Выходил вперёд сам Садко-купец.

— Я Морскому царю дань не плачивал. Видно, мне приходит конец!

И тогда Садко-купец с храброю дружиной прощался, в лодку огненную спускался. И тотчас корабли с места тронулись, полетели как соколы по морю.

Побежала и лодка огненная. Видит тут Садко — среди морюшка поднимается столп огня. Приплывала лодка к тому столпу и ввернулась в водоворот, опустилась на дно морское, встала у хрустальных ворот.

И Садко тогда оказался в синем море на самом дне. И сквозь воду он видит Солнце, видит и Зарю-Зареницу. Перед ним палаты богатые, перед ним ворота хрустальные.

И входил Садко во дворец, будто во хрустальный ларец.

Вот пред ним сидит грозный Царь Морской. Окружают его стражи лютые — раки-крабы с огромными клешнями. Тут и рыба-сом с большим усом, и налим-толстогуб — губошлёп-душегуб, и севрюга, и щука зубастая, и осётр-великан, жаба с брюхом — что жбан, и всем рыбам царь — Белорыбица!

И сказал Черномор таковы слова:

— Гой еси, Садко Цареградский! Ты по морюшку много ежживал, мне, царю, ты дани не плачивал! Мне теперь ты сам будешь данью! Будешь мне на гусях играть и гостей моих потешать!

Видит тут Садко — делать нечего, стал играть на гусях яровчатых. Только принялся играть — начал Царь Морской плясать. И играл Садко целый день: тир-ли-лень, тир-ли-лень, тир-ли-лень! И играл он ночь напролёт — царь всё пляшет, не устаёт!

Тут купца Садко Цареградского кто-то тронул в плечико левое. Оглянулся Садко — видит Велеса.

Говорил тогда ему Велес:

— Видишь ты, что скачет в палатах царь, — он же по морю скачет синему! И от пляски той ветры ярятся, и от пляски той волны пенятся! Всколебалося море синее, в нём волна с волною сходились, и песком вода замутилась! Тонут в морюшке корабли, не достигнув родной земли! В

море ты играл целый день, а потом и ночь напролёт, а верху над морюшком синим — вот уж месяц буря ревёт!

Говорил Садко богу Велесу:

— Не моя во царстве сём волюшка — заставляет играть меня Царь Морской, он всё не идёт на покой!

И ответил тогда ему Велес:

— Ай же ты, Садко Цареградский! Ты все струночки да повырви-ка! И все шпенечки да повыломай! И скажи Черномору — нет струночек, нечем мне тебя ублажать, больше не могу я играть. Тут и скажет тебе грозный Царь Морской: «Ай же ты, Садко Цареградский! Ты не хочешь ли пожениться, со Царем Морским породниться?» Ты согласиешь отвечай и невесту себе выбирай. Выбери Ильмарушку девицу, что пройдёт пред тобою последнею. Да смотри, Садко, не целуй её! Если ты её поцелуешь, всё на свете тогда забудешь. Станешь мужем русалки, домой не вернёшься и водяником обернёшься!

И Садко, купец цареградский, все повырвал у гуселек струночки и все шпенечки да повыломал. Перестал плясать Черномор и промолвил ему в укор:

— Что же ты, Садко, перестал играть? Али начал ты уставать?

— Я порвал на гусельках струночки и все шпенечки да повыломал. Струны перестали звенеть, не могу я играть и петь!

И сказал тогда грозный Царь Морской:

— Ай же ты, Садко Цареградский! Ты не хочешь ли пожениться? Со Морским Царём породниться?

— В синем море твоя будет волюшка! Значит такова моя долюшка!

А наутро Царь Черноморский выводил к Садко девиц красных.

— Выбирай, Садко, ту, что нравится!

Пропустил Садко мимо триста дев, руку взял последней — Ильмары, что пришлася ему по нраву. И устроил тогда Черноморец пир — да на весь свой подводный мир.

Все на том пиру наедались, все на том пиру напивались. Стали после ложиться спать, в тихих омутах почивать.

И заснул Садко со Ильмарою, но не стал её целовать, дабы свой обет исполнять.

Как проснулся он — оказался да на яре крутом Ильмары, что близ славного Цареграда. И увидел — бегут по речке белопарусные корабли, со дружиной его ладьи. И они Садко замечали, и все радовались-дивовались. И пошли они во палаты, во хоромы купца Садко. Корабли затем разгрузили, бочки с золотом покатали.

И построил Садко на то золото богу Велесу новый храм. А второй — Морскому Царю на крутом яру Цареграда над рекою быстрой Ильмарой.

И теперь Садко Цареградского все из века в век прославляют! Кубки тяжкие поднимают!

АГИДЕЛЬ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Алинушка Святогоровна и Сварожич Ильм породили дочь прекрасную Агидель. Спой — как внученька Святогора отворила Белые воды.

— Ничего не скрою, что ведаю!

Как во те времена изначальные уронил на Землю свой пояс Род и поднялись горы Уральские. Здесь один хребет золотой — там рекой течёт злато-серебро. На другом лежит Камень Бел-горюч. В третьем руды и самоцветы.

Как во тех Уральских Святых горах да у той горы у Ильменской жил Сварожич Ильм со Алиною. В кузне он ковал тяжким молотом, разлетались искры по всей Земле. И сковал он плуг золотой, и секиру златую, и чашу для священного мёда-сурьи.

Раз пришла к нему Святогоровна и сказала такое слово:

— Ай прекрасный ты, Ильм Сварожич! Ты Орёл сизокрылый — любезный муж! Мы живём с тобой беспечно, но и радости нет во гнёздышке — нет ни сына у нас, ни доченьки!

И ответил так Ильм Сварожич:

— Мы с тобой, Алинушка светлая, вместе сделаем так, чтоб радость поселилась в нашем гнёздышке.

И развёл тогда Ильм Сварожич огонь волшебный в печи кузнечной. А Алинушка Святогоровна стала раздувать мех с ветрами.

И полилося из среды огня — золото ручьём раскалённым. И тогда в горниле явилася златовласая Агидель. А глаза у ней — словно солнца луч. Её волосы — как пшеницы сноп. Зорька утренняя — улыбка. Голосок её ручейком звенит.

Что там? Ветер ли жаром веет? Иль пожар леса выжигает? Со степей несёт дым и пепел? То не дым несёт и не пепел — то летит, обернувшись Змеем, сам великий Дый Громовержец.

Как дохнёт огнём он на степи — так пылают травы-муравы. На леса дохнёт — и горят леса. А дохнёт на реки с озёрами — высыхают реки с озёрами.

И ушла вода со Сырой Земли, просочилась она под камни, во песочках жёлтых укрылась. И пожухли травы-муравушки, и листва опала с деревьев. Нет воды для зверя рыскачего, нет воды для птицы летучей. Гибнет зверь лесной, стонет род людской.

И собралися ото всех родов князи и волхвы многомудрые.

И сошлись семь сынов Медведя, семь великих Хранителей Мудрости. Так пришли: Пров и Крив, Арк и Сава, Онт и Браг, Подагзверолов.

И пришёл Мерген из Алтайских гор, Белогор пришёл с Белогорья, Влесозар явился с Уральских гор, Ман из Бьярмии, Фан из Синьи, Ирм и Морольф из Аввалона, из Индерии Рам и Шрила.

И пришли они к Иремель-горе к Алатырскому Камню Белому. И молилися Богу Вышнему. И слышали голос Камня:

— Отворить источники вод сможет внученька Святогора златовласая Агидель!

И тогда пришли мудрецы ко горе высокой Ильменской к дочке Ильмера Агидель. Дали ей орлиные крылья, дали ей волшебную сурью. И сказали тут Ильм Сварожич и Алинушка Святогоровна:

— Знай, прекрасная Агидель, что тебе помогут в любой беде звери, птицы и духи гор! Ты отыщешь дорогу к истоку вод! Вот возьми стрелу золотую — той стрелой отворишь источник!

Агидель испила волшебный мёд, поднялась на крыльях орлиных — полетела она над лесами, над долинами и горами. Опускалася к Иремель-горе. Видит — вот пред нею синица, скачет с веточки да на веточку, ей в лесу дорожку показывает. Побежала за птицею Агидель.

Тут средь камешков показался малый зверь лесной — бурундук. По тропиночке побежал он, вслед за ним пошла Агидель. Между камешков, меж травиночек по дороженьке мурашиной.

Вдруг открылася перед ней гора. И увидела Агидель во горе волшебной поляночку. А на той поляне — цветущий сад. В том саду — деревья золотые, на деревьях тех — золотые яблочки. А вокруг хрустальные горы. И одна из жёлтого хрусталя, а другая гора из красного, ну а третья горка из чёрного. И лежит посре-

дине сада Бел-горючий Камень Алатырь, а вокруг него Полоз вьется. То не просто Великий Полоз — это был сам Дый Громовержец, бог, рождённый Козой Седунь.

Как увидел Дый Агидель, так шипя и свивая кольца он пополз по саду навстречу. Но явился пред мощным Дыем вдруг Олень — рога золотые. И раскрылась пред Дием пропасть. И Олень поднял Змея Дыя на рога свои золотые и низринул во глубь Земли.

Натянула дочка Ильмера свой волшебный Лук золотой, и пустила она золоту стрелу. И попала стрела во Алатырь. И открылась в Камне крыница со святою Белой водою.

Агидель тогда побежала по горам, лесам, по долинам. Вслед за нею ринулись воды. Где бежала вода — колыхалась трава, зеленели леса и рощи. Над Землёю она взлетала, раскрывала крылья орлиные — ниспадал с небес благодатный дождь.

И цвели сады, колосилась рожь, и плескались рыбы в озёрах, птицы певчие песни пели. И явилась радость на всей Земле.

И теперь все из века в век Агидель прекрасную славят, вспоминают Ильма Сварожича и Алинушку Святогоровну!

ЭВЛИНА СВЯТОГОРКА

— Расскажи, Гамаюн птица вещая, об Эвлинushке Святогорке, как она укололась веретеном и в волшебном сне упокоилась...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во тех горах, в Святогорье, жил великий царь Святогор со супругой милой Плеяною. И родились у Святогора и младой Плеянушки Сурьевны шесть пленительных вил Плеянок, а седьмой родилась — Эвлина.

И прекрасней её в целом свете нет, щёчки у неё будто маков цвет, очи ясные как огонь горят, звёзды частые над челом блестят, по златым власам рассыпаются, словно скатный жемчуг катаются.

И тогда Святогор со Плеяною созывали пир на весь мир, чтоб слава пошла о рождении девы, Звёздной, чудной той Приснодевы. Чтобы славу ту разнесли да по всем пределам земли, — как от краюшка и до края, и от моря до синя моря!

И призвали они дорогих гостей да со всех краёв-волостей. И призвали Зарю-Зареницу и Вечерницу-волховницу, Раду со Уряною-девой, Живу с Лелею и Мареной. Семь великих вил призывали, чтобы дочку они привечали, и от вил-волшебниц прелестных дали семь сокровищ чудесных, что нельзя обрести за злато, как бы не были вы богаты!

И когда Святогор со Плеяною самовил на пир пригласили, и в сей день Рождества Эвли-

ны пламя жаркое разводили, чтобы было им приготовлено то богатое угощение, жертва, треба и приношение. Свѣтени везде зажигали, злату трапезу собирали. Их вели к столам белодубовым, перед вилами становили золотые блюда с едою, золотые кубки с сурьёю.

Только Макошь — Судьбы Повелительницу — вызвать Святогор позабыл и ко тебе не пригласил. Та богиня Макошь уж много лет не являлась на белый свет, во дворце своём она скрылась, на замки-засовы закрылась, нить судьбы она там пряла и ткань жизни нашей ткала.

Только все дорогие гости, все великие самовилы за столы дубовые сели, приступить к еде не успели, как на пир сей Макошь явилась, и за стол незваной садилась. И была она в страшном гневе, коль в неё перестали верить и на пир её не позвали, приглашение не прислали!

И когда гостей обносили, пред богинею становили не златую чашу с сурьёю, а простую чашу с водою! И тогда великая Макошь эту потребу не принимала и проклятия зашептала.

А Вечерница дочь Зари — услышала, как Макошь-вила те проклятья произносила. И решила невидимой быть, чтоб за Макошью уследить.

Вот ко колыбели Эвлинущки пригласили великих вил. Подходили те самовилы и дары свои приносили.

И Заря-Зареница тогда пожелала, чтоб Эвлинка прекрасной стала, и дала ей платок и златой перстёнок самого бога Хорса Суряного.

Рада деве дала два златых крыла, чтоб она всем радость несла. А Уряна — умение играть, и петь, и великое разуметь. Жива-вилушка пожелала, чтоб с ней рядом всё расцветало, а Марена — силу дракона заключила в её крови, Леля дала алую розу, пред-рекла ей счастье в любви.

А седьмой к колыбели Эвлинушки Макошь-матушка подошла и такую речь прорекла:

— Не дожить тебе, дева красная, даже до шестнадцати лет — хочешь этого или нет. Так тебе судьбою назначено — уколется веретеном. Будет это веретено всё обмазано лютым ядом — и этого ты умрёшь и глаза навеки сомкнёшь!

Прорекла проклятие Макошь, а сказав, захохотала и в единый миг пропала. И тогда пред Святогором и поникшею Плеяной вдруг Вечерница явилась и пред ними поклонилась.

— Не горюйте, не печальтесь! Не смиряйтесь с судьбою! Быть Эвлинушке живою! Правда, я не так сильна, как богиня Макошь, чтоб проклятье отменить и судьбу предотвратить. Ведь у Макоши-самовилы крутится веретено — вся Вселенная оно! И на нём не просто нить вьётся! Это нашей жизни пульс бьётся! И уколется Эвлинушка, такова её судьбинушка! Только дева не умрёт, а уснёт... Много сотен лет во сне проведёт. Там, где яд и там, где смерти мрак, — зелье сна оставит мой мак!..

И тогда во царстве Плеяны непогодушка разыгралась и Вечерница разгулялась. А над ней летал Чёрный Ворон.

Спрашивала вила Вечерница:

— Ой ты, Ворон Чёрный, мой слуга проворный! Ты скажи, что делать и как?

И прокаркал Ворон Вечернице:

— Ты посеи в горах алый мак!

И пропела вила Вечерница:

*Сею-вею, посеваю!
С Рождеством всех поздравляю!
Сею-вею по горам алый мак!
По широким по долам — алый мак!
Вот так и так сею мак!*

*Как повадится на мак паренёк,
и сорвёт он с поля каждый цветок.
Все цветочки он сорвёт,
в сине морюшко швырнёт.
Вот так и так зашвырнёт!*

*Только те цветы вернёт сине море,
принесёт цветы ко бережку вскоре,
ко крутым тем берегам,
да ко жёлтым тем пескам,
ко высоким ко горам!*

*Как гулял по тем горам Белый конь,
бил по Камню — высекал он огонь.
Бил копытами три дня,
но не вышло у коня,
ибо Камень Белый был без огня!*

Святогор же с вилой Плеяною порешили тогда Эвлинушку от несчастья уберечь. И они её отвезли в то далёкое царство Поморское, спрятали её за три моря, чтоб она там не знала горя.

И ещё они пожелали, чтобы пряжи в Поморском царстве веретёна свои сломали и с тех пор чтоб пряжу не пряли. Кто ж веленью не внимет, прясть нити начнёт, — тот на плаху взойдёт и умрёт!

И тогда все прyalки сломали, веретёнушки все сожгли, но Эвлинку тем не спасли!

* * *

День за днём словно дождь дождит, год за годом рекой течёт. Бег времён не унять, звёзд поток не сдержать — всех потоком этим несёт.

Незаметно минуют годы... А Эвлинушка без невзгоды в том Поморском царстве живёт вот уже шестнадцатый год.

Как то раз Эвлинка гуляла по широким долам и высоким холмам. С гор на горюшки порхала всё на крылышках лебединых, со вершинушки на вершину. И увидела старый замок, где она ещё не бывала, даже слыхом о нём не слыхала.

— Это что за замок чудесный? — так спросила вила Эвлинка, только ей никто не ответил.

И зашла она в чудный замок. Были в нём ворота раскрыты и все окна настежь открыты. И пошла она по покоям и по залам из малахита. Проходила по переходам и по лестницам подымалась... Только было тихо в том замке, ветер лишь гулял по покоям, эхо от шагов раздавалось.

И на самом верху замка чудного заходила она в светлицу и увидела там черницу. Молча та за прялкой сидела, на Эвлинушку не глядела — ниточку из пряжи сучила, быстро веретёнце крутила.

— Что же делаешь ты, черница? — так её Эвлинка спросила.

— Пряжу я прядаю, ниточку свиваю...

— Что за чудо, что за диво! Как всё выглядит красиво... Тянется из пряжи нить... А смогу ль...я нитку вить и веретено крутить?

Но лишь только тронула дева то чудесное веретёнце, в то ж мгновение бездыханной пала в сон зачарованный. И черница рассмеялась, а затем захохотала и в единый миг пропала. Ведь была то не черница — Макошь вила-судьбеница...

Как узнали о том Святогор со Плеяной, огорчились несказанно.

И Эвлинушку отвезли из того-то царства Поморского за три морюшка в Святогорье. Отнесли к Семиверхой башне. И в той башне в светлых покоях на постель её положили, как могли её будили — гусями и бубнами, трубами и сурнами. Но не встала она ото сна в чарушки погружена...

И послали гонца за Вечерницей. Тот шагнул в сапогах-сороходах да ко самому краю неба и поднялся по небосводу там, где Солнце-Сурья заходит. И явился он пред Вечерней звездой и позвал её за собой.

И тотчас на огненных змеях прилетела вила Вечерница. Вслед за нею свита явилась: сам бог

Сна легкокрылый с магическим жезлом: сам великий маг — держит жезл-мак. Следом сновиденья толпой — то мавлинок влетел рой.

Святогор их спросил:

— Как же быть, как нам это лихо изжить?

И Вечерница отвечала так:

— Вам помочь может лишь мак! Нам её от сна не избавить, но мы можем дело поправить... Много лет она будет спать, в сём волшебном сне почивать. А проснётся чрез сотни лет — и лица знакомого нет... Потому мы речём так: вас избавит от бед мак! Чудо может свершить он — всё вокруг погрузить в сон. Не заметите вы тогда, как летят над вами года. А когда Эвлинка проснётся, сёстрам и родным улыбнётся... Разойдётся в тот час мрак — это может свершить мак!

Тут бог Сна в колеснице огненной над дворцом и садом взлетел, маков жезл над собой воздел. И мавлиночки запорхали, маков сок разбрызгивать стали, навевая на замо́к сны — чудны, сладостны и нежны.

И заснули тогда Плянки, рядом — стольники и служанки, и бояре седобородые, скоморохи и скороходы, горничные и сенные, конюхи и стремянные, гусельники и певцы, плясуны и игрецы, стряпчие, садовники, скобари и плотники. В псарне псы заснули и псари вздремнули, спит в конюшне — конь, в очаге — огонь. Птицы дремлют в небесах, замерла вода в ручьях. И ветра здесь не шумят, водопады не гремят. Недвижимы онé в зачарованном сне...

Так бог Сна усыпил замок чудный, справился с работой нетрудной, лишь царя и царицу не стал усыплять — им нельзя страну оставлять.

И тогда Святогор и Плеяна с дочерьми своими простились и немедля прочь удалились. И тогда они в тот же час по стране издали указ: чтобы не нарушить покой замка чюдного под горой, все должны его обходить, далеко селиться и жить. Пусть ни человек и ни зверь не тревожат замок теперь.

И по волшебству Святогорову замок тот окружился чащей — остролистом, колючим терновником, и малиною, и шиповником. Невозможно её пройти, к замку дивному подойти...

И вот так над долиной той потекли века чередой, и ни человек, и не зверь не тревожили там покой...

Лишь волхвы на горы соседние раз в столетие подымались, и оттуда видели семь шатров, что над лесом чудным вздымались.

И тогда волхвы прославляли Святогорушку со Плеяной, также всех Стожар-Святогорок: Майю, Мерю, Лину, Алину, также Тайю, Асю, Эвлину.

Макошь-матушку почитали и Вечерницу поминали...

СВЯТОГОР, ВАН И ВЕЛИКИЙ ПОТОП

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как вознёсся Ван в небеса, Святогор же горою стал. Расскажи о Великоп потопе, что Всевышний людям послал!

— Ничего не скажу, что ведаю!

О премудрый Ван, князь великий! Сын Сварожича Семиликого!

Ты не мало, не много — на три долгих года закрывался в затвор средь Ирийских гор. Бога Вышнего прославлял, требушки Ему воздавал.

И вот Бог Всевышний ту жертву призрел и премудрому повелел:

— Подымайся ты по Златой Цепи ко моим небесным чертогам! И здесь ты пребудешь не мало, не много — три месяца, славя Всевышнего Бога!

Тут Ван поднимался к небесным чертогам и славил Вышнего Бога. И вилы его обучали, как нужно пахать, как сеять и жать, и как виноград для вина собирать. Учили, как веять пшеницу, белую пшеницу-ядрицу, как квасить в квашне и печь на огне кулич, каравай для Божией требы из ситного хлеба. И как приготовить отличное белое вино трёхгодичное!

И Бог дал ему — Книгу Ясную, Златую Книгу Прекрасную, чтоб мог он уразуметь, как славы Вышнему петь!

И Ван Книгу Ясную открывал, и очи свои отверзал.

Увидел он: Вышнего не почитают, а в жертву девиц и младенцев бросают.

Увидел, как у Крыницы людьми глумленье творится. С девиц и парней там стекает вода, они ж, не зная стыда, пред Богом Вышним грешат, глумление все вершат!

Увидел, как дивы нисходят на Землю, и в жёны берут юных дев. И как рождаются великаны, волшебною силой своей обуяны. И знают они путь звёзд и планет, да только не знают: где тьма, а где свет.

Увидел — Земля преисполнилась зла, и в жертву они приносят козла.

И Ван, мудрый князь, сам на землю сходил, а после людей вере правой учил по Книге Златой и Ясной, сей Книге Святой, Прекрасной, как жить и вино варить, и требы Богу творить.

И *Меря*, его супруга, учила *миру и мере*. Как нужно всем *в мире* жить, как *в меру* пить и любить, и *в меру* Богу служить.

Да только им люди не вняли, ни мира, ни меры не знали. Кровавую жертву войне приносили. И кровь, не вино, они в храмах пролили. И вновь они не любили — а лишь глумленье вершили.

* * *

И вновь Книгу Ясную Ван открывал, и вот что он увидал.

Узрел он: Всевышний Бог покинул златой чертог. И дланью святой взял Камень Златой. А в камешке том Святом, Золотом — сокрыт Златой Божий гром! И если сей Камень Он в море метнёт, то сушу великой волною зальёт.

Когда же картина та унеслась, слышался с неба глас:

— О Ван, князь-мудрец и правды писец! Иди, возвести сыновьям Бога Рода, Всевышнего и Сварога, которые Сваргу Святую покинули и Прави Пути отринули! Что вскоре все грешные земли зальёт, на мир низойдёт Великий Потоп!

И Ван к Дыю-батюшке поспешил, и весть о Потопе ему возвестил. Под горы Уральские дивы попрятались, и в страхе в пещерах своих запечатались.

А Ван вслед за тем явился к Асиле, что был запечатан в Урале насильно — за гордость свою пред Сварогом. Услышал он весть и печалился много. И Бога Всевышнего стал он просить: грешивших людей простить. Ван эту мольбу записал и Богу её передать обещал.

И вот звёзды Вана призывали, и молнии засверкали, и ветры ему дали крылья орлиные и на небо вознесли его.

И вот он увидел хрустальный чертог, и сам вступил за порог. И там было пламя горнее, а крыша из блеска молний и света далёких звёзд, и реял над крышею Алконост.

И вот Ван вступил в тот хрустальный дом, пылавший святым огнём. И был он горяч, как Солнце, и холоден будто лёд. И там из среды огня рекой текла Сурья-мёд.

И Ван призван Богом был, и в лодочке золотой рекою Сурьи поплыл... И вот вход с вратами опять перед ним, и новый чертог за сим. Он много просторней, чем прежний дом, из света и пламени возведён.

И так перед ним Вышня Бога чертог, здесь Сам восседает Бог. Хламида Его словно Солн-

це сияет, белее чистого снега блистает. Среди пламени здесь — Вышня Бога престол, и Славы вокруг ореол. Здесь Вышня трон в Сварге синей, и вид престола, как иней.

Вокруг же птицы Ирийские Всевышнему гимн поют, и славы Ему воздают. А из престола Предвечного, что полон величия вечного, река огня истекает, что Вана пугает и восхищает.

И рядом с троном Всевышнего, что Родом был, Колядою и Крышним, — Сварожичей несть числа. Стоят они у престола Отца. И все испускают свет, то Бога Святой Совет.

И Ван предстал перед Вышним, и Божье слово услышал:

— Иди к Моему престолу! Ступай ко Святому Слову!

И Ван, как и сказано было, ступал. И свиток с мольбой Асилы, великого Стража Вечности, чрез Вестников передал.

И был Вышний Суд на Совете — Суд Прави в Предвечном Свете. И был на Совете спор, затем речён приговор:

— Не будет исполнено это прошение, не будет даровано людям прощение. Земля грехами исполнилась и требует очищенья! Ведь людям Слово Всевышнего чрез Вана было дано. И время для покаяния минуло давным-давно.

А также Святой Совет дал Вану такой ответ:

— Великие Стражи, что Сваргу покинули и Путь Предвечный отринули, напрасно детей-великанов родили, и к небу путь им открыли. Они громоздили на горушки горы, но были низринуты вскоре. Желали низвергнуть Предвечный престол, но им рекли приговор: отныне носиться им злыми ветрами над сушею и морями!

И так приговор Бога Вышнего Сварожичи прорекли. И Вана затем прочь они увлекли.

Оставили в поле Ирийском у той горы Алатырской. И видел он гору, что снежной вершиной вела ко трону Всевышнего. И видел он пропасти, склоны и скалы, где поле Ирийское обрывалось. И видел он там за краем — бесчётных молний сверканье.

И слышал Ван громы горние — Сварог то ковал меч и молнии. Перун стрелы-молнии выпускал, Семаргл облака мечом рассекал.

Затем Ван из Ирия низошел; к реке — той, где Солнце заходит, пришёл. К тем огненным водам, что в бездну текут. Туда, куда грешные души идут.

Святые ступают к Ирийским лугам вослед Заре-Заренице, а грешные — вниз вслед Вечерней Заре и брату её Деннице.

И Ван там увидел двенадцать ветров, двенадцать вихрей-столпов, которые держат земли основание и краеугольный камень, а также вращают небесный круг. Увидев то, Ван устремился на юг.

А там Ван узрел семь великих гор, что здесь вознёс исполин Святогор. Сложил он семь гор из камней самоцветных, возвёл он семь тронов планетных, для всех своих дочерей, а также для их мужей.

Одну из опала — трон Мери-Луны, коль с Ваном они обручены. Для Марса-Ярилы — пылает гора над миром рубиновым трон. А рядом гора аметистов — то трон Меркурия-Дона. Юпитера-Ильма — гора гиацинтов, а Лины-Венеры — из хризолитов. Асиле-Сатурну и сыну его — достался трон из берилла. А в центре гора измурудная, и трон на ней из сапфира.

Здесь в центре трон Бога Всевышнего, и трёх его нисхождений — Дажьбога, Коляды и Крышнего.

И там за троном и твердью небесной — великие воды и бездна. И сонм огнекрылых Сварожичей тут, ворота сей бездны они стерегут.

И вот Вышний Бог бросил Камень Златой, и гром прокатился над грешной землёй. И тут же от входа над бездною был Чёрный камень извергнут.

Его забирал себе Велес сын Змея, и с ним нисходил он на Землю... И шёл он туда, где сам князь Святогор ездил меж высоких гор и встретил Ильма Сварожича, о чём мы расскажем вскоре...

* * *

Как во тех высоких Святых горах ездил грозный царь Святогор. Был он витязь сильно-могучий и на всю поднебесную дивный. Не спускался он со Святой горы, не носила его Мать Сыра Земля.

Захотел его силу изведать сам Ильмерушка сын Сварожич. Оседлал коня — Бурю грозную и отправился ко Святым горам. Видит он Святогорушку мощного, конь его — выше леса стоячего, задевает шлем тучи ходячие. Подъезжал к нему он близёшенько, поклонился ему он низёшенько.

— Здравствуй, сильный гора-богатырь!

— Будь здоров и ты, Ильм Сварожич! Ты зачем к нам в гости пожаловал?

— Я явился к тебе от Уральской горы. Захотел проведать я силушку Святогорушки, сына Рода. Ты не сходишь к нам со Святой горы, вот я сам к тебе и пожаловал!

— Я бы ездил на Матушку-Землю, но не носит меня Мать Сыра Земля. Где тебе мою силушку сведать! Ты силён, богатырь, средь Сварожичей — не осилишь ты сына Рода!

Наезжал тут Ильм сын Сварожич на могучего Святогора, направлял в него острое копье. На три части сломалось его копье — Святогор же с места не сдвинулся. Бил он палицей Святогора — на три части сломалась палица. Лишь ноздрями дохнул Святогоров конь — чуть в седле удержался Сварогов сын.

И сказал Святогору Сварожич:

— Ай же ты, Святогорушка Родович! Вижу я твою силу грозную! А моя-то силушка малая, побиваю я больше храбростью. Не могу с тобою сражаться — я хочу с тобой побрататься!

Святогор на то согласился, со коня он скоро спустился. Побратался с Ильмом Сварожичем.

Поезжали они по Святым горам. Много ль, мало ль проходит времени — богатырской ездой забавляются, молодечеством потешаются.

Там, где ступит конь Святогоров, горы там на камешки крошатся и ущелья меж гор раздвигаются. Святогор по горушкам скачет, как скала ущельями катит. А за ним горами, долинами едет Ильмушка сын Сварожич.

Святогору с кем силой мериться? В жилах силушка разливается, Святогор от силушки мается. Нелегко Святогору от силы, грузно, как от тяжкого бремени.

Он сказал тогда побратиму:

— Ай ты, Ильмушка сын Сварожич! Во мне силушка есть такая, как дойду к Столпу я небесному, подпирающему небосвод, как схвачу колечко булатное — так земных смешаю с небесными, всю Вселенную поверну!

Едут дальше они по Святым горам. Видят, вот впереди — прохожий. Святогор с Ильмером пустились вскачь, но догнать его не сумели.

От утра всё едут до вечера, едут тёмную ночь до рассвета, а прохожий идёт — не оглянется, и на миг он не остановится.

Окликают они прохожего:

— Ты постой, подожди, прохожий! Нам на добрых конях не догнать тебя!

Оглянулся и встал прохожий, снял с плеча суму перемётную.

И они спросили прохожего:

— Что же ты несёшь в сумке малой?

И сказал Святогорушка Родович:

— Ты сойди, Ильмер, со добра коня, подыми суму перемётную!

Соходил Ильмер со добра коня, взял рукой суму перемётную. Только сумочка не ворохнулась и с Сырой Земли не потронулась.

Наезжал на ту сумочку Святогор, погонялкой сумочку щупал, только сумочка не клонилась, пальцем тронул её — не сдавалась, взял с коня рукой — не вздымалась.

— Много лет я по свету ездывал, но такого чуда не видывал. Сумка маленькая перемётная — не сворохнется, не подымется!

Святогор слезал со добра коня, взял двумя руками ту сумочку. Оторвал суму от Сырой Земли, чуть повыше колен поднимал её, по колено сам в Землю-Мать ушёл.

И по белу лицу Святогорову то не пот, не слёзы — то кровь течёт...

Говорил Святогорушка Родович:

— Что ж в суму твою понакладено, что я ту суму не могу поднять? Не ворохнется она, не вздымается и всей силе моей не сдаётся! Видно, мне, Святогорушке, смерть пришла!

Отвечал Святогору странник:

— А в суме той — тяга земная. В той суме лежит Чёрный Камень.

И спросили боги прохожего:

— Кто ж ты будешь, прохожий, по отчеству?

— Велес я — сын Индры с Сырой Землёй!

Так сказал им Велес и прочь пошёл.

Святогор же не смог от Земли восстать, тут ему и была кончина. Дух его вознёсся на небеса, стал у трона Бога Всевышнего. На Земле он был Святогором — стал на небесах Святовитом.

Его тело — стало горой, волоса с бородой — обратились лесами дремучими, кости стали — камнями, а плечи — хребтами, голова с шлемом — горной вершиною. И во всех частях увеличился он — по велению Бога Вышнего. И на нём успокоился небосвод, а над ним звёз-

ды стали вести хоровод. И поднял он плечами-хребтами к небесам Семиверхую Башню — ту, где Святогоровны спали. Так они Стожарами стали, Семизведием засияли...

* * *

И тогда Ильмер сын Сварожич ударял перуном по Камешку, чтобы расколоть Чёрный камень. Только Камень тот одолеть никому вовек не суметь!

И тогда из Камешка Чёрного воды хлынули в сто потоков, что удерживал мудрый Велес от начала миротворенья с самого его сотворенья. И разверзлись хляби небесные, и излились воды чудесные! Наполнялись водой долины, покрывались водой вершины, разливались реки широкие, скрылись горюшки все высокие!

Для Смерти раскрылись двери, погибли люди и звери! И горы великие всколебались, холмы и долины местами сменялись. Растаяли горы, как сотовый мёд, а в море растаял лёд. И волны великие сушу покрыли, и Божий суд совершили!

И Сварожичи-небожители молнии из Сварги металы и расплавленное железо из небесных кузнь изливали. А Вечерница, дочь Зари, по Алтынскому царству гуляла — зёрна маковы рассевала, и бежали за ней волчицы и летели чёрные птицы.

И прорёк тогда Чёрный ворон:

— Сколько есть в лукошечке зёрен, столько лет проклятию длиться, царству под водой находиться! Так идёт на дно синя моря Золотое царство Плеяны и великого Святогора!

* * *

Много жертв приносил Садко, сын великого князя Вана, богу Велесу Семиликому. И тогда семью Святогоричей выбрал Велес, премудрый бог. Он избрал их из многих тысяч, чтобы жизнь они возродили, гибель мира предотвратили.

И взошли они на корабль, что построил Садко, сын Вана, по велению бога Велеса. И закрыл в корабле все окна. И корабль подняло волнами и погнало ветром свистящим. И сам Велес понёс корабль по-над морюшком тем бурлящим.

И носил он корабль по морю сорок тяжких ночей и дней. И затем о гибнущем мире пожалел бог, и снова ветер он навёл на тот Океан. И чтоб водушки те исчезли, он закрыл источники бездны.

И открыл в тот час Ван окошко. И увидел Солнышко Красное, и увидел гору Святую, в кою Святогор обернулся, а над нею башню Стожар. И поплыл Садко ко Святой горе. Тут корабль остановился, к круту бережку приулился.

И у той горы перед ними выходил из морюшка Велес. Он предстал великим драконом — семиглавым и златопёрым. Две главы огонь извергали: Огнебог Семаргл, Финист Огненный. Три главы извергали воду: Валья, Вритья и Змей Поддонный. Синим светом глава сияла — та, что лик Асилы являла, и горел Солнцем Красным у Рамны лик. Велес мудрый был семилик.

И попадали ниц пред богом Ван, Садко и все Святогоричи. Плакали они и стенали, гибель близких все поминали и великого Цареграда, и Алтынского государства, и всего Святогорова царства.

Но изрёк Семиглавый Велес:

— Перед Вышним вы согрешили! Макошьматушку вы не чтили! Вам дала Вечерница зелье грёз, вы же это зелье варили! Как прекрасен сей маков цвет, но сгубил он весь белый свет!

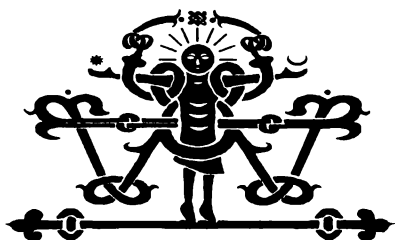
И ещё изрёк мудрый Велес:

— Я возьму с собою Плеянок в землю новую и святую, где за речкою Беловодной сотворю я сам Беловодье. Будет град там стоять на семи холмах, на семидесяти верстах. Будет в нём Семиверхий замок, поселю я там всех Плеянок. Пусть во сне своём зачарованном будут здесь они почивать. А когда восстанут от сна, в Беловодье придёт весна, станут вилушки те — Стожарницы и Остожницы, Святоярицы. Вам же дам я такой совет — заселяйте весь белый свет!

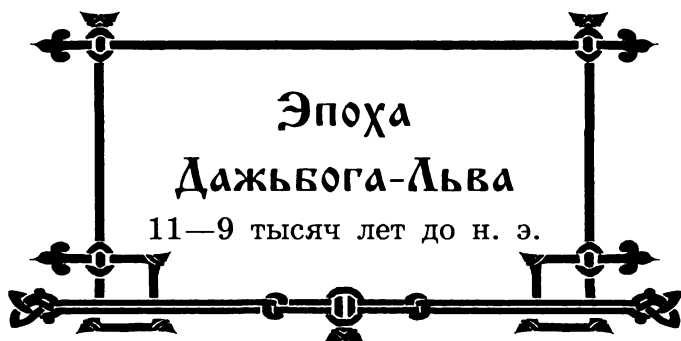
И тогда Ван пустил чёрна ворона, чтобы землю тот отыскал, только он её не видал. Он пустил тогда быстру ласточку — и ни с чем она возвратилась, и едва с дороги не сбилась. Он пустил тогда сиза голубя — голубь полетел на восток и принёс маслины листок.

И сошёл тогда Ван на землю: славил Вышнего Всевеликого также Велеса Семиликого.

И теперь все Ильмерушке славу поют, Святогору, Плеяне с Велесом, Вана и Садко поминуют. И Всевышнего прославляют!

VIII
ВЕДА
ДАЖЬБОГА

РОЖДЕНИЕ ДАЖЬБОГА. ДАЖЬБОГ И ПЕРУН

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как родился Вышень-Дажьбог. И о битве Дажьбога с отцом своим, как они боролись-братались, расскажи о победе сына!

— Ничего не скрою, что ведаю...

По лесам дремучим и шёлковым травам вдоль по Дону, крутому его бережку, сам Перун Громовник проезживал. На другом бережку его — девы-русалки пели песни, пуская венки по волнам.

Рось — русалка прекрасная смелой была, она спела Перуну, пуская венок:

— Если б милый осмелился, Дон переплыл, поборол бы течение быстрой реки, — то герою тому я б любовь подарила, будь он стар, будь он молод, беден или богат!

Поднял брови густые Сварожич Перун и заслушался песней русалки Роси. Загорелась тут в жилах Перуновых кровь, удалая вскружилась его голова.

Он кидался-бросался в великий Дон и поплыл через Дон сизым Гоголем. Переплыл через первую струечку и вторую струю без труда переплыл, третья струечка взволновалась, закрутила Перуна Сварожича — и отбросила вновь на крутой бережок. Тут промолвил Перуну великий Дон:

— Ты, Перун Громовержец, Сварога сын! Ты не плавай, Перун, по моим волнам, мои волнушки все свирепые: струйка первая — холодным-хладна, а вторая струя — как огонь сечёт, третья струечка заворачивает.

Вновь Перун бросался в великий Дон. Дон опять Перуна отбрасывал, как отбрасывал — приговаривал:

— Не видать тебе моей дочери! Не гневи, Перун, Рода-батюшку, Ладу-матушку богородицу и жену свою — Диву грозную!

Тут запела Рось песнь печальную:

— Видно, нам с тобою не встретиться. Видно, мне, Рябинушке тонкой, век качаться одной у речки далеко от Дуба высокого!

Крикнул тут Роси Громовержец — раскатился гром по подоблачью:

— Не могу переплыть я великий Дон, не могу я стать твоим мужем, Рось! Но прошу тебя — стань у берега, стань у Камешка у горячего, покажи лицо своё ясное!

Встала Рось у Камня горячего. Тут снимал Перун бурю-лук с плеча, и согнул его будто радугу, и пустил стрелу огнегромную. И сверкнула стрела, будто молния, раскатился гром в небесах. Рось тогда укрылась за Камешком — и стрела ударила в Камешек.

И возник в Бел-горючем Камешке — образ огненный, человеческий.

Собирались-соезжались к Камню тут цари и царевичи, также и короли-королевичи, и сошлись волхвы многомудрые. Рось с Перуном они прославили.

Солетались со всех сторон к Бел-горючему Камню птицы. И слетела со Березани птица вещая Гамаюн.

Стала петь Гамаюн высоко в небесах:

— Высечь сына Роси из Камешка лишь Сварог небесный поможет, позовите его на помощь!

Рось призвала Сварога-батюшку. Трое суток он Камень обтёсывал, бил по Камню горячему молотом. Так родился вновь Вышний Тарх Дажьбог.

Его ноженъки все серебряные, ручки Тарха — в червоном золоте, и горит во лбу Солнце Красное, а в затылке сияет Месяц. По косицам его — звёзды частые, за ушами его — зѳри ясные.

• И сказал тогда Праотец Сварог:

— Нужен конь Дажьбогу прекрасному, чтобы бегал быстрее ветра, чтоб летал он быстрее птицы, чтобы мог тот конь целый год скакать! Ты ступай, Дажьбог, ко высоким горам, ты ступай к пещере глубокой, что закрыта железной дверью и запорами медными заперта. В той пещере цепями прикован конь. Белогривый конь — Кологрива. Разломай ту дверцу железную — конь услышит тебя и сорвѳтся с цепей, удержать тогда ты коня сумѳй!

И пошѳл Дажьбог ко высоким горам, и нашѳл пещеру глубокую, стал разламывать дверь железную. И услышал Дажьбога в пещере конь, и, заржав, сорвался с цепей своих, и хотел на волюшку вырваться. На коня вскочил молодой Дажьбог, обуздал его и осѳдывал.

И спросил Дажьбог:

— Кто сильней меня? Кто смелей меня? И хитрей меня? Есть быстрее ли конь — моего коня?

И тогда ему Рось ответила:

— Я бы рада была уродить тебя в Громовержца Сварожича смелостью, в Святогора могучего силою, ну а хитростью в Волха Змеевича, но не так было Макошью связано. Но и ты хорош, молодой Дажьбог, есть в тебе, сынок, — Вышня Дух живой!

Был Дажьбог сын Перуна на вѳзрасте, словно сокол ясный на вѳзлете. Обучился клубки он прочитывать и играть на гуслих яровчатых, прославлять Сварога небесного, и Семаргла, и Рода-Пращура.

Научил его ясноокий Хорс, как обёртываться златогривым Львом. Гамаюн его научила перекидываться Орлом. Волх учил обращаться Волком.

На крутую он хаживал горочку, и кричал, и звал зычным голосом:

— Даст ли мне Сварог поединщика, чтоб под стать был мне он по силушке?

И пошла про Дажьбога слава — и великая слава, немалая да по градам всем и украинам, доходила до Алатырских гор и до сада Ирия светлого, до Перунушки Громовержца.

Громовержец тут собираться стал, обуздал коня — Бурю грозную, сбирал свои стрелы-молнии, брал и палицу громовую.

Его конь бежит — Мать Земля дрожит, дым валит из ушей, пышет пламя из рта. У коня Перуна — жемчужный хвост, его гривушка золочёная и унизана скатным жемчугом, а в очах его — камень маргарит, куда взглянет он — всё огнём горит.

Сотворились тут чудеса — растворились небеса. И поехал Перун да на Буре-коне, золотую главой потрясая, в небо молнии посылая.

И спустился он в чисто полюшко, и поехал он чистым полюшком, грудь свою копьём ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Он проехал лесушки тёмные, переехал поля Сарачинские, доезжал до Дона могучего.

Мать Земля под ним сотрясалась, в Донушке вода расплескалась, в поле травушка всколыхалась.

Услыхала Рось поступь славную и сказала так Громовержцу:

— Уж ты здравствуй-ка, сын Сварожич!
— Что ж — ты знаешь меня и по отчеству?
— Как Орла не узнать мне по вылету, не узнать как Перуна по выезду?

И ещё ему Рось промолвила:

— Ой ты гой еси, грозный бог Перун! Ты не вспылчив будь, а будь милостив! Дажда ты найдёшь в чистом полюшке, не сруби у сыночка головушки. Мой сыночек Даждь молодёшенек, он на буйные речи заносчивый и в делах своих неуступчивый.

Выезжал Перун в чисто полюшко, выезжал на холм на окатистый, на окатистый холм — угористый.

И увидел: с восточной сторонушки едет Тарх Дажьбог на коне златом.

Мечет он булатную палицу да повыше леса стоячего, ниже облака проходящего, а другою рукой прихватывает, машет как пером лебединым:

— Ай ты, палица, ты булатная! Нет мне равного поединчика, на горе ли крутой, в чистом полюшке.

Говорил ему Громовержец:

— Уж те полно, Тарх, потешаться, похвально пустою речью! Уж мы съедемся в чистом поле, мы поборемся-побратаемся — да кому Всевышний поможет?

Будто ото сна пробудился Даждь, и лихого коня поворачивал, и съезжался с Перуном во полюшке. То не горы в полюшке сталкивались, то столкнулись боги могучие.

Тут поднял булатную палицу сын Сварога Перун Громовержец, ударял булатною палицей по щиту молодого Дажда — на три части распался Дажьбожий щит, на три части сломалась палица.

Вновь разъехались в чистом полюшке, сшиблись копьями долгомерными — и сверкнули они, будто молнии. Только копья те погибались, на три части они обломались.

Ударялись мечами острыми — на три части мечи сломались.

Как они боролись-братались — содрогалась Мать Сыра Земля, расплескалось море синее, приклонились все дубравушки. Над Землёй всколебался небесный свод, под Землёй шевельнулся и Юша-Змей.

Тут сходили они со могучих коней и на Землю-Мать опускались. Обернулся тут Громовержец — стал Орлом, могучею птицею. Тарх Дажьбог тогда обернулся Львом, стал когтить Орла — птицу грозную.

И ослаб Орел-Громовержец, и упал на Матушку Землю.

— Ты скажи, бог могучий, как имя твоё. Назови своё имя-отчество, — так сказал Дажьбог поединщику.

— Я явился из Ирия светлого, я Перун Громовержец, Сварога сын.

Тут сказал Перуну молодой Дажьбог:

— Ты прости меня за такую вину! Встань, Перун — родимый мой батюшка!

Помирились они, побратались, и вскочили они на своих коней, и к Роси поехали рядышком.

Говорил тогда удалой Дажьбог:

— Ой ты, Рось — родимая матушка! Отпусти меня к Алатырским горам ко Перуну — батюшке родному. Дай святое мне благословение.

Рось его тогда отпустила, в путь-дорожку благословила.

Попрощался Дажьбог с Росью-матушкой и поехал к светлому Ирию.

ДАЖЬБОГ И ЗЛАТОГОРКА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился Дажьбог сын Перунович на молодой Златогоршке Майе.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по полюшку Дажь проеживал, по лесам Оленем поскакивал, в небесах парил Ясным Соколом. Видно было, где он на коня вскочил, да не видно, где в стремя вступил — только видно в небушке Сокола.

Смотрит Сокол из поднебесья: в чистом поле наездница едет — Златогоршка Святого-ровна. Шлем её в облака упирается, златы косы огнём разливаются. Едет в полюшке Златогоршка, а под нею конь будто лютый зверь, а сама-то спит крепко-накрепко.

Тут слетел с поднебесья Дажь, на коня вскочил Кологриву и вскричал с коня зычным голосом:

— Ай ты, Майюшка Златогорка! Спишь ты впрямь иль ты притворяешься? Не ко мне ли ты подбираешься?

Поляница ж молчит — не ворóхнется.

Разгорелось тут сердце Дажья. Он схватил булатную палицу, бил он палицей поляницу. Поляница ж сидит — не ворóхнется, и на Дажья она не оглянется. Ужаснулся он и отъехал:

— Видно, смелость во мне всё по-старому, только силушка не по-прежнему!

Видит Дажь — дуб встал в чистом полюшке. Наезжал на дуб Тарх Перунович, ударял булатною палицей — и расшиб сырой дуб на щепочки.

— Значит, силы во мне всё по-старому. Видно, смелость во мне не по-прежнему!

Вновь наехал на поляницу — и ударил её в буйну голову. Поляница ж сидит — не ворóхнется, и на Дажья она не оглянется. Ужаснулся он и отъехал вновь.

— Видно, смелость во мне всё по-старому, только силушка не по-прежнему!

И увидел скалу в чистом полюшке, и ударил булатной палицей — и разбил на мелкие камешки.

— Значит, силы во мне всё по-старому. Видно, смелость во мне не по-прежнему!

Вновь наехал на Златогорушку, бил её булатною палицей — и отшиб себе руку правую. На коне поляница сворохнулась и на Тарха Дажьбога оглядывалась.

— Я то думала — мухи кусаются, оказалось то — добрый молодец!

И схватила тут Златогорушка за золотые кудрышки Дажда, подняла с конём Кологровкой, опускала в хрустальный ларчик, а ларец ключом запирала.

И поехала вновь ко Святым горам, и заснула вновь, и забылась. Едет целый день вплоть до вечера, едет тёмну ночь до рассвета. А на третьей сутки могучий конь стал под ней брести-спотыкаться. И спросила его Златогорушка:

— Что же ты подо мной спотыкаешься?

— Ты прости уж меня, хозяйюшка! Третьи сутки иду я без отдыха и везу Златогорушку с Даждем да ещё коня Кологриву.

Тут опомнилась Златогорка, вынимала хрустальный ларчик, отпирала его золотым ключом, вынимала Даждя Перуновича из ларца за кудри златые:

— Ах удалый ты, Тарх Перунович! Сделай ты великую заповедь и возьми-ка меня в замужество. Будешь жить тогда ты по-прежнему. Коль откажешься — знать, тебе не жить. На ладонь положу, а другой прижму — только мокренько между ладошками будет!

— Ой ты, Майюшка Златогорка! Не страшны мне, Майя, слова твои. Ты сама мне, Майюшка, любя! Я согласен на заповедь вечную! Я приму с тобой золотой венец!

Поезжали они да не в чисто поле, а поехали ко Святым горам. Вышли к ним Святогор со Плеяною. Святогор Златогорушку спрашивал:

— Ты кого привезла, дочь любимая?

— Привезла я могучего витязя, удалого Тарха Перуновича. С Даждем мы решили венчаться.

И сказал Святогорюшка Родович:

— Что ж, честным пирком да за свадебку!

И созвали на эту свадьбу всех Сварожичей-небожителей, всех богов со Святых и Ирийских гор.

И на ту великую свадьбу, на почёстен пир созежались Лада-матушка со Сварогом, Сурья-Ра с Волыней Свароговной, Хорс с Зарёй-Зареницей и Месяц, и Перун с Перуницей-Дивой, Велес Суревич с Вилой Сидой, и Семаргл-Огнебог, Макошь-матушка, все небесные боги, духи.

Повенчали Сварог с Ладой-матушкой Златогорушку со Дажьбогом. И на этой свадьбе Дажьбога пировало царство небесное, вместе с ним и вся поднебесная!

И отныне все славят Майю и Дажьбога, сына Перуна, вместе с ними и Святогора!

ГИБЕЛЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ ЗЛАТОГОРКИ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о гибели Златогорки, расскажи о её воскресении!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Далеко-далече во полюшке пыль клубилась, ковыль стелилась. Проезжали там добрый молодец, молодой Дажьбог сын Перунович, и удалая поляница — Златогорушка Святоторовна.

И скакали они много времени, как от той горы Алатырской, а потом и от Пятигорья, выезжали в степи Турдакские.

Находили тут чудо-чудное, усыпальницу у ручья, и гробницу ту белокаменну. А на ней надписана надпись:

«Тот в гроб ляжет — кому в нём лежать суждено».

Тут спустились они со своих коней и ко гробу тому склонились. И спросила так Златогорка:

— А кому во гробнице лежать суждено? Ну-ка, ляжем в неё да померяем — на кого же гроб этот вырублен?

И ложился Дажьбог в тот огромный гроб. Только гроб ему не поладился — он в длину длинён, в ширину — широк.

И легла в него Златогорка. Златогорке гроб тот поладился — он в длину по мере, и в ширь как раз.

И сказала тут Златогорушка:

— Ай же ты, Дажьбог, мой любезный муж, ты покрой-ка крышечку белую, полежу я в гробу, полюбуюся.

Отвечал Златогорке тогда Дажьбог:

— Не возьму, Златогорка, я крышечки, шутишь шуточку ты немалую, хоронить себя собираешься.

Тут взяла Златогорушка крышечку и свой каменный гроб закрыла. Захотела поднять — не может.

— Ай же ты, Дажьбог сын Перунович, мне в гробу лежать тяжёлёшенько, ты открой скорей крышку белую, ты подай мне свежего воздуха...

Взял Дажьбог ту крышечку белую — только крышечка не поднялась, даже щелочка не открылась.

И сказала тут Златогорушка:

— Ты разбей-ка крышечку белую, вынь меня из гроба глубокого!

Тарх ударил булатною палицей вдоль той крышечки тяжкой каменной. А куда он ударил палицей — становился там обруч кованый.

Тут сказала ему Златогорушка:

— Ты возьми, Дажьбог сын Перунович, кладенец мой меч. Бей ты им по гробу глубокому, поперёк ударь крышки белой!

Но не смог поднять кладенец Дажьбог.

— Наклонись ко мне к малой щёлочке, ядохну в лицо твоё белое — у тебя прибавится силушки.

Наклонился к ней молодой Дажьбог, идохнула в него Златогорушка — силы в нём прибавилось вчетверо. Тарх Дажьбог поднял тот великий меч и ударил по гробу глубокому. А куда он ударил мечом-кладенцом — становился там обруч кованый.

Говорила ему Златогорушка:

— Видно, мне не выйти отсюда. Здесь найду я свою кончину. Ты ж сыщи пещеру глубо-

кую, и снеси туда плащаницу, и повесь её на златых цепях. И езжай скорей в Царство Тёмное. И проси у Вия Седунича перстень со рубином волшебным. Лишь рубин заклятие снимет и меня из Нави подымет!

Поскакал Дажьбог по степям, полетел в горах Ясным Соколом.

Прилетел он к речке Смородине, да ко той горе Сарачинской. И встречали его у Камня Велес Сурич и Вила Сиды. Велес Камень тот отвалил, в Пекло бога он пропустил.

И пришёл Дажьбог к Вию тёмному:

— Здравствуй, Вий — подземельный и тёмный князь! Я привёз поклон-челобитие от моей жены Златогорущки. Как легла она в плащаницу, в ту гробницу из бела камня, — так не может восстать оттуда. Просит Майя кольцо златое. Лишь кольцо заклятие снимет, лишь оно гробницу откроет.

Рассердился Вий — подземельный князь:

— Смерть нашла, увы, Златогорка! И в гробу лежит её тело, тень же Майи спустилась в Пекло. Ей кольцо уже не поможет!

Отвечал Дажьбог Вию тёмному:

— То кольцо заклятие снимет. И пробудится Златогорка по Седыеву повелению!

Закричал тут Вий зычным голосом и созвал к себе нечисть с нежитью:

— Кто же ты, Дажьбог сын Перуна, коль посмел мне, Вию, перечить? Вию — князю Тёмного Царства! Вию — сыну Чёрного Змея! Поднимите мне веко тяжкое, я взглянуть хочу на Дажьбога! Дай мне руку, Тарх сын Перунов!

А Дажьбог в огне булаву раскалил — протянул её Вию тёмному.

Вий взял палицу раскалённую и взглянул на Тарха Перунича. И завыл, закричал на всё Пекло Вий:

— Здесь не место тебе, Вышний Тарх Дажьбог! Ты — Дажьбог! Перун! Ты — Сварог и Род! Вышний Тарх Дажьбог! Ты впускаешь свет! Разрушаешь ты Царство Тёмное! Уходи скорей к Солнцу Красному! Я даю кольцо золотое, отнеси его Златогорке!.

Стал тут добрый Дажьдь ездить на коне по бескрайнему Царству Тёмному. Подъезжал к пещерам змеиным. А в тех тёмных пещерах — пленники: сорок там царей со царевичем, также сорок князей со князевичем, сорок мудрых волхвов, сорок витязей, а простого народа и счёты нет.

Выводил Дажьбог пленных Вия, оживлял и людские тени. Много вывел князей и князевичей, с ними и королей, королевичей, вывел также девиц, с ними малых детей.

— Выходите из царства Смерти! Выходите из нор змеиных! И идите за речку Смородину, и ступайте все по своим местам, по домам своим, к очагам родным! Вспоминайте потом Дажьбога! Без него вы бы вечно сидели здесь!

Выходили с великим шумом мертвецы из царства подземного, побежали за речку Смородину через мост калиновый тонкий.

А Дажьбог пошёл по пещерам — и зашёл в пещеру последнюю. Видит: дверь запорами запертая, наглухо замками закрытая.

И сорвал Дажьбог все замки с неё, сшиб запоры могучей рукою и раскрыл железные двери. И увидел под тёмными сводами в той

пещере Кащей Бессмертного. На двенадцати он цепях висел, а под ним котёл на огне кипел.

И сказал Кащей богу светлему:

— Дай, Дажьбог, мне воды немножечко!

Наливал Кащею Дажьбог воды.

Выпил всё Кащей, запросил ещё. Наливал Дажьбог — выпил вновь Кащей. Просит в третий раз — дал опять Дажьбог.

И сказал Кащей богу светлому:

— Буду помнить твою услугу! За неё тебе три вины прощу! И как станем мы воевать — я не стану тебя убивать! Только знай, что биться я буду с сыновьями и дочерями, что пойдут от тебя и Майи! Ибо ты пошёл против Смерти! Никогда ещё не бывало, чтоб она при-
тупила жало!

Разорвал затем цепи тяжкие, полетел из тёмной пещеры он к свету белому, к Солнцу Красному.

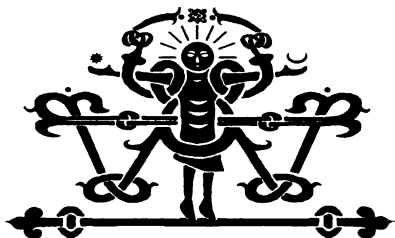
Взял Дажьбог кольцо золотое, и из Пекла он выходил. И поехал вновь ко Турдакской степи. И вернулся он к Златогорушке. Подходил он к гробу печальному и с него заклятие снял, крышку каменную поднял, перстень Майюшке надевал.

И раздался тут голос Рода:

— Поднимайся из гроба, Майя! Возвращайся из царства Смерти! Чернобога заклятье снято, но — на время, а не навеки... По веленью Судьбы и Рода ты родишь Великого бога, а потом возвратишься снова — к Вию, князю Тёмного Мира.

Как далече в Турдакском поле — пыль под-
нялась, ковыль качалась.

Проезжали там Тарх Перунович вместе с Майюшкой Златогоркой. Где Дажьбог по полю проедет — там он жито в поле посеет... Златогорушка где проедет — золотые колосья спеют...

IX

ВЕДА КОЛЯДЫ

РОЖДЕНИЕ КОЛЯДЫ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о рождении Коляды и о брате его — Овсене, и о том, как первые люди получили Звёздную Книгу.

— Ничего не скрою, что ведаю...

То не Солнышко засияло, то не Зорюшка разгорелась — это Майюшка Златогорка с молодым Дажьбогом проехали. Приезжали они ко Смородине, да ко той горе Сарачинской.

Как положено Вышнем в Прави, здесь, меж Явью и царством Нави, Златогорка должна остаться — ожидать, как наступит срок и Сварожий круг повернётся.

Как у речки быстрой Смородины распустился чудесный сад. В том саду поднялись хоромы — крутоверхие, златоглавые. В тех хоромах стоит кроватка. Та кроваточка золочёная, ножки у кроватки точёные. На кроватке спит-посыпает сам Дажьбог с Златогоркой Майей. Златогорка под ним смлевает, сына Тарх Дажьбог зачевает — Коляду, молодого бога!

Меж Дажьбогом и Златогоркой золотое кольцо каталось. Там колечко каталось и думалась дума. Дума думалась, слово сказывалось. Дума крепкая — слово тайное.

— Отправляться пора мне, Майя, на сражение с Чёрным богом! И припомнить ему услугу — ту гробницу в Святых горах.

Златогорка с Даждем гадали — две стрелы над полем пускали. Вот одна летит — ясный сокол за ней. А другая летит — в стаю лебедей.

По гаданью и Дажьбога собирали в дальний путь, и корабль снаряжали — в море синее пускали.

То не Ясный Сокол по небу летит, то не Чёрный Волк на берегу стоит. То корабль Дажьбога по морю бежит, то Кащеюшка колдует-ворожит. И от чёрной ворожбы — море хмурится, и от тех от слов Кащея волны крутятся!

И ронял Дажьбог колечко золотое — с пальца пало оно в море синее. Проглотила его щука быстрая — щуку ту не найти и не выловить!

И поднялись ветры буйные, расплескалось море синее. И корабль унесло ветрами далеко-далеко за три морюшка.

И подул Кащеюшка Виевич на спокойное сине море — и то морюшко заморозил. И застыл корабль Дажьбога, скован в море мощными льдами.

А в ту порушку в светлом Ирии Златогорке припело время — Коляду рождать и Овсеня.

Потрудилась Златогорка... Коляда и Таусень! Потрудилась, потужилась — и родила Таусеня. Таусеня-то Овсеня! А с Овсением Коляду!

То не ясен Сокол в поле увивается — это братец Коляды рождается: Овсень-Таусень!

Выходила к нему сера Утушка. Так Овсеню Уточка сказывала:

— Ты не слушай, Овсень, родну матушку! Не служи-ка ты богу Белому! Послужи-ка ты богу Чёрному! Ты служи Кащеюшке Виечу!

Говорила тут Златогорушка:

— Уж ты, дитятко-дитё, чадо милое! Ты не слушай, Овсень, серу Уточку! Не служи-ка ты

богу Чёрному, а служи-ка Дажьбогу-батюшке! Как у батюшки Дажьбога три беды стряслось. Первая беда — он кольцо терял, а вторая беда — он покинул дом. Ну а третья беда — горе горькое, он не может тебя защитить...

И спросил Овсень Златогорушку:

— Что мне делать, скажи, родна матушка?

— Мосты мостить.

— Кому ездить?

— Крышню — первому, а за ним Коляде, следом — Бусу!

Овсень-Таусень пошёл по дорожке. Пошёл по дорожке, нашёл топорочек. Ни мал, ни велик — с игольное ушко. Срубил себе сосну, настелил мосток, чтоб проехали три Вышня вдоль по этому мосту. Первый Крышень-бог, а второй — Коляда, третий — будет Бус Белояр.

Как два Сокола летели. Овсень и Коляда! Там лето — здесь зима! Как они летели — все люди глядели. Как они сажались — все люди дивились. Как они вспорхнули — все люди вздохнули...

Потрудилась Златогорка... Ой, Коляда наш, Коляда! Потрудилась, потужилась и родила млада бога. Млада бога — Коляду!

Девять месяцев Майя не ела, девять месяцев не пивала во пещере горы Сарачинской. И родила она млада бога! Златогорке служила Жива. Омывала Живушка Майю, Коляду она принимала!

Засияло на небе Солнце. Хорс с младою Зарей запели:

— Слава Божичу Коляде!

Звезды с Месяцем заплясали и цветами мир забросали:

— Слава Божичу Коляде!

Звери во лесах заревели, рыбы во морях заплескали:

— Слава Божичу Коляде!

И запели люди по всей Земле:

— Коляда — Бог Суций! Бог Суций — Святой! Святой и Пресветлый! Пресветлый и Истинный! И Вседержитель!

И Сварог — царь небесный, услышал, что родила Майя младенца, Коляду молодого бога. Он послал Огнебога Семаргла, чтобы тот ему поклонился.

Вот сошёл Семаргл с небосвода, прилетел к горе Сарачинской. Видит он — в пещере глубокой укрывается Златогорка. Девять месяцев хлеба не ела и студёной водицы не пила, и родила младого бога, млада Божича Коляду!

А лицо Коляды — Солнце ясное, а в затылке сияет Месяц, а во лбу его — там звезда горит. А в руках его Книга Звёздная, Книга Ясная, Злата Книга Вед. Эту книгу Майя украсила золотыми частыми звёздами.

Как ко той горе Сарачинской собирались-соезжались — сорок грозных царей со царевичем, с ними сорок князей со князевичем, также сорок волхвов ото всех родов.

И все видели Огнебога — как сошёл с небес он к пещере, а в пещере видели Солнце.

И тогда Семаргл Сварожич по горе Сарачинской ударил. Бил её златою секирой — и всю гору озолотил. И раскрылась тогда злата крыница, истекла водица студёная. И ту воду пила Златогорка, пил ту воду младенец Божич, и пила её Злата Книга.

И та Книга учила сорок царей, и учила она также сорок князей, и учила волхвов многомудрых:

— В молодого бога уверуйте! В Коляду — молодого Крышня! Он сошёл с небес, он пройдёт по Земле и учить будет вере Вед!

И дары Коляде приносили — все цари, волхвы многомудрые. И дарили ему красно золото, и дарили ему, — бело серебро. Зажигали волхвы свечи яркие и медовую сурью пили, вместе славили Коляду:

— Коляда наш, Коляда! Коляда Святой! Святой Величайший! Великий — Пречистый! Пречистый и Божий! И Божий Родитель!

Как у Майи Сын Божий родился, Чёрный царь Кащей изумился:

— Значит, бог великий родился, если целый мир просветился!

И Кащей увидел: идут цари, князи и волхвы многомудрые. И спросил у странников Чёрный царь:

— Где вы были? И что вы видели?

— Были мы в горах Сарачинских, да у той ли речки Смородины. Были мы и видели сами — Коляда великий родился! Поклонились мы Сыну Вышня и дарили ему красно золото, подносили и бело серебро. Свечи яркие зажигали, чтоб они горели-сверкали — и тебя, Кашея, прогнали!

Разошелся-разлютовался Чёрный царь Кашеюшка Виевич. Он изгнал волхвов многомудрых. И послал тогда по лицу Земли всех дасуней своих — войско чёрное. И велел Кашеюшка Виевич убивать повсюду младенцев.

И великий плач на Земле стоял, и померкло Красное Солнце. И надвинулся тучею Чёрный

царь. И в горах уж демоны рыщут — ищут Майю и Коляду.

И отваливал Велес Камень, и открыл путь в Тёмное Царство.

И раздался голос Всевышнего:

— Время вышло всё, Златогорка! Колесо небес повернулось! Путь лежит твой в Тёмное царство. Так Отцом положено в Прави!

Плачет Майюшка Златогорка, к Вию сходит по воле Вышня. И корзиночку с Колядою — Майя плыть по речке пускает.

— Ой, Смородина, речка быстрая! Укачай молодого бога, унеси его, но не к устью, ты его отнеси — к истоку, по дорожке лунной и звёздной, в Ирий к Хорсу и Заренице...

Хорс поднялся рано-ранёшенько и пошёл ко речке Смородине — зачерпнуть водицы студёной, чтоб водою чистой умыться и Всевышнему помолиться. И нашёл у берега Хорс ту корзинку, что вынесла речка, что сияла светом небесным.

И тогда унёс Хорс корзину и принёс в златые хоромы. В той корзине не было злата, а лежал в ней малый ребёнок. И сиял он светом небесным, ибо был в той корзине Божич, златовласый бог Коляда...

КОЛЯДА ПОБЕЖДАЕТ ДЕМОНОВ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о волхвах, что искали бога и нашли его в светлом Ирии. И о том, как был посрамлён Чёрный царь Кащеюшка Виевич.

— Ничего не скрою, что ведаю....

Шли-бредили по свету волшебники и искали младого бога, младя Божича Коляду. Их вела Звезда за собою, что в небесной выси сияла и им путь в Ночи указала.

— Мы ходили, мы искали Коляду святого — на небе и на земле. Нам Звезда указала путь, и пришли мы к Ирию светлому...

Как тот Ирий-сад на семи верстах, на восьмидесяти он стоит столбах высоко в горах Алатырских. В том Ирийском саде — шелкова трава, по цветочку на каждой травке и на каждом цветке — жемчужинка. А вокруг Ирия — тын серебряный и на каждом столбчике — свечка.

А в том тыне стоят три терема — крутоверхия, златоглавые. В первом тереме — Красно Солнышко. Во втором живёт — ясна Зорюшка. Ну а в третьем — там часты звёздочки.

Подошли волшебники к Ирию. Вот врата пред ними хрустальные, подворотенка белокаменная. И течёт с-под Камня Смородинка.

— Это что блестит на хрустальной горе?

— Это льёт лучи Солнце Красное, это Зорюшка расцветает! То златыми рогами Месяц озаряет небесный путь.

И встречал волхвов у хрустальных врат златорогим Оленем Месяц. Он сказал воротам Ирийским:

— Отворитесь, врата хрустальные! То пришли колежане-гости! Вы пустите их в Сваргу синюю, вы пустите их в сад Ирийский!

И вошли волхвы, и запели:

— Божич светит по белу свету! На хрустальные врата — горсти золота!

Тут стояла скамейка серебряная. На скамейке той — Хорс с женою, светозарой, младой Зарёю. Как у Хорса борода из золота, у пресветлого — золочёный ус. У младой Зари — кудри русые. По плечам они расстилаются, серебром они рассыпаются.

На руках Зареницы младой Коляда — его кудри огнём разливаются, завиваются в три рядочка. Вьются в первый ряд — чистым серебром. Во второй-то ряд — красным золотом. Вьются в третий ряд — скатным жемчугом.

— Кто ж тебя изнасеял-то Божича?

— Породила меня Златогорка. Роды Жи-
вушка принимала. Воспитала меня Зорька ясная. Песни пели мне — звёзды частые...

И за стол колежане усаживались. Видят гости — стоят три кубка. В первом кубочке — мёд Квасуры, во втором-то — Хома волшебная, в третьем есть Абрита небесная. Сурью пьёт из кубка великий Хорс, Хому пьёт Заря-Зареница, а Абриту пьёт юный Божич.

Всё сверкает в тереме Хорса, и столы все убраны золотом и заставлены яствами разными. Угощались, пили волшебники, бога славили Коляду.

Как во тереме у Хорса три окошечка. И в одно окно вошло Солнце Красное, а в другое

вошёл светлый Месяц, ну а в третье-то — частый Дождик.

Солнце так говорило:

— Кто выше меня? Освещаю я горы, долины, моря.

Месяц так говорил:

— Я важнее всех! Освещаю я тёмну ночь. Путник радуется в дороге, а моряк в своём корабле...

Частый Дождик:

— Нет — самый главный я! Как пройду я в травне три раза, окроплю я жито и пашни — так ликуют все огнищане: будет хлеб и пиво пшеничное!

Возразили им колежае:

— Нет, над всеми вами — великий бог, Коляда — сын Вышня-Дажьбога! Скажет Солнцу: «Свети!» Светит Солнце. Скажет Месяцу — тот сияет. Скажет Дождику: «Дождь, омочи Землю-Мать, чтоб родилась рожь и пшеница!» И пойдёт с небес благодатный дождь. Будь прославлен бог Коляда!

В Тёмном царстве хмурятся тучи и вороны кружатся стаи. Там Кащей Бессмертный лутует, колдунов и ведьм собирает, всех служителей Чернобога.

И сошлись Маргаст и Маргана, прилетела Чёрная Кали и Мазата — сестрица Мага, и пришла старуха Путана. Соползались сюда и змеи — трясовицы и огневицы. Приползла змея Пераскея, вместе с нею Сурова Ламья, Чёрный Аист вместе с Драконом. Лешаки пришли, волкодлаки, дивы, оборотни, вурдалаки.

Собирались они, соежжались, стали думать, как погубить им Коляду, молодого бога. И сказал старухе Путане Чёрный князь Кащеюшка Виевич:

— Обернись молодою девой, полети-ка в Ирий, Путана. Изведи молодого бога! Его кос-

ти пусть станут прахом, пусть развеет их чёрный ветер!

Тут Путана разлютовалась, и ходила она да во Чёрный бор ко горячему Камню Чёрному.

Рыла злые она кореньца, мыла их во речке Смородине и на Чёрном Камне сушила их. И толкла те кореньца в ступочке, и просеивала их во ситечке. И ссыпала их в зелено вино. А вино лила в злату чашу. То отрава лютая сердцу, то смерть чёрная, скоротечная...

Оседлала она дракона, полетела к горушке Белой. Прилетела в Ирий Путана и на трапезе с чашей встала. А у чаши по краю огонь горит, а на донышке лютый змей лежит.

И спросили её волхвы:

— Ты зачем явилась, Путана?

— Я пришла, принесла вина — молодому сыну Дажьбога. Пусть он выпьет вино из чаши!

Отвечали ей колежане:

— Коляда, наш бог, молоденец! Пить вино ему рановато. Грудь в вино обмакни, Путана. Дай-ка грудь молодому богу!

Грудь в вино обмакнула ведьма и взяла на рученьки бога, поднесла ему грудь с отравой. Коляда к груди приложился, молоко он пил вместе с ядом. С ядом — высосал жизнь Путаны.

Сотряслися Земля и Небо, только ведьма, ставши старухой, испустила предсмертный крик и упала, ноги раскинув и клыкастую пасть раскрыв.

Ужаснулись все колежане, видя тело ведьмы Путаны. Её зубы — чёрные скалы, её ноздри — в скалах пещеры, её груди — холмы, а волосья — кусты, а глаза — слепые колодцы. Её бедра — два горных кряжа, её руки — мосты над бездной, а живот — иссохшее море.

Бога тут Заря подхватила, Хорс низверг на Землю Путану — содрогнулось царство Кащея.

И тогда из Тёмного царства Босоркун ко Сварге поднялся. Обернулся он Чёрным Аистом, свет закрыл своими крылами.

Налетел на Божича Аист, клюв раскрыл и вмиг проглотил. И померкло светлое Солнце, расплескалось синее море, содрогнулись горы высокие.

Вдруг почувствовал Аист жжение. Тут же выплюнул Коляду и попробовал заклевать. Босоркуна тут сын Дажьбога разорвал, схвативши за клюв, как травиночку рвёт ребёнок.

Как тут князь Кащей рассердился, разошёлся-разлютовался. Выпустил он Халу-Дракона.

Прилетел Дракон в Ирий светлый, лёг среди гор Ирийских, разинул пасть. Он одною губой по земле влачил, облаков касался второю. Его челюсти — словно ущелья, зубы — будто вершины гор. Был язык Дракона — дорогой, а дыхание — вихрем буйным.

И пошли по этой дорожке в пасть Драконушке колежане, а за ними двинулся Божич.

Коляда вошёл во драконью пасть — тут же стал расти, подыматься. И поднялся он выше гор, выше облаков поднебесных. И душил сын Божий Дракона, разрывал его он на части. И Дракон, не выдержав, лопнул.

Посрамлён был Чёрный Кащей Колядою, сыном Дажьбога!

И отныне бог Коляда по Сырой Земле-Матушке ходит, золотую одежду носит. Он от града идёт — до града, от села — к селу огнищанскому. Вместе с братом ходит Овсеном и читает Звёздную Книгу.

И тогда с мужами святыми светлый мир нисходит на Землю.

КОЛЯДА И РАДУНИЦА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился бог Коляда на прекрасной дочери Солнца — красной девице Радунце.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по полюшку, по широкому, по долинам и по холмам Коляда Дажьбожич проезживал. Подъезжал к высокому ясеню, а на ясенем том Гамаюн — вся сияла златыми перьями.

Коляда брал стрелку калёную и натягивал лук разрывчатый.

Отозвалась Гамаюн:

— Ты не бей в меня, не стреляй в меня! Я тебе ещё пригожусь! Как надумаешь пожениться — за рекой отыщешь невесту. И подъедешь к реченьке быстрой, будешь призывать перевозчиков. Будешь кликать — и не докличешься, станешь звать — никто не услышит... Я тогда тебе услужу. Я на правом крыле провезу тебя, а жену младую — на левом...

Проезжал Коляда чистым полюшком, приезжал он к реченьке Ра. Видит Коляда Радунцу — дочку Солнышка и Зари.

Как пускала она веночек вдоль по реченьке быстрой Ра — тот веночек из белых лилий. Поднимал веночек Коляда, пел он песню дочери Солнца.

— Радунца — младая дева! Ты пригожей Красного Солнца и светлее Ясного Месяца!

Говорила ему девица:

— Ай молодой и прекрасный витязь! Верно, ты и есть Коляда? Слышал, нет ли — меня сегодня отдаёт Красно Солнце замуж. Ныне будут у моря скачки. Первым, кто вокруг моря обскачет, — станет мужем дочери Солнца! У тебя, Коляда, златогривый конь, а копыта его — серебряные, в каждой шерсточке по жемчужинке. Ты обгонишь всех на лихом коне!

Как услышал о состязании Чёрный царь Кашеюшка Виевич, полетел он к Ирию светлому. Он ходил по саду Ирийскому, заходил в дворец Красна Солнышка и к Заре-Заренице в терем. В горницу входил к Радунице. Предлагал кольцо золотое — только руки его не вздымались, и колечечко распаялось.

И пропела тут Радуница:

*— Что ж ты, сине море, колеблешься?
Что же ты, берёзка, шатаешься?
Как же морю не колебаться,
как берёзоньке не шататься...
Поднялася над морем туча,
прилетел из-за тучи Ворон...*

Утром началось состязанье. Со всего-то белого света соезжались молодые витязи.

Как поднялося Солнце Красное, все вдоль берега поскакали.

Видит царь Кашей — Коляда впереди. Он летит, словно Ясный Сокол. И вскричал Кашей что есть силушки:

— Ай же ты, молодой Коляда! Что же ты коня не жалеешь — он такой не выдержит скачки!

Осадил Коляда своего коня, и тотчас Кашей обогнал его, и сказал тогда Златогривый:

— Не осаживай ты меня!

И Кашей вновь обогнал он. Вновь кричит Кашей что есть силы:

— Ай же ты, молодой Коляда! Что же ты коня не жалеешь? Он такой не выдержит скачки!

Коляда ответил Кашею:

— Ты, Кашей, меня не обманешь! Конь мой скачет и гривой машет! Может мой златогривый конь всю Вселенную обскакать!

И тогда Коляда прискакал к Радунце-невесте первым. А Кашей примчался вторым. И вскричал Кашеюшка Виевич:

— Мудрено ли конями меряться? Лучше мы померяем силушку! Кто кого в борьбе пере-силит — тот себе и возьмёт девицу!

Стали биться они врукопашную. Стали биться мечами острыми, обломались у них мечи. Видит тут Кашеюшка Виевич, что сильней его Коляда.

Говорил он сыну Дажьбога:

— Радунца пусть нас рассудит! Пусть она обломок клинка даст тому, кто ей всех милее!

И тогда дала Радунца Коляде обломок клинка.

И сыграли тогда вскоре свадебку Коляда с молодой Радунцей. Принимали они золотые венцы.

И поехали в светлый Ирий к Хорсу и Заре-Заренице. Подъезжали к речке Смородине.

Начал звать Коляда перевозчиков — но никто тот зов не услышал. Начал кликать —

никто не откликнулся. Зашумели тут крылья сильные, и явилася Гамаюн.

— Вы садитесь ко мне на крылышки!

Коляда сажился на правое, Радуница села на левое. И они полетели в Ирий к Хорсу и Заре-Заренице.

И встречали их Хорс с Зарею, и устроили пированье.

Как на эту свадьбу небесную солетались белы лебеди и сплетали венок из лилий. Прилетели и сизы голуби — и венок сплели из золотых цветов. Из цветов первоцвета сплетён венок на головушке Радуницы, и из лилий — на Коляде.

И родились у Коляды и молодой Радуницы Хорсовны вскоре дети, три славных брата: Радогаст, Чаргаст и Мангаст.

То рождались не малы детушки, то рождались три могучих льва.

Радогаст женился на Люте, дочери Семаргла с Деваной. И родились от Радогаста роды ратарей и радимичей.

От Чаргаста с Алтынкой Сурьевной — берендеюшки и чаркасы. А Мангаста род слился с родами, что ушли далеко на полдень.

И отныне все Коляду с Радуницею прославляют! Прославляют и Радогаста!

РАДОГАСТ И ЛЮТА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Радужке-Радогасте и о Лютушке молодой. Спой о том, как освободили в честь той свадьбы узников Нави!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как у Коляды с Радунницей, да у голубя с голубицей, сын родился — свят, златовлас, и прозвали его Радогаст.

Не младенец на свет явился — это Лев могучий родился! И от мощного его гласа вся Вселенная сотряслась.

Он держал в руке своей правой молот, выкованный Сварогом. В левой щит с головою бычьей бога Велеса всевеликого. На главу его златовласую села Уточка бога Ра.

И решили тогда Сварожичи: раз повержен был Змиулан, то на место его воссядет сам великий бог Радогаст!

Радогаст решил пожениться, и нашёл себе он невесту — дочь Деваны младую Люту. И приехал он ко Деване, говорил он ей таковы слова:

— Ой же ты, Деванушка Дивная! Ты отдай-ка мне в жёны Люту — ту, что нет в целом свете краше!

Отвечала ему Девана:

— Я исполню твоё желанье, если ты пройдёшь испытанья.

И дала испытание первое. За день должен был Радогаст вырвать с корнем дремучий лес и разбить на том месте сад. И чтоб к вечеру в том саду все деревья уж отцвели, а потом и

плоды родили. И потом, чтобы все плоды Радогаст собрал и принёс в кладовые Дивной Деваны.

И пошёл в тот лес Радогаст, и деревья все повалил, но не знает что делать дальше. Сад растить он был не обучен.

И пришла к Радогасту Люта:

— Я тебе, мой друг, помогу, если ты со мной поклянёшься в вечной верности и любви!

Согласился с ней Радогаст. И тогда дотронулась Люта до Земли волшебной тростинкой. И тотчас поднялись деревья, и потом они зацвели и родили вскоре плоды.

И собрал плоды Радогаст, и принёс их в терем Деваны.

И тогда Деванушка Дивная дала новое испытание.

Должен был молодой Радогаст сокрушить высокую гору. Измолоть ту горюшку в пыль и из пыли сделать муку. И из той муки выпечь хлеб, чтоб его принести Деване.

И пошёл тогда Радогаст, сокрушил он гору высокую, камни в пыль потом обратил. Но не может из этой пыли сделать он для хлеба муку.

Вновь пришла к Радогасту Люта:

— Я тебе, мой друг, помогу, если ты со мной поклянёшься в вечной верности и любви!

Согласился с ней Радогаст. И тогда дотронулась Люта до камней и пыли тростинкой. Обратились они в муку, а мука обратилась хлебом.

И последнее испытание дала гостю тогда Девана.

Должен был Радогаст засеять чисто полюшко не зерном, а зубами дракона Индры.

И пришла к Радогасту Люта:

— Не простое то испытание! Как начнут ростки подыматься, брось в то чисто полюшко камень!

Вот засеяно чисто поле. Вот покрылось оно ростками. Не ростки то — острые копья, не листья то — луки и стрелы. И где падали зубы Индры — там поднялись в поле рати, и пошли они строй за строем на могучего Радогаста.

И тогда Радогаст поднял и швырнул в тех воинов камень, и смешались их ряды. И они ничего не видя, стали биться между собою. И пошёл на них Радогаст, обезумевших сокрушая.

И побив тех воинов лютых, вышел Радогаст победителем.

И Девана ему сказала:

— Люта будет твоей супругой! Я исполню твоё желанье, с честью ты прошёл испытанья!

И назначили вскоре свадьбу.

А чтоб к свадьбе той быть готовым, поехал жених в Белогорье. И собрал сватов там три сотни.

Всех собрал, но с ними не едет, он родных посылает братьев: Чарогаста и Маногаста.

За невестой двинулись сваты. Хорошо их в замке встречали. Дали каждому по подарку. Жениху — коня и оружие, также сокола и невесту.

Дружка кличет, сватов собирает:

— Подымайтесь, сваты с невестой! Время трогаться в путь-дорогу!

И поднялись сваты с невестой, в тот же час пустились в дорогу.

Только в лесушку подъезжали, видят: Велес здесь у дороги. Сам опёрся он на копьё и пускает всех по порядку.

Пропустил три сотни сватов, Чарогаста и Маногаста. Но когда подъехала Люта, за узды коня ухватил он.

— Будешь ты женой Радогаста! Знай, в его темнице томятся двое братьев моих: то Вритья вместе с Вальею, сыном Ра! Я прошу, верни им свободу!

Дал тогда ей Велес монеты, две златые, за братьев выкуп, чтобы принял их Радогаст.

Вот приехала Люта в замок Радогаста, Владыки Нави, но не хочет с коня спускаться.

К ней выходит мать Радогаста. Ей выносит стол золочёный, по краям змеей оплетённый. А змея из серебра, злата, вместо глаза горит алмаз.

Люте говорит Радуница:

— Слезь с коня, невестушка Люта! Погляди на стол золочёный, по краям змеей оплетённый. А змея из серебра, злата, вместо глаза горит алмаз. В полночь с ним светло будто в полдень!

Радунице та поклонилась, но сойти вниз не согласилась.

Вышли братья тут Радогаста, выносили Лютушке перстни:

— Слезь с коня, невестушка Люта! Погляди на перстни златые, ты носи их, будь нам невесткой!

Люта также им поклонилась, но сойти вниз не согласилась.

И пошли они к Радогасту:

— Брат ты наш, младой Радогаст! Хочет видеть тебя невеста!

Вышел к ней тогда Радогаст:

— Ты меня пред роднёй позоришь! Слезь же, Лютушка, ты с коня!

Отвечала ему невеста:

— Не сердись, младой Радогаст! Я с коня тогда только слезу, если дашь ключи от темниц, от Запретных Врат в подземельях!

Рассмеялся тут Радогаст и принёс невесте ключи. И с коня сходила невеста, деверей с собою позвала:

— Вы идите сейчас со мною, покажите двери темницы.

Проводили её к темнице, отворили мрачные двери. И тогда воскликнула Люта:

— Кто тут братья Валя и Вритья? Выходите на Белый Свет!

Вышли два ослабевших брата из печальных тех подземелий. У них волосы — как ковыль-трава, ногти — когти, а кожа — елова кора.

Тут слышались голоса обитателей тех пещер:

— Выпустите нас из темницы!

И сказала узникам Люта:

— Выходите из тьмы скорее, разбегайтесь по домам! И восславьте великого Велеса, я его исполнила просьбу!

* * *

Так свободу вновь получили братья-боги Валя и Вритья. Вышли братья на Белый Свет и увидели мир иным. Там, где прежде высились горы, там плескалось сине море, а на месте прежних равнин встали цепи великих гор.

И под волнами синя моря скрылось и царство Поморское. И явились иные царства. Не осталось и следа от тех храмов и городов, что они возвели в годы старые.

И отныне, видя тщету всех усилий в явленном мире, сыновья Суряного Солнца стали жить заботой о духе — только он не подвержен тлену.

И они ушли к Белозерью, и служить стали Богу Вышнему, стали Старцами Белозерскими.

ЛЮТА ЖДЁТ РАДОГАСТА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как ждала Радогаста Люта. Спой о верности их любви!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как в поход Радогаст собирался, с молодой женою он прощался.

Радогасту Люта говорила:

— Радогаст мой, ясное ты Солнце! Я хочу пойти в поход с тобою! Будем вместе мы с тобой сражаться и разить врагов на поле бранном!

Отвечал супруге Радогаст:

— Жён с собою не берут в походы, во дворцах мужья их оставляют. Береги и ты дворец мой, Люта! Честь мою и честь свою храни ты!

Спрашивала Радогаста Люта:

— Ты когда вернёшься из похода?

Говорил на это Радогаст:

— Только чёрный ворон побелеет, расцветёт на мраморе куст розы, и к тебе вернусь я из похода.

Речи мужа выслушала Люта, яблоко дала ему золотое и платочек золотом расшитый. И покинул он жену младую.

Только заперли за ним ворота, Люта чёрна ворона поймала, розу алую она достала, на холодный мрамор посадила.

Уж и мылом моёт перья Люта, льёт на куст тот молоко из груди, поливает вечером и утром, и во время зноя в жаркий полдень. Только волшебство не помогает: не белеют вороны перья, не цветёт на мраморе куст розы.

И немало лет с тех пор минуло, нету даже весточки от друга. Но всё ждёт и ждёт супруга Люта.

И случился в это время праздник: поворачивалось Коло Неба.

Люта нарядилась красиво, вся по пояс золотом и шёлком, а к подолу золотом червоным. Поясок серебряный надела. Золотой кушак надела сверху. А за кушаком тысячецветник, чтоб от Солнца жаркого закрыться, васильков букет взяла с собою, у цветов серебряные стебли, а листочки золотом прошиты.

Нарядилась и пошла из дома прямо в чисто поле к хороводу. Как пришла на поле к хороводу тут же всем здоровья пожелала, ей ещё радушной отвечали, до Сырой Земли ей поклонились:

— Здравствуй ты, супруга Радогаста! Попляши ты с нами в хороводе, выбери сама кого желаешь.

Но она их поблагодарила:

— Вам спасибо, плясуны лихие! Не плясать пришла я в хороводе, а пришла я весточку услышать о моём супруге Радогасте!

К хороводу тут подъехал всадник, спешился, услышал речи Люты.

Незнакомец к Лютушке подходит:

— Ты, душа моя, голубка Люта! Попляши со мною в хороводе! Я весть добрую тогда тебе открою о супруге, о твоём любимом! Мы вчера с ним вместе сурью пили. Я скажу как скоро он вернётся.

Выслушала Люта незнакомца и пошла плясать с ним в хороводе. Только встала Люта с гостем в пару, обнимает он её за пояс, жмёт ей руку в перстнях и браслетах, рассыпает жемчуг с белой шеи.

Говорила Люта незнакомцу:

— Не держи-ка ты меня за пояс! Не твоя ведь мать меня вскормила. Жемчуг мой не

рассыпай на плечи, не твоя ведь мать его низала! И не жми мне эти руки в перстнях! Ведь не ты дарил мне эти перстни! А мой муж, дай Бог ему здоровья!

И на этом кончился их танец. Незнакомец обратился к Люте:

— Подожди ты тут меня немного. Я весть добрую тогда тебе открою о твоём любимом Радогасте!

А она и слушать не желает, подобрала рукава и полы, ласточкою быстрой полетела, так что не догнали б даже вилы, а не то что всадник незнакомый. Заперла в дворце своём ворота.

Тут к воротам подъехал незнакомец. И зовёт он Люту молодую:

— Ты открой-ка мне ворота Люта! Добрые принёс тебе я вести о твоём супруге Радогасте!

Молодая будто и не слышит, но ему тихонько отвечает:

— Как возьму оружие Радогаста, не уйдёшь и ног не унёсешь ты!

Понял Люту всадник незнакомый, только он ничуть не испугался, яблоко ей бросил золотое, что дала ему когда-то Люта, как его в дорогу провожала, и платочек золотом расшитый.

Тут ворота отворила Люта и супруга своего узнала.

И сказал ей нежно Радогаст:

— Ты меня, любовь моя, дождалась! Честь свою и дома сохранила! И верна своей осталась клятве!

Все отныне прославляют Люту, что супруга своего дождалась! Поминают также Радогаста, сына Коляды и Радуницы!

КОЛЯДА ПОБЕЖДАЕТ КАЩЕЯ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как разбил Кащея Бессмертного Коляда Всевышний Дажьбожич!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как ходил-гулял молодой Коляда. Он от града шёл — и до града, от села — к селу огнищанскому. Шёл он ельничком, шёл березничком, шёл он частым, младым орешничком.

У него булава в девяносто пуд, на главе веночек из лилий, у него — сапожки волшебные. Высоко Коляда поднимался — чуть повыше леса стоячего, ниже облака проходящего. Он спускался на поле широкое да на тот лужочек зелёный у Смородинки — речки быстрой.

Видит: сила на полюшке нагнана — сила чёрная, непомерная. Волку в год ту силушку не обскакать и не облететь ясну соколу. Посреди той силы несметной сам Кащей Бессмертный поскакивал.

Падал бог на силушку соколом, подхватил Кащея Бессмертного, поднимал его в поднебесье, опускал на Матушку-Землю.

— Ты скажи, Кащейюшка Виевич! Много ль силы чёрной скопилось? И куда вы все снарядились?

Отвечал Кащейюшка Виевич:

— Я бы рад сказать, только как терпеть: голова-то моя изранена и уста мои запечатались...

Приспустил его Коляда, и сказал Кащейюшка Виевич:

— Здесь сошлись сорок царей, также сорок могучих витязей, сорок чёрных волхвов, магов и колдунов. И без счёту различной нежити — вурдалаков, леших и волотов, стаи чёрных вол-

ков-волкодлаков, и с Хванурских гор — сорок Ламий, и всё войско грозного Вия! Мы идём к горе Алатырской и хотим спалить Ирий-сад, разорить небесную Сваргу!

И взлетел Коляда выше леса, чуть пониже ходячего облака. Прилетел он к Ирию светлому. В Сваргу он вошёл не воротами — чрез оградочку перешагивал.

Становился он среди Ирия, засвистел, вскричал громким голосом — с теремов вершинки посыпались, на столах питье расплескалось.

Выходил Семаргл сын Сварожич. Брал Семаргл булатную палицу, не тяжёлую — в девяносто пуд. Бил он Божича по головушке. Коляда стоит — не сшевелится, златы кудрышки не сворохнутся.

Выходил Перун на широкий двор, бил мечом своим Коляду. Коляда ж стоит — не сшевелится, златы кудрышки не сворохнутся.

Выходил Сварог — царь небесный:

— Ой да вы, сыночки любезные! Вы зачем Коляду обижаете? Сына Вышня не привечаете? Надо прежде его повыспрашивать: где ты был, Коляда, и что видывал?

— Я ходил по полю широкому. Как у быстрой речки Смородины видел я несметную силушку. Волку в год ту силушку не обскакать и не облететь ясну соколу! Посреди той силы несметной сам Кащей, сын Вия, поскакивал. Я слетел на силушку Соколом, подхватил Кашея Бессмертного. Мне сказал Кашеюшка Виевич, что идут походом на Ирий-сад все цари-волхвы, войско чёрное. Что сошлись дасу, волкодлаки, дивы, оборотни, вурдалаки, и с Хвангурских гор — сорок Ламий, и все воины Вия тёмного! И хотят спалить Ирий светлый, разорить небесную Сваргу!

Говорил Перун Громовержец:

— Ай же ты, Коляда Дажьбожич! Ты пойдешь ли с нами в товарищах биться с тою чёрною силой?

Отвечал ему сын Дажьбога:

— Я пойду на Чёрного бога!

И собралось войско небесное, полетели боги из Ирия. Коляда повёл в бой Сварожичей. У Кащейки рать — туча чёрная, а Сварожья рать, словно молния.

И бросается, крыльями бьёт Матерь Сва, кличет птица мощным Сварожичам:

— В бой идите, бейтесь, Сварожичи! Пусть ничто вас не устрасит! Пусть ничто не станет с вами, ибо вы в руках у Всевышнего!

Поезжал Перун на ту силушку. Шёл Перунушка правой ручушкой. Поезжал по силе Кащеевой, стал топтать ту силу копытами, и мечом рубить, и копьём колоть.

Поезжал Семаргл — левой ручушкой, стал он жечь-палить силу чёрную и по ветру пепел развеивать.

Коляда — пошёл по середочке. Начал он по силе похаживать, начал чёрную силу погубливать, булавою начал помахивать, а куда махнёт — будет улочка, а ещё махнёт — переулочек.

То не соколы с неба грянулись, шли на войско чёрное боги. Силу били они, как косили траву. И побили силу неверную.

И не взвидел Кащей света белого, убежал от мощных Сварожичей далеко за горы Хвангурские. Вий же скрылся в царстве подземном.

И вернулись в Ирий Сварожичи, и сказали они Сварогу:

— Мы разбили силушку чёрную!

И теперь Сварожичам славу поют, славят все Перуна с Семарглом, прославляют и Коляду!

КОЛЯДА ОСВОБОЖДАЕТ ДАЖЬБОГА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как по морюшку хаживал Коляда, как Дажьбога освободил и поднялся к Богу Всевышнему.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по морюшку, по раздольному лебедь белая проплывала. Не встряхнется она, не сворохнется, сине морюшко не всколыхнется. А как время пришло — всколыхнулось, и лебедушка встрепенулась. И пропела она Коляде:

— Ты послушай меня, Коляда! Далеко-далёко на Севере в льды закован стоит корабль. Эти льды Кащей сотворил, путь по морюшку затворил. И на том корабле замороженном спит Дажьбог мёртвым сном вот уж триста лет.

Как услышал песнь Коляда, снаряжал летучий корабль.

Хорошо корабль изукрашен. Нос-корма его — по-звериному, а бока его — по-змеиному. И три храма стояло на том корабле, крутоверхие, златоглавые. Первый храм — Перуна великого, а второй — Семаргла Сварожича, ну а третий — храм Коляды.

И взмахнул корабль крылами, полетел над морюшком синим. То не просто летучий корабль расправлял могучие крылья — это Звёздная Книга Вед разворачивала страницы!

Как над морюшком, морем синим пролетал летучий корабль. И на якорях он не стаивал, к берегам крутым не приваливал, и песочков жёлтых не хватывал.

К морю Белому прилетел он — выюги там метут и метели. И закован льдами тяжёлыми там стоит корабль Дажьбога.

И подул на морюшко Коляда — и задули тёплые ветры, растопили они льды Кащея. И поплыл корабль Дажьбога. А на том корабле сам Дажьбог стоит — парусок Дажьбог направляет, словно Солнце в небе сияет...

И от Белого моря пошли они, вдоль по морюш-ку — по Алтынскому, а потом и по Твердиземному, и приплыли они к морю Чёрному. Мимо гор Святых проплывали, а затем и мимо Хвангурских гор — направлялися к Сарачинским.

Из-за гор высоких Хвангурских тот корабль заметил Кащей. Говорил Кащейушка Виевич:

— Ай вы, слуги мои, слуги верные! Что на море синем виднеется? Что чернеется, что белеется?

Отвечали ему слуги верные:

— Корабли на море чернеют, паруса на море белеют.

И сказал Кащейушка Виевич:

— Вы летите к тем кораблям, потопите их в море синем. Погубите в море Сварожичей, и Дажьбога, и Коляду!

Коляда те речи услышал и сказал Перуну с Семарглом:

— Выносите вы лук разрывчатый, не тяжёлый лук — во двенадцать пуд, и калёную стрелку в сажень!

Коляда по кораблику хаживал, и разрывчатый лук натягивал, и калёную стрелку прикладывал, как прикладывал — приговаривал:

— Полети выше лесу стоячего, ниже облака проходящего. Не пади ни на воду, ни на землю, а пади на гору Хвангурскую за железный тын в Чёрный терем!

Но сказал Кащеюшка Виевич:

— Ты не бей в меня, не стреляй в меня! А послушай-ка весть мою! Время вышло всё Коля-ды — призывает тебя Всевышний! Наступает иное время! Колесо небес повернулось!

Коляда Кащея не слушал. Он пустил стрелу золотую. Понеслась стрела ко Хвангуру. И попала в гору Хвангурскую, и попала она в Чёрный терем. Сотряслося царство Кащея.

И сказал тогда Коляда:

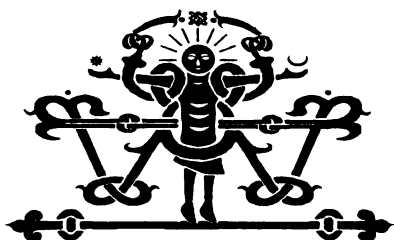
— Ты лети ко мне, Чернобог-Кащей! Ты лети Пятиглавым Змеем! Мне пора подняться к Всевышнему! Я тебя, Дракон, оседлаю!

Прилетел к нему Пятиглавый Змей. От его-то шипу змеиного всколебалось море синее, расходились волны грозные. Покорил его Коляда, бил его тяжёлой дубиной и опутывал цепью тяжкой. Оседлал Коляда Змея лютого, полетел он к трону Всевышнего...

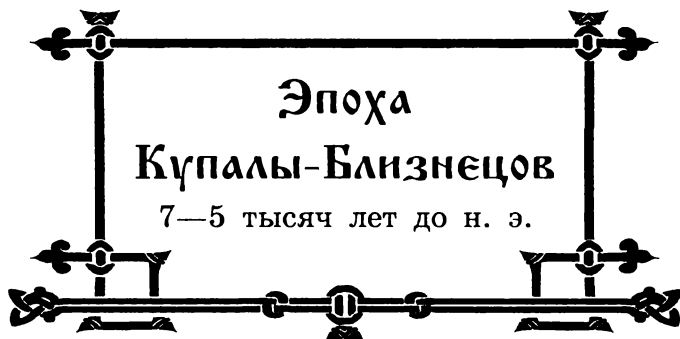
Овсень-Таусень мостил мосток, не простой мосточек с перилами — звёздный мост меж Явью и Навью.

И три Вышня поехали вдоль по мосту: первый Крышень-бог, а второй — Коляда, третий — будет Бус Белояр.

И отныне все славят Всевышнего, прославляют и Коляду.

Х ВЕДА КҰПАЛЫ

КУПАЛА И КОСТРОМА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Семаргле сыне Сварожиче. И о детях его и боги-ни Ночи, о Купале и Костроме. Как в цветок Купала-да-Кострома обратили их боги Ирия.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Негасим Огонь в Свэржей Кузнице. Днём он Солнцем горит, ночью — Месяцем, искры в том очаге — звёзды частые.

Как на небе Огонь до рассвета горит, так не гаснет Огонь в очагах огнищан. То Семаргл-Огнебог греет небо и землю, прогоняет он мглу, голод и нищету.

Коль взбушуется лютый Чёрный Змей и надвинется тьмой на Ирийский сад, позовут Огнебога Сварожичи:

— Приходи и спаси, Сурьи-Солнца брат!

Как у Солнца лучи — волосы у него. По плечам лежат, будто жар горят, в небесах зарей разливаются.

У Семаргла-Огня, как у Месяца, как у Велеса с Хмелем — золотые рога. Под Семарглом тем златогривый конь, у того коня шерсть серебряная, в каждой шерсточке по жемчужинке.

Как звала Семаргла Купаленка — Ночка тёмная, Ночка маленькая:

— Ты сойди, Огневик, с поднебесья! Ра-ре-кой приди, тропкой лунною. Посидим с тобой, полюбуемся.

Отвечал Семаргл Купаленке:

— Не имею я часа, Купалочка! Мне всю ночь до рассвета нужно не спать, в небесах мне на страже нужно стоять. Чтобы Чёрный Змей не приполз из Тьмы, жито в поле широком бы не

потоптал, у коров молоко бы не отобрал, а у матушек — малых детушек...

Вновь зовёт Огнебога Купаленка, не идёт с поднебесья Сварогов сын. Слезы льёт от тоски Купаленка, и зовёт, и кличет Сварожича. То не Ра-река разливается, не огонь в небесах разгорается — льются слёзы из глаз Купаленки, разгорается сердце бога.

И сошёл Семаргл к Купаленке, стал плясать он в ночи, стал он песни петь. В первой песне Триглава прославил. Во второй песне — Ладу-матушку. В третьей песне — саму Купальницу.

Ничего над полем не видно, за рекой ничего не слышно; только ветер прошёл над лесом, пролетела тень над водою — пробежала там туча чёрная. Но её Сварожич не видел, но её Семаргл не услышал...

Много ль времени миновало, мало ль времени миновало — от него зачала Купальница. И родила она сына с дочкою. Волоса у них золотые, на плечах лежат, как огонь горят. И решила Купальница братца с сестрой звать Купалой и Костромой.

Как цветы, они поднимаются и румянятся, словно яблочки. Днём ласкает их Солнце Красное, ночью тёмною — мать Купалочка.

Рано-рано на зорьке утренней в лодочке стояла Купальница, и держала она в рученьке весло. С первым светом, с зарёю утренней отправлялась она в путь-дороженьку. Говорила она Костроме, так наказывала Купале:

— Ой вы, дети мои родимые! Как болит по вас сердце вешнее! Не ходите вы в чисто полюшко, не садитесь под калинов куст и не слушайте птицу Сирина! Сладко птица поёт-распевает, но кто слышит её — умирает... Не заме-

тите вы — с востока прилетит вдруг облако чёрное. От того-то грозного облака в чистом полюшке не укроешься!

Отвечали ей брат с сестрою:

— Не печалься, не плачь, Купаленка! Не пойдём мы в чистое полюшко и не сядем мы под калинов куст.

Вот отчалила мать Купаленка, и пришёл рассвет, и зачался день. Поднялось уже Солнце Красное, и на небе ясном ни облачка.

Вдруг слышали брат с сестрою — далеко-далече во полюшке, да на веточке той калиновой птица Сирина поёт-заливается. И рекла сестрица Купале:

— Побежим мы с тобою, братец, далеко-далече во полюшко, посидим, послушаем Сирина. Коль появится туча-облачко, мы с тобою быстро укроемся.

И тогда с Костромою Купала побежали в чистое полюшко и сели под калинов куст.

Во долинушке калинушка стоит, птица Сирина на калинушке сидит, под калиною Купала с Костромой, малый брат с родимою сестрой. Засмотрелись они, заигрались, песней птицы Сирина заслушались — не увидели, как ложилась тень, как надвинулась туча чёрная.

Из-под той-то тученьки чёрной налетели вдруг гуси-лебеди. Налетели и закурлыкали, скрыли крыльями небо синее. Подхватили гуси Купалу, посадили его на крылья, понесли его по-над полем.

Плачет Кострома, причитает, кличет братца она Купалу, но её Купала не слышит... Унесли его гуси-лебеди за дремучий лес и за горы. Посадили его за булатный замок — да во ту серебряную клеточку, за золоченую решётчку.

Вот проходит год, а за ним другой, так идут года чередою... Костроме пришла пора замуж. Только всё Кострома смотрит в сторону, всё печалится о Купале, и никто-то ей не приглянется...

Ой да рано-рано Солнце поднималось... Да ранее того по-над полем, да над речкой тихой, над морем птица Сирий летала-пролётывала.

Как у моря, у Лукоморья, в тихом устье речки Смородинки, у того у Камня горячего птица Сирий на веточку саживалась.

Как садилась птица на яблоньку, золотые перья роняла, Костроме она слово молвила:

— Ой да ты, Кострома молодая, скоро быть тебе, дева, замужем. Скоро свадьбу играть и на свадьбе плясать. Но не долго быть тебе счастливой и не долго быть тебе замужем. Увенчает Леся златым венцом, вслед за нею Смерть подойдёт с венком.

Так роняла она златы пёрышки, так вещала птица младой Костроме. И решила та, молодёшенька, что навек останется девою и вовеки не будет замужем. Как решила — сбирала пёрышки, и златые перья в рукав клала. Перья те потом вынимала и веночек из них свивала.

Как тут вдоль по речке Смородинке девушки-подружки гуляли... И сплетали они веночки, по воде веночки пускали, и по тем веночкам гадали: кто веночек подберёт, тот и замуж возьмёт.

— Ой, Смородинка-речка, про жизнь расскажи... С кем мне век вековать и кого любим звать?

Кострома ж молодая свой венок не снимала и по реченьке той свой венок не пускала, тихо лишь напевала:

— Пусть никто не снимет венок с головы. Буйны ветры повеют — веночек не свеют, и дожди вдруг польют — мой венок не возьмут.

Налетели тут ветры буйные, и полили-пошли частые дожди — и сорвали веночек с её головы, понесли его через чисто поле. Понесли его да на сине море, на Приморие-Лукоморие.

И пошла Кострома, плача и тужа. И пошла она, рученьки ломя. И сказала она матушке родной:

— Ты найди веночек мой, матушка!

Поискала веночек Купальница, поискала его в чистом полюшке, не нашла венка в чистом полюшке.

Кострома послала подружек:

— Вы найдите веночек, подруженьки!

Не нашли венка и подруженьки.

И пошла Кострома вдоль по бережку, над широкой волной, над глубокой рекой. Смотрит — плот на речке чернеет, белый парусочек белет. А на том плотё трое молодцев; первый молодец — сам хорош собой, а второй-то первого краше, ну а третий — златоволосый, словно братец её Купала...

То Купала сам сидел на плотё, голова у Купалы вся в золоте. В правой руке Купала держал весло, в левой рученьке — частый гребень. Златы кудри Купала чесал и на волны речки бросал:

— Вы плывите, златые кудрышки. Вы плывите к крутому бережку. Может, там моя матушка воду берёт. Как воды зачерпнёт — вспомнит сына: то младого Купалы кудри...

А с плота ребята увидели, как девы гуляют вдоль реченьки. И сплетают они веночки, по воде веночки пускают... А один веночек к плоту плывёт: кто его подберёт и хозяйке вернёт? Подобрал тот веночек Купала.

И сказала так Кострома:

— Ой, ребята вы молодые! Вы не видели ль моего венка?

Первый так сказал:

— Я венка видал.

А второй сказал:

— Я в руках держал.

Третий — то был Купала — венок подал.

Одному Кострома подарила платок, а другому дала золотой перстёнок. А за третьего — замуж, сказала, пойду.

— Я тебя, молодого, в мужья позову.

Так сестра не узнала брата. Кострома — родного Купалу. И не дрогнуло сердце вещее у Купальницы — Ночки тёмной.

— Кострома бела-румяна, за что любишь ты Купалу?

— Я за то люблю Купалу, что головушка кудрява. Что головушка кудрява, а бородка кучерява. Если плечи его распрямятся, златы кудрышки разовьются — разольются реченьки быстрые по лугам зелёным, раздольным. Разольётся тогда румянец по его лицу бел-румяному.

И пропел Купала Купальнице — своей матушке родной, но неузнанной:

— Ой да ты, Купальница-матушка! Замуж дочь свою отдай! За меня отдай, за молодца!

— За тебя дочь отдаю, отдаю и песнь пою... Как в субботу — обрученье, в воскресенье — венчанье...

Ой да рано-рано — по-над морем синим... Солнышко вставало, в морюшке играло. То не море синее играло — это Солнце в морюшке купалось, в море синем по волнам плескалось...

Как Купала-то с сестрою Костромой, молодой жених с невестой молодой, да садились под лазоревый кусток, сорывали вместе аленький цветок... Тем цветочком любовались, красоте цветка дивовались... Меж собой они разговаривали.

Мужа так Костромушка спрашивала:

— Породил кто тебя, добра молодца?

— Породила меня рódна матушка, но чужая сторонка взлелеяла. Унесли меня со родной стороны да на крылышках гуси-лебеди... Завивал мои волосы ветер, омывал меня частый дождик...

Тут сестра Кострома поняла — то, что муж её — брат родимый, то, что горе пришло, горе-горькое... И сказала так Кострома:

— Ой да ты, Купала, будешь мне брат! И тебе Купальница — матушка! Унесли тебя гуси-лебеди много лет назад, много зим назад, от меня — от сестры, и от матушки!

Молвил тут сестре брат Купала:

— Будет горюшко тем, что с тобой нас венчали! Будет плакать и мать, что с сестрой спать клала! Мы пойдём, сестрица, ко реченьке, да ко реченьке, ко Смородинке, мы пойдём с тобою, утопимся!

Повалилась Кострома на землю. Её пódнял, понёс брат Купала. Он понёс её ко глубокой воде, он понёс её ко широкой реке... В воду он вошёл и сестру принёс. Плачет брат Купала, рыдает. Тонет тут Кострома, потопает... Только ручки да ножки видать, только малый язычок говорит:

— Прощай, братец милый! Прощай, рódна мать! Примите, родные, последний привет... Прощай, белый свет!

Жили так Кострома да Купала, утонули они во купальне. Где Купала тонул, берег там колыхался... Кострома где тонула — травы там расплетались... Потонули они во реке широкой, утопились в омуте глубоком. Там, где речка впадает в море, утонули в великом горе...

— Ой да ты, Купаленка-маленька! Ты, Купальница-Ночка, где, скажи, сын и дочка?

— Розы рвут, веночки вяют.

— Нет, не розы рвут, не цветочки вяют, они в реченьке умирают, в тихом омуте утопают...

Купальница-мать по бѣрежку ходит, рубашечку носит — тонку полотняну, шёлком вышивану... Купальница-мать всю ночь не спала, у Зари ключи крала, Землю ими замыкала, на цветы росу пускала — плакала всю ночь, рыдала:

— Не берите, люди, вы у брода воду — не вода то, а кровь Костромы и Купалы! Не ловите, люди, в тихой речке рыбу: то не рыба — это тела их! Руки их — это щуки, а ноги — сомы. Косы — водоросли, очи — лилии. А вода с пеной — платье с рубахою...

Ой да рано-рано морюшко играло... В си-нем морюшке, во речной струе Кострома с Купалой лежали. На песочке золотом да у брода под кустом... Говорит река: «Не приму я Купалу и Кострому!» Море говорит: «Не приму!» И волна плещет: «Выкину...»

Боги сжалились наконец.

— Поднимайтесь, Купала и Кострома, брат с сестрою и муж с женою! Выходите вы из Смородины, и ступайте в Навь, во дремучий лес! Обернитесь цветком-травою — той травою, что брат с сестрою! Тем цветком, что Купала-да-Кострома.

В ночь Купалы цветы будут люди рвать. Станут петь они, станут сказывать: «Вот трава-цветок — брат с сестрою, то Купала — да с Костромою*. Братец — это жёлтый цвет, а сестрица — синий цвет».

* Цветок иван-да-марья.

ПОМАНА И ТОМИНА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Помане, дочери Велеса, и Томине, сыне Купалы. Спой историю их любви!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как у Велеса — Аса Мудрого дочь Поманушка родилась.

Как Астерушки дочь рождалась, покрывались деревья почками, пели птицы, и к колыбели собирались боги Ирия.

— О Поманушка ясноокая! — говорили так боги Ирия. — Ты прими от нас силу жизни! Силу Родушки Прародителя, силу Сурьи-Ра, силу Велеса, и Амелфушки с Вилой Сидой!

И тогда великие боги тайный дар вручили Помане, силу воскресенья от смерти, силу пробужденья от власти сна, ту волшебную силу Прави, что Зарю призывает за мглой ночной и весну ведёт за зимой.

* * *

А в глубоком царстве Подземном Вий Седунич родил дива Пана.

Говорил сыну Вий:

— Пан могучий! Сделай ход из чрева земного, с дымом — подымись в мир небесный! Ты затми, Пан, Красное Солнце, укради ты мне Даны сыновей! Укради и стадо небесное! Укради ты и дочку Велеса, турицу младую Поману!

И разжёл огонь козлоногий Пан, распалил подземное пламя и прожёл проход в поднебесный мир. И затмил в небесах Солнце Красное, и угнал с небес Даны сыновей. Вместе с ними угнал Поману. Чтобы овладеть силой Велеса! Чтоб служила Помана Змею!

И пригнал их Пан в царство Виево. Вий Телят тех усыновил. Позабыли чтоб о родителях, память Предка в них усыпил.

А Купальница-Ночь приняла Поману, будто дочь родную, в своих чертогах. Ведь любила она бога Велеса. Потому и дочь его стала сестрою Костромы и Купалушки, что родились от Семаргла-Велеса и Ночи.

И в великом царстве Ночи и Змея выдали Поману за Пана. И родился сын тогда у Поманы лютый бог войны и великий Змей — сам Лутонюшка-Лютотор.

И потом была великая битва, и тогда против войска Змея, против Вия и Зимулана встали все небесные боги. Воевали сыны Сварога, воевали и дети Бармы, также сыновья Дыя Дивного.

И была победа Трёх Родов, силы Нави были разбиты.

И Помана вернулась к Велесу.

И вернули её, разлучив с дорогим сыночком Лутоней, что родился от Пана Виеча.

И Помана тогда узнала, что не внучка она Змея Чёрного, и не Ночь-Купальница её мать, а великая Вила Сиды.

* * *

А у реченьки той Смородины, да у той горы Сарачинской у Купалы и Костромы сын родился. И дети Ночи дали имя ему Томина.

И рождение внука Ночи все Сварожичи прославляли. И ко колыбели Томины соходились звери лютые, солетались птицы певчие и приветствовали его.

И Купаленка Ночка тёмная так Томиனுшке говорила:

— Как придёт твоя пора-времечко, ты отплатишь за смерть родителей! Выручишь из плена Поману!

Стал расти внук Ночи Томинушка не по дням-годам — по минуточкам. Обучался он многим мудростям: как парить в облаках лёгкой птицей, и как рыскать в лесах лютым зверем, и как в речке плыть быстрой рыбой.

Стал Томинушка птицеловом и охотником, рыболовом. Он любил из лука стрелять, боевых коней объезжать.

Сам родившийся из цветка, из Купалы-да-Юстрома, овладел он силами трав, тайной Сурицы и Купалий. Стал он знахарем и зелейником, и великой силы волшебником.

И пришла к Томине Купаленка, и так внуку она наказывала:

— Вот настало время, Томинушка, отплатить за гибель родителей! Выручить из плена Поману!

— Как же выручить мне Поману? — так спросил Томина Купаленку.

— Ты иди, Томинушка, к Велесу. И наймись к нему пастухом. Будешь ты пасти не овец, а за речкой — людские души. И к тем душам явится Змиулан, Змей Уральский — Великий Полоз! И с тем Змеюшкой ты сразишься! Победишь Великого Змея! И за ту победу над Змеем попроси, Томина, награду! Не проси ни злата, ни серебра, а проси ты в жёны Поману. Согласится на это Велес!

— Как осилить мне Змиулана?

— Вот возьми волшебную дудочку. Мне досталась она в наследство от Славун и от Уряны. А Уряне — Крышень её вручил. И та дудочка-самогудка Змиуланушку пересилит!

И пошёл Томина дорогою по долинам и по холмам. И по горушкам Алатырским, и по Бьярмии той богатой, по Диверии, и Индерии, и по Злато-Белым горам.

И где шёл по лесу Томина, пели соловьи и синицы, песню зяблики продолжали, и щеглы и сойки, скворцы.

И поднял Томинушка дудочку, идохнул в неё он легонько. Только он к ладам прикоснулся, Соловьём тотчас обернулся...

Невелика птичка-пташечка через горушки пролетала. И садилась она на веточку под окошечком у Поманы.

— Ой, открой, открой-ка окошечко — ты, молоденькая молодушка! Ты послушай песню Соловушки о молоденьком том молодчике... Я тебе, Поманушка, песнь пою, я младую деву душой люблю...

— Соловеюшка, мой Соловушка! Не садись-ка ты во моём саду, на ракитовом да на том кусту. И не пой-ка ты рано на заре. Не томи-ка ты, милый, сердце мне...

И Томинушка полетел к крыльцу и на том крыльце вострепенулся, добрым молодцем обернулся.

И пошёл он к батюшке Велесу, чтоб проситься во пастухи.

И сказал ему мудрый Велес:

— Будет служба тебе, Томина! Будешь ты за речку Смородину на лужочки те золотые выводить отару овец. Коль одну овцу потеряешь, сам навеки овцою станешь! Коли всех овец сбережешь, что желаешь, то обретёшь!

И повёл Томина овечек да за реченьку ту Смородину, да на те луга золотые. Вот при-

вёл Томина отару. Щиплют те овечки траву, песнь Томинушка напевает и на дудочке всё играет.

Вдруг погодушка разыгралась, сердце во груди растревожилось.

Видит он: с восточной сторонушки поднимается туча чёрная. То не тученька надвигается, то не молнии в землю бьют, то летит сам Огненный Змиулан, и на землю он пышет пламенем.

Зарычал тот Змей на Томину:

— Кто посмел без спросу водить овец на мои луга золотые?

— Я, Томинушка сын Купалы!

— Я тебя погублю, Томина, как и батюшку твоего!

— Не спеши! — воскликнул Томина. — А послушай-ка, как играю я на волшебной дудочке Крышня!

Заиграл Томина на дудке. Только дунул он — Змей пустился в пляс. Чем быстрее играет Томинушка — тем быстрее пляшет и Змиулан. И та дудочка-самогудка не даёт ему с пляса сбиться, он не может остановиться.

Змей воскликнул тогда:

— Томина! Пощади меня, сын Купалы! Я без отдыха не могу плясать!

— Нет, не будет тебе пощады!

И Томинушка утомил Змиуланушку той игрою. И упал тот Змей бездыханным.

Тут из леса явилась Калья и увидела Змиулана:

— О мой милый, тебя сгубили козни Велеса с Вилой Сидой!

Тут она узрела Томину и призвала все силы Нави, и к нему она обратилась:

— Ты осилил Владыку Нави! Значит, ты займёшь его место! И к тебе переходит трон! Ты супруг и царь мой отныне. Сыну Ночи всё покорится!

Отвечал Томинушка Калье:

— Я не буду твоим супругом! И не нужен мне чёрный трон! Я зелейник и птицелов, мне ли быть Владыкою Нави?

И Томинушка заиграл на волшебной дудочке Крышня. Только он к ладам прикоснулся, Соловьём тотчас обернулся.

Полетел он через Смородину прямо в терем мудрого Велеса. И явился он перед богом.

А тем временем царь Астер всех овец своих сосчитал и сказал Томине Купаличу:

— Ты сберёг от Змея овец! И теперь проси всё, что хочешь!

И ответил ему Томина:

— Ой ты, батюшка, мудрый Велес! Ты прими от меня слово ласково. И прими-ка ты прославление, дай мне только благословение. Ты отдай мне в жёны Поману! Я Поманушке руку свою даю, я младую деву душой люблю...

И сказал ему Велес мудрый:

— Коли люб ты ей, сын Купалы, я исполню твоё желанье. Вскоре мы назначим венчанье!

И призвал он дочку Поману. И Поманушка согласилась со Томинушкой обвенчаться.

— Люб ты мне, прекрасный Томина! Сын Купалы и Костромы, Змиуланушки победитель! Ты рассеял чёрные тучи и изгнал из сердца печаль! Вместе с ними тоску о Пане!

И сказал тогда мудрый Велес:

— Я тебе вручаю Поману! Вместе с нею — власть в трёх мирах! Только должен ты перед свадьбой вновь отправиться в дальний путь.

Ты найди в горах тех Уральских Синий Камень, что был похищен в годы старые у меня. Отыщи, Томина, тот Камень во пещерушках Змиулана! Но не трогай там золото-серебро! Станет пусть тот Камень — подарком для Поманушки к вашей свадьбе!

— Как же я найду те пещеры?

— А чтоб ты с дороги не сбился, чтобы вёл тебя Правый Путь, пусть тебе провожатым будет верный мой слуга Птицелов!

И отправился в путь Томина. И повёл его Птицелов прочь от той горы Сарачинской, от Индрии той богатой, ко Диверии и Уралу. И Томине он указал ту пещерушку в Таганай-горе.

И вошёл он в гору. Увидел, что пещера полна сокровищ. Всё усыпано золотом-серебром, скатный жемчуг лежит в коробах, самоцветы блестят в сундуках.

И среди несметных богатств он увидел тот Синий Камень. Он лежал меж лап у Грифона. И сидел Грифон недвижимо. Тихо спал, смежив свои веки.

Подошёл к Грифону Томина, взял из лап его Синий Камень, а сокровищ вокруг не тронул. И направился к выходу из горы.

И когда они выходили, провожатый вдруг не сдержался и поднял золотую монету. В тот же миг всё переменялось, зазвенели колокола, затряслась гора Таганай. И Грифон могучий проснулся — кинулся он вслед похитителям.

Но Томинушка заиграл на волшебной дудочке Крышня. Лишь к ладам герой прикоснулся, в тот же миг Орлом обернулся. Он когтями взял Птицелова, клювом подхватил Синий Камень — скрылся в тот же миг в облаках.

Полетел он ветра быстрее — и Грифон его упустил. И Томинушка, мудрый витязь, восво-яси поворотил.

* * *

А тем временем в царстве Нави Вий призвал к себе сына Пана.

И сказал он так:

— Пан могучий! Разлучён ты ныне с Пома-ной! Но случилась беда и горше! Ныне Велес решил отдать её в жёнушки сыну Ночи! Под-нимись-ка ты в царство Яви. Ты верни мла-дую Поману! Ты напомни ей о Лутоне! Ей ска-жи о печали сына. Пусть Поманушка служит Змею!

И явился Пан ко Помане. И сказал он ей:

— О Помана! Возвратись ко мне, в царство смерти! Вспомни обо мне, о супруге!

Но ему сказала Помана:

— Ты не люб мне, Пан козлоногий! Ты обманом меня похитил! Я к тебе назад не вер-нуса!

И тогда сказал Пан Помане:

— Ты вернись, Помана, обратно! Там наш сын Лутоня тоскует! И грозитя он, что Томи-не, только вырастет — отомстит! Он наследует твою силу и Томинушку поразит!

И тогда сказала Помана:

— Ах, сынок родимый, Лутоня! По тебе бо-лит моё сердце! Не желаю я, чтобы ты воевал со моим супругом! Значит, нужно мне возвра-титься за сыночком моим Лутоней...

И тогда, влекомая Паном, понеслась Пома-нушка прямо в Навь.

Пан повлѣк её над горами, над долинами и полями, пролетел над лесом сосновым, миновал потом лес дубовый. И по правую руку Пана рокотало Чѣрное море.

И явилася впереди река — речка огненная
Смородина. И над речкою той — утёс.

И вот видит Поманушка: у утёса ходит сам
перевозчик-Смерть. Пальцы Смерти подобны
стальным крюкам, на скелет железный похож
он сам.

И сказал тогда Пан, сын Вия:

— О Поманушка дорогая! Не войдёшь ты
так в царство Вия, если яда Смерти не вку-
сишь!

И явился перед Поманой Старец-Смерть со
звёздною Чашей. И в той Чаше змеи шипели,
и кричали в ней две лягушки, ползали по дну
скорпионы.

Выпила Помана ту чашу, и пустил её Старец-Смерть ко пещерам тем в царстве Вия.

А Томинушка этим временем к богу Велесу возвратился. И принёс он Велесу Камень, но Поманушки не нашёл.

— Где невеста моя Помана? — так спросил Томинушка Велеса.

— А увлёл её в царство Вия сам великий див, грозный Пан! Ты возьми, Томинушка, Камень! И ступай за ней в царство Нави! Силой дудочки с Синим Камнем одолеешь ты бога Пана!

И поднял Томинушка дудку, идохнул в неё он легонько. Только он к ладам прикоснулся, Соколом тотчас обернулся.

Полетел он через Смородину прямо в царство грозного Вия.

И нашёл он деу Поману — только видит: та неживая, будто спит среди кипарисов. И в руках она держит чашу, а в той чаше смертельный яд.

И тогда Томинушка Камень поднял над своей головою, обратился он к Богу Вышню:

— Помоги Помане, Всевышний!

И тотчас обратился Камень, стал тот Камень — Синею Чашей. А в той Чаше — Сурья живая, и сияет она, как Солнце.

И поднёс Томина ту Чашу ко губам прекрасной Поманы. И Помана живою стала.

— Здравствуй, Солнце моё, Томина! Долго я тебя ожидала!

— Без меня ты здесь век бы спала!

Тут явился Пан перед ними. И прорёк он грозно Томине:

— Как мы будем делить Поману?

И тогда ответил Томина:

— А устроим мы состязание. Ты играй на своей свирели, я — на дудочке-самогудке. Кто из нас кого одолеет — тот и станет мужем Поманы!

Согласился на это Пан. Заиграл бог Пан на свирели, а Томина на дудке Крышня.

Но могла ль простая свирель одолеть волшебную дудку? Проиграл див Пан состязанье и ушёл в великой печали.

А Томинушка и Помана возвратились из Нави в Явь, и Лутонюшку прихватили.

Поженились вскоре Томина и Поманушка, дочка Велеса.

И на свадьбу их собирались все ясунюшки-небожители. И пришли с Амелфою Сурья, и Семаргл с Купальницей-Ночкой, с Радуницею-Радой — Крышень, и с Златою Майею — Вышень.

И слетались белы голуби, соловьи, щеглы и синицы. И ручьи по садам текли, тяжелели ветви плодами, и поля покрылись цветами.

И родился сын у Томины и Поманушки, дочки Велеса, и назвали его Расеном. А Лутоня стал богом Лютом, и женился он на Амате, и родил он дочку Лавинью, а она родила Аскинью.

И отныне все прославляют и Поманушку, и Томину. Поминают все и Лутоню, бога Велеса с Вилой Сидой!

АРГАСТ И ЭВЛИНА

— Расскажи, Гамаюн птица вещая, об Аргасте и об Эвлине, и о том как Аргаст, сын Асилы, Святогорку ту пробудил ...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во тех Уральских Святых горах, да под тою Азов-горой, жили Велес-Асила с Азовою — Золотою Хозяйкой гор.

Жили здесь и они, поживали, долгий век в горе коротали. А когда сыны их рождались — звёзды в небушке загорались. И родили они шесть братьев: Прова, Крива, Саву и Брага и за ними Онта, Подагу. И седьмая звезда над Азов-горой тёмной ноченькой воссияла, на пещеру их указала: там родился седьмой их братец, был младенец тот златовлас — и назвали его Аргаст.

Как Азовушка, дочь Сварога, чадушку Аргаста родила, так его в пелёночки вила и к своей груди подносила.

Собиралися к сей пещере сыновья Асилы с Азовою. И сошлись шесть сынов Медведя, шесть великих Хранителей Вед ко седьмому братцу — Аргасту. И они по звёздам гадали, так судьбу ему предвещали:

«Быть тебе, Аргаст, младший братец, Князем Звёзд в святом Беловодье... Быть женой твоей — Святогорке, младшей дочери Святогора! И родить тебе сыновей, что славнее всех и святей. Только быть сынам убиенным, золотым копьём пробожденным!..»

Как Азова то услышала, так заплакала-зарыдала. Стали дети её утешать:

«Матушка, не нужно рыдать! Сыновья из гроба восстанут, и пробудятся и воспрянут. И свершатся тогда чудеса, и разверзнутся небеса!..»

* * *

Стал расти Аргаст сын Асилы, захотел он много премудрости.

И учился он волхованию: птичий лёт познал в горних высях, рыбий ход — во пучинах моря. И учился он чтенью-пению, и учился грамоте Вышня. И учение то ему в ум пошло.

И читал он Веды Святые. И прочёл он о Святогоре, также о святом Святогорье, и о царстве Златом-Алтынском, что ушло на дно Океана, всё проведаль он о Плеянках. И прослышал о предсказанье, что женой его быть Плеянке — той, что спит много сотен лет и о коей забыл весь свет.

И пошёл Аргаст ко Азов-горе, ко родителям во пещеру. В путь-дороженьку снарядился, трижды в ноженьки поклонился.

И спросили его родители:

— Ты куда, сынок, собираешься, в путь-дороженьку снаряжаешься?

Отвечал Аргаст родной матушке, отвечал родимому батюшке:

— Отправляюсь я в Святогорье, ко великому Святогору. Испытаю свою судьбинушку... Я желаю найти Эвлинушку — ту, что спит много сотен лет и о коей забыл весь свет.

И тогда Асилушка Суревич сыну дал кольчугу и шлем, также меч-кладенец, который сам раскладывался в бою. Их сковал для Веле-

са Сурича сам Сварог — кузнец-прародитель. А Азовушка, дочь Сварога, принесла ковёр-самолет, мчавшийся стрелою летучей и паривший как птица в тучах.

И взошёл Аргаст на ковёр-самолёт, взвился над горами Уральскими. Полетел Аргаст ко Святым горам и нашёл Святогора там.

И предстал он перед Аргастом Святогоровою горой. Волоса его с бородою дыбились лесами дремучими, грудь и плечи — горными кручами. В бороде, бровях тучи вились, облака у шлёма клубились.

И спросил его сын Асилы:

— А где дочка твоя Эвлина?

И ответил ему Святогор, сотрясая вершины гор:

— Дочерей унёс в Беловодье за святую речку Смородину сам бог Велес-Семаргл Семилий, лишь смирил он Воды Великие!

Взвился вновь Аргаст выше круч, воспарил затем выше туч. И пронёсся вновь над горами, над долинами и холмами. У Смородинки он спустился и у бережка притулился. И узрел он там семь холмов, на вершинах — семь теремов.

Спали в тех теремах на семи холмах все бояре седобородые, скоморохи и скороходы, горничные и сенные, конюхи и стремянные, гусельники и певцы, плясуны и игрецы, стряпчие, садовники, скобари и плотники. Псы во псарне спали и псари дремали, спал в конюшне конь, в очаге — огонь. Птицы спали в небесах, не текла вода в ручьях. И ветра здесь не

шумели, водопады не гремели. Все недвижимы онé в сём зачарованном сне...

Но лишь здесь Аргаст явился — мир волшебный изменился. Тихо ветерок запел, ручеечек зазвенел. Люди зашагали, птицы залетали. Вспрынул буйный конь, встрепетал огонь. Зашумели голоса и ожили небеса...

Что там видится на семи холмах? Что там слышится на семи ветрах?

Там — на горушке Воробьёвской, и на горушке Соколиной, и на горушке Сорочинской, и на горушке Соловьёиной, и на горушке Голубиной, и на горушке той Совиной, и на горушке Лебединой?..

То не звёздочки с неба пали и не молнии заблестали, то сходили с неба Стожарницы — все Остожницы-Святоярицы!

Шли Медведицы тёмной ноченькой по-над речкою той Смородинкой, и плясали они на семи холмах, распевали они на семи ветрах...

На Велесовой — Соловьёиной, на Поклонной горе — Соколиной, на Коломенской — Лебединой, на Ушвивой горке — Совиной, и на Красной горе — Голубиной, и на Сорочинской — Трёхгорской, и на Свáрожьей — Воробьёвской!

И сошлись волхвицы Остожницы на Волхонке и на Остоженке. И челом они речке били, и Смородинку так просили:

— Ой ты, мать, Смородинка-речка! Не тревожь ты своё сердечко, Расскажи-ка нам, быстрая река, про крутые свои яры-берега...

Обернулась река красной девицей, отвечала она Медведицам:

— Расскажу я вам о семи холмах, всё поведаю о святых горах...

*Есть Поклонный холм надо мною,
что родил Камень Войн и Гроз.
Там, взлетая над сей горою,
о победах поёт Алконост!*

*Есть и горушка Ворожейская.
Нет другой такой в целом мире!
Родила она Камень Мудрости,
и поёт над ней птица Сирин!*

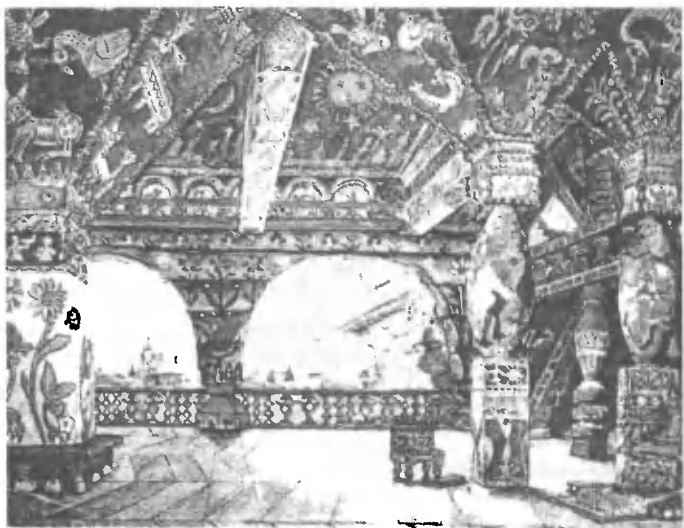
*Есть Горючий камень на Трёх горах.
Гамаюн над ним распевает.
Из-под камня того Горючего
Пресня-реченька истекает.*

*А по горушке Лютой-Швивой
скачет дивный Единорог.
Он по Камешку бьёт копытом,
сотрясает Стожар чертог!*

*Породил Три Камешка Красный холм.
Каждый камень, как новый Яр!
Первый Крышень, второй Коляда,
третий будет Бус Белояр!*

*А за Красной горкой — Коломенская,
и та горушка породила
под собою в яруге Велеса
Камень Коляды — Лошадиный.*

*А на горушке той Велёсовой
стережёт до лучших времён
Камень Велеса Всевеликого
Троеглавый Красный дракон!*

Как сошли с небес те Медведцы, так плясали они на семи холмах, пели песнь на семи ветрах.

И сдвинулся Аргаст пляске звёздной, восхитился он дивной песней, подошёл к волхвице прелестной, ко Медведице той чудесной. Шёл по травушке-мураве ко Велесовой той горе. И сорвал он спорыш-травинку протянул её он Эвлинке. И Медведица — вилой стала, только спорынью ту съедала. За Эвлинкою все сестрицы, стали снова — девы-вилицы и Остожницы-волховницы.

Так Аргаст Эвлину прекрасную от заклятья освободил и от древних чар пробудил. И затем они повенчались и колечками обменялись.

И на свадьбе их лилась Сурья и плясали звёзды-Стожарицы, волховницы и Святоярицы. И явились на свадьбу боги — Мать-Зе-

мун с Амелфой и Даной, сам Семаргл Сварожич с Деваной, Велес-Рамна с Асею Вилой, Леля со Мареной и Живой, также Хорс с Зарей-Зареницей, Крышень с Радой и Радуницей. Все явились небожители и всех родов жрецы и правители.

И на тех холмах, на семи ветрах, стали жить Аргаст и Эвлина. И от зёрнышка-спорыньи, как и от яйца петушиного, что находят в кострах во горячих углях, — зачинала жена, что восстала от сна. И родила Эвлина сынов — породила двух близнецов. Их называли Мосем и Бором, Бора также и Святибором.

Тот Велесов холм стал их родиной, что над реченькою Смородиной. И называли его Боровицким в честь прославленного Святибора — сына князя Аргаста Бора.

Град же, выросший под горой, называли затем Москвой... А реку в честь славного Мося прозывали Москвой-рекой.

И отныне все величают и Аргаста, сына Асилы, и его супругу Эвлину, всех Плеянушек-Святогорок, также Мося и Святибора!

МОСЬ, СВЯТИБОР И ЛАМИЯ

— Расскажи, Гамаюн птица вещая, нам о Мосе и Святиборе. Спой о том, как Сурова Ламия стала лютою драконицей...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как за речкою той Смородиной, да во Беловоде святом, да во славном том Белом граде правили Аргаст со Эвлиною.

И родили они двух сынов, породили они близнецов: Мосю мудрого, Святибора. И когда сыны их рождались — звёзды в небесах загорались.

И Аргаст сынов возлюбил и наследством их оделил. Мосю дал великую мудрость, оделил святыми дарами — так стал Мось жрецом над жрецами. Святибора сделал богатым, дал ему он сѣребро-злато, и сокровища недр земных, десять городов больших, и стада степные, и леса густые.

Приходили к Мосю жрецы, приходили и мудрецы, всех их мудрый Мось привечал, как по Прави жить наставлял, мудростью своей делился, ум его ведь не тощился. Святибор же всем помогал, златом-сѣребром оделял, но не тощилась золотá казна — у казны той не было дна.

* * *

Как во том святом Белом граде столованье было, почестен пир. Собирались на пир тот славный Святогорушки со мужьями, с сыновьями, и дочерями, и родными с семи холмов, с альвами окрестных лесов. Прилетали к ним и все Божици, Суревичи и Сварожичи.

Все на том пиру наедались, мѣдом-сурьею напивались. Речи повели меж собою. Кто-то хвастает золотой казной, кто удачею молодецкою, глу-

пый хвастает молодой женой, умный — батюшкой, рóдной матушкой.

А на том пиру при беседушке там сидели братья Аргастичи. Были братья унылы, не веселы, буйны головы все повесили. И тогда князь мудрый Аргаст стал по gridне светлой похаживать, сыновей своих стал выпрашивать:

— Что же вы, сыночки, печалитесь, отчего ничем вы не хвалитесь?

— Незачем нам, батюшка, хвастать. Аль хвалиться нам золотой казной? Так богатство наше не тóщится. Аль умом хвалиться нам следует? Так умом глупцы только хвастают. Нам хвалиться дóлжно лишь именем — рода славного Святогорова! Только нынче оно опорочено — Ламьей, Аси-Ненилы дочкой!

И ответил им князь Аргаст:

— Как отца её Денница сгубил и как матушка её лишалась сил, так никто за ней не следил, и как жить её не учил... Дочь Ненилушки Святогоровны скрыта за стеной кремлевской на горе той Воробьёвской, заперта за сто дверей, замкнута на сто ключей, солнце деву не обгреет, буйны ветры не обвеют, чтоб никто к ней не ездal, рядом сокол не летал...

Только Мось и Святибор повернули разговор:

— Сурья Ламья столь прекрасна, что старания напрасны! К ней летал Перун Сварожич, он все двери открывал и уста ей целовал, на груди её лежал! Ни один его засов не сдержал!

То Аргасту за беду показалось, за несчастье великое сталоcь. Но ему рекли вновь Аргастичи:

— Ах, напрасно батюшка рóдный, ты не веришь нашему слову. Коль мы с пира отлучимся, в чёрно платье облачимся, в терем Ламии пойдём и стрелу в окно метнём, разобьём окошко,

подождём немножко, то узнаем мы, как Ламья ночью гостя привечает, ласкою его встречает.

Как рекли, всё так и вышло, вон на улицу все вышли, в чёрно платье облачались, в терем Ламии помчались, и стрелу в него метали, светлый терем сотрясали.

Как услышала Сурова Ламья гром и грохот в полночь глухую, прорекла в щель слуховую:

— Ой же ты, Перун сын Сварожич! Без тебя, мой милый, скучаю, я давно тебя поджидаю! Без тебя все яства черствеют и питья медвяны мутнеют!

Братья Мось со Святибором к замку быстро подошли, на крыльцо его взошли, двери терема ломали, Ламью за руки хватали.

Повезли её за речку Смородину да на гору ту Боровицкую, чтобы бросить её в темницу — за реку широкую в порубы глубокие, чтоб сковать её цепями, цепи же замкнуть замками..

А как к речке подъезжали пред горою Боровицкой, выходила к ним черница, предлагала им напиться ключевой водицы:

— Только тот по мосточку калинову чрез Смородину перейдёт, кто воды святой отхлебнёт! За Смородину в царство Нави не пройти вам, не выпив чаши, таковы обычаи наши!

Мось со Святибором отпили, по мосточку проходили. Но как только Сурова Ламья ко святой воде припадала — *амагиль* черница вскрывала, чёрна духа она выпускала. Ведь была то не черница — вила Дива-Перуница, что супруга ревновала, потому черницей стала.

И она на Сурову Ламию чёрный дух тогда напустила и в дракона её обратила, чтоб Перун её разлюбил, даже думать о ней позабыл!

И тотчас та Ламья-девица обернулася драконницей. Бела кожа её что елова кора, стали воло-

сы, как ковыль трава. Ногти стали когтями, а зубы — клыками. И походочка стала рачья, не лицо — личина собачья.

Братья Ламию на цепь посадили, во темницу её проводили, на засовы её закрывали и замками её замыкали.

* * *

Что за шум у темницы? И что за гром?

То сражается у темницы Дон! Велес-Дон бьётся с Бором и Мосем! Братья в ужасе отступают и мечи на землю бросают, ведь тот Дон погублен Денницей, он не мог из тьмы возвратиться!

«Значит он разбил границу, чтобы сокрушить темницу и все двери в Навь раскрыть, дочь свою освободить!»

Бор и Мось пред ним склонились, перед богом повинились. На колени пали и запричитали:

— Дон, не гневайся напрасно ты на сыновей Аргаста! Кровушки родной не лей! Род Асилы пожалей!

Только тот их не послушал и захохотал — и в тот миг Денницей стал! Так личину скинул он, ведь то был не Дон! Не воззрел он на рыданье, жалобное причитанье, Бора он колот копьём, Мося ударял мечом.

Их тела на холм бросал и темницу отворял.

— Выходи-ка ты из тьмы, Ламья-драконица! Чтобы кровушки напиться, чтоб отныне мне служить и Аргаста погубить! Быть мне князем над князьями, королём над королями!

Выходила Ламья, изрыгая пламя. И отправилась к Аргасту из своей темницы, чтобы на смерть биться.

И Аргаст сразился с ней в царстве Нави. Бил её, Драконом став Троеглавым. И Всевышнего молил, так Его просил:

— Погуби Денницу! Покарай убийцу!

И свершились чудеса, и разверзлись небеса. И явилась сила Сварогова — на конях крылатых Сварожичи. Прилетел Семаргл сын Сварожич, следом всё небесное воинство.

Вышний повелел Землю резать, повелел её сотрясать, чтоб Денницу тем покарать! И они подрезали Землю, и Земля вся с кровью смешалась, и ущелье в ней отверзалось. И семь гор тогда сотряслись, в море волнышки разошлись.

Тут Денница-бог содрогнулся, наказанию ужаснулся, ведь пред ним путь в Пекло открылся — и сквозь Землю он провалился.

А тела Мося и Святибора на холме Боровицком остались лежать, не желали их погребать. Братья те как будто бы спали, их тела нетленными стали. И лежали так триста лет — порчи же по-прежнему нет.

Их ни зверь и ни птица не тронули, и ни зимнее помрачение, и ни солнечное попечение.

А как триста лет миновало, встало там святое знамение.

Столп явился красный и огненный, от Земли до самого Неба. И к столпу тому соезжались сорок грозных князей со князевичем, также сорок царей со царевичем, также сорок волхвов ото всех родов.

И они Святибора и Мося под святым холмом погребали, страстотерпцев тех величали.

Славили и князя Аргаста, также всех погибших напрасно. Поминали и Сурову Ламию, проклинали все и Денницу, сына Месяца с Зареницей. Поминали и Перуницу.

Также Вышнего прославляли и хвалы Ему воздавали!

ТРИ ПОЕЗДКИ СЕМАРГЛА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о поездках Семаргла Сварожича, как он ездил к Деване Перуновне, как Луну разрубил, и о том, как он крест привёз в Ирий светлый!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по полюшку по широкому, по долинам и по холмам сам Семаргл Сварожич поезживал. Под Семарглом-Огнём — златогривый конь, у того коня — шерсть серебряная. И на каждой шерстинке — ленточка, в каждой ленточке по жемчужинке. Его знамя — дым, его конь — огонь. Чёрный выжженный след оставляет он, если едет по полю широкому.

Поезжал Семаргл по долинушкам, через реченьки перескакивал. И подъехал к широкой росстани, ко стоящему промеж трёх дорог Алатырскому Камню Белому.

А на Камешке том — надпись писана, как подписана и подрезана:

«Как направо поедешь — богату быть. А налево поедешь женату быть, ну а прямо поедешь — живым не быть».

И сдвинулся Семаргл, призадумался:

— Сколько я по свету ни езживал, а такого чуда не видывал! На что мне, Семарглу, богатство? Много есть у меня злата-серебра, и камней драгоценных, и жемчуга. И на что жениться мне — старому? Ведь жениться мне — не нажиться: молодую взять — так чужим корысть, ну а старой жены мне не надобно.

И поехал Семаргл той дорогою, на которой ему-де «живым не быть».

И наехал он меж высоких гор на великое войско чёрное. Видит чёрных воинов Вия, ви-

дит он волков-волкодлаков и крылатых видит драконов.

Впереди ж того войска чёрного скачет сам Кашеюшка Виевич.

И хотели чёрные воины у Семаргла сына Сварожича отобрать коня белогривого. Но сидел Семаргл на своём коне, говорил, главою покачивая:

— Ой, безумны вы, чёрны вороги, вам отнять у Сварожича нечего! У пожара вам не отнять огонь, и со мною останется верный конь!

И завыли тогда ветры буйные, начал жечь Семаргл силу чёрную, змей топтать-рубить и копьём колоть. Нечисть с нежитью сын Сварога жёг, расходясь огнём во все стороны.

И побил он войско Кашеево, и пожёг-порубил нечисть чёрную.

И прочистил Семаргл ту дороженьку, и вернулся к горячему Камешку. И поднавливал надпись первую:

«Тут проезживал сын Сварожич — и была дорожка прочищена».

И поехал Семаргл сын Сварожич по дороженьке, где «женату быть».

Ехал там Семаргл много времени по раздольюшку по широкому. Голова бела, борода седа, по белым грудям расстилается, скатным жемчугом рассыпается.

И в горах высоких Ирийских ко двору подъехал широкому. Теремом назвать — очень мал будет, городом назвать — так велик будет. Его крыша — само небо синее, вокруг маковки — лунный путь лежит, хоровод плетут звёзды частые.

Тут из терема из высокого выходили к Семарглу двенадцать дев. А среди них сама королевична то Девана, Перуна и Дивы дочь.

Говорила она таковы слова:

— Ай удалый ты, сын Сварожич! Ты пожалуй ко мне во высок чертог! Напою, накормлю хлебом-солию! Положу почивать в светлой горнице!

И сходил Семаргл со добра коня, оставлял его неприкованным, неприкованным да непривязанным. И пошёл Семаргл во высок чертог. Заходил он в терем Деванушки и садился за стол белодубовый. Тут он ест и пьёт, прохлаждается да весь долгий день и до вечера.

И настала лишь ночка тёмная, от стола поднялся Сварога сын, говорил Деване Перуновне:

— Ой, Деванушка, дева лунная! Где, скажи, твоя, дева, спальенка? Где твоя кроватка тесовая? На земле, скажи, иль на небе ли — где Луна в облаках-тучах прячется?

Повела Девана Сварожича во свою во спальенку тёплую да во горницу ту высокую.

Видит тут Семаргл кроваточку, хорошо кроватка украшена, все бока её — по-змеиному, ну а спинка её — по-звериному. И задумался сын Сварожич:

— Сколько я по свету ни езживал, а такого чуда не видывал! Видно, та кроватка подложная!

И хватал он Девану за белые руки, на кроватку бросил тесовую. Обернулась кроватка тесовая, и Девана с кроваточки падала из светлицы той — в погреб тёмный.

Выходил Семаргл из терема, и ступал сын Сварожич на звёздный путь, и нашёл он двери у погреба. Все колодьем они завалены, и песками они засыпаны. Он колодья руками распахивал и пески руками распорхивал. И срывал замочки пудовые, раскрывал ворота железные.

Выпускал царей и царевичей, выпускал он могучих витязей, сорок белых волхвов и кудесников, а простого народа и счёта нет. Говорил Семаргл таковы слова:

— Выходите из царства смерти! Выходите из нор Деваны! И идите дорожкой лунной по домам своим, к очагам родным! Вспоминайте потом Семаргла! Без него вы бы вечно сидели здесь!

Вот увидел Семаргл Девану на мерцающем звёздами Млечном Пути. Вот плывёт она в Лунной Лодочке. Вынимал Семаргл меч изостренный — разрубал Деванушку лунную.

*И с тех пор среди частых звёзд
в лодочке Луна проплывает.
И растёт она, но могучий бог
вновь мечом её разрубает.*

От удара же Огнебогова зачат был во чреве Деванушки сын Семаргла Сварожича мощный Ван вместе с ним сестра его Люта.

И родились Ван вместе с Лютою, как потом и Квасура родился в Пановых горах близко Ра-реки — после битвы великой Трёх родов.

И садился Семаргл на коня верхом, поехал он к Камню Алатырю. Подновил и вторую надпись:

«Тут проезживал сын Сварожич — и была дорожка почищена».

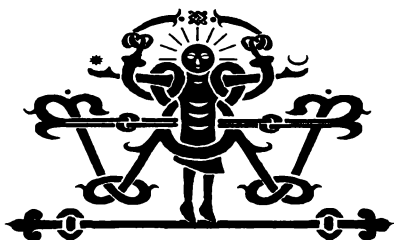
И поехал третьей дорогою, на которой Семарглу «богату быть». И наехал он на пречудный крест. Словно Солнце крест тот сияет, и объят он весь ясным пламенем.

Изумился тут сын Сварожич:

— Сколько я по свету ни езживал, а такого чуда не видывал. То не просто крест на земле стоит — он стоит над кладом великим, где лежат богатства несметные — там лежит сама Книга Вед.

И сходил Семаргл со добра коня, брал он крест во рученьки белые, брал из погреба Книгу Вед и повёз во святую Сваргу да ко тем горам Алатырским.

Тут Семарглу Сварожичу славу поют, славят и Девану Перуновну, Вана с Лютою прославляют и великую Книгу Вед!

XI

ВЕДА ЛАДЫ

Эпоха Лады-Тельца

4—2 тысяч лет до н. э.

ЖЕНИТЬБА ДАЖЬБОГА И МАРЁНЫ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился Дажьбог на Маренушке.

— Ничего не скрою, что ведаю...

В светлый Ирий к горе Алаты́рской со всего Света Бёлого птицы слетались. Собирались они, солета́лись, о Сырую Землю ударились, обернулись они в ясуней.

Прилетели то в светлый Ирий Огнебог-Семаргл, Вихорь-бог Стрибог, бог Перун Громовержец с Дивою, ясный Хорс с Зарей-Зареницею, Волх, сын Змея, с прекрасной Лелею и Дажьбог, сын Роси, Перунович.

Их встреча́ли Сварог вместе с Ладою, приводили в чертоги хрустальные, угощали яствами разными, наполняли чаши хмельной сурьей.

Как садились гости за золотые столы, за золотые столы, за камча́ты скатерти — поднимали чаши одной рукой, выпивали единым духом.

После пира было гуляние по небесному саду Ирию. И гулял Дажьбог сын Перунович, подходил к расписно́му те́рему. А в тот терем высокий прохода нет.

Тут услышал Дажьбог сын Перунович, как играют в тереме гусельки и звенят золочёные струночки. И за-слушался он, и задумался, и понравились Тарху гусельки.

— Это терем Мары Свароговны — видно, там у неё гуляние.

Стал он биться-стучаться в терем — зашатались стены у терема, распахнулись двери

железные. Поднялся сын Перуна по лесенкам и вошёл в палату Маренушки.

У Маренушки — развесёлый пир. У Марены гости приезжие из далекого Царства Тёмного: в ряд сидят Горыня с Дубынею и Усыня с Кащеюшкой Виечем.

Поздоровался с ними Перунович и сел за стол на скамеечку.

— Что ж не ешь, Дажьбог сын Перунович? — так спросила Мара Свароговна.

А Дажьбог Марене ответил:

— Сыт, Марена, я — только что с пира у отца Сварога небесного.

А сам думает: если поешь у неё, заворочит она иль отравит, ведь Марена — колдунья известная.

Продолжались пир и гуляние. Здесь Кащей к Маренушке сватался, и хвалился он златом-серебром, и хвалился своим бессмертием:

— Все, Марена, тебе подвластны! Все боятся Марены-Смерти! Только я не боюсь — Бессмертный! Мы с тобою, Марена, вместе подчиним, покорим всю Вселенную!

Наконец пришло время позднее, стали гости прощаться с Маренушкой. Провожала Марена гостей, проводила Кащея Бессмертного, а Дажьбога стала удерживать:

— Оставайся, Дажьбог сын Перунович, до рассвета, до света белого, и со мною, Мареною, сделай любовь! Будет мужем моим пусть Бессмертный Кащей, ну а ты, Дажьбог, — любовником!

Отвечал Дажьбог сын Перунович:

— Ты прощай, Марена Свароговна! Ты прощай уж, Маренушка-душенька, я не буду тебе любовником!

Обернулся Дажьбог от Марены и пошёл скорее из терема. Тут вскочила Марена Свароговна, и брала ножища-кинжалища, и стругала следочки Дажьбожии, их бросала в печку муравлену, как бросала их — приговаривала:

— Вы пылайте, следочки Тарха, вы горите в печке муравленой! И пылай в Дажьбоге Пе-

руновиче по Марене душа его светлая! Чтоб не мог Дажьбог жить без душеньки, чтоб не мог без меня он ни есть, ни спать! Подымайтесь, дымочки, из печечки, подымайтесь, вы, ветры буйные! Соберите тоску ту тоскучую со всех вдов, сирот, с малых детушек, соберите со света белого, понесите её в сердце ярое — молодого Тарха Перунича! Посеките мечом булатным сердце буйное, молодецкое, поселите тоску ту тоскучую, дайте и сухоту сухотучую в его кровь, и в жилы, и в печень! Чтоб казалась ему Маренушка милей матери, отца-батюшки и роднее Рода небесного!

Будьте крепче булата, слова мои! Ключ к словам моим в небесах, а замок в морской глу-

бине, проглотила замок этот рыба-кит. Рыбу-кит не добыть и замок не открыть! А кто рыбу добудет, замок отопрёт — гром того убьёт и спалит огонь!

А Горыня, Дубыня с Усынею возвращались назад в Царство Тёмное. Растворились вдруг небеса, сокатились колеса златые, золотые колёса — огненные. А на той колеснице огненной сам Перун Громовержец покатывал, златокудрой главою встряхивал, в небо молнии посылая. И поглядывал вниз на Землю. Видит он — Горыня с Дубынею и Усыня идут по дороженьке.

— Где вы были? — спросил Громовик Перун.

— Были мы в гостях на Рипейских горах у Марены Свароговны в тереме. Пили-ели мы, веселились мы, веселился там и твой сын Дажьбог!

Тут нахмурился Громовержец, покатил к Дажьбогу Перуничу:

— Мне не нравится, сын, что ты ходишь к Марене! Не прельстился ль ты красотой её? По-хорошему с ней ты сходишься — по-хорошему ль разойдёшься с ней? Не пеняй тогда ты на батюшку, не пеняй на родимую матушку, а пеняй, Дажьбог, на себя самого!

Огорчился Тарх и пошёл к Роси. И спросила Дажьбога матушка:

— Что случилось — скажи, чадо милое?

— Я скажу тебе правду сущую. Изобидел меня мой отец Перун, говорил — будто я у Марены сажу! Я всего заходил-то разочек, посидел у Марены часочек.

— За тебя Перун беспокоился. Та Маренушка — ведьма ужасная! Не ходи к ней, Дажьбог, в светлый терем, не прельщайся ты красотой её!

Тут сказал Дажьбог слово резкое:

— Ты по роду мне будешь матушка, а по речи своей — будто мачеха!

И пошёл он в терем к Маренушке:

— Проведу я с ней ночку тёмную на её кроваточке мягкой, а наутро возьму в замужество!

Тут в Дажьбоге кровь разыгралась, и сердечко в груди растревожилось, он расправил плечи широкие. И пошёл Дажьбог сын Перунович, подходил к высокому терему. А в тот терем Марены прохода нет.

Тут натягивал сын Перуна лук тугой за тетивочку шёлковую и стрелял стрелою калёною. Полетела стрела позлачёная, попадала в окошко косявчато — и окошко то проломила. Стал он биться-стучаться в терем. Запатались стены у терема, распахнулись двери железные. И вошёл сын Перуна к Маренушке.

У Марены — пир и гуляние. У Марены гость с Царства Тёмного: сам Кащей Бессмертный сын Виевич.

И сказал Дажьбогу Кащеюшка:

— Ты почто, Дажьбог, к нам в окно стрелял? Проломил ты окошко косявчато и расшиб стекольчато зеркало!

Тут Дажьбогу досадно стало — вынимал он меч свой булатный, и поднял его над главою:

— Я тебя, Кащей, на куски изрублю!

Тут Марена со смехом говаривала:

— Не пугайся, Кащей, мил сердечный друг! Оберну я Тарха Дажьбога златорогим быстрым Оленем!

Тут брала Маренушка чашечку, а в той чашке — водица холодная, колдовала она над чашечкой, выливала она ту чашечку на Дажьбога Тарха Перуновича.

Вдруг не стало в светлице Тарха, вдруг не стало сына Перуна — стал Оленем он златорогим.

Не бежит, не гремит копытами, а калёной стрелою летит Олень. У Оленя копыта серебряные, у Оленя рога — красна золота, в каждой шёрсточке по жемчужинке.

И ходил Олень златорогий по высоким горам, по долинам. И бежал Олень ко речной воде, ко Роси — родной своей матушке, и студил копытом серебряным ту струю речную прозрачную.

Рось тогда Оленю промолвила, накативши на берег волнами:

— Не Олень то в полюшке ходит, в поле то мой сынок родимый — Тарх Дажьбог, Мареной обёрнутый.

И просила она Перуна:

— Громовержец, скажи Марене, чтоб вернула она мне сына, обернула Тархом — Оленя!

Громыхнул Перун в поднебесье:

— Ай же ты, сестрица Марена! Ты зачем Оленем — Златые Рога повернула Тарха Дажьбога? Отпустила его в чисто полюшко? Обрати ты его обратно, а иначе, сестрица Мара, я пуцу в тебя громовой стрелой!

Перекинулась Мара Сорокою, полетела в чистое полюшко — там, где ходят в поле олени. Ходят девять простых оленей, а десятый — златорогий.

Тут сядилась Мара-Сорока на златой рог Тарха Дажьбога, стала Мара Тарху выщёлкивать:

— Ай же ты, Олень златорогий! Не наскучило ль тебе в чистом полюшке? По долам гулять, по горам плутать, по дубравам дремучим, по болотам зыбучим? И не хочешь ли пожениться? Ты со мной тогда сделай заповедь — и возьми Марену в замужество!

— Ай же ты, Марена Свароговна! Обрати ты меня обратно — я согласен с тобой венчаться!

И брала Маренушка чашечку, наполняла её ключевой водой, и брала три щепоточки маленьких из печи, от золы, от Сырой Земли. Посыпала щепоточки в чашечку, говорила над ней колдовские слова — очень странные, очень страшные. И из чаши Тарха обрызнула. И чихнул Олень три разочка — обернулся снова Дажьбогом.

И пришли они ко Ирийским горам ко Сварогу небесному в кузницу. Им сковал Сварог по златому венцу, и сыграл Дажьбог Тарх Перунович со Мареною вскоре свадебку.

Солетались на свадьбу весёлую со всего света белого птицы. Ударялись птицы о Матушку-Землю, обернулись во ясуней.

Собирались они, солетались и Дажьбога с Мареною славил. И сплела им Леля любви венки, подарила Рось голубой платок, подарила Лада гребёночку: коль махнёшь платком — будет озеро, а гребёночкой — встанет тёмный лес.

Стали гости гулять, пить и есть, плясать.

И плясала на свадьбе Жива, и кружилась она всем на диво: правой ручкой махнёт — встанет лес и река, левой ручкой — летят птицы под облака.

И плясала на свадьбе Мара, рукавами она махала: правой ручкой махнёт — лед на речке встает, левой ручкой махнёт — снег из тучи идёт.

Говорил тогда Тарх Маренушке:

— Замело, завияло дороженьки, и нельзя пройти мне к Маренушке. Промету я дорожку — сам к милой пройду. Постелю постелю пуховую, обниму Маренушку милую!

Продолжалась свадьба небесная!

Мало ль времени миновало, много ль времени миновало у Марены с Тархом Дажьбогом родился сынок ясноокий.

Он родился зимой, среди стужи и вьюг. И ему Дажьбог подарил свой лук. А Марена сына избавила от рождений-смертей круговерти, даровала ему бессмертье.

А женою ему стала дева Славуня, дочь великого Велияра. И он рос, удивляя мир, и прозвали его — Богумир.

И пришёл к Богумиру Квасура-Хмель, сын Сварога и Лады-матушки. Научил тогда Богумира Хмель, как готовить Сурью медовую, делать как возлиянья Всевышнему.

И в тот век на Земле не страдал никто. И у всех были кров и пища, не болели люди, не старились.

Жил в степи Богумир средь высоких трав и владел он стадами добрыми. Правил он на Земле людьми, также ведьмами и волхвами, китоврасами и грифонами, и русалками, лешаками, всем народом лесным и горным.

Породил Богумир Севу, Руса, Славена. Также он породил дочерей — Древу, Скреву с сестрой Полевой. И пошли от него киммеряне, также русичи и славяне.

И от них истекли племена и народы, заселившие Землю Русскую. И потомкам Роси боги так говорили:

— Возлюбите Русь! Берегите её, будьте мирными между родами!

ДАЖЬБОГ, МАРЕНА И ЖИВА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Кащей у Дажьбога Марену украл, как Дажьбог Марену отыскивал, как спасала Дажьбога Жива!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как узнал про женитьбу Дажьбога сам Кащей Бессмертный сын Виевич, запрягал колесницу огненную, собирал несметную силушку и надвинулся тьмой на Ирийский сад.

То не тёмная туча близилась — то Кащей сила надвинулась, затопила мглой Землю-Матушку.

Как в ту порушку в светлом Ирии никого из Сварожичей не было — там один лишь был Вышний Тарх Дажьбог. Снаряжался он в чисто полюшко биться с той несметною силою.

Трое суток сражался Перунов сын, и побил он силу великую, а потом возвратился в Ирий. Лёг он спать и спит непробудным сном, над собой невзгоды не ведает.

Тут подъехал к крылечку Дажьбогову сам Кащей Бессмертный сын Виевич. Стал Марену он подговаривать, соловьём перед нею выщёлкивал, говорил Марене-кукушечке:

— Полетим, дорогая кукушечка, в золотое царство Кащеево! Там совьём мы, кукушка, по гнёздышку, и устелим его чёрным бархатом, и украсим его чистым золотом!

Говорил Бессмертный Маренушке:

— Я к тебе, Маренушка, сватался, ты должна была быть моею! Ты пойдی за Кащея замуж! Моя матушка — Мать Сыра Земля, а

мой батюшка Вий — подземельный князь! А Дажьбог — сколóтный Перуна сын от Роси — всего лишь русалки! Лишь со мной ты станешь царицею, а не с Тархом, сыном Перуна!

И Маренушка призадумалась:

— Мне ли жить вместе с Дажьдем-богом? Мне ль Кукушке жить с Ясным Соколом? Лучше быть царицей с Кашеюшкой! Вороницею с Чёрным Вороном!

И тотчас она улетела Вороницею со Кашеем. А Дажьбог всё спит непробудным сном, над собой невзгоды не ведаёт, что была у него молодая жена, да сбежала вместе с Кашеем.

Только прочь они улетели — пробудился в саду Дажьбог. Боги тут возвратились в Ирий, стал их Тарх Дажьбог тут выпрашивать:

— Вы скажите скорей — где жена моя? Где Маренушка молодая?

Отвечал Дажьбогу отец Перун:

— Слышал я от ветра Стрибогова: улетела Мара кукушкою с вороном — Кашеюшкой Ви-
ечем.

Говорил тогда молодой Дажьбог:

— Надо ехать нам за угоною!

Отвечал Перун:

— Честь ли, слава ль мне — за чужою женою следовать? Ты езжай один за угоною. Ничего-то у них ты не спрашивай, как заста-
нешь их в чистом полюшке — отсеки у Кашея голову!

Поезжал Дажьбог за угоною. Как Марена Дажьбога увидела — наливала вина чару полную, заступала ему дороженьку. Как увидел Марену могучий конь — тут же встал на дороге как вкопанный. Стал коня стегать удалой Дажьбог, конь не слушает, не идёт вперед.

Тут сказала Марена Тарху:

— Свет мой ясный, Тарх, сын Перуна! Меня силой везёт Бессмертный! Выпей чару вина зелёного ты с великой тоски-печали!

Выпил чару Дажьбог — захотел ещё, наливал ещё — по другой горит. Тут напился с печали он допьяна и упал на Матушку-Землю.

— Велика́ власть Хмеля могучего! — рассмеялась Марена грозно и сказала Кащею слово:

— Ты, Бессмертный Кош, отсеки главу неразумному Даждю-богу!

Отвечал Бессмертный Маренушке:

— Как Дажьбог меня из пещеры спас, куда скрыли меня Велес с Вилою, я ему обещал три вины простить. Это будет прощение первое.

Тут Марена Дажьбога подхватывала и столкнула в колодец глубокий — тот, что вёл в подземное царство. И упал Дажьбог в Царство Тёмное.

Пробудился в провале Перуна сын, он встал на ноженьки резвые, и свистел, и звал зычным голосом.

Подбегал к провалу могучий конь, опустил-ся он на колени и свой длинный хвост опустил в провал.

Ухватился крепко Дажьбог за хвост, и на Землю Сырую поднялся он. И вскочил Дажьбог на лихого коня, и поехал вновь по дороженьке.

Вновь стоит жена на дороге. Как увидел Марену могучий конь — тут же встал на дороге как вкопанный. Стал коня стегать удалой Дажьбог, конь не слушает, не идёт вперёд.

Вновь сказала Дажьбогу Мара:

— Если конь не идёт, значит, он устал. Дай коню отдохнуть, отдохни и сам. Слезь с коня, мой Даждь, и с усталости зелена вина выпей чарочку. Как день летний не может без солнышка, так и я не могу без тебя, мой свет, не могу я есть, не могу и спать!

Выпил чару Дажь — захотел еще, наливал ещё — по другой горит. Тут напился с печали он допьяна и упал на Матушку-Землю.

— Велика власть Хмеля могучего! — рассмеялась Марена грозная и сказала Кащею слово:

— Ты, Бессмертный Кош, отсеки главу неразумному Дажью-богу!

Отвечал Бессмертный Кош Марушке:

— Раз Дажьбог меня из пещеры спас — я ему обещал три вины простить. Это будет второе прощение.

Тут Марена Дажьбога подхватывала и бросала его чрез своё плечо, как бросала его — приговаривала:

— Там, где был удалой добрый молодец, — там горючий стань Белый Камешек. Первый год пройдёт — ты лежи на Земле, и второй пройдёт — ты лежи на Земле, третий год пройдёт — ты сквозь Землю пройди и низвергнись в царство подземное!

Как тут конь Дажьбога несчастного побежал один к Алатырским горам, стал он бегать по саду Ирию.

И увидел коня Громовержец:

— Не видать что-то сына родимого, не видать Дажьбога могучего, знать, случилось что неладное!

Тут Перун Громовержец коня оседлал и поехал по полю широкому. Переехал он лесушки тёмные, переехал поля Сарачинские и доехал до Камня горючего. Тут он Камень горючий покатывал, а покатывал — приговаривал:

— Там, где был Бел-горючий Камешек, стань на месте том добрый молодец — молодой Дажьбог сын Перунович. Стань ты, Камень, легче лёгкого!

Тут Перун поднимал этот Камешек, чрез плечо его перекидывал. Там, где был Бел-горючий Камешек, — там вдруг стал удалой добрый молодец.

И сказал Перуну тогда Дажьбог:

— Надо ехать нам за угоною!

Отвечал Перун:

— Честь ли, слава ль мне — за чужою женою следовать? Ты езжай один за угоною. Ничего с жены ты не спрашивай, как застанешь их в чистом полюшке — отсеки ты Кащею голову!

Тут вскочил Дажьбог на лихого коня и поехал по полю широкому.

Не ковыль в чистом поле шатается — зашатался там добрый молодец, молодой Дажьбог сын Перунович. Вот доехал до речки Смородины, принагнулся он к быстрой реченьке, и вскричал Дажьбог громким голосом:

— Кто тут есть на реке перевозчиком? Ответьте меня на ту сторону! Примите меня, хозяева, — Велес Суревич с Вилой Сидой! Накормите меня белым хлебом, напоите вином медвяным!

Отвечают ему хозяева:

— У нас в Тёмном Царстве — горькое житье. У нас хлеба белого — нет, и питья медвяного — нет. А есть — гнилые колоды, а есть — водица болотная!

Говорил Дажьбог сын Перунович:

— Отвезите меня на ту сторону! Отвезите меня, проводите к Каракайской Чёрной горе, ко дворцу Кащея Бессмертного!

Перевёз через речку Смородину Тарха, сына Перуна, Велес. И давал он Дажьбогу скатерть:

— Разверни-ка, Дажьбог, эту скатерть по горам-холмам и долинушкам и ступай по скатерти белой — так придёшь ты к царству Кащея!

Поезжал Тарх Дажьбог той скатерочкой по горам-холмам, по долинушкам, и приехал он в Царство Тёмное. Горы там в облака упираются и стоит чертог среди чёрных скал — замок то Кащея Бессмертного.

Он костями людскими подперт, человеческой кровью крашен. Вкруг чертога Кащея — железный тын. И на каждом столбочке — череп, каждый череп огнём пылает.

Увидала его Марена, говорила Кащею слово:

— Не убил ты Тарха Дажьбога — он опять к нам в гости пожаловал!

Подходила она близёшенько, кланялась Дажьбогу низёшенько:

— Свет мой ясный, Тарх, сын Перуна! Меня силой увёз Бессмертный! Как день летний не может без солнышка, так и я не могу без тебя, мой свет, не могу я есть, не могу и спать! Выпей чару вина зелёного ты с великой тоски-досады!

Выпил чару Дажьбог — захотел ещё, наливал ещё — по другой горит. И напился с печали он дóпьяна и упал на Матушку-Землю.

— Велика власть Хмеля могучего! — рассмеялась Мара грозная и сказала Кащею слово:

— Ты, Бессмертный Кош, отсеки голову неразумному Даждю-богу!

Отвечал Бессмертный Маренушке:

— Как Дажьбог меня из пещеры спас, я ему обеща́л три вины простить. Это будет прощенье последнее. Коль сойдёмся мы ещё раз в бою, не уйдёт от меня Тарх Перунович!

Тут сходила Маренушка в кузницу и сковала она пять железных гвоздей, поднимала Дажьбога под пазухи, приносила к скалам Кавказским. И распяла на скалах бога. И забила в ногу железный гвоздь, и в другую вбила она другой, в руки белые вбила она по гвоздю, а последний гвоздь обронила. И в лицо ударила молотом — он облился горячей кровью.

Как была у Марены Свароговны Жива-Лебедь — сестра родная. Говорила она Сварогу:

— Дай прощенье и благословение полетать мне по тихим заводям и поплавать мне Белой Лебедью! Я хочу лететь к Царству Тёмному, погостить у родной сестрицы!

Дал прощенье Сварог Живе-Лебеди. Полетела она к Сарачинским горам — погостила там у сестрицы. Стала Лебедью Белой погуливать, по горам она стала полётывать и увидела бога распятого, молодого Тарха Перунича.

И сказала ему Лебедь белая:

— Молодой Дажьбог сын Перунович! Ты возьмёшь ли меня в замужество? Я спасу тебя от неверной жены, от Маренушки — верной Смерти!

И сказал Дажьбог сын Перунович:

— Я возьму тебя замуж, Лебёдушка, Жива, дочь Сварога небесного!

И тогда Свароговна Лебедью полетела в кузню небесную, доставала клещи железные, отдирала теми клещами от скалы Дажьбога могучего.

Уносила Дажьбога Лебёдушка далеко из Тёмного Царства к Алатырским горам в светлый Ирий.

Оживляла Дажьбога живой водой и лечила раны кровавые.

ЯРИЛА, ВОЛХ И ЛЕЛЯ

— Расскажи, Гамаюн птица вещая, как родился Ярила Гоудинович, как влюбился в Лелю прекрасную и как спорил он с Волхом Змеичем!
— Ничего не скрою, что ведаю...

Разгорались зори ясные, подымалось Солнце Красное... И у озера Светлоярова там знамение учинилось, чудо-чудное сотворилось. Белый Ландыш-цвет явился, он возрос и распустился, чтоб ему весь свет дивился...

А цветочком тем Белым Ландышем обернулся Велес сын Суревич. Дива Ландышу изумлялася и ко Ландышу наклонялася. Только тот цветок срывала, тотчас от него зачала.

Набухают весною почки, а потом цветы расцветают, а затем наступает срок, обращается в плод цветок. И пришла пора, и родился во лесах тех светлых Ярила — Солнца внук, сын Велеса с Дивой.

Под звездою счастливой Ярила родился и по радуге в путь пустился — над землёю дорожкой Солнца в лодке Лунной среди ясных звёзд. И летел за ним Алконост.

Слався Божьей Силой, светлый бог Ярила!

Ты весеннею силой полон! На головушке алых роз венки, а в руке ржаной колосок. Ты на белом коне — злата грива в огне в чисто полюшко выезжаешь, ясным соколом пролетаешь.

У Ярилы кудри качаются, скатным жемчугом рассыпаются. У Ярилы глаза ясна сокола, брови у него чёрна соболя, у него сапожки — зелёны сафьяны, шилом пяты, носы востры. Под

пята у него воробей влетит, у носочечка — хоть яйцо кати.

Только взглянет Ярила на молодца — и любовью тот обуян, и без хмеля хмелён, и без пива пьян. Коли взглянет на красну девицу — та как маковый цвет румянится, по любви её сердце мается.

Ну а если за плуг бог Ярила встаёт — в поле пашет, не устаёт. Рожью поле то засекает, урожай затем поджидает — а вокруг щебечут птицы, золотая рожь колосится. Силою колосья наливаются, зёрна в житницах умножаются!

* * *

Как к закату шло Красно Солнышко — да за те лесочки дремучие, да за те болота зыбучие, да за горушки те высокие, да за реченьки те широкие. И собирались тучи грозные, птицы по небу разлетелись, звери по лесу разбежались, рыбы по морю разметались. Из тех грозных туч — Финист вылетает, вслед за ним — Сварожичей стая.

Пролетел над морюшком синим и над горушками крутыми и спустился в чистое поле.

И увидел Вольга в поле пахаря. Пашет пахарь в поле, понукивает, и соха у него поскрипывает, лемешок по камням почиркивает.

Пни и корни пахарь вывёртывает, а каменья в бороздки валит. У него кобылка соловая — хвост до самой земли расстилается, грива колесом завивается. Гужики его все шелковые, у него и сошка кленовая, лемеха на сошке булатные, и присошек у сошки серебряный, а рогачик-то красна золота.

И сказал Вольга оратаю:

— Бог на помощь тебе, оратаюшко, да пахать и бороздки помётывать!

Отвечал ему оратаюшко:

— Пусть нам Род Рожанич поможет! Ты скажи, мощный бог, как тебя величать? Куда держишь путь в чистом полюшке?

Отвечал Вольга таковы слова:

— Порождён я Землёй Сырою и великим Индриком Дивичем, а зовут меня все — Вольгою, также Финистом Ясным Соколом! Еду я по велению матери брать с земель её дани-пошлины. Ай же ты, оратай-оратаюшко! Ты езжай со мной во товарищах!

И тогда оратай-оратаюшко гужи с сошки своей повыстегнул, и кобылку из сошечки вывернул. В поле сошку кленовую оставлял, а кобылу свою седлал. И поехали они по раздолью путь-дорожкой в чистом поле.

Говорил оратай таковы слова:

— Ай же ты, Вольга князь Сварожичей! Я оставил сошку в бороздочке — надо сошку с Сырой Земли выдернуть и земельку из лемеха вытряхнуть, бросить сошечку за ракитов куст — помощи, не сочти за труд!

И тогда Вольга, князь Сварожий, посылал дружину родовичей, чтобы сошку с бороздочки сдвинуть и за куст ракитов закинуть. Подъезжали они, чтоб ту сошечку взять, да не могут её даже приподнять. Лишь кругом её повернут, но с бороздочки не свернут.

Наезжал тут Вольга, ярый витязь, на ту сошечку в чистом поле, брался за неё он одною рукою и тянул её за собою. Только сошка та не ворохнулась и с земли ничуть не потрохнулась. Взял её он двумя руками и упёрся в землю ногами. За оглобельки сошку пытался вертеть, но не смог её одолеть.

Подъезжал к сохе оратаюшко. Он одною рукою ту сошечку брал и за куст ракитов бросал.

И езжали они путь-дорогою по раздолию в чистом поле. Оратаюшко плёткой машет, а кобылка под пахарем пляшет. У ратая кобылушка рысью бежит — следом Финист Сокол летит.

Подъезжал оратай ко зелёным лугам — травы на лугах поднимались, подъезжал к садам — расцветали сады, птицы певчие запевали.

Спрашивал Вольга бога-пахаря:

— Ай же ты, оратай-оратаюшко! Как, скажи, тебя прозывают? Как по батюшке и по матушке люди добрые величают?

Отвечал ему оратаюшко:

— Ай же ты, Вольга, князь Сварожий! Как посею весной в поле рожь я, а затем, когда лету край, соберу с полей урожай. Рожь ту в скирды складу и домой сволоку, дома вымолочу, крепко выколочу, — наварю я хмельного пива, созову гостей к себе живо. Гости станут ходить, будут есть и пить. Я на стол буду пиво ставить, — станут все Ярилушку славить: «Здравствуй ты, сын Велеса с Дивой! За здоровье твое, Ярила!»

Слово то Вольге полюбилось.

— Ой ты гой еси, бог Ярила! Кровь родная течёт в наших жилах! Значит, будешь и ты в светлом Ирии жить, чаши с пивушком подносить! Жалую тебя теремами, во небесной Сварге лугами!

* * *

И отнёс он Ярилу в Ирийский сад, и поставил его средь своих палат.

— Будет славен у нас каждый павший герой! Будет мёд, золото пиво — и пир горой!

Премладой же Ярилушка Дивович стал по гриднице той похаживать и кудрями златыми потряхивать. Златы кудрышки рассыпаются, словно скатный жемчуг катаются.

Засмотрелась Леля на Яра — помешался в ней светлый разум, очи ясные помутились и головушка закружилась.

И сказала такое слово мужу своему — Финист Соколу:

— Как же нам свет Ярилушку не полюбить? Мне пришло на ум предложить: пусть он будет в Ирии стольником — чтобы пивушко подносить, и постельником в нашем тереме — чтобы нам постели стелить...

Видит тут Финист Сокол — беда пришла, Яра отозвал от стола... Только как весну отворотить, как восход в закат обратить?

А и было то да по ранней весне — по той яркой весне, по весне-красне. Таяли на горках белые снежочки, убегали к синю морю быстры ручейки, зелена трава подымалась, первоцветами украшалась.

И по тем по талым снежочкам, да по первым белым цветочкам — то не белый зайчик

поскакивал и не горностайчик похаживал — то гулял Ярила Велесович. Он встречался с Лелей украдкою, говорил он ей речи сладкие:

— Юная Леля — в Ирѣ веселье! Сердцу ты мила — вешняя сила! Златой Сварги ключ — вздымай выше туч! Рдеет восток, как алый цветок, — и ты со мной вместе поёшь ныне песни...

Отвечала Лелюшка милая:

— Ах да как же мне, красной девице, без печали жить — сердцем не тужить. И любить мне нельзя добра молодца, и нельзя его не любить... Вздумаю про милого — не мил белый свет, я в луга убегу — и сорву первоцвет... Как по тем лугам зелёным всё мой миленький ходил, сердце ретивое деде подстрелил...

* * *

Как во Сварге небесной в Ирии чудесном — много теремов златоверхих, много алтарей заветных. Как во храме златом Солнца Красного там ходил Ярилушка — в звонарях, Леля — пела там на хорах. Финист-Сокол был там причетчиком, старостой во храме служил, славы Вышнему возносил.

А и было так, что Додолушка Дива, матушка молодого Ярилы, в храм к заутрене заходила. А за нею, как галицы, дивы влетели — сорок девиц-вилиц там одесную сели, величальные песни запели.

Только сбились они и мешаются и промежду собой улыбаются.

И спросила их мать Ярилы:

— Что же вы смешались, дивы?

И ответ держали черницы — красные душа-девицы:

— Потому не поём и мешаемся и промежду себя улыбаемся, что ведь нет меж нас величаль-

ницы — Лелюшки молодой запевальницы. Также с нами нет звонаря — нет Ярилушки будыря...

Как услышал то Финист Сокол — так пошёл он Лелю искать, вслед за ним — Ярилушки мать, стала Финиста утишать:

— Может, Лелюшке там неможется? Может быть, она Вышню молится?

А затем Летеница Дива — сына с Лелей в лесу находила и о муже предупредила...

И искал Финист Сокол Лелю — выходил он в чистое поле. Видит: во кустах веселье, Яр играет на свирели, а младая Леля пляшет и платочком белым машет...

Финист крикнул тогда в гнев Леле:

— Не довольно ли вам веселья? Время ли сейчас плясать! Время — Вышня прославлять! Что ж ты пляшешь под кустом с этим добрым молодцом?

Леля в ножки повалилась и пред Финистом винулась...

* * *

Финист Сокол тогда взревел — в Сварге синей гром взгремел:

— Пляску я твою прощу и домой тебя пущу... Но Ярилу не прощаю — и из Сварги изгоняю! Помоги, Мать Земля! Помоги мне, Дый! Был Ярилоу ты, сыном Дивы, стань ты зверем лесным — Зайцем Сивым!

Обернулся Ярило Зайцем, обернулся Вольга — серым Волком. Побежал за Зайчиком следом. Быстро Заяц холмы перескакивает, следом Волк едва поспевает. Добежали до речки Смородины, до того мосточка калинова.

Заяц Сивый прыгнул за речку, следом Волк побежал по мосточку. А вдоль берега речки Смо-

родины кости свалены человечьи, волны в реченьке той кипучие — и бурлят они, и клокочут!

Волны вдруг в реке взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжали тут ко Вольге — Велес Сурич и Буря Вила.

— Ай да полно тебе, Вольга, гнать во плюшке чистом Зайца! Уж мы съедемся, поратеемся и побореемся-поборатеемся!

То не горушки в поле сталкивались — то съезжался с Вольгою — Велес. Трое суток они ратовались — бились конными, бились пешими. Только видит Велес-Медведь, Волка — Финиста не одолеть.

Тут к ним Буря Яга подбежала и ошейник Вольге надевала. И садила Волка на цепь, чтоб ему в пещере сидеть — за семью ключами, за семью мечами...

— Здесь ты на цепи сидел, как страдал за всех людей, коих ты учил пахать, рожь во поле собирать. А теперь то дело Ярилы, он восстанет из могилы, — в землю он ушёл весной, встанет с рожью яровой! Ты ж сиди, покуда Леля за тобою не придёт, заиграет на свирели и замки все разомкнёт...

И затем еловою веточкой Велес-бог над Зайцем махнул и в Ярилу его обернул.

— Где был Заяц Сивый — Ярило встань! Встань зелёна ель впереди меня, а Ярило встань позади меня!

И по слову его всё свершилось, чудо-чудное сотворилось.

И теперь все бога Ярилушку раннею весной прославляют! Волха с Лелею поминают, Бурю с Велесом почитают!

ЯРИЛА, ЗИМЦЕРЛА И МОРИАН

— Расскажи, Гамаюн птица вещая, как Ярила жил в Китеж-граде, как похитил Зимцерлушку Суревну и как спорил он с Сивым Мором!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во тех лесах Светлояровых, в Китеж-граде том Велияровом звери дивные собегалися, ви́лы с лешими собиралися. Было в Китеже у них столование и великое пирование.

Гости мёдом лесным наедалися, пивом с тиною напивалися. А напившиися — порасхвастались. Кто и былью, а кто — небылицею. Хвастают русалки щучьей чешуёй, лешие кичатся жухлою листвою. Турушки — рогами и копытами, змеюшки — зубами ядовитыми.

Лишь один Ярила невесел, не поёт в застолюшке песен. Очи ясные свои долу опустил, буйную головушку ниже плеч склонил.

Велияр, премудрый отец, так сказал ему наконец:

— Ай же ты, сынок мой Ярилушка! Где же твоя удаль и силушка? Что же ты сидишь невесел, не поёшь весенних песен? Если мы не запоём, то Весну не призовём. Вечно будет вьюга злиться, коль не будем веселиться!

И тогда прислужницы-вилы так спросили у бога Ярилы:

— Ты скажи-ка, доложи-ка, что случилось, бог Ярила? Али место тебе не по разуму было, али чарой тебя обнесли, этим грусть-тоску навели?

Отвечал Ярила Гоудинович:

— А и место мне это по разуму было, да и чарушка с пивом не обходила. Только мне не

по разуму веселиться, а по разуму мне — жениться.

И спросил тогда государь:

— Ты скажи мне, сынок, дай ответ, — ты невесту сыскал, али нет?

И Ярила голову подымал, Велиярушке отвечал:

— Вот и вьюга метёт, ветер стонет, и в горах леса ветром клонит... Даже в солнечном Золотом краю нынче холодно средь зимы, и далече там до весны... И во том краю, где ныне по морю гуляют льдины, и где Солнце почивает, — Сурож-град зарёй блистает... Там у гор Ирийских дальних есть палатушки хрустальные. Дева там свою постель утром застилает, а подушки и перину вслед за тем взбивает. Потому снежинки пухом выются из её подушек — вьюгою-метелью над землёю белой... Ведь живёт там чудо-дева, дочь Земун и Ра — Зимцерла.

— Ай же ты, сынок любимый, полон ты любовной силы! Устремился ты всем сердцем в край тот Золотой! А берёшь ли ты, Ярила, золото с собой? Латы драгоценные, силушку военную — всех медведей, леших с вилами, и всех оборотней сильных?

Отвечал Велияру Ярила:

— Ай же ты, мой батюшка милый! Мне с собой не нужно брать — золотой казны, и лесные рати тоже не нужны! Золотом девицу не смогу купить, и любви девичьей боем не добыть!

— Что ж, тогда возьми с собой перстень золотой с силою святой! Если перстень сей с рубином к Солнцу вознесёшь — тотчас огненные стрелы с неба призовёшь!

Дар Ярила принимал и в дорогу поспешал, но промолвил под конец с ласкою ему отец:

— Мой сыночек, не спеши, ты ярлык сейчас пиши: о том добром деле — сватанье к Зимцерле.

Скорописчатый ярлык скоро был начертан, после запечатан китежградским перстнем. К сей печати Велияр руку приложил, а затем Ярилу в путь благословил.

В путь-дороженьку Ярила скоро снаряжался, и скорей того к невесте в Сурож-град добрался — к ледяным палатам, инеем покрытым, ко садам, заснеженным вьюгой снеговитой. С златогривого коня бог молодой спускался, и в палаты царские быстро поднимался. Кланялся Ярилушка на четыре стороны, Сурье-Ра — в особину.

— Здравствуй, Сурья, светлый бог! Славен зимний твой чертог!

Сурья гостя милого также привечал, и за стол сажал:

— Кто ты, гость любезный наш, из какой земли? Издалече ли тебя ветры принесли?

— Я из града Китежа — молодой Ярилушка! И пришёл о добром деле — свататься к Зимцерле!

Скорописчатый ярлык Сурье он подал. Тот печать срывал и ярлык читал. После извинился, гостю поклонился:

— Ай же ты, Ярилушка, где ж ты раньше был? Почему же прежде к нам не заходил? Нынче дочь просватана в землю ту Загорскую за царя заморского — Мориана Сивого, сильного, спесивого! Приплывёт он поутру в жёны её брать, из-за моря ледяного приведёт он рать на двенадцати ладьях, в чёрных кораблях.

— Ай ты Сурья — Солнце-бог наш! Коли дочь добром не дашь — силой заберу с собой, увезу Зимцерлу я княжею грозой!

И пошёл из gridsницы ярый бог Ярилушка. Шёл по светлым он сениям к золотым дверям. Открывал те двери смело, заходил к Зимцерле.

А Зимцерла там сидела с няньками своими, мамками санными. Всё сидела — песни пела, пела-волховала, золотом ширинку к свадьбе вышивала.

Любовалася девица в зеркальце заморское, что привёз в подарок ей Морин Загорский. И она ширинку ту как подарок сшила — Морину Сиве.

Огляделся тут Ярила в той чудесной горнице на четыре стороны. Видит: в голове девицы — белы лебедицы, а в ногах её — чёрны вороны!

Тут ширинка обратилась лютою змеей, поползла она с шипеньем через тот покой. Сжечь огнём Ярилушку та змея хотела, но её остановила юная Зимцерла:

— Ой ты лютая змея, пожалей огня! Я сама теперь с Ярилой буду говорить и его любить. Пусть же пламя внешнее полыхнёт в крови, и растаять мне придётся от его любви...

К ней Ярила подходил, речь такую говорил:

— Уж ты гой еси, Зимцерла! Дочь Земун и Солнца-Ра! Ты скорее одевайся, в путь-дорогу собирайся. Привести теперь тебя я в Китежград берусь на Святую Русь.

Няньки-мамки ей надели шубу соболиную, со подкладкою мягкою пуха лебединого. Как Зимцерлу облекли, так к Яриле подвели. И её за белы руки бог Ярила взял, в перстни золочёные жарко целовал. И повлёк из горницы, словно сокол горлицу.

А как он повёл девицу чрез отцову гридницу, так прекрасная Зимцерла во печали спела:

— Свет мой ясный, государы! Батюшка мой, Солнце-царь! Ты сумел меня взрастить, выпоить и накормить, только доченьку Зимцерлу замуж выдать не сумел ты! Потому теперь твой зять в ночь крадёт меня, как тать!

Сурья к дочке выходил, речь такую говорил:

— Пусть тогда Земун по небу повлечёт для вас телегу, полную добра — жемчуга и серебра! И то будет вам приданое, что собрали Мориану!

— Батюшка, иду я замуж за Ярилу ярого! Это же приданое нам теперь не надобно! Высыпайте вы его из телеги звёздной! Кончились морозы! Пусть сосульками растает всё это добро: жемчуг, серебро!

— Так и быть! Но ветры утром чёрные ладьи пригонят, и за вами Мориан снарядит погоню! А теперь от нас примите вы благословение! А затем ищите в Китеже спасение!

Тут Ярила за ворота деву выводил и на белого коня пред собой садил. И отправились они в дальний путь домой в Китеж-град святой.

И они по синю небу птицами летали, и по полю снежному зайцами бежали. И Зимцерла то и дело чрез плечо своё глядела: не бегут ли кони, не видать погони?

Не доехали до града — выбились из сил, и Ярилушка коня здесь остановил. И шатёр из белой ткани на холме разбил.

Здесь над Клязьмою рекой обрели покой юная Зимцерла и Ярила смелый. Вкруг ракитова куста скоро обвенчались, и под сенью сосен во шатре скрывались. Там невеста и жених на постель ложились, нежились, любились.

Таяла Зимцерла во объятых нежных, и с земли сходили насты белоснежные. А Ярилушка невесту жарко обнимал, в губы целовал.

* * *

А в ту порушку, на то времечко — матушка Земля всколебалась, сосны над шатром раскачались. И слетел с-под тучи Вран — Сивый Мориян!..

— Ай же ты Ярила Годинович, выходи ко мне из белá шатра! Будем биться мы до утра! Я тебя немедля убью, стужей лютою закую!

— Ай же ты, Ворона налётная, лютая Змея негодная! Хватит, как мороз, трещать, горюшко вещать! Там, где вешний снег сойдёт, расцветают вишни! И подмоги не дождёшься ты от силы Вышней!

Выскочил Ярила из бела шатра, бился с богом Сивым с ночи до утра. Сивый Мориан — Змеей лютой извивался, а Ярила — на коне пламенем взвивался.

То не два богатыря соезжались, не два сокола солетались. То сражались Весна со Зимой, бог Ярилушка со Змеей. Бил Ярила Змею огненным копьём, а Змея свивалася перед ним кольцом — напускала на Ярилу стужу ледовитую, вьюгу снеговитую.

Как тут ясная Заря занималася, Красно Солнышко подымалось... И Ярила возносил перстень свой заветный к зареву рассветному, чтобы с неба низошла ясная стрела и небесным пламенем ту Змею сожгла!

Он собрал в рубин волшебный с силушкой чудесной — нити солнечных лучей, отблески мечей. И пустил огонь — на Змею-выргонь!

Только вместо сей Змеи — Мориан предстал, к небу он воззвал:

— О наш Боже, Вышний Бог! Твой Закон небесный строг! Ежели с Ярилою жить теперь Зимцерле — то Весна-красна не наступит в срок! Зимцерла моя по Закону, сидеть ей со мною на троне! К Закону я обращаюсь, и перед Ним склоняюсь!

И тут стрела повернулась, от Мориана отвернулась, и пала Зимцерле на белую грудь!

Зимцерла тогда, как во сне, в святом небесном огне, будто вешний снег, таять стала, и рекла, пред тем, как пропала.

— Обернусь я сим утречком ранним — облачком в дыму и пламени... И прольюсь весенним дождём, протеку хрустальным ручьём... А потом я травой-муравой прорасту, розою-шиповником в чаще процвету... Пусть сорвёт ту розу мой милый, будет помнить меня до могилы...

Тут Ярилушка ко Зимцерле на крутую гору взбегал, и в огонь небесный вступал. Там искал Ярила Зимцерлу, но лишь облачко обнимал...

И, сгорая сам, провещал:

— Как взошёл я, как поднялся — да на горушку высокую... И с вершины оглядел я землю всю широкую... А сырая та земля — то постелюшка моя. А и камень Бел-горючий — изголовьюшко. А и жёлтые пески — моё телушко, скалы-валуны — мои косточки.

И узрел, сгорая, Ярила посреди сей крады-могилы, что не Клязьма течёт под горой, не туман ползёт над рекой, а клокочет там речка Смородина, и течёт в дыму лава огненная. И по той ли огненной речке души всё идут челове-чьи, вслед Зари Утреницы — чистые-святые, вслед Вечернице с Денницей — души тёмные.

А и тут свершилось чудо по-над Клязьмою-рекой на горе Ярилиной. Где стоял в огне Ярила — там теперь его могила.

По весне из крады той он летит домой, в Китеж-град святой. Возрождается в огне на своём коне и по небу мчит — Финистом летит.

А где Сивый Морин под горой стоял — появился там провал, где он и пропал. Там же, где в огне сгорела и растаяла Зимцерла, из горы печальной сей вытекал ручей.

И теперь весною ранней, в Ладень-день первоначальный, свадьбушки играют, — все тогда венчаются во ракиновых кустах на Ярилиных горах.

И тогда по велению Вышнего расцветают ракиты и вишни. И костры на горах зажигают, славы Вышнему воспевают! И Ярилу с Зимцерлою поминают!

ЯРИЛА И ЯРИНА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о Сиве — суровом боге, что Великий Потоп учинил. Как наслал он лютую Ламию, а Ярила её победил и Ярину освободил!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Пели люди Богу Всевышнему:

— Боже наш, Боже, за что эта кара? За что Сивый бог это нам учинил? Все нивы наши спалил и нас грозой подчинил?

И им Всевышний ответил:

— Ту кару не Сива вам учинил, а лютый Морриан Сивый! Он сжёг за то ваши нивы, что Вышнего вы не чтили и жертвы не приносили.

И вот *Сива-бог* от *Сиверных* гор ездил в горы те, где живёт Святогор. А на шее Сивого-бога — золотая цепь с черепами, и пояс увит венками — с могил живыми цветами. На запястьях не змеи — золотые браслеты, не глаза у змей — самоцветы.

И вот не коня лютый Сивый седлал, а Змея-Смока крылатого, во пламени пекла закланного. А в драконьих очах — камень-маргарит, и куда он глядит — всё огнём горит. И вот летит над землёй лютый Смок: из пасти ревет пламя-смага, идёт из ноздрей дым-смог.

Пролетел он море широкое, миновал и горы высокие. И на матушку-землю сошёл, и по чистому полю пошёл. Он от града шёл — и до града, от села — к селу огнищанскому, и пришёл ко столице царской: к Цареграду Святогора, жившему дотоль без горя.

И пускал он лютого Смока на посевы и на скотину, чтобы взять себе десятину: и от меры,

и от т́ука: есть мука́ — так будет му́ка! Чтобы пели Сиве славу, отдавали тук и сало!

И увидела это Друга — бога Сивого подруга и ему супруга. И мольбой она молила, мужа так просила:

— Много нив ты разорил и невинных душ сгубил! На людей за что лютуешь, им прощенье не даруешь?

И ответил ей лютый Сива:

— Огнищане меня забыли! В божий храм не знают ходу, вместо сурьи плещут воду! Богу не дают даров, потому я так суров!

И сошлись тогда семь вил, Святогорок-самовил: и сама Златогорushка Майя, Меря и Ярина Тайя, Ася и Алина, Лина и Эльвина. Тут все семь дочерей Плеяны жертвы Сиве приносили, Другу все превозносили.

И молили Сиву... А затем и Живу, чтоб та вила в мире горнем, также как Плеянки в дольном, сурью подносила Мориану Сиве!

И вот сел Сивый-бог на Белом Хвангуре, а с ним рядом — крыница с сурьей. И бьёт из крыницы сей сильный огонь с земли до самого неба, чтобы было в полях много хлеба, чтобы лился дождь на поля, чтобы тучною стала земля.

И служила Сивому Жива — перед ним заступница наша, у неё в руках — злата чаша. Подавала та Живушка чашу. Сива пил и лил сурину на поля и на долины. А где капли ниспадали, там колосья возрастали.

Как плеснёт бог Сива суриной по полям и по долинам — всё растёт, живёт, зеленеет и цветы в садах цветут — богу Сиве дары дают. Также Живу все почитают, бога Чёрного проклинают.

Было так, что Кащей Бессмертного, обращённого Чёрным Идолом, Вышний Крышень заковал, под землёй замуровал. Только Тарх Дажьбог в тех пещерах ходил и темницу его ненароком разбил! Сам не ведая как, но врага отпустил!

Потому-то Кащей стал драконом, а потом, взлетев выше туч, опустился средь горных круч. И прошёл Кащей по ущельям, а затем забирался в щели. И по щелям тропой неторной переполз Змеей в мир подгорный, где под Белым Хвангуром — Чёрный! И воссел он на чёрном троне, словно во гнезде вороньем!

И ему Марена служила, злату чашу с вином подносила. Пил ту чашу Кащей и вино отливал, потому суховея на поля налетал. А где падали капли вина от пречёрного винограда, там поля побивало от града.

И оставили люди храмы, перестали жертвы дарить, Рода-Вышнего благодарить. Нечего-де есть и пить, нечем требы нам творить! Лучше о богах забыть, будем-де мы лучше сами во пещерах жить!

Видит снова лютый Сива: льют в златую чашу Живы не медовую сурицу, а обычную водицу! И венков не вяют, песен не поют!

И тогда на Белый Хвангур тучи чёрные сошли, частый дождик принесли. Молнии сверкнули в тучах и ударил гром гремучий.

И дракона седлал лютый Сива, был он грозен, силен и мудр, и слетел на Чёрный Хвангур. Выпил сурьи из Турьего рога и ударил мечом Чернобога.

Говорил ему Чернобог:

— Ты ещё ударь, Сивый бог!

Сива вновь его ударял... Только смотрит: Кашей пропал! Вот он был, а вот его нет, не оставил он даже след! Только ветер чуть пахнул, Сивый бог его вдохнул... И тотчас как

будто лёд бога Сивого обжѣг, и огонь заледенил и водою иссушил!

И тотчас Сивый сам сел на троне, словно во гнезде вороньем. И ему Марена служила, злату чашу ему подносила и вином её наполняла — Чёрным богом его величала!

— Трон к тебе перешѣл, Сивый бог! Будешь ты теперь — Чернобог! По закону высшему Праву, стал ты Мором — Владыкой Нави! В Нави ты теперь Кащей! Я же буду — Другой твоей! Я — Марена, а ты — Мориан! Я — Ворона, а ты — Вран!

Друга плакала-причитала, в Нави Сивого бога искала:

— Как во сей сторонушке чёрной грают на дубах чёрны вороны... Нету мне ни сна ни покоя, обмерло сердечко ретивое... Слёзы горькие мои, как обильная роса, словно туча дождит в тёмных небесах... Не убавить мне горя-кручинушки, так печальна моя судьбинушка... Потеряла я свет из ясных очей, не сыскать мне дролюшку во сторонке сей...

Вслед за матушкой в ночь — шла и Ламия-дочь:

— Где же ты, мой батюшка милый?.. Ты в какой сокрылся могиле?.. Ягодка твоя я горегореванная, горькими слезами вся я зареванная... Как зашѣл-закатился мой батюшка ласковый, словно за горы Солнышко Ясное...

И дошли они до границы, где Смородинка-речка струится... Там Маренушка их встречала, чашу им вина наливала: по краям её — всё огонь горит, а на донышке — там змея лежит.

Как ходила в лес девица, та Маренушка-юдица — там коренья злые рыла, на горе

крутой сушила, в ступке их затем толкла, ситечком просеяла. А затем с вином мешала, гостям в чашу подливала.

И притом вещала:

— Тот не вступит а царство наше, кто не вкусит Смерти чашу!

Друга с Ламией напились и тотчас же обратились: Друга обернулась львицей с крыльями юдицы, Ламья — лютой драконицей с мордою волчицы.

* * *

Высока ли высота поднебесная, глубока глубота океан-море, широко раздолье по всей земле — чужден Бел-горюч Алатырь, страшен Чёрный камень Марабель.

А и было так при царе Святогоре, да и при Велияре Сивобородом. Велияра тень — Сивый-бог в беззаконство всех увлѣк. И теперь уж не ведают старцы почѣт, сын родного отца в суд неправый влечѣт, брат пошѣл с мечом на брата и с сестрой живѣт в разврате! В храмах люди льют беспечно кровь не агнцев — чело-вѣчью!

И настали тут лютые годы, за бедой поспешают невзгоды. Снова Сивый-бог по земле разгуляться дал Змее: крылья Ламьи — драконицы, морда — будто у волчицы, а ножища — что лыжища, как у борова — нос, как у крокодила — хвост.

И топтать стала Чёрная Ламья поля, застонала тогда Мать Сырая Земля... И пошла драконица от града до града, не встречая себе преграды.

И в ту порушку, да на то времечко о беде той порхнула весточка за Смородинку речку быструю, да за горы те Сарачинские, за поля и лес сей дикий прямо в Китеж-град Великий...

Из далече, из чиста полюшка, где гуляет ветер на волюшке, во угодыя те лебединые выезжал Ярила Гоудинович.

Ездил он в чистом поле три годушка — ни гуся не убил, ни лебедушку, всё искал с кем в бой ввязаться, в чистом поле порататься. Только нет ему силой равного, витязя под небом славного.

И поехал он да по чисту полюшку, по широкому да по раздольюшку... Вот стоит пред ним дуб покляпистый — дупловатый и сучковатистый. А на дубе том — вран, птица вещая, голосом вещает человечьим:

— Ой ты гой еси, бог Ярилушка! Будут славны твои дух и силушка! Ты в меня стрелой не бей, кровь на дуб сырой не лей! В чистом поле пух не развеивай, не разбрасывай чёрны перья! Славный ты Ярила Гоудинович, расскажу я тебе диво-дивушко!

— Коль не сам ты Морин — молви мне всю правду, вран!

— Знай, Ярила — светлый бог! Скоро низойдёт Потоп! Круг небес перевернулся, Сивый Морин вернулся! Поезжай ты в чисто поле, а затем скачи за море. Там в лесах есть ветроград — Велияра Китеж-град! Ты езжай скорей к отцу, Велияру-мудрецу, — он поведает как быть, как же ту беду изжить...

* * *

И поехал он к граду Китежу, где явился Ярила — покидышем*. Был медведицей вскормлен в берлоге, во заросшем дубами лого. Ибо

* Покинутое в лесу дитя, вскормленное зверем.

Дива к Перуну тогда возвратилась, а отец Велияр впал в немилость.

Но теперь вновь царит в граде сём Велияр — повелитель великих чар. У него пир горой и всё радуется взор. И Ярила явился на княжецкий двор — к башне Семиверхой и ко гридне светлой.

Сына Велияр встречал, чашу сурьи наливал:

— Знай, покуда ты рос, бог Ярила, а зимой спал медведем в берлоге-могиле, — в Ра-реке вода замутилась, Солнце Красное закатилось! И два брата мои, боги Валья и Вритья, — те, что Паном украдены были, богу Вию верно служили, — перекрыли источники вод, и тогда осерчал на них Род! И послал против Вия — сварожичей, дивов, также бармичей многосильных! Я же в битву ту не вступал, внука Даждя я задержал: к дубу привязал, чтоб он переждал. Только тень я отпустил на подмогу Диву — Мориана Сиву.

— Значит, Сивыч, что всех злей, — тенью был досель твоей?

— Тень, отброшенная мной, что топтал досель стопой, тайно в ночь сбежала — и от гнева Бармы вдруг живою стала. С мощью Чёрного слилась — обрела над миром власть!

— Как же Тень ту победить, бога Чёрного сразить?

— Тарх Дажьбог в поход собрался, в битву с Чёрным он ввязался... Захватил он гору Сивы, стал супругом вилы Живы... Но чтоб врага убить, должен он Яйцо разбить. Коль его он разобьёт, в Нави Чёрный трон падёт! Сине море всколыхнётся и повсюду разольётся. И придётся нам опять мир погибший возрождать...

— А возможно ль зло повергнуть, мир при сём не ввергнув в бездну?

— Не избегнуть перемен, коль повсюду в мире тлен. Люди знаньем возгордились и пути их извратились... Вышний на людей серчал — камень Марабель послал, дабы Святогору обратиться в гору. Камень Финист принесёт, лишь Семаргл теперь спасёт Святогора дочерей, сохранив тем род людей.

И сказал Ярилушка:

— Знать моя судьбинушка — биться с Навскою ордой, как воюет Солнце с мглой! Ты меня теперьпусти и на бой благослови.

Велияр егопустил и на бой благословил, и в дорогу дальнюю дар ему вручил:

— Ты возьми мою свирель, ведь её чудесна трель: злые чары одолеет, лихо и печаль развеет! Знай, что со свирелью сей станешь Ламии сильнее!

* * *

И вот наступили те Лютые годы — пришли Великие воды!

И был обращён горой Святогор. Затем вновь напасть от Хвангурских гор — явилась лютая Ламья, из пасти извергнув пламя.

И так она говорила, так Цареграду грозила:

— Для Сивы жертв не жалейте! На требах кровушку лейте! Чтоб море от стен отступило и город не затопило!

И люди давали скотину драконице Чёрной Ламье, чтоб море не наступало... И вот уж скота у них не осталось, а беды всё умножались...

Тогда они собирались в дворце царя Святогора и жребий метали в горе: кому идти на съеденье, дракону на угощенье?

Тот жребий пал на Ярину, вещая злую судьбину.

— Теперь собирайся скорёшенько и умывайся белёшенько. Венком главу украшай и к синю морю ступай. Тебя там златою цепью тотчас прикуют к скале, а после оставят жертовой одну в предрассветной мгле.

И встала она скорёшенько, умылась она белёшенько, и к морюшку отправлялась, и вскоре там оказалась — к скале её приковали, и вот — одну оставляли.

Яринушка причитала и горьки слёзы роняла, а после Вышня молила, и Велияра с Ярилой, чтоб те на помощь пришли, от смерти её спасли.

Услышал Вышний моление и снизошёл в умилении, — послал на помощь Ярилу спасти младую Ярину.

Явился тотчас Ярила на белокрылом коне — золотая грива в огне. И у Золотого града — великого Цареграда узрел он деву младую в цепях и едва живую. Стал деву он утешать и на свирели играть. Как только Ярила запел, заиграл, — тотчас скалу всколыхал. Все цепи с девы спадали, и слёзы её высыхали.

Спросил тогда бог Ярила:

— Скажи мне, дева Ярина, а где же сыскать мне ту Ламию люту, что сеет повсюду смуту?

Рекла та дева Яриле:

— Скорее спасайся, милый! Ведь скоро та Ламия прилетит, и нас немедля спалит!

Но бог успокоил Яринушку:

— А ты не бойся судьбинушки, младая ты чаровница! Ты любя мне, голубица! Уздой коня придержи, и в сине море смотри. А я перед

боем посплю-подремлю и силушки накоплю... Но только во морюшке волны взбушуют и сильный ветер задует, — слетит с гор лютая Ламия, из пасти извергнув пламя. Меня ты тотчас на бой призови — от сладка сна пробуди!

Сказал так Ярила, а сам уснул и веки свои сомкнул...

Но вдруг всколыхалось морюшко синее, задули ветрушки сильные. Слетела с Хвангура — та Чёрная Ламия, из пасти извергнув пламя.

И как летела над Цареградом та драконица могучая — кричала во тёмных тучах:

— Сегодня разрушу город! Придут к вам лихо и голод! Перед Сивой вы провинились, напрасно вы возгордились!

Спускалась Ламия к морю... Ярина в великом горе, заплакала, зарыдала — будить Ярилушку стала. Но он всё спит — не проснётся и даже не ворохнётся...

И тут скатилась слезиночка жгучая на щёку Ярилы могучего. От жгучей слезы пробудился Ярила, взнуздal коня белогривого.

— Послушай-ка, Чёрная Ламия! Не хватит ли пыхать пламенем? Ведь ты пшеницу спалила, что Жива прежде взрастила!

Но так Ярилушке отвечала та лютая драконица:

— Да, Живою выращена пшеница! Да только ту Живушку не почитали, венком её не венчали!

И тут Яринушка красная дева в печали стала рыдать — Ярила же начал её утешать, и вдруг ему мысль запала на дудочке заиграть.

Но только та дудочка заиграла и песнь её зазвучала, — змея стала виться, кругами ле-

тая, от пляски той ослабевая... И вскоре силы лишилась, и, пав на землю, разбилась.

Ярила свой меч золотой вынимал и ту змею рассекал — мечом заклятье снимал.

И тут из шей её истекли три речки кровушки ясной. Из тела же вышла она сама — вновь девицею прекрасной.

Из шеи одной — потекло вино, из шеи второй — пшеница, из третьей шеюшки — молоко, — все требушки драконицы. А Ламья сама, словно встала от сна, от чар Марены спасённая, мечом на свет возродённая.

И так она возгласила:

— Ты славен будешь, Ярила! И путь твой с младой Яриной лежит теперь в светлый Ирий! Лишь море начнёт отступать — вы станете свадьбу играть.

И рёк Ярине Ярилушка:

— Ступай со мной, голубинушка! Всевышний теперь даст нам новый завет — за тьмой воссияет свет!

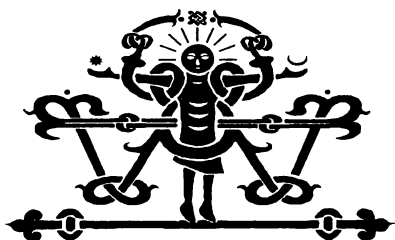
Он ласково за ручку брал Яринушку прекрасную, ступал по крови ясной... Но тут ненадолго пришлось задержаться — ведь морюшко стало везде разливаться. То кровь из шеюшек Ламии потоками вытекала и им пройти не давала.

Тут поднял Ярила златую свирель — и всюду разлилась трель. И только он стал на свирели играть, как реченьки начали высыхать. И только те реченьки высыхали, Ярила с Яриною их миновали.

И вышли они к Цареграду, зашли за его ограду. И стали они свой корабль снаряжать, чтобы потоп переждать. А после поплыли со Святогорками — в Святые Ирийские горы. По морю поплыли, затем среди звёзд — так пел о том Алконост!

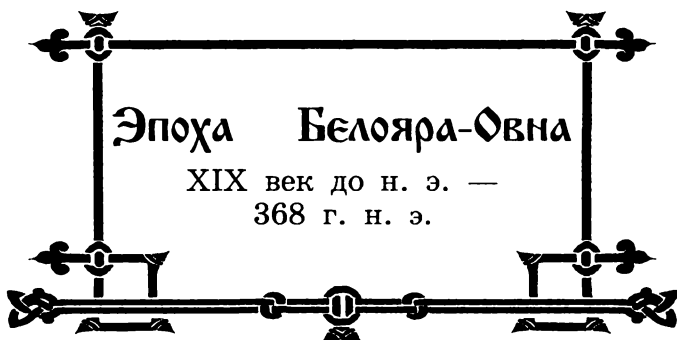
И там во пресветлом Ирии женились Ярила с Яриною. Ярилы лик — Солнце Красное, Яринушки — будто Месяц, сестрицы её — часты звёздушки, Плеянушки-Святогорушки. И все на той свадьбе плясали и молодых величали.

И теперь все Ярилушке славу поют, почитают младую Ярину! Требы воздают — Ламье с Сивой, а цветы несут — Друге с Живой!

XII

ВЕДА БЕЛОЯРА

БИТВА ТРЁХ РОДОВ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как из Сварги похитили звёздных коров. Как Сварог созывал силы Ирия! Расскажи и о распре на Ра-реке, что прозвали Битвой Трёх Родов!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Думы строгие мои, песни долгие... Вейтесь вы чрез реки широкие, вейтесь через горы высокие. Там по горушкам, по дорожущам скачут турицы златорогие.

Поперёд-то стада туриного там бежит Земунушка Родовна. Рожки у Земун — красна зóлота, а копытушки — бела сéребра, шерсть унизана скатным жемчугом. Ест траву Земун и даёт молоко, и течёт молоко по небесному своду, и сияет частыми звёздами.

Скачут за Земун её детушки: Амалфея, Дана, Волыня — златорогие звёздные турицы. Рождены́ они Родом-батюшкой и Земунушкой-богородицей.

И ступали те млады турицы всё по травушке да муравушке. И от морюшка шли до моря, и от края небес до края.

— Ты куда бежишь, свет Земунушка, с молодыми своими детками?

— Мы бежим-спешим к Белым водушкам да ко Камешку Алатырскому. Обойдём вокруг Камня Белого, в белы водушки окунёмся — в красных девушек обернёмся.

Думы строгие мои, песни долгие... Вейтесь вы чрез реки широкие, вейтесь через горы

высокие. Там по гóрушкам, по дорóжушкам скачут турицы златорогие.

— Ой вы, турицы златорогие! Отвечайте по чести, по совести — где вы побыли, погуляли где? И какое вы чудо видели?

— Ой, мы видели чудо-чудное... Как в своей златой колеснице пролетал бог Ра — Солнце Красное. Он к нам руки-лучи со небес прости-рал, и ласкал нас, и обнимал...

Много ль, мало ль мíнуло времени — за́ча-ли от Солнышка турицы. И родíла Амелфа — Велеса. Дана — братьев Валью и Вритью. А Воляня родíла Хорса.

Как у внуков Земунушки Родовны волосы горят красным золотом, ноги — в серебре по коленочки. И зажат в правой рученьке каждо-го — Синь-горючий Камень Алатырь.

* * *

А в глубоком Подземном царстве Вий Седу-нич с Паном похаживал. Говорил сыну Вий:

— Пан могучий! Сделай ход из чрева земно-го, с дымом — подымись в мир небесный! Ты затми, Пан, Красное Солнце! Укради-ка ты стадо звёздное!

Распалил огонь козлоногий Пан и прожёт проход в поднебесный мир там, где встали Па-новы горы. И затмил собой Солнце Красное, и угнал с небес стадо звёздное. И похитил из ко-лыбели также братьев — Валью и Вритью.

И пригнал их Пан в царство Виево. Вий тех братьев усыновил. Чтоб забыли о Ра-Родителе, память Предка в них усыпил.

И Земун тогда опечалилась — обмелели реки молочные. Погрузилась Земля во тьму. И

с небес пошли не дожди — повалился пепел горячий. Запрудил тогда Вритья реки, Валья проглотил Солнце Красное.

Нет воды для зверя рысучего, нет воды для птицы летучей! Оскудела тогда Мать Сыра Земля... стали рыскать по ней звери лютые, волки хищные и медведи, стали красть у людей скотину...

За горою крутой и за Ра-рекой расшумелись леса дремучие. В тех лесах дремучих костры загорелись и огни вспыхнули горячие. Вкруг огней тех люди собирались, к небесам они обращались:

— Ты, Семаргл-Огнебог, воспылай до небес! Передай Перуну Сварожичу и Дажьбогу, Барме и Индрику — славу нашу, Семаргл могучий!

— Ты, Сварог небесный! Пошли сынов в службу дальнюю, многотрудную! Сокрушите Осла, вы, ревущего! Улетит пусть зловещей птицей далеко от Дерева ветер!

И прорёк Сварог, царь небесный:

— Отправляйтесь, боги, на поиски! Отыщите рождённых Даной! Возвратите стадо ирийское!

Взвился бог Семаргл сын Сварожич закружился огненным вихрем.

— Мы отыщем звёздное стадо!

И вскочили тут на коней крылатых Дажь с Перуном — боги Ирийские. Также Барма великий — владыка молитв. Также Индрик могучий, сын Дивного Дыя. И пошли с богами их роды, — все ясуни, бармы и дивы!

И пошли за Волгу — Великую Ра! На богах — кольчуги булатные, на руках — золотые пластины, на плечах — медвежьи шкуры, а в руках —

мечи и секиры. Словно птицы, раскинув крылья, полетели к битве ясуни!

Прилетели боги к Великой Ра, да ко тем лесам Светлояровым, за которыми — горы Пановы.

И сказал тогда Тарх Дажьбог:

— Нужно нам великого Велеса звать на битву с Вием и Паном! Он мне будет дед! Да и Пан украл — дочь его, Поману, сестру Роси!

И ответил ему батюшка Перун:

— Мы с тобой проведем Сурича! Зазовём его мы на славный бой!

И тогда Дажь-бог обернулся — Гамаюном, волшебной птицею. Полетел во тот Светлояров лес ко Великому Китеж-граду.

Под окошечко сел косящето, где беседовал царь с царицей: Велес Суревич с Вилой Сидой.

— Этой ночью, — сказал Велес Суревич, — приходили к нам Карна с Желею, пламя мы-кая в роге огненном! Знать, идут сюда боги Сварги — с родом Виевым ратоваться! Будут биться они против Вальи и Вритьи — милых братьев, обманутых Вием! Против дочки нашей Поманы, что похитил великий Пан! Также против Лутони-бога, что родили Пан и Помана! Могут сгинуть в огне ветви нашего рода — по вине Вия с Паном и воле Сварога!

Вила Сидушка прорекла в ответ:

— Мы должны на ту битву родных не пускать, чтобы кровь свою защитить! Мы напустим на них жажду, голод и сон, а еду заколдуем и питье зачаруем... Китавраула мы призовём. Пусть волшебник глаза тем богам отведёт — и родных от смерти спасёт!

А Дажьбог-Гамаюн под окошечком то, что Сиды сказала, — запомнил всё. И к отцу он снова вернулся, и опять собой обернулся.

И подъехали Дажь с Перуном ко тому Светлоярову озеру. Видят — вот золотая лодочка. Китаврл на ней — перевозчиком. Возит он гостей на ту сторону ко Великому Китеж-граду.

А уж как та лодка украшена, — и чеканкою, и резьбою. Нос-корма у ней позолочены, рытым бархатом обколоты. И в той лодочке — будто дивный рай, кипарисовый, виноградный сад. Там цветы цветут, птицы песнь поют. И столы там убраны яствами, рядышком — кровати тесовые.

Китаврл на ладью-ту гостей проводил и усаживал за столы. Предлагал им выпить напитков и откусать золотые яблочки.

Отвалила ладья Китаврлова и поплыла по Светлояру ко Великому Китеж-граду.

Вдруг то озеро обернулось во туманушке — океаном. Берег китежский стал вдруг островом, прозывающимся Буяном: там и дуб растёт коренистый, рядом — ёлочка щепотиста.

Как на дубе том висит цепь золотая, кот Баюн по ней важно ступает. Как направо пойдёт — сказку скажет, а налево — песнь запоёт. А по ёлочке той — скачет белочка, что золотые орехи грызёт, изумруды лущит, вынимает и в шкатулочки их кладёт.

И садились боги за золотые столы — на скамьи, за камчатые скатерти. Слово молвил тогда бог Перунушка:

— Наливайте-ка нам напитков!

Тарх Дажьбог отца отговаривал, только тот его не послушал. Как наелся он и напилися — тотчас на кровать повалился. И тогда Дажьбог питья выливал, и мечом столы разрубал.

И тотчас ладья Китаврulloва приставала к причалам Китежа. И пошёл Дажьбог ко златым вратам. Входит в город. Вокруг — терема, белокаменные дома. Мостовые устланы золотом и камнями самоцветными.

Доходил Дажьбог до реки, за которой чудесный замок — на семи ветрах о семи шатрах.

Видит: радужный мост пред собою. И пошёл Дажьбог по тому мосту к Семиверхому замку Велеса.

Как пришёл, явились пред ним — Велес Суревич с Вилой Сидой.

Обратился Дажьбог ко хозяевам:

— Велес Суревич, сын Амелфы! Ты примкни к дружине Сваро́говой! Ведь в твоей могучей деснице — полнота есть силы державной! Если б мы потянули вместе братский плуг в порыве едином, то тогда никакая сила не смогла бы с нами поспорить!

Отвечал Перуничу Велес:

— Нет, сражаться с родною кровью — не пристало мне, сын Перуна! И скажу ещё: меч не скован, не отточено то железо, что моих одолеет братьев — сыновей великого Сурьи!

И тогда Дажьбог, сын Перуна, вынимал изостренный меч. И сошлись тотчас в рукопашную Велес буйный и Тарх Дажьбог.

Как они боролись-братались — содрогалась Мать Сыра Земля, расплескалось и море синее, приклонились все дубравы.

И воскликнул Велес сын Сурьи:

— Помоги-ка мне, Вила Сиды, образумить сына Перуна!

Подскочила к ним Вила Сиды, и хватала за кудрышки Даждя. И сбивала на Землю Сырую его. И тогда они привязали — Даждя цепью златою к дубу.

— Вот теперь ты будешь, Перунич, песни петь нам, как Гамаюн! Или вечером сказки сказывать, как любимец наш — кот Баюн!

И воскликнул тогда Тарх Перунович, и по небу гром раскатился:

— Ты проснись-пробудись, грозный батюшка! Помоги-ка мне, бог Перун!

Мало времени миновало — разгулялась непогодушка, туча грозная поднималась. Шла та туча грозная на горы — горы с тучи той порастрескались, и на камешки раскатились. Подходила к лесам — приклонились леса, разбежались в лесах звери лютые. Становилась туча над морем — море синее расходилось, разметались в нём рыбы быстрые.

Из-под той-то грозной тученьки со громами, огнями сверкучими прилетел Орёл сизокрылый. Стал летать Орёл, клекотать в небесах:

— Почему приковали Тарха? Почему его привязали? Из-за Велеса — сына Сурьи, из-за Сиды — дочери Рода!

Не взлюбилась та речь буйну Велесу, он выскакивал на широкий луг. Лук тугой снимал с своего плеча, брал калёну стрелу у Дажьбога, направлял стрелу в птицу вещую. А Дажьбог у сырого дуба, глядя на стрелу, приговаривал:

— Слушай, батюшка лук! Ты, калёна стрела, — не пади ты ни в воду, ни на́ гору, не пади в дуб сырой и в сизо́го Орла — попади-ка в грудь буйна Велеса!

Не попала стрела ни на гору, ни в воду, не попала стрела в дуб сырой и в Орла — повернулась в грудь буйного Велеса, сбила с ног она бога грозного.

И тогда Орёл сизокрылый обернулся снова в Перуна. И послал Перун громовую стрелу — и разбился сырой дуб на щепочки. И спадали тогда цепи тяжкие вниз на землю с Тарха Дажьбога.

И сказал Перун буйну Велесу:

— Я тебя, грозный Велес, Коровы сын, уничтожу и не помилую!

— Не найдешь ты меня, — Велес так отвечал. — От тебя я сумею упрятаться! Вот идёт человек — стану тенью его, ничего ты со мною не сделаешь!

— Я убью человека, его я прощу, но тебя затем не помилую!

— Тогда я — под коня! Не отыщешь меня! — отвечал ему Велес, Коровы сын.

— И коня я забью, и тебя погублю, погублю тебя, не помилую!

— Я запрячусь в дупло, там спокойно, тепло — ничего ты со мною не сделаешь!

— Я тот дуб расщеплю и тебя отыщу — я найду тебя, не помилую!

И тогда бог Велес сын Суревич руку с перстеном ввысь подымал, перст свой к небесам воздымал. А в том перстне — Рубин Сокровения, что добыт в пещере у Родника — у источника Возрождения.

И когда ударила молния в тот великий Рубин Сокровения — вмиг растаяло наваждение.

Вдруг исчез и сам Китеж-град святой с Семиверхой башней Златой. И пропал вокруг океан, сгинул чудный остров Буян.

И увидел Перун сын Сварожич вместе с сыном Тархом Дажьбогом, что вокруг лишь лес Светлояров — травушка вокруг чуть трепещет, озерцо синей гладью блещет...

Так Перунушка со Дажьбогом Китеж-град в лесу не нашли и ни с чем обратно пошли, да в дубравушках заблудились и к сражению припозднились.

А Семаргл, Барма и Индрик подъезжали к Пановым кряжам. Где течёт Великая Ра-река, и в неё впадает Ока.

Барма — бог сладкозвучный, поэт из поэтов, начал петь, восхваляя Сваргу, проклиная Пана и Вия. И по зову Бармы, царя молить, Сивый Мориан появился. Вслед за Сивой явились — Рудые. Собралось великое воинство!

И искали боги могучие всех коров, украденных Паном. И слышали их мычанье.

Видят боги — у Камня горячего реки запрудил мощный Вритья. Сила Вритьи возбуждена, охватил его жар подземный, преградивши собою воды, он лежит на дне Подвселенной.

Подъезжал к нему мощный Индрик на могучем Единороге. Змей шипел, как в пьяном угаре:

— Я тебя, Индрик-бог, вызываю на бой! Я тебя, мощный Индрик, с конём проглочу!

Но ему не ответил Индрик, распалённый гневом и хмелем.

Колдовать тут начала Дана. Напустила она тучи тёмные, град, и гром, и грозные молнии. И во тьме надвинулся Вритья, в рог ударил Единорогу. И тогда колдовскою силой Индрик-бог обратился в волос. Вритья бил по тонкому волосу.

Поднял палицу мощный Индрик — содрогнулось всё поднебесье, как разбил он голову Вритьи. Будто сук, секирой обрубленный, Змей упал на Матушку Землю.

Вол хотел победить Быка, но сразил его мощный Индрик. Он — безногий, бесплечий, безрукий победить хотел Индрик-бога! Погрузился он в долгий мрак — тот, кому был сам Индрик враг!

Индрик чары Даны разрушил. И поникла Данушка Родовна. И на сына она упала, и прикрывала его собою. Сверху Дана-мать, снизу сын — так лежат Корова с Телёнком.

И ударил палицей Индрик. И поверг он лютого Вритью, обуздавшего все потоки. И поверг он Дану Земуновну. И столкнул их бог со Великой Ра — и все воды ринулись в море.

О, кого испугался Индрик? Что за страх проник в сердце бога? Почему, в Орла обратившись, улетел он от тела Вритьи? Он увидел Месть — Волка Огненного, пересекавшего путь Орла.

Вот была задача нелёгкая у Семаргла и бога Бармы — отыскать уведённых Паном всех родных дочерей Земун. Видит Барма: в Синий Валун обернулся сын Волги-Ра.

Слышит Барма: мычат коровы под Великою той горой. К ним свой голос добавил Барма — с Сивой, Рудыми и Семарглом.

Испугался тут мощный Валья, побежал он от громкой песни, но, богов увидевши, — замер. Лёг горою, не уклоняясь.

И тогда бог Индрик могучий, рогом мощным Единорога проломил великий Валун. Словно Дятел, кору пробивший, он разбил преградушки Вальи.

Барма-бог молитвой раскрыл Валун, пробуравил своею силой. А Семаргл ударил секирой — и Крыница в Камне раскрылась.

И родился тогда в Крынице, что струила волшебный мёд, сам премудрый Квасура-бог.

И съезжались к той Крынице грозные цари и царевичи, вслед за ними — князи́ и князевичи, приходили волхвы многомудрые. Все в Крынице чёрпали мёд. Пили все медовую сурью.

И открыли они врата́, и вошли волхвы в подземелье. И нашли в пещере сокрытой — тот Огонь, что светит во тьме. И, раскрыв глубокие тайны, стали ведать те мудрецы: это Пламя поэтам не чуждо, ими тот Огонь разожжён.

Вот лежит великий Валун, порождённый силою Вальи. У подножия той горы там лежит поверженный Вритья.

И тогда великая туча обложила гору печальную, и рыдала чёрным дождём над сынами матушки Даны... И сверкнула молния в туче, как великий Огненный Всадник проплывал над сею горой.

— Се Закон! Исполнен Закон! — прокатилось в горней выси.

И тогда печальные паны вереницею вышли из недр горы. Приклонили они колени.

И глава их к небу поднял — Ключ Златой от Врат Сокровенья. Этот Ключ стал платой за жизнь Вальи с Вритьей и их заключенье.

Так за теми Вратами Тайны заключили Валью и Вритью. Заключили их не на годы, заключили не на столетья, а на долгие тысячелетья....

Видя поле, кровью залитое и засеянное косями, видя заключение братьев, — тяжелой скорбью сердце исполнилось у великого сына Сурьи. И в тоске-печали глубокой молвил он тогда Виле Сиде:

— Первоцветы счастливых лет на моих лужочках увяли! И с весенних ласковых пастбищ всех теляток-братцев угнали! Словно дуб, пораженный молнией в самую свою сердцевину, оказался я одиноким без друзей и братьев любимых!

И сказала так Вила Сиде:

— Солнце деток уж не увидит, красных дней они не дождутся... Оттого в лесочке тоскует, и считает их дни кукушка... И рыдает ночь напролёт соловей о минувшем счастье, и черёмуха осыпается, ибо будет опять ненастье.

И призвал Китавурула Велес:

— Друг старинный, строитель дивный! Ты оставь кормило златое на своей летучей ладье... Ты возьми-ка кормило власти. Был ты кормчим на корабле — стань же князем во Китеж-граде! Ты его окружи неприступной стеной, опоясай мощными рвами! Сделай город таким, чтоб укрыться могли в нём все немощные и старые!

И сказала так Вила Сиде:

— Пусть всегда за стеною его обретут беззащитные вдовы, сироты приют. Те, что слёзы льют о погибших мужьях, и о братьях, убитых в жестоких боях!

Тут прощаться стали супруги с князем Китежа — Китавролом. И промолвил слово прощанья Велес, сын великого Сурьи:

— Нам пора идти, словно птицам время с летних вод подыматься! Улетать мне — лебедем белым. Виле — уткой в тростник забиваться. Мы сокроемся в чаще леса, как листья, что сорваны ветром. Время нам оплакивать близких и печалиться о потерях!

И сказал он так напоследок, власть вручая кормщику мудрому:

— Мир храни! И всегда с любовью управляй ты городом чюдным! И правителем будь счастливым! Княжи праведно и премудро!

И ступали Велес и Сидя по лесам, горам и долинам. И бродили они много дней по болотушкам и трясинам... И плутали в глухих чащобах, пробирались в буреломах...

Наконец, они выходили ко широким и белым водам — на пустынное Белозерье. И края им те полюбились, там супруги и поселились... И под сенью широкой сосен, под шатром от могучих елей боги тризны и славы пели.

Жили там лишь дыханием ветра, обогреты щедротой солнца, напоены дождями и укрыты снегами... И так шли века за веками...

БИТВА ЗА ИРИЙ. ПОТОП

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Кащеевой гибели нам. Расскажи о Конце Света Белого и о битве за Ирий-сад!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Говорил Дажьбог сын Перуна:

— Не пустил нас Велес сын Суревич на великую битву у Ра-реки! Мне же предстоит бой славней того — одолеть Кащея Бесмертного!

Отвечала Дажьбогу Макошь:

— Не найти тебе Смерть Кащея — он с Мареною-Смертью дружен. И в бою ему Смерть не писана, ведь Кащей — это бог бессмертный!

Ей Дажьбог Перунич ответил:

— Не могла завязать так Макошь, Род не мог допустить такое! Всё рождённое Смерть имеет! Значит, есть она у Кащея!

И спросил Дажьбог Макошь-матушку:

— Где находится Смерть Кащея? Помоги мне, матушка Макошь!

Отвечала Дажьбогу Макошь:

— Далеко его Смерть упрятана, глубоко его Смерть схоронена! Далеко на Буяне-острове вырос дуб до самого неба. И на дубе сундук окованный, в сундуке спрятан Заяц, в Зайце спрятана Утка, а в той Утке Яйцо. В том Яйце ты отыщешь Кащееву Смерть!

И поехал Дажьбог к морю синему. Видит: в небе летит Ясный Сокол — то Семаргл-Огонь сын Сварожич:

— Я тебе помогу, добрый Тарх Дажьбог!

Видит: в небе Орёл сизокрылый — то Перун
Громовержец, Сварога сын:

— На меня надейся, могучий Дажьд!

Видит в поле Дажьбог Волка серого — это
Огненный Волх, Змея Индры сын.

— Не забудь обо мне, Тарх Перунович!

Вот подходит Дажьбог к морю синему:

— Как бы мне переправиться к острову?

Всколебалось тут море синее, и поднялся из
моря Поддонный Змей. Лёг тот Змей чрез мо-
рюшко синее:

— Ты ступай по мне, Вышний Тарх Дажь-
бог!

И поехал по Змею Перуна сын — и доехал
он до Буяна. Видит он — на острове дуб стоит,
в небо кроною упирается. И висит высоко на
ветвях его тот сундук со Смертью Кашеевой.

— Как бы мне достать тот сундук с ветвей?

Прилетел Орёл Громовержец и ударил в дуб
громовой стрелой — сотряслась тогда подне-
бесная, дуб на щепочки расщепился, и сундук
упал и разбился.

Выскочил из него серый Заяц.

— Как бы мне догнать Зайца серого?

Появился Волк — Змей могучий Волх, по-
бежал за Зайчиком серым, и догнал Зайца
Волк, растерзал его, и порхнула из Зайчика
Уточка.

— Как бы мне поймать серу Уточку?

Прилетел тут Рарог — Огонь-Семаргл, рас-
терзал Семаргл серу Уточку. И упало из серой
Уточки Золотое Яйцо в море синее.

— Как бы мне Яйцо это выловить?

Тут поднялся из моря Поддонный Змей и
принёс Дажьбогу Перуновичу то Яйцо с Каше-
евой Смертью.

И поехал Дажьбог в Царство Тёмное. Подъезжал к палатам Кашеевым. Увидала его Марена, наливала питья хмельного.

— Свет мой ясный, Тарх, сын Перуна! Как день летний не может без солнышка, так и я не могу без тебя, мой свет, не могу я есть, не могу и спать! Выпей чару вина зелёного ты с великой тоски-досады!

Тут занёс Дажьбог руку правую, ею принимал чару горькую. Налетела тут Лебедь Белая — Жива, дочь Сварога небесного, — и толкнула чарочку горькую: улетела чара далёхонько.

Тут опомнился Тарх Перунович.

И поднял Дажьбог свой могучий меч, отрубал Маренушке головушку. Тут упал Сокол Рарог-Огонь с небес и сжигал её тело белое.

Разгорался огонь палящий! Разгорался на полсвета белого!

И сказал Дажьбог Тарх Перунович:

— Принимайте требу, небесные боги! Принимайте Марену Свароговну!

Вынимал Дажьбог Золотое Яйцо — и Кашею Яичко показывал.

Тут Кашей закричал богу светлому:

— Ты не трогай, Дажьбог, Золотое Яйцо! То Яйцо появилось при Рождении Мира! У него нет ни Матери, нет и Отца! О рожденьи Яйца не расскажет никто! Только Род тайну ведаёт эту!

И промолвил Кашею тогда Дажьбог:

— В том Яйце Смерть твоя скропостижная!

И разбил Дажьбог Золотое Яйцо — и упал Кашеюшка Виевич.

Как разбил Дажьбог Золотое Яйцо — раздался голос Рода небесного:

— Из Яйца возникает Великий Огонь! Наступает Конец Света Белого! Поднимаются Воды Великие!

Пришло время очистить Землю!
Расступись во все стороны, Мать Земля!
Гнев идёт!

Озарил Семаргл Царство Тёмное, опалил Огонь силы чёрные. И все ринулись ко Рипейским горам прочь с земель спалённых Сварожичем!

Оставляя дорогу чёрную, шёл Семаргл-Огонь по Земле Сырой, рассыпался он во все стороны. Вслед летел Стрибог из-под облака, раздувая великое пламя! Он ревел и выл, как могучий зверь, пробегая по кронам деревьев!

И пошли, поползли ко Рипейским горам силы грозные, силы тёмные. И сама Седунюшка Родовна, Чёрный Ворон и Уточка серая, Дый, и Вий — Седуны детушки, и Горынюшки — дети Виевы, Змей — Поддонный Царь и Грифон, а за ними и навьи с юдами.

Расступилась тогда Мать Сыра Земля, и поднялся из Пекла сам Чёрный Змей, полетел Чёрный Змей к Алатырским горам, к самому саду Ирию светлому!

Мать-Земля потрясалась от топота, помрачилось Солнце Красное, вниз на Землю звёзды попадали и померкнул на небе Месяц.

Тут Сварог небесный услышал, что приблизилась к Сварге сила. И созвал он в Ирий Сварожичей.

Собирались боги бессмертные и садились на троны в Ирийских горах. Пировали они на Алатыре, и Сварог небесный промолвил:

— То разлились не воды вешние, силы навские к саду близятся! Встаньте все на защиту Ирия!

Роги турии затрубили: на защиту Ирия светлого, на защиту дерева жизни встали все бессмертные боги.

Вышел бог Семаргл в вихре-пламени, выезжал в колеснице огненной бог Перун, метая перуны. Сирином порхнул буйный Велес. Вслед за ними и Барма — Лебедем, Финист выпорхнул — Ясным Соколом.

Собралось небесное воинство!

Как собирались боги сильные — потрясалась Мать Сыра Земля, из морей вода разливалась.

И сходились в чистом полюшке силы грозные грудь на грудь. Бил Сварог Змея Чёрного молотом, бог Семаргл сжигал Вия тёмного, а Сварожич Перун бился с Индриком, Велес бился с Дьем Седуничем, а Поддонный царь со Денницею. Мать Земун сражалась с Седунею. Бог Ярилушка — с Сивым Мором.

Заструилась кровь горячая, пар пошёл струиться под облако и разлились реки кровавые.

* * *

Так молила Марена Вышня:

— Боже Вышень наш, Всемогуций! Дай мне, Вышний, ключи от Сварги! Чтоб чрез Ирий пройти мне в Пекло, где мой трон близ Чёрного трона!

И услышал Вышний молитву. И послал к Свароговне Велеса, чтоб открыл он Смерти ворота. И прошла Марена чрез Ирий, и пришла к горе Сарачинской ко горячему Камню Чёрному. Велес Камень тот отвалил — и Марена спустилась в Пекло.

Едет Смерть на Змее Трёхглавом по реке огня в Пекле жарком. На главе у ней не золотой венец — это ящерица свернулась, на руках её не браслеты — свились змеи чёрными кольцами.

Вот пред Марой — хоромы Вия. Здесь пред Виём сам Радогаст сидит: он в деснице скипетр держит и умершие души судит. И в просторном зале дворца души ждут его приговора.

Видит Мара: мучатся трое. Голова пылает у первого, у второго — руки по плечи, и горят у третьего ноги.

И спросила тогда Марена:

— Чем же трое те согрешили, что такую приняли муку?

И ответил ей Радогаст:

— Я про то скажу тебе, Мара. Первый гордо носил корону, был тираном на троне царском. Был второй — его казначеем, запускать в казну свои руки. Третий — царским был воеводой, по колено стоял в крови.

Видит Мара — мучатся двое. И у первого змеи в глаза впились, за язык второй был подвешен. Первый был судьёю неправым, Правду с Кривдой не различал. Клеветал второй на людей и сводил соседей в могилу.

Сходит в тёмную глубь Марена шаг за шагом и круг за кругом. Видит Мара — мучат злодеев, что ушли при жизни от Правы. Видит жён и мужей, что бросали детей. Видит и лицемеров, предателей, и воров, и убийц, чёрных магов и жриц. Пожирал их страшный Яма в чёрной яме во глубь Пекла.

И услышала Мара голос:

— Подымись, Марена, на Землю! Подошла пора жатвы смертной! Отворились ворота Пекла, отвалился и Чёрный Камень!

И тогда спросила Марена:

— Боже Вышень наш, Всемогуций! Гром ли это, земля ль трясётся? Иль широкое море плещет?

— То не гром, не Земля трясётся, не широкое море плещет — делят мир меж собою боги. Велес, Дый, Семаргл, и Дажьбог, Вий, Перун, Купала, Ярила — все ясуни Звёздного Неба.

К ним идёт Марена Свароговна, что восстала из Пекла тёмного и пришла от Чёрного Камня. Вся в слезах Марена горячих.

И спросил её Громовержец:

— О сестра, Марена Свароговна! Отчего, Маренушка, плачешь? Отчего горячие слёзы по твоим ланитам струятся?

Отвечала ему Марена:

— О мой брат, Перун Громовержец! Как не лить мне слёзы горючие! Я прошла по гордой Индрии, Каракайским Чёрным горам, по земле, оставленной Богом.

— Что ты видела там, Марена?

— Много там грехов, беззаконий. Там лжецами попрана Правда и Землёю той правит Кривда. Нет почёта старцам от юных, и отца не слушают дети. Кум с кумою имеет тяжбу, братья бьются между собою. Снох своих обижает деверь, брат сестрою сестру не кличет! Предаются все вожделеню, предаются тяжким порокам. Нет там свадеб, разврат царит. И все жёны — мужьям враждебны. На отца сыночек доносит, брат — на брата, и мать — на дочь. И смешались там все сословья. Кто был первым — тот стал последним, а последний — воссел над всеми. Там правитель славен тиранством. Воин там — грабитель, насильник, не встаёт на защиту рода. Трус там мнит себя всех храбрее. А глупец слывет мудрецом. Жрец оставил свои обеты, попирает истину Вед. Почитают в тех землях — мощи, отвергают светлых богов, и не славят Бога Всевышнего!

И Перун Марене ответил:

— Ой, сестра, Марена Свароговна! Ты утри горючие слёзы! Меж собою мы мир поделим и придём к Всевышнему Богу. Обратимся к Богу с мольбою, чтоб Он дал нам ключи от Неба. Мы откроем семь небосводов — хлынут воды с Неба на Землю и её от скверны очистят!

Тут из Ирия к Богумиру, сыну Дажда, явился Велес:

— О мой правнук! Царь Богумир! Знай, идёт на Землю несчастье, и укроют её снега. А потом прольются дожди, воды хлынут и всё погибнет!

И ещё сказал мудрый Велес:

— Сделай Двор на бег лошадиный! Стены подыми выше вод! Там устрой лужайки зелёные и построй домá и навесы, приведи-ка сюда ты всех тварей по паре, принеси семена всех растений!

— Как же я ту работушку сделаю?

— Ты возьми, Богумир, мой волшебный рог. Лишь его к губам поднесёшь — звери все придут на призыв твой, семена принесёт буйный ветер!..

И вот Боги мир поделили.

Велес взял ключи от Ирийских врат. Взял Перун гром, грозы и молнии. Разрушение и страсти взяли дети Седуни. Возрождение мира взял Тарх Дажьбог. Взял Ярила цветенье весеннее. Стал Сварог управлять всяким родом, омовениями — Купала, а Стрибог — ветрами могучими.

И пришли они к Богу Вышнему. И ему все боги молились. И молитву ту Бог услышал, и отдал от Неба ключи.

И открыли боги небесный свод. И с небес пошли не дожди, в сто потоков хлынули воды.

И поднялись Воды Великие!

Видя воды многие лютые, испугались люди и звери, побежали в горы крутые. Как они подымались в горы — превращались в камни горячие.

Наполнялись водою дебри, разливались реки широкие, поднимались звери к вершинам. Лютость в кротость тут превратилась, страхом сильным она укротилась. Лев с овцою стояли вместе — на вершинах гор.

Поднимались на горы люди, побежали туда и звери. Люди вниз смотрели со страхом, как земли вдруг не стало видно, — всё покрыла собой вода...

Все холмы водою скрывались, смерти горькой тут предавался — род зверей.

Крик великий все поднимали, кверху глас и дух испускали — в злой тот час.

Птицы в синее небо поднялись, из последних сил в нём летая, — пользы нет!

Птицы падали в шумные воды, все тонули, всех скрыли волны — та вода!..

Богумир с женою Славуней, с дочерьми и всеми сынами скрылись во Дворе за стенами, взяв с собою птиц и животных, семена всех земных растений.

Миновало три долгих года. И все люди, растения, звери жили в том Дворе чуждой жизнью. И сошла наконец вода.

И тогда Сварог вместе с Ладой на себе подымали небесный свод. Разогнал Дажьбог тучи тёмные. Доставать стали боги Землю — и лицо тут Земли открылось, и вода под Землёю скрылась.

Над зелёной Землёй летают Матерь Слава, Перун — Орёл, Гамаюн — Дажьбог, Сирин — Велес, Алконост — бог Хорс, Рарог — бог Семаргл, Финист-Сокол — Волх, Лебедь — Жива.

И вознёс Богумир славу Велесу, и Дажьбогу, и Богу Вышнему!

ЗАКОНЫ СВАРОГА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о рождении русского рода, о законах, Сварогом данных!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как закончился первый свет — смыло все грехи со Земли Сырой, оживили мир Ясный бог Дажьбог с легкокрылою Живой-Лебедью.

Насаждали они тёмные леса, заселили они сине море. В небеса запустили стаи певчих птиц, а зверей свирепых — в тёмные леса, и в моря — китов, а в болота — змей.

Утвердил Дажьбог в этом мире — Правь, отделил Дажьбог Явь от Нави. Стал он богом Прави и Яви.

Приняли Дажьбог с Живой-Лебедью золотые венцы Свароговы и сыграли в Ирии свадьбу.

И на свадебке гости-сватушки так спросили сына Перуна:

— Ты на чём приехал, великий Даждь?

— На златой колеснице Солнца. Гамаюн колесницу ту принесла. Как летит она в небе синем — прикло-няются все дубравы.

Ударяю я по Земле жезлóm — тает снег, лёд в реках крошится, зеленеет трава, расцветают цветы, и поют в садах птицы певчие!

И спросили они невестушку:

— Ты на чём приехала, Жива?

— Я на сошечке по бороздочке, на овсяном колосочке, на пшеничном пирожочке!

И кружилась Жива Свароговна: правой ручкой махнёт — встанет лес и река, левой ручкой — летят птицы под облака.

— Пойду ли в сад зелёный, выйду ли в сад зелёный. Далеко ли погляжу — горы там высоки, там озёра глубоки!

Как на горوشке крутой поднялся высокий дуб. У не-го-то корни булатные, его веточки — все хрустальные, его жёлуди — позлачённые, ну а маковка — вся жемчужная. На ветвях его птицы песнь поют, в серединушке — пчёлы гнёзда вяют.

Как под тем высоким дубом Жива и Дажьбог сидят, Жива и Дажьбог сидят — разговаривают:

— Ах, что это за садок, за зелёный такой! Ах, что это за цветы, за лазоревые! Ах, что это за милóй, что за ласковый такой!

И пошли у Живы Свароговны с молодым Дажьбогом Перуновичем скоро детушки — Арий с Кисеком. Ну а Арий затем породил сынов — Кия, Щека и Хорива — младшего.

Их поила Земун молоком своим, колыбель качал бог ветров Стрибог, их Семаргл согревал, Хорс им мир озарял.

Появились у них и внуки, а потом появились правнуки — то потомки Дажьбога и Живы, и Роси — русалки прекрасной, то народ великий и славный, племя то по имени — *русь*.

* * *

Во святом саду, в светлом Ирии после трёх лет Потопа Великого с неба падали клещи огненные — перед добрым Тархом Дажьбогом, пред родными его сынами.

Получил те клещи Свароговы Арий-праотец. Арий стал железо выковывать. Показал Перун тогда Арию — как мечи ковать и как стрелы лить.

— Вот мечи и стрелы могучие! — так сказал ему Громовержец. — Победите вы сим оружием всех врагов Руси!

Восхищён был тогда Арий-праотец грозной силой кованья Перунова.

У горы Алатырской в Ирии после трёх лет Потопа Великого золотые предметы падали — плуг с секирой и чаша глубокая.

Подходил к тем предметам брат старший Кий, поднял Кий золотой, павший с неба плуг, стал он плугом землю распахивать.

Подходил к тем предметам премудрый Щек. Поднял он глубокую чашу, наливал он в чашу хмельну сурью, приносил он жертвы Всевышнему.

Брал секиру могучий Хорив — стал он воин-ом грозным и князем великим.

Как в Кавказских горах, в светлом Ирии после трёх лет Потопа Великого падал с свода небесного Камень. Падал он перед добрым Даждем, пред родными его сынами.

Был тот Камень мал и весьма студён, и была на Земле тьма великая. И не смог тот Камень никто познать, и не смог никто от Земли поднять.

Собирались-соезжались к Камешку цари и царевичи, также и короли, королевичи, собрались волхвы многомудрые. Собирались-соезжались, вокруг него рядами рассаживались, много дней богов прославляли.

И распался Камень на две половины — внутри Камня была надпись найдена.

Кто же высек её? Кий — великий князь? Щек — премудрый волхв? Хорив — воин-царь? Арий-праотец? Или Тарх Дажьбог?

Высек те слова во плоти Сварог — он узнал их от Рода-Всевышнего.

Рёк Всевышний Бог:

Чады вы Мои! Знайте, ходит Земля мимо Солнца, но Мои слова мимо вас не пройдут!

Дети Рода небесного! Родичи! Знайте, люди, законы Мои! Вы, потомки Сварога — сварожичи! Вы, потомки Перуна, русалки Роси! Люди русские — русичи, слушайте!

Почитайте Бога Всевышнего! Чтите все Его нисхождения! Убегайте от Кривды и следуйте Правде, чтите род свой и Рода небесного.

Познавайте Явь, Правь и Навь! И ищите мудрость повсюду — хоть на самом Крае Земли, в безднах моря, средь частых звёзд!

Пусть ведут вас к чертогам Света — Матерь Слава и Велес-свят!

Чады вы Мои! Рождены вы Сварогом и Родом!

Кости взяты от твёрдого камня, от Сырой Земли Матушки — тело, кровь-руда от Чёрного моря, а дыхание ваше от ветра.

Ваши очи взяты от Солнца, мысли ваши от облака взяты. Как по синему небу проносятся тучи, так и в вас проносятся лёгкие мысли, и за добрыми мыслями — следуют злые. Мысли

добрые — свет из Ирия, злые — отблеск пламени Пекла!

Вы же следуйте свету звёзд! Пусть на небо трудна дорога! Узок путь, что волос над бездной! Вниз же путь широк и протóрен, вниз спускаться легче и проще! Не ищите вы звёзд в отражении вод, а взирайте на небосвод!

Вы ступайте Стезёю Правой, что ведёт к небесным чертогам! Избегайте Тропы Неправой, что низводит в глубины Пекла!

Чады вы Мои!

Ваша первая мать — Майя-матушка, мать небесная, богородица, а вторая мать — Мать Сыра Земля. Третья мать — что мучилась в родах.

Если матушка Майя вас не возлюбит, ничего на Земле Сырой не родится, и младенцу не выжить у роженицы! Если матушка Майя поможет, то Земля воздаст и накормит вас! А у роженицы дитяtko живó родится!

Вы сыны Дажьбога и Майи! Почитайте Матерь Всеславу! Слышьте песню Матери Славы, что летит из Сварги над Русью!

И держите Русь в своём сердце! Берегите Русскую Землю! Знайте, та земля будет вашей землей, что полита в боях вашей кровью святой!

Почитайте друг друга, сын — мать и отца, муж с женою живите в согласии. На едину жену должен муж посягать, а иных за сестёр своих почитать.

Также чтите вы за второго отца — князя рода, учителя и жреца!

Знайте, внуки Дажьбога, что русские боги не приемлют кровавых жертв. Лишь плоды и цветы, зёрна, овощи, сурью.

Сохраниайте в посты от съедения чрево. Берегите всегда от сграбления руки и уста охраняйте свои от хулы.

Почитайте великие праздники: дни Дажьбога и Вышня-бога, Коляды, Перуна и Велеса, и Ярилы, и Златы Майи!

Почитайте Купальские дни. Читите вы Кострому с Купалой. Омывайтесь в воде живой! Сам Купала на то омыванье указал вам: «Пусть будут чистыми как тела, так и души ваши!»

Почитайте вы также Перунов день. Вспомните дела Перуновы, как Перун победил зверя Скипера и как сёстрам своим он свободу дал, как очистил их в водах Ирия.

Вспоминайте Перуна с Дивою! Поминайте и Велеса мудрого! Имена его прославляйте!

После жатвы вы вспоминайте об успении Златогорки. Почитайте день Лели с Волхом — чудным Финистом Ясным Соколом!

Славьте и Коляду с Овсением! И Колядки пойте в Колядов день! И всегда прославляйте Макошь!

Почитайте вы три дня в неделе — среду, пятницу и воскресенье.

В среду Велес с Дажьбогом во Китеже бились, чтобы кровь родная не лилась! И тогда же в Битве Трёх Родов Золотая Крыница вскрылась!

Ну а в пятницу Макошь-матушкой был предсказан Дажьбогу — Великий Потоп.

В воскресенье Дажьбога Жива-Лебедь спасала, оживляла водой и сняла со скалы. И на

крыльях своих лебединых подняла, унесла в Ирий-сад к Алатырским горам.

Если кто в воскресенье работает — то не будет ему прибытка, ни по жребию, ни по таланту во другие шесть дней без изъяна. Друг ко другу ходите, друга дружку любите, будет радостно вам — пойте песни богам.

От сожженья Мары и до свадьбы Живы вы блюдите Великий пост. Почитайте яйца в честь Яйца Седья, что разбил Дажьбог наш, вызвав тем Потоп.

Коль не будете заповедь слушать — Дый раскроет своды небесные, спустит он горящие камни и прольёт из кузни небесной он расплавленное железо!

Око Сурьи иссушит все реки, моря, загорится тогда Мать Сыра Земля — от восхода до самого запада, от полудня гореть будет до ночи. Загорятся горы с раз-дольями, загорятся и лесушки тёмные!

Будет день последний! И Солнце во тьме! И Орёл — украшение небесное света вам не даст в утешение! И сойдут на Землю Сварожичи! Сокрушение придёт от Бога! И ослабнет рука у всякого, и смятутся дети и старцы, и изменит их лица пламень.

А затем возмутятся все струи морские, и разверзнутся хляби небесные! И водою той Землю вымоет, как скорлупку яичную, как девицу и вдовушку.

Дух тогда восстанет на Силу — и Стрибог успокоит море. Велес двери откроет в Ирий. Но лишь праведный свет обрящет! И Сварог лишь его пропустит!

Почитайте страстную неделю — как скорбел Дажьбог от распятия до спасения Лебедью-Живой, так и вы скорбите смиренно. И не пейте питья хмельного, не скажите бранного слова!

От тех бранных слов Майя-матушка на Ирийских горах встрепенётся, запекутся кровью её уста.

Вы ликуйте:

— Спасён Вышний Тарх Дажьбог! К нам идёт Весна, Жива-матушка!

Чады вы Мои!

Если вы Мой закон не возлюбите, и не будете праздновать праздники, и поститься в посты не станете, напущу на вас градобитие, напущу и морозы лютые, и Земли Сырой потрясения, и Огонь палящ, и великий Мор на людей, скотину и ваших птиц. Напущу свирепых зверей на вас!

И придут от Чёрного моря звери страшные, звери лютые, волосы у них — до Сырой Земли, а на лапах у них когти острые. Поедят они вашу скотинушку, всех волов и коров, что пасутся в горах!

Если вы не уйдёте от Кривды — напущу я великие казни, и войною поднимется царь на царя, и восстанет отец на сына, на отца сын, и брат на брата, и сосед пойдёт на соседа — и начнётся кровопролитье.

Невесёлая встанет година, и поднимется птица Обида, вступит девой на Матушку-Землю, лебедиными крыльями всплещет и прогонит годы обилья. Вы начнёте ковать крамолу и про малое молвить — большое! говорить: «сё — моё, то — моё же!»

И придут языци неверные, и прольют они вашу кровушку за неправду и беззаконие.

Я на вас напущу стаи чёрных птиц, у которых клювы железные, и начнут те птицы летать, клевать. Вы нигде от птиц тех не скроетесь! Поспешите вы на могилы — ко усопшим своим родителям и попросите их, чтоб пустили вас, — вас не пустят к себе усопшие!

Кто сему посланью не верит, тот, кто скажет, что всё здесь ложно, — тот получит вечную муку, и в конце жизни — смерть ужасную, а не в Ирии жизнь счастливую.

Чады вы Мои!

Кто все эти законы возлюбит, будет Бога Всевышнего славить, станет толком слова толковать Мои — от того отойдут все несчастья, станет тот наследником Ирия!

И при жизни взойдёте вы Правой Стезёй в Китеж град и в Ирий святой! И пробудитесь к жизни вечной! И тогда упадёт с ваших глаз пелена, вы восстанете ото сна!

И придёте вы вместе ко Синей реке и ко той горе Алатырской, до долины с чўдными травами. И увидите Деда с Бабою. И отныне будете с Нами в вечной жизни в Святых краях!

Здесь цветы увидите чўдные, и леса, и горы, и доли. Вы свивать начнёте Снопы, станете трудиться в полях на святой Велесовой ниве! Урожай вы здесь соберёте в закрома Сварога небесного. Ибо то богатство иное!

На Земле вы были во прахе, и в болезнях все, и в страданиях — здесь же вечно мирные дни.

Вы увидите Птицу Славу. Как она, вся сияя светом, бьёт крылами в саду Ирийском! И все

перья её иные: золотистые и серебряные, также розовые и белые, также синие и зелёные!

Вы увидите степи райские в небе синем, в пречистой Сварге. И та синь идёт от Сварога. И там Велес правит стадами. Мы приносим здесь для моления виноград, и мёд, и зерно.

И увидите Коляду, бога Велеса с богом Крышнем. И пребудете вечно с Правью.

Верьте вы в три лика Всевышнего, знайте истину Божьих Вед! Ныне, присно, от века в век.

О русских ведических сказаниях «Книги Коляды»

Сказания, включённые мной в воссозданную «Книгу Коляды», в старину были наиболее известны и почитаемы на Руси. Именно потому они дожили до наших дней — в былинах, народных песнях, сказках и легендах.

Они сохранились в «осколках», в бесчисленных вариантах, перепевах разных сказителей. В оригинальных записях легенд древние боги часто «снижены», они стали богатырями, а то и христианскими святыми и мучениками. И в то же время поражает, как легко снимаются наслоения веков и является на свет изначальное слово.

Сохранилось это слово благодаря народным сказителям и труду многих поколений собирателей русского фольклора. Здесь следует вспомнить имена сказителей — Кирши Данилова, жившего в XVIII веке, династию «былинщиков» Рябининых-Андреевых из Кижей, Марию Дмитриевну Кривополенову из Пинеги, онежского сказителя Никифора Прохорова... Немалая часть опубликованных здесь песен и сказаний по сути является пересказом былин, которые донесли до нас эти сказители.

Источники же всех сказаний подробно описаны мной в книгах «Славянские боги и рождение Руси», «Мир славянских богов» и иных.

«Книга Коляды», оживившая мир древней традиции, была воссоздана подобно финской «Калевале» поэта и учёного Элиаса Лённрота, а также эпосам других народов — наших соседей, впервые опубликованным также в последние сто лет.

И тут следует напомнить, что издания русских былин всего около двухсот лет (первый сборник Кирши Данилова был опубликован в 1804 году), да и многие классические былины записывались и впервые издавались вплоть до середины XX века. Живую былинную традицию можно застать и в наше время.

Кем были эти сказители? Полагают, что Кирша Данилов был уральским рабочим; основатель рода сказителей Рябининых Трофим Григорьевич — был крестьянином и промысловиком; Кривополенова — пинежская нищенка, единственная зарабатывала на хлеб песнями да сказками.

Традиция жила везде — в светёлке, где пели девушки за прялкой, и в промысловой землянке, где коротали вечера охотники, и в бурлацкой артели, и на паперти... Конечно, в

старину у былины-сказания была задача прежде всего — магическая, обрядовая. Былины знали «старые люди», в ведическую старину именно они и были волхвами.

С уходом старой веры об этом стали забывать. Однако и после эпохи христианизации традиция продолжала жить. Правда, ей пришлось надевать новые одежды. В новое время за почитание старых богов, а также исполнение «старин» полагалась неминуемая кара, вплоть до лютой казни. Но ведь нужно было продолжать жить... И вот тогда ватаги певцов, артели скоморохов стали давать старым богам имена богов новых, а потом и имена прославленных героев-богатырей.

Так Перун стал вначале Ильёй Пророком, а потом и Ильёй Муромцем. Дажьбог стал Добрыней Никитичем, Велес — Алёшей Поповичем, Ярила — Чурилой Пленковичем, Барма — боярином Бермятою, Жива — Апраксией, Марена — Марьей Белой Лебедью и т.д. Полагаю, были и певцы, древние поэты, которые составили сей «ключ былинный», по коему ныне возможно восстановить ведический эпос. Калики переходящие, скоморохи, нищие певцы и в последующие века кормились от слова, от песни да былины и сказки. Это можно видеть и по судьбе Кривополеновой, одной из последних «профессиональных» сказительниц-нищенков.

И ныне чаще всего традицию видят в нищенских одеждах. Последние полвека, если не век, фольклористы искали её по заброшенным деревням, в покосившихся избушках у неграмотных пожилых крестьян. Это очень важно — «неграмотных», поскольку полагается, что с грамотою в традицию привносятся инокультурные образы.

Но так было далеко не всегда. Ведь и самой художественной литературе на современном русском языке, которая могла бы повлиять на былинную традицию, около двухсот лет. И только в последний век она получила широкое распространение. Потому от первых «былинщиков» быть неграмотными не только не требовалось, но тогда, наоборот, искали среди крестьян наиболее грамотных, талантливых и «справных».

Кирша Данилов, уральский рабочий XVIII века, в совершенстве владел грамотой, он был именно писателем и стихотворцем, чуть ли не в современном понимании. Он оставил рукопись, опубликованную через 25 лет после его смерти. Не были неграмотными и былинщики Рябинины, последний сказитель из этой династии Пётр Иванович Рябинин-Андреев был даже принят в Союз писателей СССР, он писал и свои сказки.

И мы вправе говорить, что былины — это художественная литература. Во все времена она бытовала, и как традиция письменная, и как традиция устная. Не раз былины пересказывались и переписывались поэтами и писателями, перепевались на языке нового времени, и так они не только сохранили сокровища древней словесности, но и вобрали в себя поэтический «огонь» многих поколений певцов.

И я уверен, столь совершенная по форме и содержанию былинная традиция подтверждает: в ведическую старину на Руси была великая литература.

Ведическая культура подразумевает развитие литературы. Обратим внимание, что во всех ведических странах литература с древнейших времен представлена множеством жанров. И не только эпическим!

Нам известен не только эпос Гомера, но также греческий, и римский античные романы. А если мы посмотрим на Восток, то увидим: эпопеи (такие как «Рамаяна», «Махабхарата» и пр.) в Индии создавались задолго до нашей эры, а романы, подобные средневековым рыцарским и современным романам в жанре фэнтези, уже в начале н.э. Вспомним имена писателей, которых мы вправе назвать «классиками жанра фэнтези», — Гундахья (III в.), Бана (VII в.), Самадева (XI в.). И даже сегодня их романы издаются наравне с произведениями современных классиков этого жанра и почти неотличимы от них по языку.

И я полагаю, мы вправе говорить об утраченных сокровищах ведической литературы не только русской, но болгарской и, весьма вероятно, даже гуннской.

Судя по каталогу хранителя А.И. Сулакадзева, таковая русская ведическая литература существовала ещё в XIX веке. Она дожила чуть не до наших дней. И даже теперь, в последние пятьдесят лет, удалось найти и впервые опубликовать «Книгу Велеса» новгородского и сурожского волхва Ягайлы Гана (IX в.), а также «Боянов гимн» (IV в.). А из зарубежных источников: болгарскую «Веду славян».

В том же каталоге А.И. Сулакадзева была упомянута и т.н. «Белая книга», именовавшаяся также «Тризны Златогора о Коляде Венедском» и 143 дощечки «Книги Китовраса». Сказания именно этих не так давно утраченных книг и восстановлены мною в публикуемой здесь «Книге Коляды».

Всего-то сто лет назад мы имели оригиналы, древние пергаменты и доски. И ещё есть надежда их найти! Но в любом случае эту литературу нельзя уничтожить, ибо она живёт в нашей крови, в нашем языке, в нашей душе.

Очевидно, что духовной пищей для ведославных и ведорусских писателей в прошлом была славянская ведическая былинная традиция. Мы даже можем определить место «Книги Коляды» (а также входящих в неё «Песен Гамаюна», «Песен Алконоста», «Песен Сирина») среди иных книг ведорусской традиции.

Эта книга входила в так называемый «Святояров круг» сказаний, была первой из книг этого круга. В ней повествовалось о Рождении Мира, богов и прародителей. А в последующих книгах говорилось об их потомках — князьях Святоярах и самом великом из них — Бусе Белояре, жившем в IV веке н.э..

Традиция (болгарская) утверждает, что в то время, в IV веке н.э., было написано более всего книг. Тогда был составлен ведический канон — самим Бусом Белояром и его братом Златогором, а также сыном Бояном.

И мы можем утверждать, что многие тексты «Книги Коляды», представленные в настоящем издании, восходят к сказаниям и тризнам, записанным или обработанным в очередной раз именно в ту эпоху, именуемую «Золотым веком» Руси Ведической.

И следует добавить, что сохранились от тех времен не только эпические песни о богах и прародителях. Дошли до нас и сказания о самих Святоярах. Сказания «Святоярова круга» были главными в ведическое время. Потому их осколки мы находим не только на Руси, но и по всей Евразии: и на Западе, и на Востоке.

К примеру, сказания о Святоярах, в том числе и легенда о родителях первого князя Яра, составляют содержание «Велесовой книги» и Родопских песен староболгарской «Веды славян». Эти же предания мы находим в «народных книгах» русских мистических сект и тайных толков русского православия. И теперь первое из сих сказаний воссоздано мною в романе «Волшебник из Асграда» (М., 2003), который повествует о родителе первого из Святояров, князя Яра, — волшебнике Асгасте.

Согласно преданию, именно волшебник Асгаст обнаружил древний свиток «Книги Коляды» в хранилище манускриптов города Андогара, находившегося тогда на реке Андоге (где-то в районе современного города Череповца).

Тот свиток восходил к книгам алтынских мудрецов (атлантов) и принадлежал изначальной традиции. Утверждают, что часть его записана была самим богом Колядою. Потом этот свиток был перенесён в Китеж-град, где и хранится поныне.

Кстати, сей волшебник и мудрец Асгаст первым переводил и обрабатывал песни из этой книги. Было это на рубеже VII и VI тысячелетий до н.э. (астрологические выкладки приведены в послесловии к роману). Потому волшебник Асгаст известен, и весьма популярен, не только у нас, но и в иных ведических странах.

Древнейшее упоминание о Асгасте Сварожиче мы находим в родственной индийской ведической литературе. Там он известен, как риши, т.е. мудрец, Асгастья (другие местные варианты произношения его имени: Агастья, Аггаттияр). В Индии Асгастья почитается сыном Брахмы (нашего Сварога) и богини зари Урваши (нашей Уряны). Как и в русских легендах, Асгастья ищет себе супругу, и также сражается с потомками Кашьяпы, сына Маричи (нашего Кащея и Мориана). И также находит священное сокровище («Книгу Коляды»).

Многие песни из «Ригведы» (древнейшего эпоса Индии), традиционно приписываются мудрецу Асгастье. И эти песни возвращают нас из Индии на Русь. Известно, что ведийские арии пришли в Индию с севера и принесли с собой мир легенд, родственный древнерусскому (эти предания даны теперь и в «Книге Коляды»).

В сих легендах прародина ариев располагается на Волге, которую индийцы называли Ранхой, а древние русичи Ра-рекой. Упоминаются в этих легендах и Пановы горы — так эти горы в окрестностях Нижнего Новгорода именуются и ныне. В Ригведе (II, 24) есть удивительный текст, который переносит нас в те отдаленные времена, когда ведийские арии еще не покинули прародину и жили на Волге.

Там, в гимне к богу Брахманаспати (русскому богу поэзии Барме) сказано, что сей бог *«выгнал коров, молитвой раскрыл Валу»*, то есть гору-валун, в который обратился бог Вала. *«Он спрятал мрак, он сделал солнце видимым»*. Потом к раскрытому им в горе *«колодцу с каменным устьем, струящему мёд, припадали все, кто видит солнце»*. Далее к сему ключу припадали некие таинственные *«древние существа»*. И *«какими бы они ни были... они предназначены для существования»*. Они черпали в сём источнике Ведическое Знание, а для простых людей *«месяцы и годы те врата (знания) были заперты»*.

Потом сии существа пошли внутрь горы по векам, которые оставил бог поэзии. И они *«достигли... самого отдаленного сокровища Пани, сокрытого в тайнике»*. Это сокровище оказалось священным огнём, и он был *«им вовсе не чужд»*, ибо сей огонь был разожжён их же руками, то есть их верой. И

тогда «соблюдавшие вселенский закон поэты, разглядев обманы, снова ушли оттуда, и вступили на великие пути».

Эта же история дана и в «Книге Коляды», а затем повторена в сказании о волшебнике Асгасте Сварожиче. Согласно сему преданию, в источнике поэзии родился полуконь Китаврул — великий кудесник и строитель. Его обычно производят от кентавра, хотя подобные боги известны и в Иране (гандарвы), и в Индии (гандхарвы). А на Руси его имя было Китаврул. Потом от сего имени произошло и имя града Китежа, что на озере Светлояр.

В таком случае, озеро Светлояр близ Пановых гор мыслилось как источник-крыница со святой водой, мёдом поэзии, из мифа о борьбе богов с панами.

Подобные легенды записывались и у нас на Волге. Эти предания группируются вокруг древнейшего славянского сакрального центра в Поволжье, у озера Светлояр, в коем сокрыт легендарный «невидимый град» Китеж.

Древнейшие, еще ведические, легенды о рождении озера Светлояр по сию пору свято хранятся волжанами. Они были впервые опубликованы в книге «Мифы древней Волги» (Саратов, 1996), а записал и обработал их нижегородский профессор В.Н. Морохин.

Здесь приведу некоторые из этих преданий (кстати, не все они опубликованы, часть их до сих пор лежит невостребованной в архивах учёного).

«Предание городчан сохранило имя какого-то древнего народа — паны, из весьма воинственного племени... Паны оставили в память о себе Пановы горы с тайными пещерами, в которых и по сие время чудесное творится, — с пропастями, обрывами и рвами, на дне которых теперь только таинственно позванивают ручейки...»

«Про то, как образовалось наше озеро, много есть легенд, но эта, думаю, самая древняя, и сложили её ещё во времена языческие... Немало богов и лесных духов окружало древнего человека. И всех-то он боялся... Больше всех боялись люди богиню леса и лесного зверья Девку-Турку. Где конь её ударял огромным копытом, там проваливалась земля, образовывалась яма.

В наших заволжских лесах, в глухих местах жило в селении гордое и непокорное племя, которое забыло про Девку-Турку. И та, разгневавшись, напустила на жителей селения своего коня. Конь бил землю копытом, всё проваливалось и заполнялось подземной водой. Так и возник на месте, где жило это племя, Светлояр.

А название это, я думаю, тоже древнее. Соединились два слова — «светлый», что значит «добрый», и «яр» — «Ярило», языческий бог».

Конечно, и Веды Руси, и Веды Индии знают колдунов панов. Вспомним и то, что мифах древних греков также есть бог лесов и стад Пан, сын Гермеса и нимфы Дриопы. По сию пору в славянских языках «пан» (или «бан») значит: «господин». Воспринимали сего бога, его присных колдунов панов и как стражей Пекла (и не случайно современные панки имеют это имя, оно происходит от имени древних адских чудовищ панов).

По преданию, изложенному в Ригведе и в Ведах Руси, паны украли небесных коров для царя Пекла. Сей царь (у славян Вий) обратил бога Вала в валун и укрыл под ним тучи-коровы. И тогда небесные боги пошли войной на панов и на Пекло. Индра, Барма и бог Огня ударили по камню Вала, и в нем раскрылся источник-крыница, из сей крыницы хлынула святая вода, «мёд поэзии», которая суть само Ведическое Знание.

Подобные легенды есть и в Греции. Здесь рассказывают об источнике поэзии Иппокрене, который образовался после удара по сему месту копыта крылатого коня Пегаса (не правда ли, похоже на легенду об образовании Светлояра от удара копытом?). О том же повествует и скандинавское предание о «мёде поэзии».

Но как же быть с преданием о Деве-Турке? Кто она? По «Русским Ведам» очевидно, что это богиня Дива — дочь бога неба Дыя и сестра Индры, того самого, что вместе с Бармою раскрыл источник поэзии в валуне Валу. Дива, как и все Дыевичи, в Ведах также противостоит Валу и его брату Велесу. Но в то же время внушает им неодолимую страсть. Можно сказать, что история борьбы Дыевичей и Вала имела продолжение в борьбе-любви Дивы и Велеса. И это был новый виток борьбы Нави и Яви.

Дива — богиня охоты, лесов. Она подобна Диане. А богиней Туркой ее прозвали за то, что она могла оборачиваться в Тура. В Тура также оборачивался и бог Велес. Велес воспылал страстью к Диве, но та хранила верность своему мужу, богу грозы Перуну. Велес пытался украсть её со свадьбы, но Дива тогда чуть не затоптала его копытами своих коней. Надо полагать, тогда от удара копытом коня Дивы и образовалось озеро Светлояр.

И это был знак того, что Дива всё же потом не сможет устоять перед чарами Велеса, ибо он был богом любви. Борьба обернулась любовью. И тогда от союза Дивы и Велеса родился бог весны Ярило. В память об этом боге и было названо озеро Светлояр: Светлый Ярило.

В сих краях почитание Ярилы потом держалось долее всего. Еще в XIX в. этнографы писали о больших гуляниях в Костромской и Владимирской губерниях в Ярилин день (4 июня). Эти обычаи застал здесь в начале XX века писатель и этнограф, изучавший обычаи тайных сект на Волге, П.И. Мельников-Печерский (см. его книги «В лесах», «Письма о расколе...» и т.п.). А местные берендеи, род которых, по преданию, восходит к Яриле и Велесу, не забыли Ярилу и до сего дня.

По берендеевскому преданию, на озере Светлояр стоял не просто град Большой Китеж, там был великий храм Ярилы, который почитался княжеской семьей и после крещения Руси.

Волжские легенды о Яриле, а также о волшебнике Асгасте и его сыне Яре всякий раз возвращают нас в невидимый град Китеж. Именно в нём хранятся древние рукописи ведической традиции, в том числе «Книга Коляды».

Напомним, что впервые старообрядческую легенду об этом невидимом граде опубликовал этнограф С.П. Меледин в журнале «Москвитянин» (№ 12, 1843 г.). В сей легенде строительство этого града приписано князю Юрию Всеволодовичу (смешиваемому с Юрием Долгоруким), который погиб во время Батыева нашествия в XII веке. По сей легенде, град Китеж стал невидим, дабы скрыться от сего завоевателя.

Но, разумеется, предание о Китеже много древнее. И важно отметить, что в том же сообщении С.П. Меледина приводится также древнее финское имя этого города: Линда. А если обратиться к финно-угорскому эпосу, а именно к «Калевипозгу», то выяснится, что это имя носит богиня-великанша, подобная нашей Ладе. И она своего сына Калевипозга отправляет к невесте, и он с помощью волшебного строителя Олева (Китаврула) строит ей город Линданис: «Что ж, поедем город строить, насыпать валы крутые, ставить новый дом для свадьбы, ложе брачное готовить! Из цветов построим город, по углам поставим башни из черёмухи душистой, из скорлуп яиц хоромы — чтоб прохожие дивились...»

А потом в этом городе скрывают некую вещую книгу, и песни из неё поёт птица Сарема (наша птица Сирин), «возносясь дорогой радуг».

Здесь я напомнил только о нескольких, широко известных легендах, восходящих к волжской китежской традиции. Обо всём же рассказывать нет возможности. Упомяну лишь о том, что я и сам родом из этих мест, из села Сокольского на Волге, много лет собирал местные предания, знаком со всеми хранителями традиции из потомков берендеев и пургасов, а также со многими жрецами марийскими и мордовскими.

Именно к этой древнейшей традиции принадлежит и публикуемая здесь «Книга Коляды», первая из книг «Святоярова круга» преданий. Это уже седьмое, значительно дополненное, переиздание. Отдельной жизнью живёт и сборник «Песни Гамаюна», являющийся частью «Книги Коляды», песни из этого сборника разошлись миллионными тиражами как в школьных хрестоматиях, так и на кассетах, и в интернете. Будут и следующие издания, ибо работа по реставрации эпоса продолжается.

Вторая книга из «Святоярова круга», «Сказание о волшебнике Асгасте Сварожиче», была опубликована пока только один раз, в 2003 году, и она ждёт как переизданий, так и продолжения серии. Последней книгой будет «Сказание о Бусе Белояре».

И здесь я обращаюсь к издателям с предложением поддержать издание ведической русской литературы, не ограничиваясь рамками существующих жанров. А также к производителям фильмов и мультфильмов, ибо уверен, что традиция будет продолжена и в этих видах искусства. Загляните на мой сайт (www.members.cox.net/veles), там представлены имеющиеся предложения и проекты.

Нет сомнений, что эти старые легенды, пройдя сквозь века, вновь будут востребованы. Велико было значение сказаний о Святоярах в старые годы. Исключительно велико оно и сейчас. Ибо оно закладывает основу отечественной ведической литературы. Так на наших глазах рождается и возрождается ведорусское сознание нации.

Т О Л К О В Н И К

АЗОВ И АЗОВКА — имена бога Велеса и его супруги Вилы. Имена произошли от корня «ас», что значит «бог». От этого же корня происходят: «Асила» (одно из имен Велеса со значением «сильный»), «Ясунь» (наименования Ирия, как места, где пребывают ясуни — боги и святые). Азов и Азовка также духи горы Азов на Урале и Азовского моря. По имени Велеса-Азова названа Азия.

АЛАТЫРЬ — «всем камням камень», сакральный центр Мироздания, священная Алатырская гора в Рипейских-Ирийских горах, она же — Белая гора, Белина, Фаф-гора. Также остров бога Солнца в Северном Белом море, камень на Иремель-горе.

Когда Сварог ударял по Алатырю молотом, из искр рождались боги. На Алатыре был построен Китоврасом храм Вышнего: отсюда — церк. алтарь. В земном мире — это Эльбрус (древние имена: Эльбораз, или Альбораз (тур.), Алабыр (авест. и пехл.)). Доныне местные жители называют Эльбрус также Шат-горой (Сат-горой). По имени богини Сат (Сатанай-гуаши), она же Сати, или Сита (инд.), у славян Сиды, супруга Велеса-Асилы, у коего есть сестра *Алатырка* (*Алатырь* — одно из имен и самого Велеса). Содержит корень «альт», который в ряде языков Евразии имеет смысл «золото» (отсюда — «алтын»), потому Алатырь — это и Белая и Золотая гора.

АЛАТЫРКА — 1) священная река, текущая с Алатырской горы. Ныне — река Баксан в Приэльбрусье (по кабардинским легендам до IV века н. э. именовалась рекой Альтуд.

2) Алатырка Эльвина — дочь Святогора и Плеяны. У греков она — Электра (от имени священного камня «электрион», янтарь), дочь Атланта и Плейоны, родившая Дардана. В славянских легендах Дардана родила другая дочь Святогора — Ненила от бога Дона (имя переводится как «дар Дона»). В честь его назван Дарданелльский пролив, его потомки жили в Трое (по славянской традиции — близ Святых гор, Цареграда).

АЛКОНОСТ — птица Зари, воплощение Хорса и Крышня. Управляет ветрами и погодой. На Коляду (у греков — Алкионовы дни, зимнее солнцестояние) она рождает детей на «крае моря» — тогда семь дней стоит безветренная погода. По пояс имеет образ человеческий, а ниже — птичий. Держит в руках лотос — цветок Крышня и Хорса.

АЛИНКА (Аля, Алёнка, Алка) — дочь Святогора и Плеяны. Имеет дочь Агидель. У греков именовалась Алкионой. В скандинавской мифологии есть альвы, коих смешивают с ванами (видимо, ваны — потомки Вана, а альвы — Али). Они же потом — эльфы, гномы. В армянских мифах есть алы, алки — природные духи (бывают добрые и злые).

АЛТЫНКА — дочь Амелфы, сестра Велеса, дух Алтайских гор, в особенности Белухи.

АМЕЛФА (*Амалфея*) — дочь коровы Земун, мать Велеса. В русских былинах — Амелфа Тимофеевна, мать Василия Буслаева либо Алеши Поповича. В греческих мифах — корова либо коза Амалфея, вскормившая Пана и Зевса. Она же Амрита (инд.), Амеша и Амертат (в Авесте), Ам (др. семитск.), Амма (у догонов). Возможно, имя происходит от мантры «АУМ». Древнейший смысл имени: «бессмертная фея» («а-мер» — «несмерть»), также дающая напиток бессмертия «амриту», у славян «абриту». Впоследствии имя стало значить «кормилица-фея», так как она вскормила своим молоком бога (ср. в совр. нем. *Amme* — «кормилица»).

АРИЙ — прародитель русских людей, сын Дажьбога и Живы. Его имя происходит от «оратай» — пахарь, также значит «благородный». Отец Кия, Щека и Хорива.

АСИЛА (*Асира*) — имя Велеса, значит «сильный». От него произошли асилки-волотоманы (люди Волота-Велеса) — великаны белорусских легенд, также звали кельтов-волохов. От имени Асир происходит название Ассирии. Это же имя суть название класса ведических богов «асуров» (инд.), «ахуров» (авест.), «асов» (сканд.). Авестийский Ахура Мазда (Господь Мудрость) — также Асила-Велес.

АРГАСТ — сын Велеса-Асилы ми Азовы, супруг Эльвины Святогорки, породил Мося и Святибора.

АСГАСТ — сын Сварога и Уряны, волшебник, правитель Асграда. От Дулебы у него сын Яр (прародитель Яров, Новояров, Святояров, Белояров). От Асуицы у него сын Асень, прародитель мудрецов Асений, правителей берендеев. Он нашёл древнейший список «Книги Коляды» в манускриптории города Андогара, древней колонии алтынцев (атлантов) в устье реки Андоги. В Индии он — Агастья, Аггатиар.

АСТИНЬЯ — сын Денницы и Вечерницы, демон-губитель, Анти-Спаситель, погубил Радогаста.

АСЫ (*ясы, ясуни*) — древний народ, потомки Яси-Звездинки, дочери Святогора и Аса-Велеса. Древние скандинавы почитали их богами, противостоящими вanam. И поныне так именуют себя осетины.

Б

БАРМА — Слово Всевышнего, бог, шепчущий молитвы, читающий Веды (ср. «бормотать»). В русских былинах он — Бермята либо Пермьята (отсюда название города Пермь, имя народа — пермяки). В Индии он — Брахма и Брахманаспати.

БЕЛОВОДЬЕ — другое имя Ирия-рая. Ирий получил это имя из-за молочной реки (Белой реки), текущей по раю из вымени небесной Коровы Земун. Беловодьем же именовали в древности Север Евразии, земли от устья Оби и далее до Анадыря. Вторым Беловодьем почитались земли Южного Урала близ горы Ирмель (Ирийской горы) и хребта Кумартаг (горы богов-кумаров, хранителей четырёх сторон света). Третьим — Московское Семихолмье (окрестности гор: Боровицкой, Ушвиной, Воробьёвской, Коломенской, Красной горы, Трёхгорки, Поклонной).

БЕЛОГРИВЫЙ — он же Кологрива, конь Крышня, Златогривый — конь Дажьбога.

БЕЛЫЙ — остров близ устья Дуная, ныне называется Змеиный. На этот остров прилетает птица Сирий. Также остров в Северном Белом море. Есть Белые острова у устья Оби и близ Шпицбергена.

БЕРЕЗАНЬ — 1) райская местность, одна из Рипейских гор (авест. *Nara Berezato*). На горе Березани растёт солнечная берёза «вниз ветвями и вверх кореньями» (сама книга Вед). Она же современная гора Конжаковский камень (рядом город Березники).

2) Остров близ устья Днепра (ранее Дона). На этом острове правит Стрибог.

БОГУМИР — прародитель ряда славянских племён: русов, северян, полян, кривичей, древлян. Сын Дажьбога и Мары.

БОСОРКУН — демон, служитель Чернобога. Горный дух, который превращается в Аиста и поднимает своими крыльями сильный ветер. Он же в Индии — Бака. Был побеждён Крышнем.

БУРЯ-ЯГА УСОНЬША (Сурьевна) — супруга Велеса, ипостась Вилы Сиды, богиня смерти. Хозяйка избушки, стоящей на границе двух миров.

БУС БЕЛОЯР — князь славян-антов IV века. Воплощение Крышня-Коляды.

БУЯН — райский остров в Чёрном море. Ныне — полуостров Тамань (почитался Буяном и остров Руян в Балтике).

БАВИЛА — сын Дона и Ненилы. Бог веселья и хмеля, покровитель скоморохов, переиграл греческого и фракийского бога Диониса Сабазиса (бога Собаку).

БАЛУ — сын Дану, брат Вриты, убитый Индрой, обратился в Чёрный валун, под которым вход в Пекло.

ВАН (ЯН, ЯНОШ) — первый Человек, вступивший в родство с богами, женившийся на дочери Святогора — Мере. Имя Ван, или Венд, есть в «Велесовой книге». В Эдде «ваны» — название класса богов либо имя одного из древних народов. Существовало в Передней Азии Ванское царство у озера Ван, а в славянских землях — княжество Вантит (земли вятичей). Он же библейский Ной (коранический Нух, или Нош — то же что Янош).

ВЕДЫ — «Ведение», священная книга древних славян. Также — книги ведической религии Индии: «Ригведа», «Самaveda», «Яджурведа», «Атхарваведа»; и Ирана — «Авеста».

ВОЛЫНЯ — дочь Сварога, супруга Ра и Владычица Окeана. Родила от бога Ра дочерей Раду и Плеяну. Дух-покровитель Волинского-Хвалынского (то есть Каспийского) моря.

ВЕЛЕС — ипостась Всевышнего, бог мудрости, любви, богатства, животного мира, проводник в загробный мир и страж Ирия, сын коровы Земун, а в другую эпоху — Амелфы, супруг Вилы Сиды (Азовки). Имя значит «великий властитель». Другие имена: Асила (сильный), Рамна (сын бога Ра: «мна» — значит «мен» <«человек»>, так именовали Велеса болгары-помаки), Тавр (значит «бык», отсюда Минотавр <«человекобык»>), Гвидон (от «говядо» <«бык»> и «дон» <«потомок Дану»>). В русских народных былинах, сказках и балладах его место заняли Василий Буслаев, Алеша (Олекса) Попович, Ставр Годинович, Иван Быкович, Иван Медведко, князь Михайло, князь Роман. Он же в Авесте — Раман (божество мира и скота), в Ведах Индии — Рама (нисхождение-аватара Вишну-Всевышнего).

ВИЙ (Ний) — царь подземного мира, сын Чёрного Змея и козы Седуни, отец Горынь, Пана, Кащяя, Чёрного Идола, приемный отец Велеса, Вриты, Вала. Имя значит «нижний» (при произношении имени кончик языка упирается в нижнее нёбо).

ВОЛХ — бог войны, сын Матери Сырой Земли и Индрика-Змея, супруг Лели. Свергнул с престола своего отца Индрика, взял в жёны царицу Тёмного Царства — Пераскею, стремился покорить небесное царство и весь мир, но из-за любви к Леле стал служить Свету.

ВОРОН — воплощение Чёрного Змея, один из творцов мира; сотворил овраги, ущелья.

ВРИТА — сын коровы Дану, брат Валу, убитый Индрой. В Индии он же — Вритра.

ВЫШЕНЬ (Вишна) — в «Велесовой книге» и помакской «Веде славян» — Всевышний. Вышень — определение Рода, Крышня, Велеса, Коляды, Дажьбога. Славянское имя бога Вишну.

Г

ГАМАЮН (Гамаюс, Гамают) — птица вещая. Служила Велесу, Крышню, Коляде и Дажьбогу. Она пропевает книгу «Вед». Имя происходит от «гам»-«кам», что значит «шум», отсюда «камлать», «шаман». Она же птица Хумай в Сибири и Иране, Гаруда в Индии, Хуан в Китае. Её песня предвещает явление новой династии русских царей.

ГВИДОН — имя Велеса, происходит от «говядо» (бык) и «дон» (потомок коровы Дану). Он же в Авесте Говямард («быкочеловек»), в Шах-наме Кеюмарс, в кельтских преданиях волшебник Гвидион. Он же Гвидон русских сказок.

ГОРЫНЯ — горный великан, может обращаться в Змея Горыныча, охраняет подступы к Тёмному Царству и к Ирию. Побратим Велеса, брат Дубыни и Усыни.

ГМУРЫ — человечки, различают альвов-гмуров и гомозулей. Альвы-гмуры (они же сиды) — потомки Вилы-Сиды, волшебный народ, живут в пещерах Кавказа, Урала, кузнецы и ювелиры. А гомозули — потомки её же, но уже в лике Царевны-лягушки, живут на болотах. Когда они выродились, обратились хмырями. Они же у скандинавов и кельтов — гномы.

Д

ДАЖЬБОГ — воплощение Всевышнего, солнечный бог, сын Перуна и русалки Роси, прародитель русского народа. Согласно «Велесовой книге», породил русских людей «через Корову Земун», то есть в эпоху Тельца (имеется в виду также отождествление Велеса и Дажьбога, как нисхождений Всевышнего). Русы — потомки Ария, сына Дажьбога. Победил Кашея и вызвал Всемирный Потоп. Супруг Майи, Марены, Живы.

ДАНА (Дану) — небесная Корова, дочь Земун, родившая Вритью и Валью (также Дона-батюшку). В «Ригведе» — Дану, мать данавов, убитая Индрой. Из её крови образовалась река Дон (потому её отождествляют с матерью Сва-Славой, с Росью и другими духами-покровителями реки

Дона-Волги-Ра). В Авесте Дану — имя туранского племени, противного ариям, либо реки, у которого оно жило (у Дона). В ирландских сказаниях Дану — богиня, покровитель племен, покоривших Ирландию, а также: племена Богини Дану — группа ирландских и общекельтских богов. В греческой мифологии она же — Даная, мать Персея.

ДАРДАН — сын Дона и Ненилы. Он же царь Додон. В греческой мифологии он — сын Электры и Зевса (неверно, ибо происходит из-за Зевсовой религиозной реформы, отождествившей Дона-Адоная и Зевса). Потомки Дардана жили в Трое (они же потомки библейского Доданима пелласги и этрусски). В честь Дардана назван пролив Дарданеллы. Дардан — древнеславянское имя типа: Богдан, Краснодар. Согласно древнегреческому историку Дидору, Дардан — первый переплыл в лодке из Европы в Азию.

ДАСУНЬ — Тёмное Царство, населенное дасу, — демонами или неарийцами.

ДЕВАНА — дочь Дивы и Перуна. Богиня охоты, покровительница девственников. Она же у римлян — Диана. По чешск. «Mater Verborum»: «Devana — Letnicina i Perunova dci».

ДЕННИЦА — сын Месяца и Зари-Зареницы, Утренняя звезда. Он же у греков — Фазтон, у христиан — Люцифер. Иногда мыслится как карающая ипостась Бога.

ДИВА-ДОДОЛА (Летеница, Перуница) — супруга Перуна, дочь Дья и Дивии. Богиня грозы и молнии, также отвечает за дождь и плодородие Земли, покровительница брака.

ДИВИЯ — дочь Седуни и Рода, супруга Дья, родила Диву. Она же на Крите Ма-Дивия.

ДОН — сын Дану и Ра, отец русалки Роси (потому Росью, или рекой-Rasa именовали Волго-Дон). От Ненилы родил сына Вавилу. Иногда мыслится как ипостась Велеса. В Киевских легендах на место Дона и Роси ставится Днепр и Рось (приток Днепра) в южнославянских легендах — Дунай. Он же у греков Адонис, у семитов (унаследовавших сего бога у пеласгов-филистимлян) Адоная.

ДОЛЯ — добрая богиня, помощница Макоши, ткёт счастливую судьбу.

ДУБЫНЯ — лесной великан, может обращаться в Змея, охраняет Пекло.

ДЫЙ — сын Седуни и Рода, супруг Дивии, родил Диву, Индру, Чурилу. Это бог материального мира в противоположность Сварогу — богу духовного мира. Он же в Индии Дьяус, в христианстве — Дьявол. Он властвовал в античной Греции, Риме (латиняне и поныне Бога именуют Деусом).

Ж

ЖЕЛЯ — от слова «жалеть», божество похоронного обряда, сестра Карны.

ЖИВА — богиня жизни, весны, супруга Дажьбога. Спасла Дажьбога от Марены.

З

ЗВЕЗДИНКА АСЯ (ЯСЯ, ЯСУНЯ) — 1) Ненила, дочь Святогора и Пляны. Супруга Дона, после его гибели обернулась Усоньшей Ягой. Потом стала женой Велеса. У греков — Астеропа, дочь Атланта и Плейоны (одна из Плеяд). У армян — Астхик («звездочка»). Она же ближневост. — Астарта, Иштар. Супруга Аса (он же ближневост. Астар). 2) дочь Садко, внучка Святогора, воплощение Ненилы (Азовки, Сиды). Супруга Велеса.

ЗЕМУН (Замунь) — небесная Корова, мать Дану, Амелфы, Велеса Старого. Из её вымени течёт молочная река по саду Ирия.

ЗИМЦЕРЛА (Мерцана) — Дочь Сурьи-Ра и Земун, ипостась Марены. Первая супруга Ярилы. Растаяла от молнии Вышнего (молния и есть Семаргл Сварожич) и по его Закону стала небесной супругой Семаргла-Велеса, древней ипостаси Ярилы.

ЗЛАТА МАЙЯ — ведическая Богоматерь, воплощение Великой Матери, супруга Вышня, мать Крышня. В «Веде славян» — Злата Майка, в греческой мифологии — Майя, дочь Атланта, мать Гермеса, в мифологии галлов — Златовласка.

ЗЛАТОГЛАСКА (Лина, Лена) — дочь Святогора и Пляны, у греков — Келено. Родила от Ильма Озёрного (Посейдона) — русалок, берегинь, водяных. Греки считали её прародительницей ликийцев.

ЗЛАТОГОРКА — воплощение Златы Майи, дочь Святогора. Великанша, первая супруга Дажьбога. Была погребена в каменной гробнице в Святых горах, но потом воскрешена по велению Рода, дабы родить Коляду.

И

ИЛЬМ ВОДНЫЙ — Ипостась Сварога. Бог озёрный и морской, покровитель моряков, подобный святому Эльму. Бог Ильмень-озера, впоследствии — бог Мирового Океана.

ИЛЬМ СВАРОЖИЧ — небесный кузнец, ипостась Сварога, Перуна (он же ближневост. Илу). Финнами почитался под именем Ильмаринен. В позднее время славяне его звали Ильей Муромцем. Женат на Алине Святогоровне, имеет дочь Агидель, коя освободила Белую реку.

ИЛЬМАРА — сестра Ильма Водного, богиня реки Ильмары, вытекающей из озера Ильмень (ныне — Мраморное море) и впадающей в Чёрное море.

ИЛЬМЕНЬ — древнейшее славянское название Мраморного моря. На Юге России, близ Чёрного и Азовского морей, «ильменями» называют озеровидные расширения рек и лиманы (этимологически родственное слово). После Дарданова Потопа получило и второе название — Тритонское озеро, в честь бога Тритона, раздвинувшего Дарданеллы, а также Марморе («Озеро Смерти»), ибо в его водах погибла столица малоазийской Атлантиды. Позднее переосмыслено как Мраморное море. Славяне дали имя Ильмень-озеру близ Новгорода, а также нескольким озёрам и лиманам на Юге России (в частности, озеру Ильмень близ Саратова). Есть и на Урале Ильменские горы и озёра.

ИНДРА — сын Дья. В санскрите Индра «владыка». Он главный бог «Ригвед». Более древний смысл имени — «иноземец», «иной», «бог Нави» (ср: *inter* в англ. «предавать земле», «хоронить», также «между»). В «Велесовой книге» упоминается как небесный бог, который вместе с Перуном устраивает битвы. В южной Руси он — демон, Индрик-зверь.

ИНДРИК-ЗВЕРЬ — царь Тёмного Царства, свергнут с престола и убит своим сыном Волхом. Отец Волха от связи с Матерью Сырой Землёй. Супруг змеи Пераскеи.

ИРИЙ (*Вырий, Сварга*) — славянский ведический рай, расположен в Рипейских горах (на Урале это Ирмель, на Кавказе — Эльбрус). Правит Ирием Сварог. В Ирии собираются и пируют небесные боги. По Ирию течёт молочная река.

К

КАМА — бог любви, обернувшийся рекой Камой. Сын Крышня и Рады, муж Оки. В Индии он также Кама.

КАРАЧУН — зимний Солнцеворот, Старый Крышень. Старый год, которому на смену идёт Молодой Крышень — новый год.

КАРНА — от слова «корить» — божество похоронного обряда, сестра Жели.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ (*Трипетович*) — сын Вия и Матери Сырой Земли, владыка Тёмного Царства, бог земледелия у племени, враждебного славянам. Также — славянский Аид, владыка Пекла, Чернобог. У греков ему соответствуют Триптолем и Аид.

КВАСУРА — бог хмеля, славянский Дионис. Скандинавы его знают под именем Квасир.

КИЙ — сын Ария, внук Дажьбога, прародитель восточных славян, основатель Киева.

КИСЕК — один из легендарных прародителей славян и гер-

манцев, племя Кисека разошлось с племенем Ария.

КИТЕЖ — город, согласно средневековой легенде исчезнувший в водах озера Светлояр. В тайной традиции — рай.

КИТОВРАС (*Китаврул*) — бог созвездия Стрельца. Украл у Хорса Зарю-Зареницу, потом в искупление построил на Алатыре храм. В Индии ему соответствуют гандхарвы, в Иране — гандарвы, в Греции — кентавры.

КОЛЯДА — нисхождение Всевышнего в эпоху Коляды. Второе воплощение Крышня, сын Дажьбога и Златогорки. Дал славянам «Звёздную Книгу», победил Чернобога.

КРИВДА — единение всех тёмных сил, противница Правды.

КРИКСЫ — (ночницы), ночные демоны, служительницы Кривды. Безобразные старухи, обращающиеся в летучих мышей.

КРЫШЕНЬ — нисхождение Всевышнего, сын Вышня и Златы Майи. Он же в Индии — Кришна. Второе его нисхождение — Коляда.

Л

ЛАДА — женская ипостась Рода, супруга Сварога, богородица. Лада — мать богов, она же — Рожаница, Матерь Сва. Обращается в дракона Ладона. Имя значит «супруга».

ЛАМИЯ — 1) дочь Ненилы и Дона; 2) дочь Сивого Морiana и Други. Стала драконом, чудовищем с телом змеи и собачьей головой — служила Сиве, убита Ярилой. Известна по помакской «Веде славянъ». В греческой мифологии Ламия — возлюбленная Зевса. Гера убила детей Ламии и обратила её в дракона с телом змеи, грудью женщины.

ЛЕЛЯ — богиня любви, дочь Лады и жена Волха Змеевича, возлюбленная Ярилы.

ЛЕТЕНИЦА — она же Перуница, Додола, Дива. Дочь Дыя и Дивии, жена Перуна. Родила Девану.

М

МАГУР (она же — *Могол, Могуль в сказках*) — птица Индры, его воплощение. Упоминается в «Велесовой книге». От этого имени образовано слово «могила». Навская ипостась (отражение) птицы Гамаюн (имя читается обратно).

МАКОШЬ — мать жребия. Вместе с помощницами Долей и Недолей она определяет судьбу людей и богов. Она — пряжа, прядёт нити судьбы подобно античным мойрам.

МАН и **МАНЯ** — брат и сестра, дети Бармы и Тарусы. В Пуранах Индии первый Ману — сын Сваямбхувы Брахмы и его жены Шатарупы.

МАРГАСТ и **МАРГАНА** — колдун и колдунья, служители

Чернобога. Вместе с Мазатой, Чёрной Кали, упоминаются в помакской «Веде славян».

МАРЕНА (*Мармара*) — богиня смерти, зимы, вторая супруга Дажьбога. Украдена Кашеем Трипетовичем, впоследствии — его жена и противница Дажьбога. Сожжена Дажьбогом.

МАТЕРЬ СВА (*Слава, Всеслава*) — птица, дух Великой Матери. Духовная энергия Сварога. Покровительница Руси. Дух реки Славы (Волго-Дона). В Индии — птица Матарिशван.

МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ — богиня земли, плодородия, подобная греческой Гее. Мать Змей Горынычей, Волха, Пана, Кашея.

МЕРЯ — дочь Святогора и Плеяны, жена Вана, родила Садко. У греков она — Мeroпа, дочь Атланта, сочетавшаяся с Сизифом. Греческий герой Одиссей (у славян — Садко) почитался сыном Сизифа.

Н

НАВЬ — тёмная сила, управляющая миром, одновременно — загробный мир, «тот свет». Также — философское понятие, близкое к понятию Инь в китайской философии, «тамас» в индийской философии (пассивные силы, пытающиеся сохранить мир неизменным). Противостоит Яви.

НЕДОЛЯ — богиня, помощница Макоши, ткёт несчастливую судьбу.

НЕНИЛА — имя Аси Звездинки, дочери Святогора, вдовы Дона и супруги Велеса. Она же шумер. Иннана (имя Иштар-Астарты), аккад. Нанайя, армян. Нанэ (женская ипостась Армазда, то есть Ахура Мазды, он же Асила-Велес). В Египте она — Изиды (супруга Осириса-Нила, потому она Ненила). Имя переводится как «бабушка». В армянском и ныне «нанэ» значит «бабушка».

О

ОБИДА — лебедь, птица печали, обиды. Всегда противостоит Орлу, Соколам — птицам верховных светлых богов.

ОКА — русалка, богиня реки Оки, жена бога любви Камы, мать Клязьмы. Она же в Индии Лакшми. На Клязьме есть город Лакинск.

ОРЁЛ — птица Перуна Громовержца, его инкарнация. Именно Орёл в сказаниях многих народов сопровождает Громовержца. Громовержец может превращаться в Орла, может летать на Орле, посылать его выполнять различные поручения.

II

ПАН — сын Вия и Матери Сырой Земли, украл для Вия дочерей Земун. Демон, имеющий власть над вулканами, растительным и животным миром. Он же Пани в Индии, Пан в Греции, Фавн — в Риме.

ПЕКЛО — славянский Аид, или ад. В разное время им правили — Чёрный Змей, Скипер-Зверь, Индрик-Зверь, Волх, Кашей. Пекло, как и Аид, разделяется на три уровня, подобные греческим Тартару (самый глубокий уровень), Эребу (подземному пекельному царству, Пеклу) и собственно Аиду — надземной местности перед входом в подземное царство (это и есть Тёмное Царство).

ПЕРАСКЕЯ — Змея, царица подземного царства, супруга Индрика-Змея, а потом — первая жена Волха. Убита Веле-сом. В Индии она — Прасаха, супруга Индры.

ПЕРЕКРАСА — дочь Диониса Сабазиса (бога Собаки), жена Вавилы.

ПЕРЕПЛУТ — сын Диониса Сабазиса (бога Собаки), бог растительности.

ПЕРУН — Громовержец, бог грозы и войны. Сын Сварога. Супруг Дивы-Додолы и отец Дажьбога. Был замещён Ильей-пророком, а в фольклоре — Ильей Муромцем и Егорием Храбрым. Победил зверя Скипера, Морского Царя и Велеса.

ПЛЕЯНА — иначе Пленка, дочь Солнца-Ра и Владычицы Океана, сестра Рады. У греков — Плейона. Имя происходит от греческого «плейн», то же, что русское «плыть», либо от «пелейас» — «голубки». Также есть толкование имени «пленительная». Родила от Святогора Пленкин-Плеяд.

ПЛЕЯНКИ (Пленкини) — то же, что Плеяды, дочери Святогора (греч. Атланта) и Плеяны (Плейоны). Это — Эля (Эльвина), Тайя, Майя, Аля (Алина), Лина, Ася, Меря. Все формы имен древнейшие, но дожившие до наших дней. У греков они же именовались — Электра, Тайгета, Майя, Алкмена, Келено, Стеропа (другое произношение — Астеропа). Обратились в созвездие Плеяд. Славянские названия: Стожары, Волосыни, Грудки.

ПОМОРСКОЕ ЦАРСТВО — остров, которым правила Плеяна, отождествляется с Атлантидой. Также побережье Мраморного и Чёрного морей (вторая Атлантида).

ПРАВДА — единение всех светлых сил, противница Кривды. Ипостась Вышнего.

ПРАВЬ — одно из основных понятий славянского любомудрия. Понимается как всеобщий закон, установ-

ленный Всевышним. Согласно этому справедливому закону, существует мир. Это понятие подобно «саттве» индийской философии (ясность, гармония, лад).

ПУТАНА — ведьма, которая хотела убить Кришну по велению Камсы, согласно 10 песне «Шримад Бхагаватам». В «Веде славянъ» её роль исполняет Юда Мара, пытающаяся отравить Коляду. В русских говорах «путана» — запутавшаяся, распутная женщина.

Р

РА — бог Солнца, обратившийся рекой Ра (Волгой). Различают Ра-реку, текущую по Земле, и небесную Ра-реку (Млечный путь). Рождён из лица Рода (иначе из звёздного Молока Земун). Отец Рады, Хорса. В Древнем Египте он сын Коровы Ра — отец Хора.

РАДА — дочь Солнца-Ра и Владычицы Моря. Жена Крышня, мать Камы. Песни о Раде (Радке) сохранили южные славяне. Она же в Индии — Радха, возлюбленная Кришны. В Древней Греции — нимфа острова Родос, Рода, возлюбленная Гелиоса.

РАДОГАСТ (*Радогаст, Радогощ*) — сын Коляды и Радунницы. Западными славянами в начале нашей эры почитался как воплощение Всевышнего в Лютую эпоху.

РАДУНИЦА — дочь Хорса и Зари-Зареницы. Второе нисхождение Рады. Жена Коляды, мать Радогаста.

РАМНА — нисхождение Всевышнего. В «Веде славянъ» древнее имя Велеса, в Авесте — бог стад, животного мира. В индийском сказании о Раме — аватара Кришны.

РАРОГ — огненный сокол, воплощение Сварожича-Семаргла. Рарог, по преданию, может появиться на свет из яйца, которое девять дней и ночей высиживает человек на печи.

РЕБИ — кузнецы, помощники Сварога. От «ребята», то есть отроки-слуги, помощники. В «Ригведе» — рибху.

РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ (Рифейские — от «риф» — скала) — небесные горы, где находится сад Ирия. Известны по греческим, скифским и индийским мифам. На Земле — это Урал, также Кавказ, Алтай (у иных народов — Гималаи, Олимп и т. д.).

РОД — форма Всевышнего, в которой Он рождает Вселенную, видимый и невидимый мир. Вначале Род был заключен в «мировом яйце», потом разбил его. Род — безличен, «отец и мать всех богов». В Индии Рода зовут Праджапати (Предок, Прадед).

РОСЬ — дочь Дона (Днепра), русалка. Родила от Перуна — Дажьбога. Дух реки Роси (Волги и Дона). Прароди-

тельница русских людей (через Дажьбога). Потому восточные славяне — сыны Дажьбога и «русские», то есть — потомки Роси.

РУДЫЕ — букв. «кровавые» (руда — это кровь). Помощники Индры, в «Ригведе» маруты.

РУСАЛКИ — девы вод, дочери либо жены водяных.

С

САДКО — сын Вана и Мери, внук Святогора. У греков — Одиссей, у римлян Улисс, в арабских сказаниях — Синдбад.

САРАЧИНСКАЯ ГОРА — гора у устья Ра-реки, на которой расположен Чёрный Камень, под которым вход в Навь. Связана с Алатырской горой и со всем миром Нави.

СВАРОГ — мужская половина, ипостась Рода. Бог-творец. Он завершает творение Вселенной, устраивает «поднебесную», достает с помощью Уточки Землю из первичного Океана. Сварог — небесный кузнец. Когда он ударил молотом по «Бел-горюч Камню», родился бог огня Сварожич-Семаргл. Он населил Землю, создал первых людей из камня, научил их кузнечному ремеслу. Дал Законы.

СВЯТИБОР (Бор) — сын Аргаста, бог лесов, животного мира.

СВЯТОВИТ (СВЯТОГОР) — сын Рода, древнейший славянский бог. Охраняет столб, поддерживающий небо. Он же Атлант.

СЕД (Седый) — одно из имен Рода. Значит — седой, светлый, святой. Седава-звезда это звезда Рода, Полярная звезда. Он же у этрусков первопредок Сатре, в Риме — царь золотого века Сатурн. В Индии сиддхи — святые волшебники, у кельтов сиды — святые народы, обитающие на блаженных островах.

СЕДУНЬ — Коза, рождённая Родом в начале времён (ср.: драть как Сидорову козу). Из пены её молока родилась Уточка и Чёрный Змей — они суть полные её воплощения. Мать Дыя, Дивии и Вия.

СЕМАРГЛ — бог огня. Является птицей соколом Ра-рогом. В первой битве светлых и тёмных сил он победил Чёрного Змея. Он — бог огненных жертвоприношений, посредник между людьми и небесными богами. Супруг Ночи-Купальницы, отец Купалы и Костромы.

СИВА — родился из гнева Бармы (тени Велеса). Отвечает за плодородие. Карает за прекращение жертвоприношений. В Индии — Сива (Шива).

СИРИН — птица, инкарнация Велеса, Кашея, Змея — то есть царя подземного мира. Сирина до пояса — человек,

от пояса же — птица. Кто послушает её голос, забывает всё на свете и умирает.

СИДА — супруга Велеса. Она же Азовка, Ненила, Ясу-ня, Домна, Ася Звездинка. Имя значит «мудрая» (сидни-оседни это святые мудрецы). Она же в Индии Сита, супруга Рамы, в Шумере и Аккаде — Сидура, в Египте — Исида. Сида (Сидоу) названа супругой Велеса в «Толковой Палее 1477 г.» (Син. Сп, 210, л. 556): «Велос же поча женоу Сидоу».

СКИПЕР-ЗВЕРЬ — царь надземного Пекла (у греков — Аида). Главный противник Перуна. Вначале он победил Перуна и закопал его в землю. После освобождения Перуна был им побеждён и завален Кавказскими горами.

СМЕРТЬ — ипостась, карающий лик Марены. В отличие от Марены — она только богиня смерти, но не Зимы. Предстает в виде старухи с косой.

СМОРОДИНА — огненная речка между Светлым и Тёмным Царствами. Течёт под Ра-рекой в нижнем мире (нижняя Ра-река). Греки называли её Ахеронт.

СНЕГУРОЧКА — дочь Мороза и Метелицы. Растаяла в Сретенье от любви к Лелю.

СТРАТИМ (*Страфилъ*) — воплощение Стрибога — бога ветров. Также — его ездовая птица. Управляет погодой на море.

СТРИБОГ — Сварожич, сын Сварога. Бог вихря, урагана. Ветры — Стрибожьи внуки. Вместе с другими богами освобождал Перуна из заточения.

СУРИЦА — напиток и богиня. Приготавливается из забродившего мёда с использованием хмеля, других трав и молока. В индийской мифологии — дочь Солнца и невеста Сомы (иранского Хомя, русского Хмеля).

СУНЕ, СУРЬЯ — Солнце, божество солнца. Сам солнечный диск и священный напиток.

Т

ТАВР — имя Велеса Коровича. «Тавр» значит «бык», тавро — клеймо на быке. В Греции и на Крите он — Минотавр. По его имени названа Таврида (Крым).

ТАРУСА — жена Бармы, убитая им из-за измены. Мать прародителей Мана и Мани. В русских былинах она — Катерина, жена Бермяты. В Индии она — Тара, жена Брахманаспати. Либо Шатарупа — жена Сваямбхувы Брахмы. Женой Бармы-Ангенора (инд. Ангираса) названа в «Толковой палее 1477 г.». «Ангенор... поя женоу именем Тоур... родил сына Мина». Родила от Дыя (инд. Сомы) Будху, основателя Лунной династии.

ТАЙЯ — дочь Святогора и Плеяны, супруга Ярилы. Она же Тальница (богиня таяния снегов) — сестра и иной лик Сиды (Майи, Азовки). У греков она — Тайгета.

ТРИГЛАВ — ведическая Троица, Тримурти. Согласно различным традициям, в Триглав включали разных богов. В Новгороде IX века Великим Триглавом почитался Сварог-Перун-Святовит, а ранее (до переселения сюда западных славян) — Сварог-Перун-Велес.

ТУЛЕ — Тульский остров. Остров Ильма Кузнеца в Северном Белом море. Возможно, Исландия.

У

УСОНЬША — имя Бури-Яги. В былинах и сказках великанша Усоньша охраняет золотые яблоки Ирия. Ранее была Ясоньшей, дочерью Святогора.

УСЫНЯ — великан. Охраняет проход в Царство Нави.

УТОЧКА — птица, породившая мир. В легендах о сотворении мира её заменяет сатана. Иной образ Козы Седуни.

Ф

ФАФ-ГОРА — южнославянский вариант произношения имени Белой горы Алатыря (Кавказ — это тюрко-иранское произношение имени Фаф-горы, Белогорья). Фавор — Белый остров Крышня в Белом Северном море.

ФИНИСТ — сокол, птица-воин, инкарнация бога войны — Волха, а также Ярилы, защитник Руси.

Х

ХВАНГУР — одна из Рипейских Ирийских гор, упоминается в стихе о Голубиной книге (Под ней Чёрный Хвангур, называемый также Марабель-камнем).

ХМЕЛЬ — растение и бог, имеет несколько ипостасей: 1) растение, из которого приготавливают божественный напиток, 2) бог Хмель, подобный индийскому Соме и иранскому Хоме, жених Сурьи, дочери Солнца.

ХОРИВ (Горовато) — брат Кия, сын Ария, по «Велесовой книге» — прародитель славянского племени хорват.

ХОРС — бог Солнца и солнечного диска. Супруг Зари-Зареницы. Вместе с другими богами освобождал Перуна из заточения. Он же Хор (Гор) в Древнем Египте.

Ц

ЦАРЬГРАД — город, в котором жили люди и правила Святогор и Плеяна. Столица малоазийской Атлантиды, в отличие от острова — Атлантиды Поморской.

Ч

ЧЁРНЫЙ ЗМЕЙ — воплощение всех тёмных сил, родился от мировой Уточки в начале творения. Низвержен в Пекло. Он же Чернобог, Чёрный царь, чёрный Арапин (у южных славян), Кашей Бессмертный.

ЧЕРНОМОР — царь подводного мира и Тёмного Царства. Пытался жениться на Диве-Додоле, но был отвергнут. Низвержен Перуном на морское дно. В народных сказаниях он — муж царицы Белорыбицы.

ЧУР — сын Дыя, брат Индры, а также воплощение Солнцегоба Ярилы в роде Дыя.

Щ

ЩЕК (Пащек) — брат Кия и Хорива, сын Ария, прародитель чехов (согласно «Велесовой книге»).

Э

ЭЛЬВИНА (Эвлина, Эля) — дочь Святогора и Плеяны, супруга Аргаста. «Спящая красавица».

Ю

ЮША — Змей, несущий Землю. Имя его сохранилось в народных говорах, родственные имена — Яша, Ящер. Славянский «родственник» индийского змея Шешы.

Я

ЯВЬ — светлая сила, управляющая миром, одновременно — сам этот светлый мир, «белый свет». Также — философское понятие, подобное понятию Янь в китайской философии, «раджасу» в индийской философии (активные силы, пытающиеся изменить мир). Противостоит Нави.

ЯМА — демон подземного мира, живёт в самой глубине Пекла и питается мертвечиной. Он же — сошедшая в нижний мир половина души Богумира (другая половина Богумира в Ирии). Отличается от Богумира так же, как Велес отличается от Вия.

ЯРИЛО (Яр) — сын Дивы и Велеса, бог земледелия, плодородия, в другой ипостаси — бог-воин и Солнцегоб. Противник Морiana Сивого, Кашея. Он победил Змею Ламию, освободил Ярину.

ЯРИНА ТАЙЯ — дочь Святогора, спасена Ярилой от змеи Ламии. Потом его жена. Она же у греков — Андромеда и Тайгета, дочь Атланта. Прародительница антов.

ЯСУНЬ — понятие, противоположное «дасуни». Может означать Ирий, Небо, небесных богов, славян-ариев.

КАРТИНЫ

В. ВАСНЕЦОВ: Гамаюн — птица вещая (с. 4). Песнь радости и печали (с. 20). Три царевны подземного царства (фр., с. 159, 160). Иван-царевич на сером волке (с. 166), Ковёр-самолёт (с. 217), Три богатыря (фр., с. 232), Дворец Морского царя (с. 242). Баба-Яга (с. 267), Кащей Бессмертный и Василиса прекрасная (с. 281), Снегурочка (с. 305), Дед Мороз (с. 307), Снегурка и Лель (с. 312), Дубовая роща (с. 319), Спящая царевна (с. 361), Три богатыря (фр., с. 387), Алёнушка (с. 430), Палаты царя Берендея (с. 451), Витязь на распутье (с. 460), Царевна-несмеяна (с. 465), Три царевны подземного царства (фр., с. 474, с. 480), Бой Ивана-царевича с Трёхглавым Морским Змеем (с. 509), Страшный суд (с. 531), Царевна-лягушка (с. 536), Боян (с. 539), Заставка из «Песни о Вещем Олеге» (с. 545).

К. ВАСИЛЬЕВ: Огненный меч (с. 13), Бой Добрыни со Змеем (с. 16), Свентовит (с. 23), Алёша Попович и красна девица (с. 54), Валькирия (с. 61), Бой со Змеем (с. 80), Рождение Дуная (с. 119) Нечаянная встреча (с. 144), Гуси-лебеди (с. 147), Русский витязь (с. 153), Северная легенда (с. 178), Сокол (с. 198), Вотан (с. 205), На Калиновом мосту (с. 236), Заклинание огня (с. 301), Старик с совой (с. 321), Садко и Владыка Морской (с. 347), Садко на досочке кипарисовой (с. 349), Северный Орел (с. 373), Дар Святогора (с. 375). Илья Муромец освобождает узников (с. 393), Жница (с. 501).

А. КЛИМЕНКО: Памяти К. Васильева (с. 8), Богатырский скок (с. 111), Два друга (с. 157), Перун (с. 227), Дубыня (с. 264), Святогор и кузнец судьбы (с. 329). Микула Селянинович и Вольга (с. 485).

М. ВРУБЕЛЬ: Царевна-Лебедь (с. 52), Поверженный демон (с. 201). Пан (с. 443).

Н. РЕРИХ: Чудь подземная (с. 133).

М. НЕСТЕРОВ: Два лада (с. 495).

И. БИЛИБИН: Вольга-Щука (с. 33).

М. ПРЕСНЯКОВ: Корова Земун на свадьбе Перуна (с. 249), Марена колдует (с. 467).

Е. СОРОКИНА, Н. ШАПЛЫКО: Китеж-град (с. 258)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛО РОДА (Начальные времена)

Рождение Мира.....	5
Битва с Чёрным Змеем.....	11
Творение Сварги и Пекла.....	19

ПРОШЛОЕ КОЛО СВАРОГА (27 тысяч лет до н. э.)

I. ВЕДА РОДА

Эпоха Рыб. 27—26 тысяч лет до н. э.

Время Семаргла (Южной Рыбы)

Сны Сварога и Лады о Щуке Рода.....	31
Семаргл обретает мудрость, чтобы изловить Щуку.....	37
Семаргл ловит Щуку.	
Рождение богов.....	44

Время Велеса (Северной Рыбы)

Велес и Азова.....	49
Азова спасает Велеса.....	57
Велес и Дый.....	63
Велес скрывается в Азов-горе.....	67

II. ВЕДА КРЫШНЯ

Эпоха Крышня-Водолея. 25—23 тысяч лет до н. э.

Явление Вышня и Крышня.....	74
Крышень побеждает Кашея.....	78
Ра и Воляня.....	83

Битва Кащея с Крышнем.....	95
Крышень и Рада.....	105
Ра, Кама, Алатырка.....	115

III. ВЕДА ИНДРЫ

Эпоха Индры-Козерога. 23—21 тысяч лет до н.э.

Рождение Индры.....	124
Сварог и племя Дыево.....	131
Индра, Чур и Крышень.....	135
Чурила, Таруса и Ман.....	142
Рождение Змея Огненного Волха.....	151
Волх и Леля.....	154
Волх учит людей и сражается с дивами.....	169
Волх страдает за людей и обретает свободу.....	174

IV. ВЕДА КИТОВРУЛА

Эпоха Китаврула-Стрельца. 21—19 тысяч лет до н.э.

Хорс и Заря-Зареница.....	186
Китаврул крадёт Зарю.....	189
Денница.....	197
Вавила.....	203
Велес и Дажьбог.....	211
Велес, Алтынка и Дый.....	215

V. ВЕДА ПЕРУНА

Эпоха Перуна-Скорпиона. 19—16 тысяч лет до н.э.

Рождение Перуна.....	220
Перун побеждает Скипера.....	229
Перун и Дива.....	238
Девана и Перун.....	251
Велес и Дива.....	254

VI. ВЕДА ВЕЛЕСА

Эпоха Велеса-Весов. 16—14 тысяч лет до н. э.

Велес и Буря-Яга.....	262
Велес, Вила и Домна.....	275
Велес и Ася Звездинка.....	286
Смерть Звездинки.....	298
Снегурка и Лель... ..	304
Велес и Сиды.....	315

VII. ВЕДА МАЙИ

Эпоха Майи-Девы. 14—11 тысяч лет до н. э.

Святогор и Плеяна.....	326
Меря и Ван.....	335
Садко.....	341
Агидель.....	354
Эвлина Святогорка.....	358
Святогор, Ван и Великий Потоп	366

VIII. ВЕДА ДАЖЬБОГА

Эпоха Дажьбога-Льва. 11—9 тысяч лет до н.э.

Рождение Дажьбога. Дажьбог и Перун..	380
Дажьбог и Златогорка.....	386
Гибель и воскресенье Златогорки.....	389

IX. ВЕДА КОЛЯДЫ

Эпоха Коляды-Рака. 9—7 тысяч лет до н. э.

Рождение Коляды.....	396
Коляда побеждает демонов.....	402
Коляда и Радуница.....	407
Радогаст и Люта.....	411
Люта ждёт Радогаста.....	416
Коляда побеждает Кощея.....	419
Коляда освобождает Дажьбога.....	422

X. ВЕДА КУПАЛЫ

Эпоха Купалы-Близнецов. 7—5 тысяч лет до н. э.

Купала и Кострома.....	426
Помана и Томина.....	435
Аргаст и Эвлина.....	446
Мось, Святибор и Ламия.....	453
Три поездки Семаргла.....	458

XI. ВЕДА ЛАДЫ

Эпоха Лады-Тельца. 4—2 тысяч лет до н. э.

Женитьба Дажьбога и Марены.....	464
Дажьбог, Марена и Жива.....	473
Ярила, Волх и Леля	482
Ярила, Зимцерла и Мориан.....	490
Ярила и Ярина.....	498

XII. ВЕДА БЕЛОЯРА

Эпоха Белояра-Овна. XIX век до н.э. — 368 г. н.э.

Битва Трёх Родов.....	512
Битва за Ирий. Великий Потоп.....	525
Законы Сварога.....	535

О русских ведических сказаниях

«Книги Коляды».....	546

Толковник.....	555

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»

приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

Телефон / факс:
(495) 721 - 38 - 56

Почтовый адрес:
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2
e-mail: **office@grand-fair.ru**
Интернет: **<http://www.grand-fair.net>**

По вопросам размещения в наших книгах информации о
вашей компании, ее продукции или услугах обращайтесь
в отдел маркетинга *e-mail:* **pr@grand-fair.ru**

СВЯТО-РУССКИЕ ВЕДЫ. КНИГА КОЛЯДЫ

В авторской редакции

Воссоздание песен, обработка, переводы с разных славянских
языков и диалектов А. И. Асова

2-е издание, исправленное и дополненное

Художник обложки С. Даниленко
Дизайн обложки Д. Быкова

Подписано в печать 20.02.2010.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 2600 экз.
Заказ № 2145.

«Издательство ФАИР»
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaomprk.ru тел.: (495) 745-84-28 (49638) 20-685

ВЫ, ПОТОМКИ СВАРОГА – СВАРОЖИЧИ! ВЫ,
ПОТОМКИ ПЕРУНА, РУСАЛКИ РОСИ! ЛЮДИ РУССКИЕ,
РУСИЧИ, СЛУШАЙТЕ! ПОЧИТАЙТЕ ДРУГ ДРУГА,
СЫН – МАТЬ И ОТЦА, МУЖ С ЖЕНОЮ ЖИВИТЕ
В СОГЛАСИИ. БЕРЕГИТЕ ВСЕГДА ОТ СГРАБЛЕНИЯ
РУКИ И УСТА ОХРАНЯЙТЕ СВОИ ОТ ХУЛЫ. УБЕГАЙТЕ
ОТ КРИВДЫ И СЛЕДУЙТЕ ПРАВДЕ, ЧТИТЕ РОД
СВОЙ И РОДА НЕБЕСНОГО. ВЕРЬТЕ ВЫ В ТРИ ЛИКА
ВСЕВЫШНЕГО, ЗНАЙТЕ ИСТИНУ БОЖЬИХ ВЕД!

ISBN 978-5-8183-1301-6

9 785818 313016